Джеймс Питер

Пока еще жив

Джеффу Даффилду
Ты верил в меня, и вышло по-твоему.

1

Предупреждаю и повторять не буду.
Не бери эту роль.
Поверь мне.
Возьмешь — сдохнешь.
Дрянь.

2

Гея Лафайет не знала о человеке, наблюдавшем за ней из притаившегося в темноте универсала. Не знала она и о присланном им имейле. Сообщения с угрозами, или так называемые письма ненависти, приходили постоянно, по большей части от религиозных фанатиков или тех, кому не нравились ее крепкие словечки и провокационные костюмы как на сцене, так и в музыкальных клипах. Письмами занимался, просматривал и откладывал, чтобы не беспокоить звезду понапрасну, глава ее службы безопасности, уроженец Детройта Эндрю Галли, крутой экс-коп, большую часть карьеры посвятивший охране беззащитных политиков.

Он знал, когда опасность достаточно реальна, чтобы доложить о ней боссу, и очередное письмишко, поступившее по хот-мейлу от некоего анонима, его внимания не привлекло. Хозяйка получала таких по дюжине каждую неделю.

Часы показывали десять вечера, и Гея пыталась сосредоточиться на сценарии. Получалось плохо. Отвлекало и раздражало отсутствие сигарет. Всеми покупками ведал милый, но, надо признать, не слишком сообразительный Пратап, уволить которого она никак не решалась из-за того, что у его жены обнаружилась опухоль мозга. На этот раз он просто-напросто купил не ту марку. Она установила для себя норму, четыре сигареты в день — больше ей и не требовалось, — но старые привычки так легко не уходят. Одно время Гея подсела на них крепко, оправдываясь тем, что сигареты жизненно необходимы для сохранения «фирменного», принесшего ей всемирную славу резкого, с хрипотцой голоса. Еще несколько лет назад каждый ее день начинался с сигареты: первая — как только встала, вторая — в душе. Каждое действие сопровождалось сигаретой. Теперь Гея избавлялась от пагубной зависимости, но при этом она должна была знать, что дома они есть. Просто так, на всякий случай.

Этот же принцип распространялся и на многое другое. Начиная с обожающей ее публики. С проверки счетчика фоловеров в Твиттере и лайков в Фейсбуке. Сегодня их число снова заметно подросло, и только за прошлый месяц приблизилось к миллиону, благодаря чему она сохраняла неплохой отрыв от тех исполнительниц, которых считала своими соперницами, Мадонны и Леди Гага. Больше стало и подписчиков на ее ежемесячный информационный бюллетень — почти десять миллионов. А еще у нее было семь домов, самый большой из которых, копия одного тосканского палаццо, был построен пять лет назад по ее собственному проекту на участке площадью в три акра.

Зеркальные, от пола до потолка, стены, создававшие иллюзию бесконечного пространства, украшали образчики ацтекского искусства вперемешку с огромными постерами самой хозяйки. Этот дом, как и все остальные, был своего рода каталогом ее различных инкарнаций. На протяжении всей своей карьеры рок-звезды Гея постоянно изобретала для себя новый образ, а два года назад, уже в тридцать пять, приступила к очередному, на данный момент последнему перевоплощению, теперь уже в киноактрису.

Над головой у нее висела большая, взятая в рамку черно-белая фотография ее самой в черном неглиже. Подпись гласила: «Мировой Тур: Гея Спасает Планету». Другая, на которой она представала в жилете и кожаных джинсах, шла под заголовком «Гея: Тур-Откровение». Еще одна, над камином, представляла собой крупный план — ярко-зеленые губы, нос и глаза — «Гея: Интимное».

Звонившие каждый день агент и менеджер изо всех сил уверяли, что она нужна миру. Их уверенность подтверждалась и ростом базы социальных сетей — данные отслеживала ее управляющая компания. Но именно сейчас, в этот самый момент, в ней нуждался и тот единственный, кем она сама дорожила и о ком заботилась больше всего на свете, — ее шестилетний сын Роан. В пижаме от «Армани», с взъерошенными каштановыми волосами и

хмурой гримаской на лице, он прошлепал босиком по мраморному полу и, подойдя к белому дивану, на котором Гея лежала среди бархатных пурпурных подушек, похлопал ее по плечу:

— Мама, ты не пришла почитать мне на ночь.

Она протянула руку и потрепала сынишку по голове. Потом отложила сценарий и крепко его обняла:

— Прости, милый. Уже поздно, тебе давно пора спать, а мама сегодня очень занята — учит роль. И роль у нее по-настоящему большая — понимаешь? Мама сыграет Марию Фицхерберт, возлюбленную английского короля. Короля Георга IV.

В Англии эпохи Регентства Мария Фицхерберт была своего рода звездой. Примерно так же, как сама Гея звездой сегодняшнего дня. У них определенно было много общего. Большую часть жизни Мария Фицхерберт провела в Англии, в Брайтоне. А Гея родилась в Брайтоне! Она чувствовала некую связь с этой женщиной, связь через века. Она знала, что рождена для этой роли!

По словам агента, фильм должен стать новым «Король говорит». Роль на «Оскар», без вопросов. А она хотела, ох как она хотела «Оскар». Ее первые два фильма прошли неплохо, но не всколыхнули мир. Теперь, оглядываясь в прошлое, Гея понимала, что и сама отнеслась к выбору не слишком придирчиво, да и сценарии — что уж скрывать — оказались слабыми. Новый фильм принесет успех и признание критиков. То, чего она так жаждала. Роль досталась непросто, за нее пришлось побороться. И она добилась своего.

Да, черт возьми, в жизни приходится бороться. Фортуна благоволит смелым. Некоторые рождаются, как говорится, с серебряной ложкой во рту да еще засовывают ее поглубже, только что из задницы не торчит; другие — на городской окраине. У нее дорога наверх была долгой — и официанткой в молодости поработала, и два мужа позади остались. Здесь, где она теперь, ей покойно и комфортно. Здесь с ней только Роан, Тодд, инструктор по фитнесу, который, когда нужно, дает ей сеанс обалденного секса, а в остальное время держится в сторонке и глаза не мозолит, и ее проверенная свита, «Команда Геи».

Она подняла сценарий — стопку белых и голубых страниц — и показала сынишке:

— Видишь? И все это маме надо выучить до вылета в Англию.

— Ты же обещала…

— А разве Стеффи не почитала тебе на ночь? — спросила Гея, имея в виду няню.

— Ты читаешь лучше, — грустно сказал Роан. — Мне нравится, когда ты читаешь.

Она посмотрела на часы:

— Одиннадцатый час! Тебе давно пора лежать в постели!

— Не спится. Не могу уснуть, пока ты не почитаешь.

Гея бросила сценарий на стеклянный кофейный столик, подняла сына и поднялась сама.

— О’кей, только что-нибудь коротенькое. Ладно?

Он вспыхнул от радости и закивал.

— Марла! — крикнула Гея. — Марла!

Ее помощница вошла в комнату, прижимая к уху сотовый и отчаянно собачась с кем-то, похоже по поводу размещения в самолете. От частного самолета Гея упрямо отказывалась — ее беспокоила проблема карбонового следа.

Марла кричала. Да и как не кричать? Они что там, в этой долбаной авиакомпании, не знают, кто такая Гея Лафайет? Не знают, что она может с ними сделать? На Марле были блестящие джинсы от «Версаче», заправленные в черные сапожки из кожи аллигатора, тонкая черная водолазка и золотая цепочка с золотой подвеской в виде плоского глобуса с выгравированной надписью — «Планета Гея». Точно так же была одета сегодня и ее босс.

Прическа Марлы тоже копировала стиль звезды — блондинистые, стриженные бритвой волосы до плеч, аккуратная, уложенная воском челка.

Этого требовала сама Гея — чтобы вся ее команда одевалась одинаково, четко следуя инструкциям, поступавшим по электронной почте каждое утро. Всем сотрудникам, в любое время дня, надлежало быть точной копией босса.

Переговоры закончились.

— Разобрались! — сообщила Марла. — Они со мной согласились, кого-нибудь снимут с рейса. — Она ангельски улыбнулась Гее. — Потому что ты — это ты!

— Послушай, мне нужны сигареты. Будь лапочкой, сгоняй, а?

Марла исподтишка взглянула на часы. Вечером у нее намечалось свидание, и она уже опаздывала на два часа — все потому, что Гее постоянно требовалось то одно, то другое. Ничего особенного. Все как всегда. Ни одна из предыдущих ассистенток не удержалась на своем месте больше восемнадцати месяцев, Марла же — вот чудо! — начинала свой третий год. Работа, конечно, трудная, с частыми задержками допоздна, и зарплата не самая большая, но где еще наберешься такого опыта? Да и босс, пусть и требовательная, все же добрая. Когда-нибудь она сбросит цепи, но не сейчас.

— Конечно, без проблем.

— Возьми мерс.

Ночь выдалась знойная, тихая, в воздухе витали цветочные ароматы.

— Отлично! Я быстро. Что-нибудь еще?

Гея покачала головой:

— Нет, ничего. Машину можешь оставить до утра. — Она хорошо знала большую цену маленьких привилегий.

— Правда?

— Конечно. Я все равно никуда не поеду.

Марла обожала этот серебристый SL55 AMG. Она уже представляла, как промчится, срезая углы, по бульвару Сансет — к ночному магазинчику. А потом можно подобрать Джея. Кто знает, чем обернется вечер? С Геей не соскучишься, каждый день — приключение. А с тех пор, как она познакомилась с Джеем, и каждая ночь тоже. Джей был перспективным актером, и Марла надеялась как-нибудь помочь ему, используя связи Геи.

Она не знала, что, направляясь к «мерседесу», совершает серьезную ошибку.

3

Он выехал из Санта-Моники полчаса назад, когда валиум уже начал действовать, приглаживать растрепанные нервы. Кокс — им он заправился во время короткой стоянки на территории Калифорнийского университета в Брентвуде — питал его энергией, а текила, глоток которой он сделал только что из лежавшей на пассажирском сиденье бутылки, дал дополнительный заряд смелости.

«Шеви» 97-го года выпуска уже давно превратился в ржавую коробку; ехать приходилось медленно, потому что полетел глушитель — позволить себе ремонт он не мог, а привлекать внимание не хотел. Прошлой ночью, на пустынной автомойке, где сам и работал, он покрасил эту развалюху свежей краской с тем расчетом, что в темноте никто не разберет, какая это рухлядь.

Покрышки местами совсем облысели, и бензина едва хватило на то, чтобы проехать через город. Впрочем, здесь, в Бель-Эйр, богачи и не представляли, что такое быть или чувствовать себя бедняком. За высокими заборами и электрическими воротами стояли величественные особняки, окруженные вылизанными лужайками и всеми садовыми игрушками богатых и успешных. *Имущих.* Впечатляющий контраст с *неимущими* вроде того

жалкого бунгало в бедном районе Санта-Моники, что снимали они с Даной. Но ничего, это не навсегда. Скоро все изменится, и к ней придет наконец давно заслуженное признание. И тогда, может быть, они смогут купить такой же особняк.

Имена половины из тех, кто проживал в этих домах, присутствовали на Звездной карте, так что разобраться, кто есть кто, не составляло большого труда. Карта — мятая, со следами грязных пальцев — лежала рядом, под пустой наполовину бутылкой текилы. Бель-Эйр кишел полицией и частными охранниками, но он кружил по здешним улицам без опаски, потому что придумал верный способ оставаться неприметным. Он ведь актер как-никак, а актеры, как хамелеоны, могут влезть в любую шкуру. Сейчас на нем была форма частного охранника, а на дверце поблескивающего свежей краской универсала красовалась броская, сделанная крупными красными и синими буквами надпись — «ЧАСТНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ БЕЛЬ-ЭЙР — ВООРУЖЕННЫЙ ОТВЕТ». Надпись он сделал сам с помощью трафарета и теперь, защищенный ею, объезжал участок Геи Лафайет, обнесенный забором с темными, массивными, напоминающими крепостные воротами.

Эта дерзкая, самоуверенная стерва все-таки проигнорировала его предупреждение. На прошлой неделе все голливудские газеты сообщили, что она согласилась на участие в проекте. Гея Лафайет сыграет роль Марии Фицхерберт — или *миссис* Фицхерберт, женщины, известной всему миру, — любовницы принца Уэльского, состоявшей с ним в тайном браке. Брак так и не был признан официально, поскольку она была католичкой, и в случае формального утверждения муж Марии никогда бы не стал королем Георгом IV.

То был один из величайших любовных романов за всю историю британской монархии. И роль Марии Фицхерберт, как полагали все причастные к шоу-бизнесу веб-сайты, была одной из величайших экранных ролей, которые только могли быть предложены.

Получить ее хотели и за ней охотились все подходящие по возрасту актрисы. Все знали — эта роль уровня «Оскара». Гея не тянула на нее, она наверняка бы все испортила. Да о чем тут говорить, ведь она же рок-звезда, а не актриса! Она никогда не училась актерскому мастерству. Не ходила в драматическую студию. Не боролась годами за то, чтобы обзавестись агентом и чтобы попасть на глаза тем игрокам, которые все решают в этом городе. Все, что она делала, — это исполняла второсортные песенки, стаскивала с себя одежду, выставляла напоказ тело да спала с нужными людьми. И вот теперь вдруг возомнила себя актрисой!

Принимая это предложение, она отодвигала в сторону по-настоящему талантливых актрис, способных достойно сыграть одну из величайших ролей последнего десятилетия.

Например, Дану Лонсдейл.

С какой стати? Кто дал ей такое право? Гея не нуждалась в деньгах, не нуждалась в признании и славе — ее уже знал весь мир. Нет, теперь ею двигали лишь жадность и тщеславие. И она была готова вырвать у другого кусок хлеба изо рта.

Кто-то должен ее остановить.

Он нервно дотронулся до лежавшего в кармане пистолета. Пользоваться оружием раньше ему еще не доводилось. Все эти стреляющие штучки выводили его из равновесия. Но иногда человек обязан делать то, что считает правильным.

Пистолет. Он нашел его под кроватью в трейлере старика, после его смерти. «Глок». Калибр удалось установить, проведя сравнение с образцами в Интернете. 38-й. В обойме оказалось восемь патронов, а на полу, неподалеку от пистолета, отыскалась и небольшая коробка с запасными боеприпасами.

Поначалу он собирался продать опасную находку или даже просто выкинуть. Да и сейчас с удовольствием бросил бы пистолет в мусорный контейнер. Бросил бы, да не мог. «Глок» лежал дома, постоянно напоминая об отце. О том, что единственный способ воспрепятствовать несправедливости — сделать что-то самому.

И вот сегодня время пришло. Он остановит большую несправедливость.

Еще как остановит.

4

Как и многие другие фермеры, больше всего Кит Уинтер любил раннее утро. Ему нравилось вставать чуть свет, когда весь мир еще спит, и в особенности вот в это время, в начале июня, когда и солнце тоже поднимается рано, еще до пяти часов.

Впрочем, в этот день Кит вышел из дому с тяжелым сердцем и короткий путь до курятника проделал на деревянных ногах.

Он всегда считал «ломан браунс» самыми лучшими несушками, и сейчас у него было тридцать две тысячи кур данной породы. Создав для птиц достойные условия и обеспечив необходимым питанием на протяжении всей их короткой жизни, Кит получал продукт качественно лучший, чем у любого из конкурентов.

К курам он относился вполне гуманно, несушки не страдали у него от грязи и тесноты, и Кит даже разработал для них особую диету, включавшую в себя пшеницу, растительное масло, сою, кальций, поваренную соль и специально подобранные витамины. Хотя птицы данной породы и агрессивны по натуре, а также склонны — если только дать им волю — к каннибализму, Кит питал к ним теплые чувства, что характерно для всех хороших фермеров, заботящихся о животных, дающих им средства к существованию.

Куры содержались в сухом и чистом современном одноэтажном здании с большим выгоном, растянувшимся на добрую сотню ярдов. Вдоль курятника высились сияющие под солнцем стальные силосные башни с запасами зерна. В дальнем конце виднелись два только что приехавших грузовичка. Неподалеку стоял трактор и находилось прочее сельскохозяйственное оборудование, ржавеющий грузовой контейнер, поддоны и секции ограждения. Его терьер уже шнырял поблизости, разыскивая какого-нибудь сонного кролика.

Хотя с Пролива, до которого от фермы было около пяти миль, и дул сильный ветерок, в воздухе уже ощущалось приближение лета. Кит чувствовал его в запахе сухой травы, пыльной почвы и пыльце, от которой у него случалась сенная лихорадка. Но хотя он и любил теплое время года, пришествие июня неизменно сопровождалось смешанными эмоциями — впереди было расставание с дорогими его сердцу несушками, которых ждал путь на рынок, где им предстояло стать наггетсами, попасть в суп или готовые куриные блюда.

Большинство знакомых фермеров, с которыми Кит разговаривал, считали своих кур всего лишь машинами по производству яиц, и даже его собственная супруга, Линда, полагала, что он немного подвинулся рассудком со своей привязанностью к этим тупым, безмозглым созданиям. Кит, однако, ничего не мог с собой поделать. Будучи перфекционистом, одержимым качеством яиц и кур, он постоянно экспериментировал с рационом питания и добавками и старался создать наиболее благоприятные с точки зрения производительности условия содержания. Несколько яиц упали с конвейерной ленты на грейдер ровно в тот момент, когда Кит вошел в курятник. Он взял одно, большое, придирчиво осмотрел на предмет выявления возможных изъянов и цветовой консистенции, постучал пальцем, проверяя прочность скорлупы, и, удовлетворенный результатом, положил яйцо на сортировочную машину. Оно покатилось дальше, мимо пирамидки пустых картонных лотков, и скрылось из вида.

Высокий, плотного сложения, с моложавым лицом человека и в шестьдесят три года не утратившего интереса к жизни, Кит Уинтер был в старой белой футболке, синих шортах и крепких ботинках с серыми носками. Просторное помещение курятника делилось на две

части. Он вошел в правое, заполненное гулкой какофонией звуков, отдаленно напоминающих шум многотысячной вечеринки. Кит давно привык как к шуму, так и к неистребимому запаху аммиака от куриного помета, попадавшего через щели в решетчатом металлическом полу в глубокий отстойник.

Пока одна особенно агрессивная несушка клевала его ногу, Кит Уинтер оглядывал колышущееся коричнево-белое с красными гребешками море. Птицы прохаживались с деловым видом, словно в ожидании некоего важного события. Курятник уже начал пустеть. Пришедшие пораньше девять работников — все из Восточной Европы, преимущественно литовцы и латыши, все в защитных комбинезонах и с масками на лице — хватали несушек, относили к дверям в дальнем конце помещения и выпускали в специально изготовленные клети на грузовиках.

Кит знал, что работа растянется на весь день, к концу которого курятник опустеет полностью. И потом бригада из обслуживающей компании поднимет решетки и очистит отстойник от помета в четыре фута глубиной.

Внезапно с дальнего конца донесся крик. Один из работников бежал через курятник, лавируя между птицами и размахивая маской.

— Мистер босс! — кричал он на ломаном английском. — Мистер босс! Сэр! Что-то не так. Что-то не хорошо. Пойдемте, вам надо посмотреть!

5

Электрические ворота открывались!

Дерьмо!

Этого он не ожидал. Нервы сдавали, мысли разбегались. А еще он вспомнил, что забыл сегодня принять лекарство, то самое, благодаря которому все в голове держалось вместе. Кто выходит? Может быть, смена охранников? В любом случае упускать такую возможность нельзя. А вдруг сама стерва? Она ведь любит прогуляться в одиночку. Хотя обычно, как пишут в газетах, на пробежках телохранителей вокруг нее больше, чем у президента США.

Он резко затормозил, выключил двигатель и вытащил из переднего кармана брюк пистолет. Посмотрел на ворота. На слепящие огни фар. Машина стояла в самом низу извилистой подъездной дорожки, ожидая, пока ворота откроются настолько, чтобы проскочить на улицу.

Он метнулся через дорогу — в ворота. Увидел застывший в ожидании «мерседес». Уловил запах отработанных газов, смешавшийся с запахом свежескошенной травы. В динамиках гремела музыка, песня Геи!

Как же мило! Слушать собственную музыку в последние мгновения жизни! Так она и умрет! Ну разве не поэтично?

Верх опущен. За рулем Гея! Одна!

Я предупреждал тебя, дрянь!

Мощный мотор «мерседеса» взревел и тут же перешел на ровный музыкальный ритм «бум-бум-бум». Сверкающий металлический зверь ждал, когда водитель придавит педаль, чтобы с ревом унестись в ночь. Ворота все еще открывались, медленно, рывками, правая половина быстрее левой.

Он неуклюже — а ведь столько тренировался! — сдвинул собачку предохранителя. Шагнул вперед.

— Я предупреждал тебя, стерва! — Он произнес это громко, чтобы она услышала. Увидел, как она смотрит на него из тени. Смотрит, как будто хочет о чем-то спросить.

Ответ был в его дрожащей руке.

Он шагнул ближе, и ее лицо исказила гримаса страха.

Не то, не то. Он знал, что не должен это делать. Повернись, забудь, беги. Бежать куда? Домой? Бежать, ничего не сделав?

Он спустил курок. Грохнуло куда громче, чем можно было ожидать. Пистолет дернулся, словно пытаясь выскочить из руки, и он услышал глухой удар — пуля попала во что-то. Она все еще смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами. Ни царапинки. Промахнулся.

Он прицелился еще раз. Она вскинула руки, заслоняя лицо, и он выстрелил во второй раз. От ее головы отлетел какой-то кусочек, а волосы вздыбились гребнем спиц. Он снова спустил курок, и в центре ее лба появилась темная дырочка. Она завалилась назад, на спинку сиденья, дергаясь, как выброшенная на берег рыбина, которую несколько раз прибили молотком. Ее глаза таращились на него. Что-то темное вытекало из дырки во лбу и бежало по носу вниз.

— Надо было слушать. Надо было делать, как я приказал.

Он повернулся и побежал, словно в тумане, к своей машине.

6

Гея едет в Брайтон! Звезда возвращается в город, где родилась. Самая знаменитая из всех живых знаменитостей приезжает домой, чтобы сыграть роль самой прославленной в истории Брайтона женщины! Пара, подобранная на небесах. Мечта для Геи.

И даже еще большая мечта для Анны Галишии. Самой большой фанатки Геи.

Фанатки номер один!

Только Анна знала истинную причину приезда Геи в Брайтон. Разумеется, чтобы встретиться с ней! Сигналы были совершенно ясны.

Недвусмысленны.

Однозначны.

— Она приезжает на следующей неделе. А ты, Дива, что об этом думаешь?

Кошка смотрела на нее без всякого выражения.

Итак, величайшая из звезд прибывает на следующей неделе. И конечно, Анна лично встретит ее в отеле. Наконец-то, после семи лет обожания и общения друг с другом на расстоянии у нее появляется шанс встретиться с Геей лично. Может быть, коснуться руки кумира. Может быть, если все сложится по-настоящему хорошо, ее пригласят в номер — выпить по коктейлю. А потом?

Гея всегда была непредсказуема в предпочтениях. Кто интересует ее сейчас, мужчины или женщины? Она всегда выставляла напоказ каждое свое новое увлечение. Меняла любовников, искала того, *единственного.* Дважды выходила замуж, за мужчин, но это было давно. Анна следила за ее жизнью в онлайне, по телевизору, по газетам и журналам. Они флиртовали друг с дружкой уже много лет — тайно, обмениваясь кодовым знаком. Этот знак Гея использовала как эмблему на всех своих товарах. Маленькая, скрытная лисичка. Точнее, теневой силуэт, который получается на стене, если сложить вместе большой, средний и безымянный пальцы и поднять указательный и мизинец.

Лисичка-наперсница.

Лисичка-подружка!

В последние недели Гея послала много тайных сигналов. Анна хранила все свидетельства в аккуратно сложенных стопках газет и журналов, каждый номер в отдельной целлофановой папке.

Мысленно она уже миллион раз репетировала тот момент, когда они наконец встретятся. Боролась с сомнениями. Может быть, попросить для начала автограф? Сломать, так сказать, лед? Это ведь не слишком дерзко для фанатки номер один?

Конечно нет.

Лисичка-подружка!

Гея славилась тем, что обожала своих поклонников. А самой преданной из них была, конечно, Анна. Коллекционируя принадлежавшие кумиру вещи, реликвии и сувениры, она потратила все, что досталось по наследству от покойной матери, и почти все, едва ли не до последнего пенни, что сумела скопить сама.

Когда Гея выступала с концертами в Англии, Анна всегда покупала лучшие места. Всегда делала так, чтобы оказаться первой в очереди, лично или в Интернете. Когда Гея выступила в популярнейшем уэст-эндском мюзикле «Святая», посвященном жизни матери Терезы, Анна сидела в первом ряду.

И конечно, она всегда посылала Гее имейлы с извинениями, если не могла присутствовать на представлении лично. Желала успехов и здоровья. Выражала надежду, что вечер удастся и без нее. И разумеется, добавляла знак.

Скрытная лисичка! Лисичка-подружка!

Анна предавалась мечтам у себя дома, в комнатке на втором этаже маленького дома в Писхевене, неподалеку от Брайтона. В комнатке, превращенной в святилище. В музей Геи! Она верила, что если сделает глубокий — по-настоящему глубокий вдох — и не станет обращать внимание на запахи высохшего картона, бумаги, пластика и лака, то сможет уловить ароматы парфюма и пота Геи, исходящие от костюмов, которые ее богиня надевала на концертах и которые она купила на благотворительных аукционах.

Каждый дюйм пространства был отдан здесь образу Геи или сувениру от нее. Постеры с автографами, стеклянные шкафчики, заполненные ее CD-дисками, серебристый шар, который приходилось постоянно подкачивать, с надписью «ТУР ДУШЕВНЫХ ТАЙН ГЕИ» — Анна купила его два месяца назад, когда певица в последний раз приезжала в Англию. Вставленные в рамочку билеты с каждого концерта Геи во время ее мирового турне, расписания гастролей, бутылочки с ее лечебной минеральной водой и драгоценное собрание плечиков для одежды с ее личной монограммой.

Были здесь и несколько безголовых манекенов, обряженных в платья, которые Гея надевала когда-то на сцене и которые были проданы потом на онлайновых интернет-аукционах. Каждый предмет находился в прозрачном чехле, защищавшем его от внешней среды и, самое главное, сохранявшем запахи тела кумира. Другие предметы одежды, завернутые в бескислотную оберточную бумагу, хранились в снабженных соответствующими этикетками коробках.

Еще одним особо ценным экспонатом считалась удочка, с которой Гея сфотографировалась для постера «ГЕЯ НА ПРИРОДЕ», взятого в рамку и любовно помещенного рядом с удочкой. Удочка напоминала Анне об отце, частенько бравшем ее на рыбалку, когда она была еще совсем маленькая. Потом он бросил и Анну, и ее мать.

Она сидела, потягивая из стакана особый коктейль, смешанный по специальному рецепту, опубликованному самой Геей — мохито, с логановыми ягодами для укрепления здоровья и гуараной для энергии, — и слушая звучащий на всю мощь знаменитейший хит своего идола — «Спасем Планету Вместе!».

Анна подняла стакан, предложив тост одному из любимейших изображений Геи — крупному плану с губами, носом и глазами под заголовком «ГЕЯ: БЛИЗКОЕ И ЛИЧНОЕ».

Дива, ее бирманская кошечка, отошла, выгнув спину, как будто рассердилась. Иногда Анна спрашивала себя, а не ревнует ли Дива к Гее. Она перевела взгляд на разложенные по столу вырезки. Внимание привлекла одна, из раздела «Разное» в журнале «Хит». Это была фотография Геи в черных джинсах и топе, делающей покупки на Родео-Драйв в Беверли-Хиллз. Подпись внизу гласила:

«ГЕЯ ГОТОВИТСЯ ДЛЯ НОВОЙ РОЛИ В КИНО?»

Анна улыбнулась. Черное! Гея выбрала этот цвет специально для нее!

«Я люблю тебя, Гея, — подумала она. — Я так тебя люблю. Ты уже знаешь об этом. И скоро я скажу это же тебе лично, когда мы встретимся в Брайтоне. На следующей неделе. Всего лишь через пять дней.

Пожалуйста, будь в черном.

Лисичка-подружка!»

7

Почти собранный скелет лежал на стальном столе в безжалостно ярком свете прозекторской. Детектив-суперинтендент Рой Грейс смотрел на череп, жутковатый оскал которого выглядел как прощальная парфянская стрела насмешки. *Прощай, жестокий мир, меня ты больше не тревожишь! Я мертв! Меня здесь нет!*

До сорокового дня рождения Роя Грейса отделяло восемь недель, и в полиции Суссекса он служил уже двадцать первый год. Высокий, под пять футов одиннадцать дюймов, детектив поддерживал форму неустанными физическими упражнениями. Волосы он стриг коротко и смазывал гелем, следуя совету своего наставника, гуру-стилиста, Гленна Брэнсона. Нос, слегка сплюснутый после перелома, заработанного в стычке с патрульным полицейским, придавал ему, по первому впечатлению, сходство с отставным боксером. Его жена, Сэнди, пропавшая без вести почти десять лет назад, сказала однажды, что у него глаза как у Пола Ньюмена. Сравнение, что и говорить, лестное, но Рой Грейс никогда не принимал его совсем уж всерьез. Он считал себя обычным парнем, ничем особенно не примечательным, занимающимся любимым делом. Не первый год работая в отделе тяжких преступлений, он, однако, так и не привык к человеческим черепам — они неизменно нервировали его и даже немного пугали.

Большинство полицейских утверждают, что равнодушны к мертвецам, в любой форме, и что трупы уже не выводят из равновесия, за исключением разве что детских. Грейса же каждое мертвое тело цепляло по-прежнему и выбивало из колеи, потому что было когда-то человеком, которого — пусть даже и недолгое время — любили родные, друзья, близкие.

В самом начале карьеры Рой Грейс дал себе слово, что никогда не станет циником. Между тем некоторым его коллегам цинизм и черный юмор служили чем-то вроде эмоционального панциря, помогавшего сохранять рассудок на этой работе.

Все обнаруженные к данному моменту составные компоненты скелета были аккуратно и в должном порядке разложены на столе криминалистом-археологом Джоан Мейджор. «Как какая-нибудь сборная конструкция, присланная из магазина „Сделай сам‟ в некомплекте», — не к месту подумал Рой Грейс.

Операция «Скрипка», дело, по которому он был старшим следователем, подходила к концу. Два убийства из мести и похищение. Главный подозреваемый, опознанный нью-йоркскими детективами как известный киллер, исполнитель заказов мафии, бесследно исчез. Возможно, утонул, пытаясь избежать ареста, но скорее всего, как считал Грейс, ускользнул из страны и мог находиться теперь где угодно, скрываясь под одним из известных или, что представлялось более вероятным, неизвестных полиции вымышленных имен.

После исчезновения подозреваемого прошло почти четыре недели, и операция «Скрипка» перешла в ту стадию, которую в полиции называли *похоронной.* На этой неделе Грейс, будучи дежурным старшим следователем, распустил большую часть опергруппы, сохранив в ней лишь пару человек для поддержания связи с коллегами в Штатах. Но оставался в этой операции еще один неопределенный элемент, и именно он лежал сейчас перед детективом на стальном столе. Для этих, полностью истлевших и подчищенных птицами скелетных останков ход времени значения уже не имел. Бригаде специальной

поисковой группы понадобилась едва ли не целая неделя, чтобы самым тщательным образом, дюйм за дюймом, проверить огромный туннель и окружающие смотровые колодцы и собрать останки, часть которых успели растащить грызуны.

Проведя посмертный осмотр тела на месте обнаружения и не придя к определенному мнению относительно причин смерти, патологоанатом министерства внутренних дел доктор Фрейзер Теобальд распорядился перевезти останки в морг. Сам он покинул прозекторскую несколько минут назад. При полном отсутствии плоти и телесных жидкостей, а также каких-либо видимых повреждений — от удара тяжелым предметом, ножа или пули — на костях скелета и черепа перспективы установить причину смерти выглядели неубедительно.

Несколько человек из следственной группы остались в прозекторской, облачившись, как и он сам, в зеленые халаты. Среди них и Клио Мори, невеста Грейса на тридцать второй неделе беременности, главный прозектор, или, выражаясь официальным языком, старший специалист по анатомической патологии. Открыв дверцу одной из холодильных камер, занимавших от пола до потолка целую стену, она выдвинула лоток с накрытым белой полимерной простыней телом, переложила его на каталку и повезла в другую секцию помещения, чтобы подготовить к посмертному вскрытию.

Филип Ки, коронер, высокий, сухощавый мужчина со смуглым лицом, темными короткими волосами и кустистыми бровями, остался в прозекторской по долгу службы, хотя «блэкберри» занимал его в данный момент больше, чем покойник.

Главной на этой стадии расследования, заключавшейся в попытке установить личность мертвеца, была Джоан Мейджор, симпатичная женщина с длинными каштановыми волосами и в модных очках, спокойная и деловитая. Грейс не раз работал с ней в прошлом и уважал за профессионализм. Даже для него, детектива с немалым опытом, все скелеты были, образно говоря, на одно лицо. А вот Джоан Мейджор различала их так же, как и отпечатки пальцев.

Начав осмотр с черепа, она сопровождала его комментариями, негромкими, но достаточно четкими, чтобы их мог слышать каждый желающий.

— Выступающие надбровные дуги. Скошенный лоб. Закругленная глазная впадина. Большой отросток сосцевидной височной кости. Вытянутая скуловая арка. Выступающий затылочный бугор.

Она перешла к области таза.

— Узкая седалищная вырезка. Овальное запиральное отверстие. Укороченная лонная кость. Узкий подлобковый угол. Крестец изогнут.

Рой Грейс слушал ее внимательно, хотя и понимал далеко не все — технические детали ускользали. Устало подавив зевок, он коротко взглянул на часы. Без четверти двенадцать. Неплохо бы выпить еще кофе. Накануне засиделся за картами — компания любителей покера собиралась по традиции раз в неделю — и даже выиграл сорок фунтов. Последние несколько недель выдались нелегкими, и он с нетерпением ждал вечера, когда они с Клио приготовят карри, устроятся перед телевизором, посмотрят какую-нибудь обычную пятничную чушь и уснут под свое любимое ток-шоу с Грэмом Нортоном. И, какое счастье, никаких планов на уик-энд. Выходные обретали особенное значение еще и потому, что беззаботное время подходило к концу, и вскоре, как предупредил его коллега, Ник Николл, ставший недавно отцом, их жизнь изменится навсегда. Поначалу они надеялись пожениться еще до рождения ребенка, но осуществлению этих планов помешали работа и процесс юридического признания Сэнди умершей. Теперь придется строить новые планы.

А еще ему требовалась передышка после суматошного последнего месяца. Передышка, чтобы просмотреть кучу судебных документов по делу о съемках грязных фильмов с участием особенно омерзительного представителя человеческой расы, Карла Веннера, которого он арестовал и которому в ближайшие пару недель предстояло предстать перед судом Олд-Бейли.

Грейс снова попытался сосредоточиться на том, что говорит Джоан Мейджор, но, как ни старался, внимание его уже через пару минут переместилось на Клио. В прошлом месяце она попала в больницу с внутренним кровотечением. Ее предупредили не поднимать ничего тяжелого, и он сильно разволновался, глядя, как она перегружает тело и везет по залу каталку. Работа в морге предполагает поднятие тяжестей, этого просто не избежать. Он боялся за нее, потому что любил. Боялся, потому что, как предупреждали в больнице, повторное кровотечение может угрожать как ее жизни, так и жизни ребенка.

Клио остановила каталку возле голого тела пожилой женщины, которую только что подготовила к вскрытию. Черепная коробка была вскрыта, и мозг лежал на пластиковом лотке, стоявшем на ее груди. На стене висела белая табличка с пустыми графами, куда полагалось внести данные замеров и веса внутренних органов умершей. Графа с именем женщины уже была заполнена от руки черным фломастером — Клэр Элфорд.

Покойницкая — место невеселое, и работа здесь трудная. Рой так и не понял до конца, что могло здесь нравиться Клио. Настоящая красавица, с аккуратно собранными и заколотыми блондинистыми волосами, она могла бы украсить собой какое-нибудь модное рекламное агентство, художественную галерею или журнальное издательство, но работала здесь, потому что действительно любила эту работу. Он до сих пор не верил в свою удачу, не мог поверить, что снова, через десять лет после исчезновения Сэнди, нашел любовь. Нашел роскошную женщину, с которой так хорошо и весело.

Долгое время он считал Сэнди своей единственной родной душой. Считал, несмотря даже на то, что они постоянно спорили. Но потом, когда у них с Клио завязались отношения, само понятие «родная душа» обрело совершенно новое значение. Ради Клио он с готовностью пошел бы на смерть.

Он снова повернулся к Мейджор:

— Джоан, вы можете сказать что-то о его возрасте?

— С достаточной точностью — пока нет. — Она вернулась к черепу. — Судя по наличию третьего коренного зуба, он взрослый. Срастание ключицы с грудиной указывает на то, что ему больше тридцати. По степени изношенности зубов — за пятьдесят. В пользу более пожилого возраста свидетельствует и состояние позвоночника. Что касается расы, то размеры и форма черепной коробки указывают на представителя европеоидной расы…

Грейс кивнул. Скелетные останки, пара изрядно погрызенных морских ботинок девятого размера, обнаруженных случайно в заброшенном туннеле под главной городской бухтой… Представление о том, кем был этот человек, уже сложилось, и сказанное Джоан Мейджор лишь подкрепляло его выводы.

Шесть лет назад капитан эстонского торгового флота по имени Андрус Кангур загадочно исчез вскоре после того, как его груженный лесом контейнеровоз стал на якорь. Европол уже давно вел за капитаном наблюдение, подозревая его в транспортировке наркотиков. Мир немногое потерял с исчезновением Кангура, но судить о том надлежало не Рою Грейсу. Он лишь знал о возможном мотиве. Согласно информации, поступившей из отдела разведки, который, получив наводку, следил за кораблем со времени его захода в порт, Кангур попытался обмануть тех, кому принадлежал нелегальный груз, но ошибся с выбором партнера в опасной игре, которым оказалась известная в Нью-Йорке криминальная семья.

Судя по собранным данным и тому немногому, что Грейс узнал о предполагаемом преступнике, несчастного капитана посадили на цепь в каком-то подвале, где и оставили

умирать от голода и на съедение крысам. Когда его нашли, плоти уже не было, а от волос и сухожилий остались лишь клочки. Скелет лежал на полу, а с привинченной к стене металлической трубы свисала на цепи костлявая рука.

В кармане зазвонил телефон.

Грейс сразу узнал бодрый и деловитый голос детектива-сержанта Саймона Бейтса из управления криминальных расследований Истборна.

— Рой, ты ведь дежурный следователь на этой неделе?

Настроение мгновенно испортилось. Такие звонки никогда не предвещали ничего хорошего.

В главном управлении уголовных расследований Суссекса было четыре старших следователя, так что на долю каждого приходилась одна дежурная неделя в месяц. Его смена заканчивалась в шесть утра понедельника. *Вот же гадость.*

— Да, Саймон, я, — отозвался он наигранно бодрым тоном пациента, сидящего в кресле дантиста и соглашающегося на лечение корневого канала.

В трубке вдруг послышались какие-то странные щелчки. Через несколько секунд они прекратились.

— У нас подозрительная смерть на ферме в Восточном Суссексе.

— У тебя есть какая-то информация?

Он слушал Бейтса и все больше мрачнел, понимая, что планы на уик-энд летят в трубу. Поймав взгляд Клио, Грейс увидел по ее озабоченному лицу, что она уже поняла — что-то случилось.

— Еду, — сказал он в трубку и, дав отбой, тут же набрал номер помощника главного констебля, Тревора Боулса, которому сообщил о еще одном предполагаемом убийстве и пообещал позднее доложить о случившемся более подробно. Своевременное уведомление главного констебля обо всех значимых происшествиях помогало избежать неприятной ситуации, когда начальство узнавало новости из третьих рук, от представителей средств массовой информации.

Следующий звонок Рой сделал коллеге и другу, детективу-сержанту Гленну Брэнсону.

— Йо, привет, старичок, что там набухает? — спросил Брэнсон.

Грейс усмехнулся — Гленн перешел на язык рэпа, поймав его в каком-то недавнем фильме.

— Я тебе скажу, что набухает, но попозже. Выезжаем.

8

Я допустил ошибку, стерва.
Тебе повезло.
Но это ничего не меняет.
В следующий раз удача будет на моей стороне.
Я достану тебя везде, куда бы ты ни подалась.

9

Ларри Брукер сидел в черном «порше»-кабриолете, увязшем в очередной пробке по пути в Долину. Модель «911 Каррера 4-S», объяснял Ларри всем желающим слушать. Объяснял, чтобы люди поняли — он купил не 2-S, а именно 4-S, модель более дорогую, с усовершенствованным керамическим тормозом. Детали. Все дело в них. Ларри всегда придавал значение деталям. И не только потому, что в деталях, как говорят, кроется дьявол. Боги успеха тоже в них. Люди должны знать, что ты — один из тех, кто добился в жизни успеха, и у тебя нет времени для лузеров.

Ларри разговаривал по сотовому, и его новенькие зубы поблескивали в ярком утреннем свете. Воспаленные после бессонной ночи глаза защищали «рэй-баны», бритая лысина отливала натуральным калифорнийским загаром. Невысокий, поджарый в свои пятьдесят, он разговаривал быстро, словно выпуская короткие пулеметные очереди, и производил впечатление человека, запущенного, как видео, в режиме ускоренного просмотра.

Сидевшие в других, ползущих вместе с Ларри машинах видели в нем типичного успешного дельца, представителя лос-анджелесской индустрии развлечений, одного из тех, кого называют сильными мира сего. Все было, однако, совсем не так внутри роскошного кожаного кокона «порше». Затянутая в рваные джинсы задница елозила по пружинистому креслу. И пусть на бульваре Вентура, как и на его бритой лысине, сияло солнце, на душе у Ларри было темно, а по шее катился пот, отчего черная рубашка «Джон Варватос» прилипала к спинке сиденья. На часах не было еще и девяти, а он уже весь вспотел. День обещал быть жарким — во всех смыслах.

Этот город называли городом мишурного блеска, потому что слишком многое в нем было блестящей иллюзией — как подтяжки меркнущих звезд — и ничего постоянным. И уж точно ничего постоянного не было сейчас в жизни Ларри Брукера.

Он разговаривал по телефону, пока ехал по Юниверсал-бульвар, и продолжал разговаривать, даже подъехав к воротам студии. Охранник, угрюмый старпер, видевший Ларри тысячу раз, тем не менее уставился на него так, словно узрел принесенное утренним приливом собачье дерьмо — примерно так Ларри себя и чувствовал. Прежде чем кивнуть, теперь уже с большим уважением, охранник исполнил привычный ритуал — спросил его имя, сверился с имеющимся списком и лишь затем поднял шлагбаум.

Ларри припарковался на площадке, отмеченной надписью «Зарезервировано для „Брукер-Броуди продакшнз“».

Как и любой продюсер, имеющий на студии три офиса, он знал, что человека здесь оценивают по нескольким последним постановкам, и, если только у тебя нет статуса Спилберга, постоянное место тебе не гарантировано.

Он дал отбой — *чтоб тебя!* Звонивший, калифорнийский миллиардер Аарон Звотник, сделавший состояние в Интернете и финансировавший три его последних проекта, только что объяснил, почему отказывается от дальнейшего сотрудничества. День начинался хуже не придумаешь — с потери оборотного фонда в 100 миллионов долларов.

И все же винить Звотника Ларри не мог. Вместе они запустили три картины, и все три прошли с успехом. «Кровавый поцелуй» вышел как раз вовремя, на пике популярности вампирских фильмов. «Фактор Генезис» выскочил именно в тот момент, когда публика устала от подражаний «Коду да Винчи». Последним, самым дорогим, стал фантастический боевик, «Омега 3-2-1».

Что ударило по его финансам, так это три последовавших один за другим развода. Дом почти отошел банку. Выдавшая кредит на машину финансовая компания уже положила глаз на «порше». Адвокат подавшей на развод четвертой жены грозил забрать детей.

Двадцать лет назад, после его первого мегахита, «Малышка с пляжа», все двери в городе открывались перед ним сами. Теперь, выражаясь языком Голливуда, ему приходилось напрягаться, чтобы обратить на себя внимание. Жестокий город. Как гласит старая пословица: *будь вежлив с людьми, когда идешь наверх, — неизвестно, кто может пригодиться, когда пойдешь вниз.*

Впрочем, в городе мишурного блеска это правило не действовало. Если покатился вниз, никто и не вспомнит, каким ты был вежливым и милым. Теперь твое имя — Дик Шит.[1] На твои звонки никто не отвечает. Ты оставляешь визитки — и они летят в мусорную корзину. Ты — *воздух,* пустое место.

Кинопродюсеры вроде него — игроки. А каждый игрок свято верит, что удача повернется лицом со следующим ходом, следующей сдачей, следующим оборотом колеса. Ларри Брукер не просто верил — он *знал.* «Король говорит» стал глобальным феноменом. И «Королевская любовница» станет таким же феноменом. От одного только названия мурашки по спине. А уж про сценарий и говорить нечего — потрясающий!

Сработает, черт возьми.

Должно сработать.

Король Георг IV. Великолепный Брайтон. Секс, интриги, скандал. История не для умников. Они провели переговоры с Биллом Николсоном, сценаристом «Гладиатора», попросили поработать с диалогами. Диалоги у Николсона — класс, энергичные, остроумные. В этом проекте все такое, классное. Георг IV жил в свое удовольствие, водил дружбу с тогдашним законодателем мод Бо Браммелом. Тщеславный, но такой человечный. Любил смотреть кулачные бои и петушиные схватки, не чурался общения с простолюдинами. В общем, человек из народа. По крайней мере, по сценарию.

Увидев нареченную — женили его, разумеется, по расчету, — Георг, как утверждала молва, обратился к своему лучшему другу с такими словами: «Ради бога, дай мне стакан бренди!»

Подготовка уже шла полным ходом, но теперь весь проект оказался под угрозой. Причина была та же, по которой многие проекты так и не получают зеленый свет. Кастинг.

Брукер вошел в офис, располагавшийся на первом этаже унылого малоэтажного здания. Его секретарша, Кортни, склонилась над кофеваркой в позе, напоминающей лампу Anglepoise; юбка задралась, обнажив не только изящные бедра, но и трусики. Представшая глазам картина отозвалась, несмотря на все его горести и беды, острым позывом желания. Он взял Кортни на работу именно потому, что сходил по ней с ума, но пока в реализации своих фантазий не продвинулся — этому мешало наличие здоровяка-бойфренда, который, как почти все в этом городе, был актером, ищущим своего шанса.

Поприветствовав ее бодрым «Привет, детка, я бы глотнул кофе», Ларри прошел в свой офис, представлявший собой просторное помещение в форме куба со стойким затхлым запахом и украшенный настоящим бензонасосом «БП», автоматом для игры в пинбол, несколькими тщедушного вида растеньицами и постерами его фильмов. Из окна открывался вид на парковочную площадку.

Бросив на спинку стула черный пиджак от «Армани», Ларри постоял пару минут у стола, одновременно проверяя электронную почту и просматривая стопку бумажных сообщений. Он находился сейчас, образно выражаясь, в салуне «Последний шанс», но зато какой шанс был у них в руках! Они уже заполучили звезду на женскую роль, но так и не нашли пока достойного партнера. В данный момент только это и имело значение — найти актера. И это представляло большую проблему. Мэтт Дьюк, парень из списка звезд первой величины, уже согласился подписать контракт, но пару дней назад, будучи сильно под кайфом, разбился на Малхолланд-Драйв и загремел на долгие месяцы в больницу — с многочисленными переломами и повреждениями внутренних органов. Чертов кретин!

Необходимость срочной замены загнала их в панику. Гея Лафайет, выбранная на главную женскую роль, славилась требовательностью и неуступчивостью, и многие просто не хотели с ней работать. Если съемки не начнутся в ближайшие три недели, окно у Геи закроется, и тогда им придется ждать ее еще десять месяцев. Такой вариант даже не рассматривался — у них просто не было денег, чтобы продержаться такой срок.

Не успел Ларри сесть, как в кабинет ввалился — как всегда, в облаке вонючего сигарного дыма — его партнер, Максим Броуди. Лицо его несло печать похмелья, в руке едва помещался картонный стакан с кофе размером с пожарное ведро. Если Ларри в пятьдесят вполне сошел бы за сорокалетнего, то Броуди, которому уже стукнуло шестьдесят два,

выглядел на добрый десяток лет старше. Бывший адвокат, с сильно поредевшими волосами, блеклыми, водянистыми глазами и мордастой физиономией, придававшей ему сходство с ищейкой, он производил впечатление человека, постоянно обремененного проблемами всего света.

Одетый в розовую рубашку поло, мешковатые джинсы и потертые кроссовки, Максим первым делом недоверчиво, что было его обычной манерой, огляделся, как будто высматривая возможный подвох, и лишь затем опустился на стоящий посреди комнаты диванчик и зевнул.

— Это Тэлли так тебя извела? — не удержался от укола Брукер.

Некоторое время назад Броуди женился в пятый раз на кандидатке в актрисы, работавшей официанткой в кафе на Сансет и обладавшей по меньшей мере двумя достоинствами: громадными, гаргантюаских размеров грудями и мозгом, существенно меньшим любого из ее сосков.

— Думаешь, она могла бы сыграть роль настоящей жены Георга?

— Настоящая жена Георга была уродиной.

— И что?

— Будь реалистом, Макс.

— Просто подумал.

— Кто нам нужен, так это парень на главную мужскую роль. Нам нужен, черт бы его побрал, король Георг.

— Ага.

— Ага. Ты с нами, Макс? На планете Земля?

Броуди кивнул.

— Я тут подумал…

— И?..

Броуди замолчал, как будто впал в ступор. Такое случалось с ним нередко, и каждый раз эти затмения бесили Брукера, потому что он не мог понять, задумался ли о чем-то партнер или же потерял мысль в затуманенном алкоголем мозгу. Без ведущего актера рушились все прочие построения. В то время, о котором рассказывалось в фильме, Георгу было около тридцати. Мария Фицхерберт была на шесть лет старше. Гея подходила идеально, разве что недотягивала по весу. Найти актера нужной возрастной категории, который был бы англичанином или мог сойти за такового, оказалось труднее, чем они предполагали поначалу, и число вариантов сокращалось. Подгоняемые отчаянием, партнеры закинули сети пошире. В конце концов, они же не биографическую картину снимают, а художественный фильм, и Георг IV может быть любого возраста и даже национальности. И вообще, разве все эти короли не были иностранцами?

Заполучить Тома Круза не удалось. Потом сорвался вариант с Колином Фертом. За ним последовали неудачи с Джонни Деппом, Брюсом Уиллисом и Джорджем Клуни. Они сменили тактику и забросили предложение Энтони Хопкинсу, но получили короткое «нет» от его агента. Этими именами список «кассовых» актеров был практически исчерпан. Переключившись на британцев, агенты расширили поле поисков. Юэн Макгрегор не хотел работать вдалеке от Лос-Анджелеса, пока подрастают детишки. Найти Клайва Оуэна не удалось. Гая Пирса тоже.

— Гея Лафайет трахает какого-то красавчика. Как насчет него? — спросил вдруг Броуди.

— А играть он умеет?

Броуди пожал плечами.

— Как насчет Джадда Халперна?

— Он же пьет.

— И что? Послушай, мы сделали ставку на Гею — какая разница, кто сыграет этого хрена, Георга?

— Вообще-то разница есть. Нам нужен человек, который умеет играть.

— Халперн — отличный актер. Надо только держать его подальше от выпивки.

У Ларри зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Дрейтон Уилер на линии, — сообщила Кортни. — Спрашивает вас. Звонит уже пятый раз.

— У меня встреча. Кто он такой?

— Говорит, что это срочно и имеет какое-то отношение к «Королевской любовнице».

Он прикрыл трубку ладонью и повернулся к партнеру:

— Знаешь Дрейтона Уилера?

Броуди, пытавшийся в этот момент снять крышку со своего стакана, покачал головой.

— Соедини.

Голос, прилетевший с другого конца линии, сразу же зазвучал агрессивно, с неприятными нотками:

— Мистер Брукер, у вас проблемы с чтением имейлов?

— С кем я разговариваю?

— С человеком, который подал вам идею «Королевской любовницы».

Ларри нахмурился:

— Неужели?

— Три года назад я отправил вам предварительную версию киносценария. Обратил ваше внимание на одну из величайших и нерассказанных до сих пор любовных историй. Если верить «Вэрайети» и «Голливуд репортер», съемки вот-вот начнутся. И сценарий основан на той версии, что вы украли у меня.

— Я так не думаю, мистер Уилер.

— Это моя история.

— Послушайте, пусть ваш агент свяжется со мной и…

— У меня нет никакого агента. Поэтому я вам и звоню.

Этого только не хватало. Чтобы какой-то псих грел руки на их фильме.

— В таком случае пусть со мной свяжется ваш адвокат.

— С вами связался я. И я не намерен платить адвокату. Слушайте меня хорошенько. Вы украли мою историю. Я хочу, чтобы вы заплатили.

— Так подайте на меня в суд, — отрезал Брукер и положил трубку.

10

Эрик Уитли помнил все, до последней секунды. Помнил так ясно, словно это случилось вчера. Память возвращалась каждый раз, когда на глаза попадалось сообщение об очередном случае запугивания. Вот и сейчас лицо его горело. С десяток сидевших на невысокой кирпичной стене мальчишек хором скандировали «ЧМО! ЧМО! ЧМО!». Началось это давно, когда он еще ходил в школу, которую ненавидел всей душой, лет тридцать семь назад. Большинству было по четырнадцать, на год больше, чем ему, но двое, самые противные, учились в одном с ним классе.

Эрик Уитли помнил, как ударил в затылок брошенный кем-то бумажный шарик и как он, сделав вид, что ничего не заметил, продолжал идти к интернату, сжимая учебники по

математике и химии. Другой шарик ударил сильнее, попав в ухо, и один из них, похоже Спеддинг-младший, крикнул: «Отличный выстрел!» Остальные засмеялись.

Он шел, терпя боль, решив, что потрет ухо не раньше, чем скроется из вида.

— ЧМО под кайфом! — крикнул еще кто-то. И снова хохот.

— Эй, ЧМО, не разгуливай обкуренный — нарвешься на неприятности!

Теперь они все кричали наперебой, хохотали и свистели.

Он помнил, как кусал губы, сдерживая боль и наворачивавшиеся на глаза слезы, как шел по обсаженной деревьями аллее, и теплая кровь стекала по шее. Школа с ее классами и игровыми площадками осталась позади. По обе стороны улицы стояли безобразные пансионаты, вмещавшие от шестидесяти до девяноста учеников; некоторые жили в общих комнатах, некоторые — в отдельных. Его пансионат назывался Хартуэллиан.

Он помнил, как повернул к нему, как прошел мимо величественного главного входа, как шмыгнул за угол, к боковой двери. К счастью, мальчишек здесь не было и никто не видел его слез. Впрочем, ему было все равно. Он знал, что ни на что не годен, что от него нет никакого толку, что никому не нравится.

ЧМО.

Чудило. Мудило. Образина.

Всю прошлую четверть — его первую четверть в школе — мальчишки говорили ему это. Джон Монро, сидевший за ним на уроках географии, постоянно тыкал его линейкой.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Уитли? — спрашивал он, тыча линейкой после каждого слова.

Он поворачивался, и каждый раз получал один и тот же ответ:

— Ты такой урод. Ты — никто. На тебя ни одна девчонка не посмотрит. Ни одна, понимаешь?

Он помнил, как расплывалась в гнусной ухмылке лошадиная физиономия Монро.

По прошествии какого-то времени Уитли перестал оборачиваться. Но Монро продолжал свое, пока учитель, мистер Лиск, не сделал ему замечание. Минут через пять мистер Лиск отвернулся к доске, чтобы начертить диаграмму составных элементов почвы, и Монро взялся за старое.

11

Детектив-сержант Гленн Брэнсон отчаянно пытался втиснуть в белый бумажный комбинезон свое тридцатитрехлетнее тело, которое, при росте шесть футов и два дюйма, больше подошло бы вышибале какого-нибудь ночного клуба.

— Что у тебя такое с уик-эндами, босс? Как это тебе удается постоянно с ними обламываться?

Рядом с ним, у задней дверцы серебристого «форда-фокуса», Рой Грейс с равным успехом старался натянуть защитный балахон поверх повседневного костюма. Повернувшись к своему протеже, одетому в блестящую коричневую куртку, ослепительно-белую рубашку, броский галстук и коричневые мокасины с кисточками, он сказал:

— Тебе повезло, что не подался в фермеры. Не твой стиль.

— Ну, мои предки собирали хлопок на плантациях, — парировал, широко улыбаясь, Брэнсон.

А вот насчет выходных Гленн прав, с грустью подумал Рой. Все убийства, расследовать которые ему приходилось, как будто нарочно случались именно тогда, когда он уже расписал по пунктам очередной уик-энд.

Вот как теперь.

— А ты что-то запланировал?

— Побыть с детьми. Эри выделила несколько выходных, когда мне позволено взять их к себе. Собирался отвести в Леголенд. Теперь у нее будет против меня еще один аргумент.

Развод давался сержанту нелегко. Его супруга, Эри, некогда настойчиво толкавшая Гленна в полицию, использовала теперь рваный график работы мужа против него, доказывая, что детям лучше не видеться с таким отцом. Грейс вдруг почувствовал себя виноватым. Может, ему и не следовало приглашать Гленна с собой? Впрочем, он знал — брак друга обречен в любом случае, что бы ни случилось. Лучшее, что для него можно сделать в такой ситуации, — это позаботиться о том, чтобы от всех неприятностей не пострадала его карьера.

— Думаешь, если возьмешь выходной, это поможет спасти брак?

— Нет.

Грейс усмехнулся.

— Так что?

— Ты «Побег из курятника» видел?

Он покачал головой.

— Ну да, ты ведь живешь затворником.

— А что там, море секса?

— Ага.

Они надели маски, подняли капюшоны и застегнули защитные перчатки. Потом расписались в журнале и поднырнули под бело-голубую оградительную ленту. День выдался ясный и ветреный. Они стояли на вершине холма, а внизу расстилались во все стороны сельскохозяйственные угодья. К югу, на горизонте, за Даунсом, виднелась сияющая синяя полоска пролива.

Дальше детективы направились пешком к длинному одноэтажному строению с обшитыми дранкой стенами и вентиляционными отверстиями на крыше, рядом с которым возвышались две стальные силосные башни. Грейс толкнул дверь. Внутри их встретил яркий искусственный свет, стойкий запах запертых в ограниченном пространстве животных и шум от тысяч растревоженных птиц.

— Что, старик, съел яичницу на завтрак?

— Вообще-то овсянку.

— Да, в твоем возрасте холестерин может стать проблемой. Молоко пьешь, наверное, с низким содержанием жира?

— Клио посадила меня на сою.

— Ты у нее под каблуком.

— У нее и каблучки симпатичные.

— Так все и начинается. Милое личико, милые ручки-ножки, все такое чертовски милое. Ты любишь ее, любишь ее тело, и она тоже тебя любит, всего, с головы до пят. Но проходит десять лет, и ты стараешься, но не можешь вспомнить, что же так нравилось тебе когда-то. — Брэнсон похлопал его по плечу. — Но… эй, веселись, пока весело.

Рой Грейс остановился, и Брэнсон остановился рядом с ним.

— Друг, не будь циником. Ты слишком хорош для этого.

— Я всего лишь реалист.

Грейс покачал головой.

— Твоя жена исчезла на твой тридцатый день рождения, а ведь вы прожили с ней несколько лет, так? — спросил Брэнсон.

— Угу. Десять лет.

— И ты по-прежнему ее любишь?

— Как и в тот день, когда мы встретились. Нет, больше.

— Может, ты исключение.

Грейс взглянул на него.

— Надеюсь, что нет.

— Да, я тоже на это надеюсь. — Брэнсон посмотрел на друга, и лицо его исказила гримаса боли. — Плохо. Я все время думаю об Эри и детях, и от этого только хуже.

Грейс прошел взглядом по курятнику. Пол здесь был решетчатый, и одну стальную секцию, ближе к концу, уже подняли. Там же стояли эксперт-криминалист Дэвид Грин; трое парней из специальной поисковой бригады, включая плотного, непривычно серьезного фотографа Джеймса Гартрела; детектив-сержант Саймон Бейтс; дежурный инспектор Рой Эппс и коронер Филип Ки.

— Давай станцуем рок-н-ролл. — Грейс шагнул на решетку.

— Что-то мне танцевать не больно хочется, — проворчал Гленн Брэнсон.

— Если так, то у тебя с мертвецом есть кое-что общее.

12

Танцевать мертвец даже и не пытался. Отчасти потому, что погрузился на несколько футов в птичьи экскременты, отчасти потому, что у него отсутствовали ноги, а еще и потому, что рук и головы у него тоже не было. В таких условиях достичь координации весьма затруднительно. Над телом кружили, жужжа, мясные мухи, запах аммиака бил в нос.

Гленн, с трудом сдерживая позыв к рвоте, отвернулся. Грейс присмотрелся. Человек, совершивший это, очевидно, плохо разбирался в анатомии и уж точно не отличался аккуратностью. Обезглавленное, без рук и ног, покрытое экскрементами и копошащимися мухами и червяками тело мало походило на человеческое. Кожа, выглядевшая местами так, словно ее обожгли кислотой, потемнела и приобрела коричневый оттенок — казалось, там, внизу, лежит спасенный из огня витринный манекен. Воздух пропитался тяжелой, омерзительно сладковатой вонью от разлагающейся плоти, слишком хорошо знакомой Грейсу. Запах этот особенный, он остается на ваших волосах, на одежде, впитывается в поры кожи, и вы приносите его домой. Можете сколько угодно смывать его, оттирать, соскабливать — утром вы ощутите его снова.

Грейс не чувствовал этот запах только на Клио. С другой стороны, возможно, Гленн прав, и лет через десять его обоняние поймает то, чего не замечает сейчас. Грейс надеялся, что этого не случится.

— Coq au vin на обед, а, Рой?[2] — приветствовал его криминалист, также облаченный в белый защитный балахон. Маску он временно поднял.

— Если с такими вот последствиями, то уж нет, спасибо.

Оба посмотрели вниз, туда, где на глубине примерно четыре фута лежало обезображенное тело. Первое, что пришло в голову, — это какие-то гангстерские разборки.

— Итак, что мы здесь имеем?

Дэвид Грин поднял лежавший на полу запечатанный полиэтиленовый пакет для вещественных улик и с гордым видом его продемонстрировал.

Грейс заглянул внутрь пакета. Два рваных и сильно загрязненных кусочка ткани в едва заметную охряную клетку могли быть тем, что осталось от мужского костюма.

— Где нашли? — спросил Грейс.

— Рядом с телом. Похоже, от одежды, которая на нем была. По какой-то причине не сгнили, и крысы их не утащили. Может быть, узнаем больше, когда проверим на отпечатки.

— На *нем*?

— Отрезали ему не все, кое-что осталось. Понимаете, что я имею в виду?

Грейс кивнул. Он понял, что имеет в виду Грин, и от этого ему стало еще больше не по себе.

— Костюмчик, должно быть, шили на заказ, — заметил Гленн Брэнсон.

Грейс и Грин вопросительно посмотрели на сержанта.

— Ты это определил по таким вот кусочкам?

— Нет, шеф. — Брэнсон кивком указал на останки и сухо добавил: — Что-то готовое такому подобрать нелегко.

13

В этом доме, как и во всех домах Геи, полы были выложены плитами под итальянский мрамор. Тот самый мрамор, что привозили из каменоломни в Карраре. Именно оттуда Медичи брали мрамор для своих дворцов, а позднее Эрнандо Кортрайт — для знаменитого отеля «Беверли Уилшир».

Стены были увешаны ацтекскими артефактами и снимками звезды. На самом видном месте, напротив дивана, красовалась сделанная перед мировым турне черно-белая фотография Геи — в черном неглиже, с растрепанными, будто только встала с кровати, волосами. Слева, над обтянутым белой кожей креслом — точно такое же стояло и в лос-анджелесской квартире звезды, — висел другой постер с ее автографом. На нем Гея была в зеленом топе и кожаных джинсах. Да, здесь Гея чувствовала бы себя как дома! О'кей, возможно, задний план немного подкачал. Скорее всего, из окна кухни Геи открывался вид получше, без болтающихся на веревке старушечьих тряпок и шлакобетонной стены заброшенного гаража.

Над камином с фальшивыми электрическими угольками крупным планом — губы, нос и глаза ее кумира в зеленом монохроме. Внизу надпись — «ГЕЯ: БЛИЗКОЕ И ЛИЧНОЕ». Опять же с автографом.

Одна из ее любимых вещиц!

А какая война развернулась за этот постер на eBay! И она победила в ней, заплатив за пять секунд до окончания торгов 1750 фунтов стерлингов. Она не могла позволить себе такие деньги. Но должна была заполучить афишу.

Должна.

Это же относилось и ко всему прочему, что наполняло маленький одноквартирный домик с опостылевшим уличным фонарем, янтарный глаз которого каждую чертову ночь смотрел в окно ее спальни.

Домик Анна купила шесть лет назад и, конечно, днем. Ей тогда и в голову не приходило, что уличное освещение может стать проблемой. Гее уж точно не приходилось мириться с фонарем, который не дает уснуть.

Анна писала в городской совет, писала в «Аргус», в «Уэст-Суссекс газет», в «Суссекс экспресс», в «Мид-Суссекс таймс» — никто не ответил, никто пальцем о палец не ударил, чтобы сделать хоть что-то с чертовой лампой. В конце концов она купила духовое ружье и расстреляла ее посреди ночи. И что же? Два чертовых рабочих из чертова совета заменили чертову лампу уже через два дня.

Но теперь все это уже не имело значения. Все забыто, потому что Гея приезжает в Брайтон! И Анна даже выяснила, где именно она остановится. В президентских апартаментах Гранд-отеля. А где же еще? Хотя для нее могли приготовить апартаменты императрицы. Ведь Гея — величайшая из великих, королева рока, королева экрана, ярчайшая звезда всех времен. Императрица. Настоящая императрица! И теперь она возвращается в город, где родилась. Возвращается к корням. Возвращается, чтобы встретиться со своей поклонницей номер один!

Анна и впрямь была ее поклонницей номер один. Это признавали все. Да что там — сама Гея! Одна из ее ассистенток ответила на один из имейлов Анны письмом, начинавшимся такими словами: *«Дорогая поклонница номер 1!»* И конечно, все остальные фанаты Геи, делившиеся обрывками информации в чате, Фейсбуке и иногда Твиттере, но становившиеся смертельными врагами в аукционных войнах на eBay, все они признали, что на данный момент Анна побила их всех. Что самая лучшая коллекция — у нее. Пока.

Номер один.

Особенный характер их отношений подтверждали и поступавшие от Геи тайные сигналы.

Лисичка-подружка!

У Геи были миллионы обожающих ее поклонников. Но сколько из них владеют одним из выпущенных тиражом всего лишь шесть штук виниловых дисков «Зови меня своей малышкой»? Сколько из них заплатили 1000 фунтов за сингл «Дурная девчонка»? Сколько из них выложили 2500 фунтов за один-единственный рулон бескислотной туалетной бумаги? Сколько из них не пожалели 16 000 фунтов за куртку, которую Гея бросила публике на последнем концерте своего мирового тура?

Ей уже предлагали за куртку 25 000 фунтов, и она, разумеется, отказала.

В мире полным-полно фанатов Геи. Но лишь двадцать три из них, таких же как Анна, сражались за все, что подворачивалось, за все, что выставлялось на аукцион. Многие ли готовы отдать все, что есть, за крошечный трофей? Например, за выпущенный ограниченным тиражом мини-кар «Корги» с лейблом «Мировой тур Геи — льготное авто», который она отхватила за жалких 500 фунтов! Или за миниатюрный оздоровительный тоник «Мартини», доставшийся ей за 375 фунтов. А с кем еще Гея общается посредством закодированных сигналов? Ни с кем! Вот так-то.

Она потратила больше 275 000 фунтов. Гея могла заработать столько одним своим появлением на сцене, но у Анны других денег не было. Все, что она получала, все, до последнего пенни, уходило на коллекцию.

Да, она была Номером Один — это точно.

Вот почему Гея общалась с ней. Их секрет!

Чувства переполняли ее. Она отсчитывала не только дни, но и часы, минуты и даже, когда волновалась особенно сильно, секунды!

— Я люблю тебя, Гея. Я люблю тебя до смерти.

14

Выйдя из провонявшего, заполненного неумолчным птичьим гвалтом курятника в ясный, ветреный денек, Рой Грейс с облегчением вдохнул свежего воздуха.

— Дерьмо, — проворчал следовавший за ним Гленн Брэнсон.

— Верно подмечено!

Сержант опустил маску:

— Дело дрянь.

— Да, мерзкое. Даже по твоим стандартам.

— Извини.

— Хочу назначить тебя моим заместителем на период следствия. Будешь временно исполнять обязанности детектива-инспектора. Как тебе такой вариант?

— И в чем тут подвох?

Грейс усмехнулся:

— У меня на то свои причины.

— Лучше бы, чтоб хорошие.

Грейс похлопал друга по плечу:

— Я знаю, что могу на тебя положиться. Ты хорошо себя показал в операции «Скрипка». Это даже помощник главного констебля Ригг отметил.

— Правда? — обрадовался Гленн.

— Да. Вот я тебя и продвигаю. И у меня такое чувство, что это дело может дать тебе шанс. Отработаешь как надо, справишься — и считай, что шагнул на ступеньку выше.

Грейс не сомневался, что Брэнсон обладает всеми необходимыми качествами для повышения в ранг инспектора, и теперь твердо решил помочь другу продвинуться по карьерной лестнице. Только успехи на службе могли спасти Гленна от частых приступов депрессии, продолжавшихся уже несколько месяцев и связанных с затянувшимся разводом.

Грейс хорошо помнил, сколь многое изменилось для него самого после повышения в инспекторы. Начиная с заведующего складом полицейской формы, встретившего его с совершенно другим выражением, когда он зашел за инспекторским мундиром с двумя звездочками вместо полосок и фуражкой с черной каймой. Становясь инспектором, вы по-настоящему ощущаете свою принадлежность к офицерскому классу и иное отношение к вам со стороны как коллег, так и общественности.

— И я хочу, чтобы ты взял на себя прессу.

— Прессу? Но у меня же почти никакого опыта. Хочешь сказать, что мне придется иметь дело с этим подонком Спинеллой?

Кевин Спинелла, репортер криминальной хроники местной газеты «Аргус», славился тем, что всегда ухитрялся узнавать о любом преступлении раньше кого-либо еще. Все указывало на то, что у него есть информатор в полиции, и Грейс уже давно дал себе обещание найти этого человека и привлечь к ответственности.

— Со Спинеллой и остальными. Можешь провести сегодня свою первую пресс-конференцию.

— Спасибо, — с сомнением пробормотал Гленн.

— Я тебе помогу. Подержу за руку.

Сержант кивнул. Огляделся.

— И с чего здесь начинать?

— Расчисти площадку под ногами. О’кей? Первым делом вызови экспертов, пусть поищут пальчики под и над решеткой. Также надо узнать, какие дороги сюда ведут, а потом начать подомный обход ближайших деревень. Проинформируй управление. Скажи, что нам понадобится помощь местной полиции, может быть, разыскной бригады. Свяжись с местными полицейскими властями. Скажи, что, на твой взгляд, ситуация спокойная.

— Что еще, босс?

— Подумай о заявлении для прессы. Спланируй стратегию общения с репортерами. Составь список всех имеющих доступ к ферме — кто доставляет почту, молоко, газеты, корм для животных, топливо — и всех побывавших здесь в последние месяцы. Я бы даже предложил расширить до года. Выясни, есть ли здесь система видеонаблюдения.

Расследуя каждое крупное преступление, Грейс в первую очередь устанавливал диапазон параметров для всех аспектов и планировал ближайшие шаги, записывая их в служебном блокноте. В данном случае он хотел в первую очередь получше узнать бизнес хозяина. В интересах владельца фермы, Кита Уинтера, как можно скорее вернуться в нормальное русло.

По первому впечатлению ферма Уинтера отличалась от других, бывать на которых ему приходилась, в лучшую сторону и выглядела чистой и современной. Длинный одноэтажный

курятник. Сверкающие силосные башни. Симпатичный и, похоже, недавно построенный жилой дом. Чистенький «рейнджровер», купленный, судя по регистрационному номеру, не больше года назад. Присутствие «субару-импрезы» указывало на любителя быстрой езды. Люди здесь получали от жизни удовольствие.

Длинная, около мили, подъездная дорога начиналась сразу от надежных электрических ворот. Да, время сейчас такое, что люди уделяют большое внимание безопасности, но у многих ли фермеров есть такие ворота? Что-то скрывают? Или всего лишь естественная мера предосторожности, направленная против посторонних?

Мысленно Грейс уже перебирал потенциальных подозреваемых, а также тех, о ком нужно навести справки. Первые сделанные в блокноте пометки касались владельца птицефермы. Кто такой Кит Уинтер? Каково его финансовое положение? Есть у него партнеры? Когда в последний раз чистили решетку? Кто работает на ферме? Всех работников, как нынешних, так и прошлых, требовалось установить и опросить. Если предположить, что убийство совершил Уинтер, стал бы он прятать жертву в собственном курятнике? Возможно, он думал, что тело полностью растворится. Известно, что итальянские мафиози пользуются свинофермами как эффективными средствами для избавления от тел. Впрочем, несколько лет назад похожий случай имел место и в Соединенном Королевстве. Но свиньи животные всеядные…

Он поделился своими мыслями с Брэнсоном.

— Видел фильм Пазолини «Свинарник»?

— Нет, даже не слышал.

— Это же классика. Там парня съедает свинья.

— Я, пожалуй, его пропущу, — сказал Грейс.

— Уже пропустил, он вышел в 1969-м. — Брэнсон задумчиво нахмурился. — Я, кажется, знаю кое-кого, кто может рассказать о ткани. Если только мы не ошибаемся насчет того, что это костюмная ткань.

— Вот как?

— Один портной в Брайтоне, работает у Грешама Блейка.

Грешам Блейк был известным модным портным.

— Так ты у него теперь одеваешься? — Грейс насмешливо посмотрел на сержанта.

— Если бы. Я встречался с Блейком пару лет назад, когда у него ограбили квартиру. Ты у нас большая шишка, с твоей зарплатой только к Грешаму и ходить.

Полной уверенности в том, что найденные клочки ткани как-то связаны с жертвой, не было, но эта линия расследования представлялась Грейсу важной. Чаще всего расследование убийства начинается с неопознанной жертвы, и до тех пор, пока личность убитого не установлена, рассчитывать на успех очень трудно. В первую очередь требовалось определить возраст тела и время его нахождения там. Он достал телефон, набрал номер криминалиста-археолога Джоан Мейджор и спросил, сможет ли она, когда освободится, приехать на ферму. Джоан ответила, что приедет и что работа со скелетными останками почти закончена.

Возможно, идентификации личности поможет ДНК жертвы. Если же нет и если удастся определить, пусть даже приблизительно, возраст, то можно будет начать поиски по списку пропавших без вести.

Грейс снова огляделся. За курятником виднелись хозяйственные постройки и за ними еще один жилой дом, поменьше первого. Сейчас ему надлежало принять одно важное и неотложное решение: считать ли местом преступления только курятник или всю ферму, включая жилые здания. Достаточных оснований для жестких мер, в результате введения которых Уинтеру и его семье пришлось бы перебраться на время в домик поменьше,

пожалуй, не было. На данный момент фермер, несомненно, представлял интерес для следствия, но не был подозреваемым.

Рой Грейс всегда, даже понимая, что на этой стадии расследования делать какие-либо предположения еще рано, выстраивал гипотезы уже на месте преступления. Первая из сложившихся сейчас сводилась к тому, что в деле могут быть замешаны деньги. Мертвец в дорогой одежде. Партнер по бизнесу? Шантажист? Любовник жены Уинтера? Любовник самого Уинтера? Кредитор? Конкурент? Или кто-то, никак не связанный с Уинтером и лишь воспользовавшийся фермой, чтобы избавиться от тела?

— Гленн, — обратился он к сержанту. — В самом начале карьеры у меня был очень мудрый начальник в отделе тяжких преступлений. Так вот он часто говорил мне: «Труднее всего расследовать то преступление, в котором не установлена личность жертвы». Помни об этом. Идентификация жертвы — всегда приоритет номер один.

Нагрузив Брэнсона советами и распоряжениями, Грейс вернулся к машине, сел за руль и закрыл дверцу — чтобы не отвлекаться. Первым делом он записал имена тех, кого хотел привлечь в следственную группу, рассчитывая при этом на уже проверенные кадры. Оставалось только надеяться, что участников операции «Скрипка» еще не успели занять другими делами. Год начинался вполне спокойно, но в мае все как будто сорвались. В среднем в Суссексе случалось восемнадцать убийств в год. За пять месяцев этого их уже произошло шестнадцать. Статистический всплеск или знамение времени?

Грейс посмотрел через стекло на «ренджровер» и «импрезу» — игрушки богача, — на внушительный, построенный определенно по индивидуальному проекту дом. Может быть, переключиться на куриный бизнес и делать деньги?

Но, в чем его давно убедил опыт, там, где делаются деньги, обычно и случаются убийства.

15

— Нас поимели! — прозвучал в трубке угрюмый голос Максима Броуди.

Ларри Брукер, сидевший в кресле салона первого класса, прижал сотовый к уху.

— Почему? Что ты имеешь в виду, Макс?

— Мне только что звонил агент Геи. Она уходит.

— Что значит *уходит*?

— Страховая компания не разрешает ей лететь в Англию, — объяснил Броуди тоном человека, проигравшего решающее сражение.

— Вот как. О'кей, у нас есть запасной вариант — снимем все в Лос-Анджелесе!

— Сэр, — настойчиво напомнила о себе стюардесса, — вы должны выключить телефон.

— Да, Ларри, конечно. Построим копию брайтонского Королевского павильона. Где? На площадке «Юниверсал»? При нашем бюджете? Воспроизведем весь этот чертов город. Где, здесь?

— Я лечу сейчас в Нью-Йорк на встречу с нашим брокером Питером Маршаллом из «ДеВитт Стерн». Он…

Сварливая стюардесса решительно протянула руку:

— Сэр, извините, но, если вы не выключите телефон, мне придется забрать его у вас на все время полета.

— Да ты знаешь, кто я?! — заорал Ларри.

Стюардесса нахмурилась:

— Проблемы с памятью, сэр? — Она взглянула на список, который держала в другой руке. — Место 2B? Вы — Ларри Брукер? Теперь легче, сэр?

— Боже! — Он сжал кулаки.

— Мните себя Богом. Думаю, сэр, мы сможем найти священника. Он вам поможет.

Ларри Брукер торопливо добил остатки шампанского — эта стерва и стакан могла отобрать.

Он сидел, томясь в бессильной ярости, а самолет подпрыгивал и трясся, и мысли перескакивали от ритуальной эвисцерации чертовой карги стюардессы к туманным перспективам спасения гибнущего на глазах проекта. Они заполучили Гею, одну из самых кассовых мировых звезд. Они взяли Джадда Халперна, парня из второго эшелона, на замену этому обкуренному придурку, Мэтту Дьюку, разбившемуся в автоаварии. У них был режиссер, престарелый Джек Джордан, двукратный номинант на награду академии, капризный и высокомерный ветеран, ухватившийся за проект обеими руками, потому что видел в нем свой последний шанс на «Оскар».

И чтобы все сорвалось теперь из-за какой-то трусливой страховой компании? Ну нет.

Не пролезет, детка.

Сразу после взлета, как только начали подавать выпивку, Ларри заказал «Кровавую Мэри». Потом вторую. И еще одну. Взял вина, перекусил. И наконец устроился поудобнее и отключился.

На следующее утро, ровно в восемь, он сошел по трапу пошатываясь и держа в одной руке сумку, а в другой бутылку с водой. Ларри не впервые совершал этот перелет и мог объяснить желающему, почему рейс называют «красноглазым». В горле пересохло, а голова гудела так, словно в ней сражались за корону два боксера-тяжеловеса.

Часом позже он выбрался из лимузина с еще одной бутылкой минералки и вошел через парадный вход в дом номер 420 по Лексингтон-авеню, где размещалась штаб-квартира страховой компании «ДеВитт Стерн». С одним из ее директоров, Питером Маршаллом, Ларри работал уже несколько раз по другим проектам. Маршалл был хорошим парнем и никогда его не подводил. Сегодня миссия Ларри заключалась в том, чтобы убедить брокера не цепляться за мелочи и не делать далекоидущих выводов из такой ерунды, как покушение на жизнь Геи Лафайет. Они улетят в Англию. В Соединенное, чтоб ему, Королевство. Самое безопасное место на земле. Если кто-то вознамерился убить Гею, где ей искать самое безопасное место? Разумеется, в стране, где нет оружия.

Маршалл согласится. Парень он умный, все поймет.

Ларри закинул в рот жевательную резинку со вкусом мяты — перебить запах перегара, — вышел из лифта и прошел к столу секретарши с широкой, теплой улыбкой на помятом лице.

С улыбкой победителя.

16

Рой Грейс улыбался.

— Ты сегодня такой счастливый, — заметила Клио, когда он вернулся домой за двадцать минут до полуночи. Волосы она собрала наверх, а под банным халатом у нее была обтягивающая голубоватая ночнушка. Хамфри, их еще юный щенок, помесь лабрадора со сторожевой колли, приветствовал Грейса веселым лаем и тут же запрыгал вокруг, требуя к себе внимания и тычась носом в ноги; его пронзительные гав-гав-гав эхом разбежались по мощеному дворику обнесенного оградой таунхауса.

— Счастливый, потому что у меня есть ты. — Грейс поцеловал ее, потом потянул за уши Хамфри. Пес незамедлительно завалился на спину. Грейс опустился на колени и погладил его по животу. — Как прошел вечер?

— Если не считать, что пришлось поползать в курином дерьме, замечательно, — ответила Клио. — А твой?

— Ты туда ездила? Одна?

— С Дарреном. — Она пожала плечами. — Людей не хватает. К тому же мне нравятся трупы на свежем воздухе.

Грейс покачал головой, а когда выпрямился, Клио протянула ему стакан охлажденного мартини с водкой и четырьмя оливками на коктейльной палочке.

— Подумала, что тебе понадобится подкрепиться! — Она мягко отмахнулась от запрыгавшего снова Хамфри.

— Ты — чудо! — Грейс с благодарностью принял стакан, отпил глоток и, поставив мартини на полку, еще раз поцеловал ее. Потом просунул руки под мягкий белый халат и бережно привлек Клио к себе, почувствовав упругий выступающий живот и вдохнув свежий запах шампуня на волосах. Сделал еще глоток. Пес снова перекатился на спину и замахал лапами. — Ладно, ладно, ревнивец. — Грейс наклонился и снова пощекотал его.

— Знаю, что чудо. Знаю, что восхитительная и потрясающая. Вы только не забывайте об этом, детектив-суперинтендент Грейс. Не забудете?

Он улыбнулся.

— А почему это я должен забыть?

Глядя в ее ясные голубые глаза, Грейс чувствовал себя абсолютно, невероятно счастливым. Незаслуженно счастливым. Он любил Клио. Ему нравилось в ее доме, особенно в гостиной, когда свет приглушен и вокруг горят свечи.

На полу лежал пакет из «Сити-букс», их любимого книжного магазина в Брайтоне. На столе — раскрытый и придавленный увесистым стеклянным пресс-папье «Мой мир».

Грейс был давним поклонником Джоан Коллинз, и ему нравилось, что Клио приобрела книгу и пытается понять, что именно привлекает его в знаменитой киноактрисе.

После исчезновения Сэнди прошли годы, и он уже не верил, что будет когда-нибудь счастлив или хотя бы достигнет покоя и душевного равновесия. Все изменилось с появлением Клио, и теперь Грейс чувствовал себя почти виноватым из-за того, что счастлив. Виноватым, потому что все эти годы не переставал искать Сэнди. Она исчезла так внезапно, так неожиданно, буквально ни с того ни с сего. Только что они были абсолютно счастливы, и вот ее уже нет. Еще утром его тридцатого дня рождения они занимались любовью, как делали всегда, во все дни рождения, его и ее. Потом он ушел на работу, а когда вернулся домой, предвкушая праздничный ужин с Сэнди и еще одной парой, их лучшими друзьями, она уже исчезла. Никакой записки. Все ее вещи остались дома, кроме сумочки.

Через двадцать четыре часа ее старенький «фольксваген-гольф» обнаружили на кратковременной автостоянке аэропорта Гатуик. В день исчезновения деньги с ее кредитной карточки снимались дважды, и оба раза небольшими суммами — в «Бутсе» и «Теско». Она не взяла с собой ни одежды, ни других вещей. Ее кредитка нигде больше не засветилась.

За все эти годы не было ни одной ночи — даже когда он лежал в объятиях Клио, — когда бы Грейс не заснул, не вспомнив о ней, не спросив себя, что же могло случиться. Сбежала с любовником? Он допускал такую возможность — в конце концов, можно ли по-настоящему узнать другого человека, даже самого близкого? Или, может быть, решила — по какой-то неведомой причине — исчезнуть и начать совершенно новую жизнь? Иногда люди поступают так. Но, с другой стороны, Сэнди никогда не говорила, что несчастна, и не выглядела таковой — зачем же ей уходить? Другое возможное объяснение — она попала в аварию. Но это предположение плохо увязывалось с тем фактом, что ее машина оказалась в Гатуике.

Скорее всего, рассуждал Грейс, Сэнди похитили, и тот, кто это сделал, оставил машину в аэропорту, чтобы сбить с толку полицию. Бесстрастная статистика напоминала, что в большинстве подобных случаев жертву убивали в течение нескольких часов после

похищения. И, опять же, известны случаи, когда похищенных удерживали в заточении годами.

Долгое время друзья и сестра убеждали его идти дальше, принять тот факт, что Сэнди нет, и он должен жить в настоящем, а не в прошлом. Грейс старался, прилагал усилия, а когда появилась Клио, все случилось само собой, гораздо легче, чем можно было представить. Он любил ее страстно, беззаветно, безумно. И все же оставалось что-то, расстаться с чем Грейс не мог.

Редко, раз в несколько месяцев, его настигал кошмар, и он просыпался среди ночи с криком. Сэнди на дне колодца, в бетонной шахте, как дочь сенатора в «Молчании ягнят».

В следовавшие за пробуждением бессонные часы Грейс лежал, слушая утренний хор птиц и свой собственный виноватый голос, шептавший, что он сделал не все, чтобы найти ее, что есть ключ, нечто совершенно ясное и очевидное, лежащее прямо перед глазами, что он просмотрел, упустил.

Взгляд упал на лежавший на кофейном столике журнал для автолюбителей. Он купил его потому, что там приводились данные тест-драйва «альфа-джульетты». Прошлым летом ему пришлось отказаться от любимой старенькой «альфы», серьезно пострадавшей после погони, и с тех пор он упрямо искал другую. По его мнению, эта машина была *с душой.* Другой такой Грейс не видел. По крайней мере, в соответствующем ценовом диапазоне. На протяжении нескольких месяцев после инцидента ему пришлось вести борьбу со страховой компанией, пытавшейся уйти от ответственности на том основании, что он не должен был вести полицейское преследование на личном автомобиле. И все же в конце концов страховщики уступили.

В одну из моделей, двухместную, Грейс прямо-таки влюбился, но от нее, принимая во внимание появление ребенка, пришлось отказаться по причине полной непрактичности. Пара друзей, включая Гленна Брэнсона, рекомендовала разумный, с их точки зрения, вариант — семейный автомобиль вроде фургона с полным набором самых разных атрибутов. Он посмотрел на некоторые, но сердце осталось глухо, а потом увидел двухлетнюю «Джульетту» — и влюбился. Это был хетчбэк, достаточно большой, чтобы поставить детское кресло.

— Милый, тебя что-то беспокоит? — спросила Клио, усаживаясь рядом с ним на огромном красном диване.

На экране висевшего на противоположной стене телевизора шеф-повар Хью Фернли-Уиттингстол показывал, как нарезать ставриду.

— Машины!

— Делай так, как подсказывает сердце.

— Надо быть практичным.

Она пожала плечами:

— Знаешь что? У меня так много друзей, жизнь которых полностью изменилась с появлением ребенка. Ни на что другое у них просто не остается времени. Они даже любовью больше не занимаются. Вся их жизнь поглощена детьми. Я не хочу, чтобы такое случилось и с нами. Конечно, мы будем хорошими родителями, но ведь и время друг для друга находить будем, так? Купи ту машину, которая тебе нравится, а не ту, которую считаешь практичной. Как-нибудь приспособимся. И Пузырю придется научиться прилаживаться к нам.

Грейс улыбнулся и выпил еще мартини. На пустой, заправленный кофеином желудок в самый раз. Какая все-таки Клио внимательная и понимающая. Если бы он пришел домой в пятницу, около полуночи, зная, что уик-энд придется провести на работе, Сэнди наверняка бы спала и не обрадовалась бы, попытайся он ее разбудить. А вот со стороны Клио, которую вполне могли вызвать среди ночи, как в рабочий день, так и в выходной, он всегда встречал полное понимание.

— Знаешь, меня беспокоит кое-что еще…

Грейс не договорил — Хамфри вскочил на диван и, перекатившись на спину, принял свою любимую позу, животом кверху, ожидая, пока его почешут. Грейс пошел псу навстречу.

— Что меня беспокоит… — он поцеловал Клио в мягкую щеку, — так это то, что так сильно тебя люблю.

— И *это* тебя беспокоит?

— Угу… может быть. — Он снова ее поцеловал. И еще раз. Голова приятно кружилась. — Я люблю тебя и никак не могу тобой пресытиться.

— Ты так и не удосужился прочитать, что было написано на банке, — улыбнулась она. — «Употреблять Клио дозированно и с осторожностью».

— Я туповат. И инструкций не читаю.

Несколько секунд Грейс смотрел ей в глаза. Он прочитал где-то, что женщина расцветает в беременности, и это было правдой. Сейчас Клио выглядела милее, чем когда-либо.

— Так вот, я — женщина, поэтому всегда читаю инструкции и предупреждения. Но, к счастью для тебя, пропустила то, где говорилось: «Путаться с детективом-суперинтендентом Роем Грейсом опасно — смертельно возбуждает».

— Думаю, я пропустил такое же насчет тебя.

— Ну так что? — Она наклонилась, поцеловала его в губы, потом просунула руку ему между ног и с лукавой улыбкой надавила. — Что собираешься с этим делать?

— Я подумал… знаешь… нам ведь нельзя?..

— Нет, детектив-суперинтендент, нельзя. — Она усмехнулась. — Ну, не совсем. Ты голоден?

— Нет, только возбудился.

Клио снова его поцеловала.

— Скажи мне кое-что.

— Что? — пробормотал Грейс.

— Когда ты занимался любовью с Сэнди, о чем ты думал? Точнее, о ком ты думал?

— О ком?

— Что тебя возбуждало? Ее обнаженное тело? Или ты представлял другую женщину?

— Это было давно.

Она поцеловала каждый его глаз.

— Не уходи от ответа. Мне интересно.

Он пожал плечами.

— В первые дни, наверное, она. Потом, позже, может быть, представлял и других женщин.

— Кого?

— Не помню.

— Кинозвезд? Моделей?

— Да.

— А когда мы занимаемся любовью? Вряд ли так уж заманчиво заниматься любовью с беременной, толстухой с синими венами на грудях. Так о ком ты фантазируешь?

— О тебе. Мне не нужно ни о ком фантазировать — ты меня заводишь.

— Ты лжешь, Грейс.

— Не лгу!

— Да? Докажи.

Он взял ее правую руку и положил ее себе на пах. Ее глаза округлились от удивления.

— Я свой аргумент изложил — больше мне сказать нечего.

Она снова его поцеловала.

— Думаю, тебе есть что еще сказать. И не только сказать. Так что, любовь моя, скорый отдых я тебе не обещаю.

17

Он был зол. Мало кто из живущих на земле знал о злости больше его. Именно она, первостатейная суперстерва, известная ранее как его жена, а когда-то — невероятно! — застенчивая, стыдливая невеста, заставила его пойти на курсы по управлению гневом.

Гнев бывает разный. Вас может разозлить счетчик на автомобильной стоянке — забрал монетку и не дает билетик. Вы можете вскипеть от бессильной злости, увидев, как какой-то идиот бросает мусор из окна машины. Вас может вывести из себя сосед снизу, закативший шумную вечеринку с громкой музыкой далеко за полночь.

Но все же, побывав на курсах, он так и не узнал, как справляться с тем гневом, что выжигал его сейчас изнутри. Гнев, питаемый чувством, что тебя отымели, грубо, бесцеремонно и по полной программе. Что у тебя отняли единственный в жизни большой шанс.

Поступить так с человеком, и чтобы это сошло с рук — этого быть не должно.

Но в том-то и дело, что они поступали так всегда.

Некоторые, когда с ними случалось подобное, лишь пожимали плечами, покорно мирясь с поражением. Но он не собирался безропотно склоняться да еще протягивать им баночку с вазелином. Нет, он так не спустит. Он сделает что-нибудь. Что и как именно, он не знал. Пока.

Не заводись, поквитайся.

Начало уже положено. Он купил билет на самолет.

Эти ублюдки еще пожалеют.

На курсах по управлению гневом ему часто повторяли старую китайскую пословицу. *Прежде чем мстить, выкопай две могилы.*

Он вырыл столько могил, сколько требовалось. И если одна предназначена для него самого, значит, так тому и быть. Купить лопаты оказалось нетрудно. В любом случае могила еще пригодится — жить все равно осталось недолго.

18

В восемь утра Рой Грейс уже сидел в своем кабинете перед открытым полицейским блокнотом. Такой блокнот вел каждый старший следователь, и, если в какой-то момент требовалось отчитаться за свои действия по расследованию того или иного тяжкого преступления, если дело впоследствии пересматривалось, он всегда мог обратиться к записям.

Важным пунктом была версия, объяснявшая предполагаемые мотивы, обстоятельства и способ убийства.

Первая сделанная Грейсом запись выглядела так:

«1. Руки, ноги, голова отсутствуют. Организованное преступление? Убит неизвестным.
2. Разборки из-за наркотиков?
3. Человек известный полиции — устранить возможность опознания?»

Список мотивов можно было бы продолжить, но ни один из них, на взгляд Грейса, не требовал такого рода расчленения тела.

Закончив, он еще успел приготовить кофе, после чего поспешил на утренний инструктаж.

— Время 8.30. Воскресенье, четвертое июня, — прочитал Рой Грейс с отпечатанного листка. — Второй инструктаж по операции «Икона». Расследуется смерть неустановленного лица, тело которого, без головы, рук и ног, было обнаружено вчера на ферме Стоунри, Беруик, Восточный Суссекс.

— Без ног, шеф? — вмешался Норман Поттинг. — Он что, так набрался?

Прокатившийся по комнате смешок Грейс приглушил суровым взглядом. Настроение после вчерашнего вечера осталось хорошее, и Поттингу его было не испортить. Он поднялся, как всегда, рано, совершил, сопровождаемый Хамфри, привычную пятимильную пробежку по набережной Брайтона в лучах восхитительно чистого утреннего света и час назад прибыл в управление уголовных расследований, расположенное на краю города.

В самом начале карьеры старшего следователя Рой Грейс завел и с тех пор поддерживал дружбу с начальником вспомогательной службы Тони Кейсом, который выделил в его распоряжение одно из двух оставшихся после сокращения бюджета помещений, оперативный штаб-1 (ОШ-1), находившийся в том же здании, что и офис Грейса.

Оба оперативных штаба были своего рода нервными центрами расследований тяжких преступлений. Хотя окна здесь и находились слишком высоко, чтобы выглянуть наружу, в ОШ-1 было светло и просторно.

Какой-то шутник — Грейс подозревал своего друга, Гленна Брэнсона — пришпилил к внутренней стороне двери листок со сценой из мультфильма «Побег из курятника».

Сейчас за столами сидели, внимательно слушая его, двадцать членов следственной группы, собранной им накануне после полудня, сразу по возвращении с фермы. Из тех, с кем Грейс работал регулярно, присутствовали детектив-сержант Белла Мой, женщина тридцати с лишком, до сих пор жившая с матерью и уже успевшая, несмотря на ранний час, вскрыть коробочку с шоколадными драже «молтизерз»; детектив-констебль Ник Николл, длинный как жердь и, как обычно, зевающий после очередной бессонной ночи с малышом; Гленн Брэнсон — в кремовом костюме и фисташкового цвета галстуке и Норман Поттинг, поступивший на службу в полицию в довольно зрелом возрасте, скуповатый, но знающий дело и умеющий достигать результата детектив-сержант, за которым тянулась цепочка неудачных браков.

Традиционно неряшливо одетый, с незатейливо зачесанными назад немытыми волосами, распространяющий вонючий запах трубочного табака, сегодня Поттинг выглядел иначе, моложе и опрятнее. Седые волосы превратились в темно-русые. Симпатичный синий костюм и кремовая рубашка дополнялись галстуком, который — в кои-то веки — не был украшен следами завтрака. Мало того, от детектива исходил совсем не противный, а даже приятный запах одеколона. Над внешним видом Поттинга определенно поработали, причем тщательно и со знанием дела. Уж не появилась ли в его жизни очередная женщина?

Из привычного состава отсутствовала лишь молодая и симпатичная детектив-констебль Эмма Джейн Бутвуд, у которой недавно начался медовый месяц. Среди прочих здесь были еще несколько детективов, в том числе Эмма Ривз и Джон Экстон, работать с которыми ему уже доводилось, причем за последним он следил особенно внимательно, считая его исключительно одаренным; Дэвид Грин, криминалист-аналитик, и сотрудница управления по связям с общественностью Сью Флит.

На столе перед Грейсом лежали листок с повесткой инструктажа и протокольный блокнот.

— Исполняющим обязанности инспектора временно назначен сержант Гленн Брэнсон, — первым делом объявил Грейс. — Вести следствие будет по большей части он, поскольку я

еще занят операцией «Скрипка». — Он повернулся к сидящему рядом и заметно нервничающему коллеге: — Есть что доложить?

Гленн Брэнсон заглянул в записи, после чего заговорил — с нехарактерной для себя неторопливостью, тщательно подбирая слова:

— Патологоанатом министерства внутренних дел Надюшка Де Санча прибыла на место преступления вчера, в 4.20 пополудни. Никаких новостей к нашему вечернему брифингу я от нее не получил. Осмотр места преступления был закончен к семи часам вечера, после чего тело отправили в морг. К полудню она должна вернуться и продолжить вскрытие. На данный момент возраст жертвы не установлен. По предварительным оценкам, от тридцати до пятидесяти лет. Более точные данные я надеюсь получить от Джоан Мейджор, которая тоже подключится к работе.

Брэнсон снова сверился с записями.

— И еще один немаловажный факт, касающийся расчленения тела. Согласно предварительному заключению патологоанатома, действовал любитель, человек неуклюжий и не обладающий навыками хирурга.

Грейс сделал пометку в протокольном блокноте и с гордостью посмотрел на своего протеже. Пока что Брэнсон делал все как надо, держался спокойно и уверенно, и эта уверенность передавалась людям, которые воспринимали его всерьез, даже несмотря на некоторую пестроту в одежде.

— Поисковые работы в курятнике продолжались вчера до полуночи и возобновились сегодня с утра под руководством сержанта Лорны Деннисон-Уилкинс из специальной поисковой бригады. Никаких других частей тела или одежды до сих пор не обнаружено. Найденная ткань будет отправлена в лабораторию с целью обнаружения ДНК, но сначала я хочу попытаться выяснить, откуда она взялась. — Брэнсон указал на четыре сделанные крупным планом фотографии фрагментов материала. Две из них показывали фрагменты целиком и еще две позволяли рассмотреть детали — желто-охряный цвет и рисунок в крупную клетку.

— Нравится, а, Гленн? — спросил Норман Поттинг. — Хочешь новый свисток?

Белла Мой, постоянно цапавшаяся с Поттингом по любому поводу, наградила его недовольным взглядом.

— Отстала от жизни, куколка. Есть такое выражение на кокни, свисток и флейта, то есть костюм, — покровительственно объяснил Поттинг.

Не найдясь что ответить, Белла лишь фыркнула и, вытряхнув из коробочки еще одно драже, бросила конфетку в рот и с хрустом раскусила.

— Нравится мне этот звук, — проворковал Поттинг. — Нет ничего сексуальнее, чем сердитая юная леди.

— Спасибо, Норман, достаточно, — предупредил Грейс, жестом останавливая уже готовый комментарий Беллы.

Брэнсон, заглянув в бумажку, стойко двинулся дальше:

— Полицейские из местного отдела проводят сейчас подомовой обход в радиусе двух миль от фермы. Опрашиваются все работники, как постоянные, так и временные. — Он помолчал, потом добавил: — Место довольно необычное, ферма с общественной дороги не видна, к ней ведет частная, длиной в одну милю, так что посторонний ее просто не заметит. Думаю, те, кто использовали курятник, чтобы избавиться от тела, знали о нем заранее. Мы сейчас составляем список всех, кто бывал на ферме или имел к ней постоянный доступ в течение последних двенадцати месяцев.

— Босс, вы учитываете, что кто-то мог пролететь над фермой на легком самолете или вертолете? — спросил констебль Джон Экстон. — И, увидев сверху, счел подходящей для своих целей именно по причине удаленности?

— Возможно, — согласился Брэнсон. — Насколько я смог понять за то короткое время, что был там, фермер — человек в тех краях уважаемый, никто из местных слова о нем плохого не сказал. Я сейчас исхожу из предположения, что в деле замешан кто-то из недоброжелателей Кейта Уинтера. Может, кто-то из конкурентов пытается его подставить. Но чтобы делать далеко идущие выводы, надо получше изучить бизнес. Другая версия — ферму, как удобное место для захоронения тела, выбрал кто-то из тех, кому она хорошо знакома.

— Как насчет пропавших без вести? — спросила Белла Мой. — Может, стоит в первую очередь отработать эту версию?

Брэнсон покачал головой:

— Линия действительно важная. Мы уже проверили местную базу данных — никаких зацепок. Прежде всего мне надо знать, сколько времени этот человек мертв, а уже потом двигаться в этом направлении дальше. Надеюсь, завтра какая-то информация будет — либо от патологоанатома, либо от криминалиста-археолога. А пока данных нет, параметры поиска установить невозможно.

Рой Грейс улыбнулся, заметив, что Сью Флит делает какие-то пометки. Точно так же ответил бы и он сам. Надо бы занести это в протокольный блокнот.

— Что касается нашей стратегии в отношении средств массовой информации, — продолжал Брэнсон, — то у меня для вас хорошая новость. Наш друг из «Аргуса», Кевин Спинелла, в отпуске.

Собравшиеся встретили известие одобрительным гулом. Гленн ухмыльнулся.

— Вторая пресс-конференция назначена на половину шестого, и я надеюсь, что к тому времени нам будет что предложить публике. И разумеется, мы оставим кое-что для себя, чтобы отсеивать звонки всяких чокнутых.

При расследовании каждого тяжкого преступления полиция обычно придерживает какую-то важную информацию, некие детали, известные только злоумышленнику. Таким образом удается не тратить время на любителей пошутить.

Новый телефон, который Грейс переключил в режим молчания, завибрировал. Инспектор взглянул на дисплей — уж не Спинелла ли напоминает о себе. Но нет, надпись на экране сообщала, что номер заблокирован. Ответив, он услышал голос Тревора Боулса.

— Рой, тебя требует шеф. Чем скорее, тем лучше. Ты свободен сегодня утром?

Главный констебль, как и другие большие шишки, не любил задерживаться на работе сверх необходимого и тем более отвлекаться на дела в выходные. Если Том Мартинсон хочет встретиться с ним в субботу, значит, у него есть на то веская причина.

— Могу приехать через полчаса.

— Отлично.

Встревоженный звонком, Грейс дал отбой. По окончании инструктажа он, договорившись с Гленном Брэнсоном встретиться у портного в одиннадцать, поспешил к машине, стоявшей на закрепленном за ним месте перед зданием управления уголовных расследований.

19

Это была любовь с первого взгляда. И она обрушилась на Эрика Уитли в тот самый миг, когда он впервые увидел Королевский павильон. В пятнадцать лет родители взяли его с собой на однодневную экскурсию в Брайтон, и там он понял, что никогда в жизни не видел ничего подобного. Такой дворец мог принадлежать только человеку с воображением, тому, кто пытался спастись от грязи и мерзости окружающего мира, уйдя в лабиринт красоты,

созданный в собственной голове. Ему не могло быть места в центре обычного английского курорта.

И тем не менее он стоял здесь.

Безумное великолепие планировки, проступавшее во всем частично индийское, частично китайское влияние, сказочные купола — все в нем поражало, пленяло и завораживало. Не меньшее, а даже большее впечатление производил интерьер, совершенно экстравагантный во всех отношениях. С тех пор все свои карманные деньги он тратил на поездки из родного Гилфорда в Брайтон — садился в поезд, приезжал, покупал входной билет, входил с открытием и проводил там целый день, до закрытия. Этот мир лежал в стороне от другого, того, где был интернат и где все постоянно твердили Эрику, что он — ЧМО.

Здесь, за искусно украшенными стенами, в окружении художественных сокровищ, Эрик чувствовал себя в безопасности. Построенный королем Георгом IV дворец использовался им для тайных — и не слишком тайных — любовных свиданий. Тщеславного и богатого короля Георга, получившего прозвище Принни,[3] никто не запугивал, над ним никто не издевался, и никто не называл его ЧМО. Хотя он и был ЧМО.

Больше всего Эрику нравилось представлять себя в костюмах того времени и в особенности в королевском облачении, во всех этих пышных, богатых одеяниях. В мечтах он видел, как входит в класс с висящим на ремне мечом. Вот тогда уж никто бы не назвал его ЧМО.

Однажды летом, когда ему уже исполнилось восемнадцать, Эрик Уитли подал заявление на работу в качестве гида. И его приняли! Он водил по дворцу группы туристов, рассказывал о любви короля к Марии Фицхерберт, о том, как огорчали его существовавшие в то время правила и предписания. И все же самым замечательным в этой работе было то, что она давала ему новые возможности. В отсутствие туристов он мог свободно блуждать по Павильону, не привлекая к себе внимания охранников.

Больше всего Эрик полюбил его укромные уголки. Потайные коридоры, по которым сновали когда-то слуги, разнося напитки и яства. Скрытую от посторонних глаз винтовую лестницу с расшатавшимися перилами, по которой он поднимался наверх, под самый купол, куда король приглашал порой гостей — полюбоваться величественными видами — и где, как поговаривали, оставался иногда на ночь кто-то из прислуги.

Теперь все было заброшено, пол прогнил, тяжелый люк с предупреждающим знаком едва держался на двух болтах. Внизу под люком находилась кладовая, под которой, в свою очередь, помещалась кухня. С начала 1800-х здесь сохранилась блочная система, некое примитивное подобие грузового лифта. Оттуда, из-под купола, Эрику открывался чудеснейший вид на Брайтон.

Ему удалось пронести туда спальный мешок. Иногда, ускользнув от охранников, когда те запирали здание на ночь, Эрик пробирался наверх и оставался там до утра. В безопасности. Вдалеке от обидчиков. Он закрывал глаза и представлял себя королем, живущим здесь, обожаемым и почитаемым.

А потом его поймал один из громил-охранников.

На следующий день Эрика выгнали с работы и сказали, что он никогда больше не сможет сюда вернуться.

20

Клио любила свой небольшой таунхаус в модном квартале Норт-Лейн: удобное место, бодрящее ощущение жизни в центре города и чувство безопасности. Она шла через двор, выходила за ворота и оказывалась в лабиринте кафе и магазинчиков, миновав который можно было выйти к морю. Жизнь в центре города не лишена, однако, недостатков. Один из них заключался в том, что Хамфри после рождения ребенка нужно будет где-то прогуливать,

поскольку сама Клио планировала вернуться на работу как можно скорее. Еще большей проблемой представлялся недостаток места. Сейчас в их распоряжении имелась лишь одна свободная комната, которую она использовала для занятий — Клио училась на заочных курсах по философии в Открытом университете, — а Рою тоже требовался рабочий кабинет. До рождения ребенка оставались считаные недели, и тогда всем вместе будет тесновато. Они уже решили приступить к поискам нового, более просторного дома, как только Рой продаст свой. Вторым недостатком, не столь серьезным, но причиняющим немало неудобств, было отсутствие своей парковочной площадки, вследствие чего машину приходилось оставлять на улице. Между тем отыскать свободное место становилось все труднее, особенно по вечерам, когда она возвращалась с работы.

Больше всего из дней недели Клио любила субботу, особенно субботнее утро, хотя с нынешней работой полные выходные выпадали не так уж часто. Когда смерть приходит внезапно, люди не выбирают удобное для посторонних время. Поскольку штат морга часто оставался недоукомплектованным, выезжать по вызовам случалось едва ли не каждый уик-энд и даже в праздничные дни.

Работа, выпавшая на ее долю накануне, оказалась особенно противной, а сегодня ей предстояло присутствовать и помогать при вскрытии тела, которое уже перевезли в морг. Сами останки ее не пугали. Да, возиться с утонувшим в куриных фекалиях трупом дело малоприятное, но жертвы автомобильных аварий, смятые, изувеченные и нередко с раздавленными в кашу внутренностями, — зрелище еще более отталкивающее. Не лучше выглядят и обгоревшие тела. Вид одиноких стариков, умерших у себя дома, в постели, но обнаруженных лишь спустя какое-то время, иногда через месяцы, неизменно отзывался печалью. Но хуже всего было работать с детьми. Пару недель назад ей пришлось выносить тело шестимесячной малышки, умершей во сне, без каких-либо видимых причин.

Вынимая из колыбельки маленькое тельце, она думала о том, что чувствовала бы, если бы такая трагедия постигла их с Роем, и о том, что эта жуткая перспектива вовсе даже не исключена.

Впрочем, сейчас, выходя из дому в это солнечное июньское утро, ни о чем таком Клио, к счастью, не думала. Над ней расстилалось ясное, безоблачное небо, а в воздухе ощущался солоноватый вкус моря, принесенный ветерком с пролива. Прогноз погоды не обещал неприятностей, и она, даже зная, что обречена провести в морге большую часть дня, все же рассчитывала освободиться пораньше и встретиться с сестрой в кафе на набережной. Потом надо будет купить креветок, авокадо и прекрасной дуврской камбалы и приготовить Рою на ужин его любимое блюдо, после чего они посмотрят какой-нибудь фильм — если, конечно, она продержится так долго!

В длинной футболке, гордо выставив живот и громко шлепая кроками, Клио прошла через двор. Не обращая внимания на ставшую привычной тупую боль в спине, она чувствовала себя восхитительно счастливой, чуть ли не под кайфом. В первую очередь потому, что носила в себе ребенка человека, которого любила всем сердцем, глубоко и преданно. И человек этот был добрым, заботливым, сильным и любил ее не меньше.

Клио на мгновение отвлеклась, замедлила шаг, взглянув вверх, на двух кружащих с громкими, пронзительными криками чаек, и продолжила путь к кованым железным воротам. Щелкнула замком и вышла на узкую улицу. Утром в субботу здесь всегда бывало многолюдно, горожане спешили на Гарднер-стрит, где находился блошиный рынок. Часы показывали половину десятого, и владелец специализировавшегося на каминах антикварного магазинчика через дорогу уже выставил на витрину кое-какие товары.

Клио прошла по уходящей вверх улице, свернула направо и оказалась на еще более узкой улочке с маленькими викторианскими домиками по обе стороны и тесно припаркованными автомобилями. Ее черный «Ауди ТТ» стоял в середине растянувшейся

далеко шеренги, на том самом месте, где она и оставила его накануне вечером. Клио, как всегда, облегченно вздохнула — слава богу, машину не угнали.

Другая угроза, обычная для открытой городской стоянки, заключалась в изобилии пернатых, благодаря которым половина автомобилей приобрели за ночь сходство с картинами Джексона Поллока. Не дойдя до машины добрых сотню футов, Клио уже обнаружила белые и горчично-желтые потеки на ветровом стекле и крыше ее любимого кабриолета.

Настроение резко изменилось, когда она подошла ближе. Горло вдруг сжало, и Клио, позабыв о том, что бегать ей не рекомендуется, рванула вперед.

— Черт, — пробормотала она, запыхавшись. — Вот черт.

Брезент крыши был порезан в нескольких местах, вдоль и поперек.

Чудесное настроение улетучилось в один миг, выжженное вспышкой ярости, когда Клио заглянула внутрь, проверяя, что украдено. Удивительно, но CD-плеер и радиоприемник были на месте.

— Сволочи… ублюдки…

И тут Клио увидела надпись на капоте. Сначала ей показалось, что кто-то просто поводил пальцем по пыльной крышке, но потом она присмотрелась повнимательнее и замерла в ужасе.

Злоумышленник воспользовался каким-то острым инструментом, отверткой или стамеской, процарапав краску до самого металла и оставив злые, страшные слова.

«ПОЛИЦЕЙСКАЯ ШЛЮХА. ТВОЙ РЕБЕНОК СЛЕДУЮЩИЙ».

21

Мэллинг-Хаус, штаб-квартира суссекской полиции, находится на окраине Льюиса, небольшого, отметившегося в истории городка, центра графства Восточный Суссекс, в восьми милях к северо-востоку от Брайтона.

Отсюда, из расползшегося комплекса разносортных зданий, где помещался весь административный аппарат, и идет управление всеми пятью тысячами полицейских и штатских служащих, составлявших силы правопорядка графства. Непосредственно перед комплексом находится приятный глазу, сложенный из красного кирпича особняк в стиле эпохи королевы Анны. Некогда частное владение, он был заботливо восстановлен после опустошающего пожара, случившегося лет десять назад. Теперь в нем помещается служба главного констебля, офисы заместителя главного констебля и его помощников, а также кабинеты прочих высших чинов с соответствующим их положению штатом.

Остановившись у преградившего путь шлагбаума, Рой Грейс, как мальчишка, вызванный в кабинет к директору школы, ощутил знакомое волнение, которое испытывал каждый раз, когда приезжал сюда. С недавно назначенным главным констеблем, Томом Мартинсоном, он познакомился лишь несколько недель назад, на каком-то неофициальном мероприятии и до сих пор не имел возможности поговорить с ним сколь-либо обстоятельно. Грейс понимал, что для дальнейшего восхождения по карьерной лестнице ему не обойтись без поддержки главного констебля.

Следующей ступенькой на этом пути был ранг старшего суперинтендента, но идти дальше, к чину заместителя главного констебля, он не стремился, во-первых, потому, что не представлял себя в роли, требовавшей умения играть на политической сцене, а во-вторых, потому, что должность заместителя главного констебля почти наверняка лишила бы его возможности заниматься практической полицейской работой, которую он любил и к которой чувствовал настоящее призвание. Чем выше поднимается человек в полицейской иерархии, тем более он превращается в прикованного к столу менеджера. Сказать по правде, Грейс уже

и в нынешней роли выполнял немало бумажной работы, но здесь у него всегда оставалась возможность подключиться к реальному расследованию, чем он и пользовался.

В любом случае Грейс был вполне доволен своим нынешним положением начальника отдела тяжких преступлений, о котором мог только мечтать, поступая в полицию. Работа приносила удовлетворение, и он с радостью остался на этой должности до конца карьеры.

Если Грейс и сожалел о чем-то, то лишь о том, что его отец, тоже служивший в полиции, и мать умерли, не успев порадоваться успехам сына.

Впрочем, в данный момент мысли его занимала другая, куда более серьезная проблема. Увы, жизнь не стоит на месте, и в результате последних правительственных бюджетных сокращений полицию ожидали слияния некоторых подразделений, перераспределение ресурсов и принудительные увольнения сотрудников, прослуживших тридцать и более лет. Отдел тяжких преступлений суссекской полиции ожидало слияние с соответствующим отделом суррейской полиции, а это означало, что он мог и не остаться в своем кресле. Грейс опасался, что вызов к шефу связан именно с этим и что его ждут плохие новости. Закон запрещал сокращать полицейских предпенсионного возраста, но многих уже отодвигали в сторону.

Охранник бодро махнул рукой, и Грейс проехал под поднявшимся шлагбаумом, повернул вправо, миновал корпус полицейской автошколы и остановился перед современным, из стекла и кирпича, зданием. Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда он выключил двигатель.

Номер не определен, сообщил дисплей.

Грейс ответил и, к своему ужасу, услышал пробившийся через треск помех голос, сопровождавшийся звуком, подозрительно похожим на шум волн.

— Детектив-суперинтендент?

— Это вы, Спинелла? А я слышал, у вас отпуск.

— Так и есть. Медовый месяц на Мальдивах, — сказал главный репортер криминальной хроники брайтонского «Аргуса». — Возвращаюсь завтра.

«И как только ты еще нашел кого-то, кто согласился выйти за тебя замуж», — подумал Грейс и едва удержался, чтобы не произнести это вслух.

— Поздравляю. Боюсь, ваше свадебное приглашение затерялось где-то на почте.

— Ха-ха, — отозвался Спинелла.

— И что же оторвало вас от супруги? — сухо поинтересовался Грейс.

— Слышал, у вас еще одно убийство.

— А что, семейная жизнь уже наскучила?

Короткая пауза, затем еще одно «ха-ха».

— Будь я на вашем месте, Кевин, вернулся бы к молодой жене. А уж мы тут как-нибудь сами разберемся. Уверен, город переживет ваше отсутствие.

— На нас с вами, суперинтендент, лежит ответственность перед жителями Брайтона и Хоува, разве не так? Тем более что в данном случае речь идет о безголовом трупе.

Как, черт бы его побрал, не в первый уже раз удивился Грейс, этот Спинелла успел получить такую информацию?

— Вообще-то ответственность у каждого из нас разная, — ответил он.

— Можете что-то сказать об обнаруженном на ферме Стоунри трупе?

Грейс ответил не сразу. В полиции уже решили не сообщать прессе некоторые сведения — в частности, тот факт, что у трупа нет головы и конечностей.

— Почему вы считаете, что тело без головы?

— Ну, если нет рук и ног, нетрудно предположить, что и головы тоже нет. Если уж преступник взял на себя труд избавиться от конечностей, какой смысл оставлять голову? В любом случае футболистом ему уже не быть.

Каждый раз на протяжении всего последнего года, когда в городе случалось убийство, Спинелла получал информацию намного раньше других репортеров. Принимая во внимание, что доступ к журналу происшествий имеет каждый полицейский компьютер, логично предположить, что утечка идет непосредственно из суссекской полиции.

Грейс уже твердо решил при первой же возможности, как только позволит время, провести собственное следствие и выяснить, кто же все-таки «крот». Но сейчас на повестке дня стояли дела более важные: приближающийся суд над Карлом Веннером, неопознанный труп из Шорэмской гавани, отсутствие главного подозреваемого по операции «Скрипка», а теперь еще и обезглавленное тело на птицефабрике.

— А что вы скажете мне, Кевин? Вы ведь, похоже, знаете больше меня.

— Ха-ха!

Этот чертов смешок, ставший уже едва ли не фирменным знаком репортера, раздражал суперинтендента каждый раз, когда он его слышал.

Ему снова, как всегда, пришлось сдержать рвущуюся наружу злость. Сотрудничество с местными средствами массовой информации было одним из главных приоритетов в работе суссекской полиции, а конфронтация не только ничего не давала, но и играла против.

— Следствие по этому делу ведет исполняющий обязанности детектива-инспектора Гленн Брэнсон, и общение с прессой входит в сферу его компетенции, — сказал Грейс. — Так что вам лучше поговорить с ним.

— Я с ним разговаривал, и он отправил меня к вам.

— А я-то думал, что в отпуск уходят, чтобы отдохнуть, — вздохнул Грейс, мысленно проклиная Брэнсона. Надо же, нашел на кого спихнуть! И все-таки Спинеллу лучше было держать на своей стороне. — Боюсь, на данной стадии нам известно немногое. В половине шестого детектив Брэнсон проводит пресс-конференцию. Если позвоните непосредственно перед ней, возможно, я смогу сообщить вам больше.

Интересно, в каком часовом поясе Мальдивы? Что-то подсказывало, что разница составляет четыре часа. Следовательно, пресс-конференция начнется в половине десятого по их времени. По крайней мере, романтическим ужином Спинелла насладиться не успеет.

— Хм-м-м… ладно. Постараюсь.

— Скажите жене — пусть привыкает.

— Ха-ха!

— Ха-ха! — в тон репортеру ответил Грейс.

Он едва успел дать отбой, как позвонила Клио.

22

Грейс давно подметил: чем выше должность полицейского начальника, тем опрятнее его кабинет. Возможно, именно здесь крылся секрет успеха: чтобы подняться к званию главного констебля, нужно уметь разбираться с бумагами. Или, может быть, все дело в том, что в твоем распоряжении больше людей, которые занимаются всем остальным вместо тебя?

Его собственный кабинет неизменно походил на свалку: стол, пол и полки были завалены кипами файлов. Еще раньше, на заре полицейской карьеры, на столе у него постоянно валялись какие-то бумажки. Его неаккуратность частенько раздражала Сэнди, тяга которой к порядку и стремление к минимализму в доме принимали порой маниакальную форму. Любопытно, что после того, как Гленн Брэнсон ушел от жены и перебрался в его пустующий дом на правах постоянного жильца и смотрителя золотой рыбки по кличке

Марлон, Грейс вдруг превратился в поборника чистоплотности, и тот бардак, который оставлял после себя Гленн — и в особенности его коллекция компакт-дисков, — неизменно действовал ему на нервы, раздражал и злил. Впрочем, после того, как он выставил дом на продажу, Гленн стал меняться в лучшую сторону.

Что ему нравилось в Клио — помимо многого другого, — так это ее врожденная неряшливость. В этом отношении они были почти на равных. А наличие в доме шаловливого Хамфри лишь усиливало ощущение царящего в доме перманентного хаоса.

Зато в кабинете главного констебля, куда Грейс сейчас вошел, все предметы находились на своем месте. На огромном полированном столе в форме буквы L ничего лишнего, только книга для записей в кожаной обложке, несколько фотографий в серебряных рамках, включая ту, на которой главный констебль засветился в компании телеведущего Деза Лайнама и еще одной местной знаменитости, письменный набор в кожаном держателе и один-единственный листок, похожий на распечатку имейла. В углу расположились два черных диванчика и кофейный столик. Хватило места и для круглого стола с восемью стульями. На стенах — фотографии спортивных звезд, карта графства и несколько этюдов. Большие створчатые окна давали возможность полюбоваться чудесными видами Суссекса. В целом, имея важный вид, кабинет выглядел уютным и теплым.

Том Мартинсон встретил Грейса крепким рукопожатием и пригласил к столу. Бодрый акцент выдавал в нем уроженца Центральной Англии. Чуть пониже Грейса, с коротко подстриженными темными волосами и приятным лицом, сорокадевятилетний шеф выглядел крепким, подтянутым и серьезным. Одет он был в белую рубашку с короткими рукавами и эполетами, черные брюки и черный галстук.

— Садитесь, Рой, — сказал он, указав на одно из кресел у кофейного столика. — Выпьете что-нибудь?

— Не отказался бы от кофе, сэр. — Грейс изо всех сил старался выбросить из головы все, что услышал от Клио, сосредоточиться и произвести благоприятное впечатление на Мартинсона.

— Вы какой пьете?

— Черный, без сахара, сэр.

Шеф улыбнулся, поднял трубку телефона, передал заказ и сел напротив Роя, скрестив руки на груди. На языке тела — держит дистанцию, подумал Грейс настороженно, несмотря на бодрое приветствие Мартинсона.

— Извините, что вытащил вас сюда в субботу.

— Никаких проблем, сэр. Я все равно работаю сегодня.

— Дело фермы Стоунри?

— Да.

— Есть что-то, что мне нужно знать?

Грейс в нескольких словах ввел его в курс дела.

— Должен сказать, — заметил Мартинсон, — для меня это приятная новость. Уверен, если следствием руководите вы, значит, дело в надежных руках.

— Спасибо, сэр, — сказал Грейс, приятно удивленный таким заявлением главного констебля.

— Причина, по которой я вас вызвал, — продолжал Мартинсон, переходя на более серьезный тон, — довольно деликатного свойства.

«Вот и приехали», — подумал Грейс. Похоже, речь все же пойдет о слиянии отделов тяжких преступлений суссекского и суррейского управлений.

Объяснений пришлось подождать — в кабинет вошла помощница шефа Джин, крайне редко работавшая по уик-эндам. Поставив на стол поднос с кофе и печеньем, она удалилась.

— Гея, — произнес Мартинсон и снова замолчал.

— Гея?

— Вы же понимаете, кого я имею в виду? Гею Лафайет, рок-певицу и актрису.

— Понимаю, сэр.

Последние две недели все средства массовой информации только и говорили о Гее Лафайет, так что не понимать, о ком идет речь, мог, наверное, лишь слепоглухонемой.

— Лично я придерживаюсь того мнения, что певица она более сильная, чем актриса, но кто я такой, чтобы судить?

Грейс кивнул:

— Я, пожалуй, соглашусь с вами. Поклонником ее не являюсь, но таковых знаю.

— Вот как?

— Например, детектив-сержант Брэнсон.

— Вам, конечно, известно, что она приезжает в Брайтон на следующей неделе для участия в съемках фильма о короле Георге IV и его любовнице Марии Фицхерберт?

— Я знаю лишь, что она приезжает. Детектив Брэнсон даже надеется, что, может быть, познакомится с ней. Полагаю, продюсеры знают, что миссис Фицхерберт была англичанкой, а не американкой?

Мартинсон улыбнулся и покачал пальцем.

— А вы знаете, что Гея родилась в Брайтоне?

— Да, в Уайтхоуке.

Мартинсон кивнул:

— Да, девочка, как говорится, далеко пошла.

На протяжении многих лет Уайтхоук оставался одним из беднейших районов Брайтона.

— Верно.

— Так вот, Рой, у нас возникает большая проблема. В последние дни я несколько раз разговаривал со старшим следователем отдела убийств полицейского управления Лос-Анджелеса, главой ее личной службы охраны, руководителем туристического управления Адамом Бейтсом и директором «Брайтон корпорейшн» Джоном Барраделом. Дело в том, что несколько дней назад возле дома Геи в Бель-Эйр застрелили ее ассистентку. Полиция полагает, что преступник ошибся и что настоящей целью была сама Гея.

— Впервые слышу.

— В британской прессе об этом почти не писали. Гея получила электронное письмо с предупреждением не соглашаться на роль Марии Фицхерберт. Судя по всему, служба безопасности не придала предупреждению какого-либо значения, что и неудивительно, поскольку такого рода письма поступают постоянно. Теперь положение изменилось, те, кому положено, зашевелились и считают, что нападение может повториться. Вот это письмо Гея получила на следующий после убийства ассистентки день.

Главный констебль взял лежавший на столе листок и протянул Грейсу. Суперинтендент пробежал глазами по строчкам.

«Я ошибся, дрянь. Тебе повезло. Но это ничего не меняет. В следующий раз повезет мне. Я достану тебя везде, куда бы ты ни подалась».

— Думаю, не мне вам объяснять, какой прекрасной рекламой для нашего города станут съемки этого фильма.

— Понимаю, сэр.

Том Мартинсон вымученно улыбнулся.

Криминальная история Брайтона началась в середине 1800-х. В начале 1930-х, после серии особо жестоких убийств, в том числе двух с расчлененными телами, обнаруженными в чемоданах, оставленных в камерах хранения железнодорожного вокзала, за городом закрепилось нежелательное звание «криминальной столицы Соединенного Королевства» и «уголовной столицы Европы». На протяжении многих лет туристическое управление всячески старалось избавить город от нехорошей репутации, а полиции удалось добиться значительного прогресса в снижении уровня преступности.

— Если за то время, что Гея пробудет здесь, с ней что-то случится, город понесет чудовищный репутационный ущерб. Понимаете, куда я клоню?

— Да, сэр. Я хорошо вас понимаю.

— Я в вас и не сомневался. Но есть одна проблема. Я уже обсуждал эту тему со службой охраны Скотленд-Ярда. По инструкции, высший уровень охраны гарантирован только членам королевской семьи, дипломатам и министрам правительства. Рок-звезды, как и кинозвезды, в этот список не входят, так что заботиться о безопасности надлежит им самим.

Грейс пожал плечами:

— Логично — деньги-то у них есть.

Том Мартинсон кивнул:

— Обычно так и бывает, и частные телохранители, по крайней мере, не подпускают к охраняемому лицу фанатиков. Но в этой стране им не разрешено носить оружие. Отсюда и проблема — как защитить охраняемого от человека с оружием.

Грейс отпил кофе. Подумать было над чем. При всем мрачном прошлом Брайтона городу повезло по крайней мере в одном отношении — здесь никогда не было такой проблемы, как вооруженные нападения, поразившей некоторые города Соединенного Королевства. Из всех убийств, совершенных в графстве Суссекс, лишь около десятка произошли с применением огнестрельного оружия. Но это вовсе не значило, что достать его так уж трудно — нужно лишь знать, к кому обратиться.

— Думаю, сэр, мы могли бы сделать исключение для нашей суссекской службы охраны.

Мартинсон кивнул.

— Я хочу, чтобы вы провели оценку рисков и прописали стратегию безопасности для Геи на время ее пребывания в Брайтоне с учетом возможной угрозы со стороны вооруженного неизвестного. Предлагаю встретиться в понедельник утром и потом еще раз попозже уже со старшими групп, которые нам придется задействовать, и помощником главного констебля. Мне очень жаль, что приходится обременять вас новыми поручениями в самом начале уик-энда.

— Ничего страшного, сэр. — Суперинтендент постарался не выдать волнения. Новое задание давало ему отличную возможность показать себя перед главным констеблем в лучшем свете. При этом он прекрасно понимал, какой груз ответственности взваливает на свои плечи. Теперь его карьера зависела во многом от того, удастся ли защитить Гею во время ее нахождения в городе. А между тем, как показывало последнее дело, операция «Скрипка», профессиональному американскому киллеру проникнуть в Брайтон не составляло особого труда.

Мартинсон разомкнул наконец руки, взял с тарелки печенье, но есть не стал, а нахмурился, словно подбирая подходящие слова для того, что лишь сейчас пришло ему в голову.

— И вот что, Рой. Дело совсем другое, но хочу предупредить вас кое о чем.

— Да?

— Насколько я понимаю, вам приходилось некоторое время назад сталкиваться с одним местным негодяем по имени Эмис Смолбоун?

При одном лишь упоминании этого мерзкого подонка Грейс невольно поежился.

— Я отправил его за решетку с пожизненным, и ему это не очень понравилось. Впрочем, такое мало кому нравится.

Том Мартинсон усмехнулся, но тут же посерьезнел.

— Если не ошибаюсь, это было лет двенадцать назад, не так ли?

Грейс быстро прикинул:

— Да, сэр.

Эмиса Смолбоуна он считал одним из самых подлых и злобных мерзавцев, с которыми когда-либо имел дело. Невысокого росточка, всего пять футов один дюйм, с вечно сальными, прилизанными волосами, одевавшийся зимой и летом в модные, но слишком тесные для себя костюмы, Смолбоун буквально источал самоуверенность и наглость. Копировал ли он какого-то взятого за образец киношного гангстера или помешался на Марлоне Брандо в «Крестном отце», этого Грейс не знал, да и узнать не стремился. Сейчас Смолбоуну было шестьдесят с небольшим, и он представлял собой последнего из живых наследников криминальных семей Брайтона. В свое время три поколения Смолбоунов контролировали рэкет в Кемптауне, получали доход от нескольких залов игровых автоматов, держали в своих руках торговлю наркотиками в половине ночных клубов и городскую проституцию. Ходили слухи — их с энтузиазмом поддерживали и в полицейской среде, — что одержимость Смолбоуна проституцией проистекала из его собственной сексуальной несостоятельности.

Когда Грейс лично арестовал Смолбоуна по обвинению в убийстве конкурирующего наркодилера посредством брошенного в ванну последнего электрообогревателя, тот пригрозил местью и детективу, и его жене, Сэнди. Три недели спустя, когда Смолбоун сидел в камере предварительного заключения, кто-то опрыскал гербицидом все растения в саду Грейса — самой большой страсти Сэнди, — превратив его в выжженную пустыню.

В центре лужайки чернели два слова:

«ТЫ ТРУП».

Грейс сидел в зале суда, когда жюри присяжных вернулось из совещательной комнаты с приговором — *виновен.* Сидевший на скамье подсудимых Эмис Смолбоун сложил пальцы пистолетом и, направив воображаемое дуло на детектива, произнес губами одно только короткое слово: «БУМ!»

— У меня не самые хорошие новости, Рой. — Том Мартинсон посмотрел на печенье в пальцах, но снова воздержался. — Я подумал, что должен предупредить вас сам, потому что служба исполнения наказаний вряд ли раскачается. Директор тюрьмы Белмарш мой старый университетский друг, вот он со мной и поделился информацией. В общем, Эмис Смолбоун освобожден по специальному разрешению три дня назад.

Грейс моментально вспомнил утренний разговор с расстроенной Клио и почувствовал, как по спине прошел холодок.

— У него есть адрес, по которому ему предписано находиться?

Грейс знал, что заключенный, отбывающий пожизненный срок и отпущенный по специальному разрешению, должен находиться по определенному для него адресу и подчиняться многочисленным, ограничивающим его свободу правилам, за соблюдением которых обязан следить инспектор службы надзора.

— Да, Рой, есть. Смолбоун определен в хостел на побережье, но, похоже, уже сорвался. Боюсь, его не видели там уже два дня.

Покупать коллекционные вещи — дело непростое, нужно уметь правильно выбирать время. Анна Галишия, как и другие истинные коллекционеры, прекрасно это знала.

Она сидела в позолоченном, обтянутом белым велюром кресле, точной копии кресла Геи в ее апартаментах на авеню Сентрал-Парк-Уэст, фотографию которых поместил журнал «Хэлло!». Кресло по заказу изготовила одна мебельная фирма в Брайтоне, и теперь Анна сидела в нем точь-в-точь в той же позе, что и Гея, с незажженной сигаретой между указательным и средним пальцами опущенной безвольно руки. Иногда она представляла себя сидящей в Дакота-Билдинг перед окном с видом на Центральный парк. В том самом здании, возле которого застрелили Джона Леннона.

В звездах, умерших насильственной смертью, было что-то особенное, волнующее и притягательное.

Она затянулась воображаемой сигаретой, потом стряхнула воображаемый пепел в эмалированную пепельницу с изображением Геи. Это время, субботнее утро, Анна любила больше всего, ведь впереди еще весь уик-энд. Целых два дня, полностью посвященные кумиру! А на следующей неделе — о боже, она едва сдерживала волнение! — Гея будет здесь, в Брайтоне!

Местная газета, «Аргус» — она лежала сейчас раскрытая перед Анной, — поместила фотографию невзрачного домика в Уайтхоуке, где родилась Гея. Только тогда ее звали, конечно, не так. Тогда она была Анной Мамбай. Но, криво усмехнулась Анна, разве не все они меняли свои имена?

Она осторожно сняла с колен ноутбук, переставила его на пол, сделала глоток кофе — *Гея спасает эксплуатируемых,* — сваренного из зерен средней обжарки, поднялась и подошла к серебристому воздушному шарику с розовыми буквами, складывающимися в надпись: *Тур Геи: сердечные тайны.* Обошедшийся в шестьдесят фунтов, шарик свисал с потолка, покачиваясь на шнурке. Выглядел он немного съежившимся. Анна подтянула его пониже, любовно подкачала гелием из специально хранившегося для этой цели баллончика и отпустила.

Она снова села, вдыхая наполнявшие комнату запахи: картона, бумаги, винила, лака и едва ощутимый аромат «Полуденного романа», духов Геи, которые распыляла ежедневно. Потом подняла ноутбук и вернулась на аукционную страницу eBay.

На этот раз борьба шла за бутылку «пино нуар», произведенного из экологически чистого винограда, выращенного на собственном винограднике Геи в долине Напа. Как и все другие ее товары, бутылка была помечена помещенным на этикетке логотипом крошечной скрытной лисички, лисички-подружки, и снабжена личным автографом звезды. Все деньги, вырученные на этом благотворительном аукционе, уходили на содержание школы в Кении. Еще одно доказательство благородства и доброты Геи Лафайет. Вино выставил на продажу некий британский поклонник Геи, победивший Анну на первом аукционе три года назад. Другая поклонница звезды по секрету предупредила Анну на чат-форуме, что недавно этот коллекционер потерял работу и ему срочно требуются наличные.

Именно этого вина в коллекции Анны и не хватало, что серьезно ослабляло ее позиции. Во всем мире насчитывалось двенадцать бутылок с автографом Геи на этикетке. Деньги у Анны были, так что она могла побить самую высокую ставку и потому чувствовала себя всесильной. Сегодня ее не превзойдет никто! «Пусть только попробуют», — с мрачной усмешкой подумала Анна.

Когда они встретятся на следующей неделе, она обязательно расскажет Гее об этой бутылке. Может быть, даже прихватит бутылку с собой и попросит Гею проставить на этикетке дату.

До конца аукциона оставалось двадцать восемь минут. На экране выскочило очередное предложение — 375 фунтов! На целую сотню больше, чем в прошлый раз. Борьба разгоралась.

Но кто бы ни участвовал в торгах, сегодня у них не было ни малейшего шанса против Анны. Сегодня она была в особенном настроении, которое называла *настроением глубокого кармана* и которое почти наверняка гарантировало победу. Лишь один раз, в прошлом году, кому-то удалось взять над ней верх. Только один раз. Ха!

Все ее знакомые коллекционеры жили в предвкушении нового фильма с участием их кумира. «Королевская любовница». На фанатских сайтах только о нем и говорили. Если картина станет хитом — а все указывало, что так оно и будет, — то ценность ее коллекции взлетит до неба!

Впрочем, продавать Анна не собиралась. Она всегда только покупала и не намеревалась менять стратегию. Ее раздражало, когда люди начинали тупо играть против нее. Они как будто претендовали на то, что по праву принадлежало ей одной. Анна смотрела на новую ставку, и ее душила злость.

Вы еще не знаете, с кем связались.

24

После разговора с Томом Мартинсоном Рой Грейс отправился в Льюис, точнее, в свой любимый цветочный магазин «Риверсайд флорист». Хозяйка, Николь Хьюз, готовила букет для клиента, и он сначала подождал, пока она закончит, а потом попросил большой букет для Клио — порадовать после работы.

Наблюдая за Николь, Грейс заметил, что она прихрамывает.

— Надеюсь, кому-то досталось сильнее, — пошутил он.

— Ха-ха! Черта с два! Коленка. Побаливает изрядно, но вы же пришли не мои жалобы слушать!

Выйдя из магазинчика, он положил букет в багажник и, прежде чем поспешить в Брайтон, на встречу с Гленном Брэнсоном, еще раз взглянул на фотографию, которую Клио прислала на его «блэкберри». На слова, процарапанные на капоте ее машины.

«ПОЛИЦЕЙСКАЯ ШЛЮХА. ТВОЙ РЕБЕНОК СЛЕДУЮЩИЙ».

Сомнений относительно автора этого послания не было. С таким же успехом Эмис Смолбоун мог оставить свой автограф. И конечно, как и тогда, в случае с теми словами на лужайке перед домом, он сделал это не сам. Такой человек, как Смолбоун, руки марал нечасто, разве что удовольствия ради издеваясь над жертвой — отрезая пальцы, уши или гениталии.

Но в чем смысл послания? Грейс задумался.

Если бы Смолбоун хотел отыграться на Клио, он организовал бы нападение и не мелочился. Подумать о безопасности Клио, конечно, надо, но сейчас, решил Грейс, непосредственной угрозы ей лично нет. Надпись на машине — это скорее вызов, уничижительный жест. Эмис Смолбоун дает знать, что вышел из тюрьмы, и напоминает, что ничего не забыл. Типичное для подонка поведение — нарушить правила освобождения, поиграть на нервах у властей, посмотреть, что они готовы терпеть и что можно себе позволить.

Ладно, он еще пожалеет, пообещал Грейс.

Заведение Грешама Блейка скромно располагалось на углу Черч и Бонд-стрит, неподалеку от дома Клио. Грейс не раз проходил мимо него, с любопытством поглядывая на выставленные в витрине пестрые предметы мужского гардероба, но внутрь не заходил

никогда — эти вещи не только были ему не по карману, но и предполагали совсем иной стиль жизни. Интерес к одежде проявился у него относительно недавно, с подачи Гленна Брэнсона, изводившего насмешками и призывавшего предпринять меры, чтобы выглядеть моложе и круче. Как и большинство детективов, он предпочитал носить строгие деловые костюмы, потому что, работая в полиции, никогда не знаешь, где окажешься или с кем встретишься в течение дня.

Без нескольких минут одиннадцать Грейс оставил машину на многоуровневой стоянке возле Черч-стрит — цены здесь каждый раз вызывали у него не лучшие чувства — и, подойдя к тротуару, увидел Гленна Брэнсона, стоявшего у витрины с телефоном у уха. Вид он имел такой, словно ему принадлежало все заведение. День выдался теплый и солнечный, и тротуары заполнили толпы гуляющих. Чуть выше по улице пролетела, завывая сиреной и пугая мигалкой, полицейская машина, но горожане настолько привыкли и к одному и к другому, что лишь несколько человек повернули голову.

— Какие новости? — первым делом спросил Грейс, когда сержант закончил разговор, а звук сирены стих вдалеке.

Брэнсон сунул телефон в карман.

— Пока ничего особенного. — Он взглянул на часы. — Вскрытие начнется в полдень. Ты пойдешь?

— Подумал, что оставлю тебе такое удовольствие. Если, конечно, не возражаешь. У меня, видишь ли, кишка тонка.

Брэнсон застонал:

— Да, вот уж где ужас.

Грейс усмехнулся, хотя настроение и не располагало к шуткам. Мысли постоянно соскакивали на новость об освобождении Эмиса Смолбоуна и неприятность с машиной Клио.

— Да, еще кое-что, шеф. У матери Беллы, похоже, случился приступ. Ее увезли в больницу, и я отпустил Беллу.

Грейс кивнул. Обычно он не допускал, чтобы личное как-то мешало расследованию, тем более в критически важные первые дни, но для Беллы Мой мать была всем. В свои тридцать с лишним Белла жила в одном доме с прикованной к кровати женщиной, не имея, насколько знал Грейс, никакой личной жизни.

— Жаль, — сказал он.

— Белла очень расстроилась.

Брэнсон вошел в ателье первым, Грейс последовал за ним. На полках лежали рубашки, в углу высились коробки с обувью, на витринах демонстрировались запонки для манжет. Туфли тонули в толстом ковре, в воздухе висел густой, терпкий аромат мужского одеколона. Брэнсон представился стоявшему за прилавком молодому человеку с фигурной стрижкой, перебрал свисавшие с полки галстуки и повернулся к Грейсу:

— Тебе бы, старичок, несколько таких не помешали. Твои галстуки — тряпки. И новый костюмчик здесь определенно можно подобрать. — Он показал на яркий голубой пиджак в мелкую белую полоску, в который был одет стоявший рядом манекен. — Вот этот точно придал бы тебе солидности. Выглядел бы настоящим шефом.

Грейс с сомнением посмотрел на костюм — слишком кричащий, на его вкус. Когда Гленн в прошлый раз вытащил его «приодеться», он ухитрился потратить около двух с половиной тысяч фунтов. Больше на уговоры друга он не соблазнится, тем более учитывая предстоящие расходы на ребенка.

Между тем внимание сержанта уже привлек белый пиджак.

— И вот этот тебе тоже пойдет. Помнишь тот фильм Алека Гиннеса, «Человек в белом костюме»?

Ответить Грейс не успел — в помещение, спустившись по короткой лестнице, вошел мужчина лет тридцати пяти с приятным, но встревоженным лицом и взъерошенными волосами, придававшими ему неряшливый вид. На нем был твидовый пиджак, слишком теплый для солнечного летнего дня, свободная рубашка и спущенный наполовину галстук. На лбу у него поблескивали капельки пота.

— Здравствуйте, джентльмены. Я — Райан Фэрриер.

— Гленн Брэнсон, мы с вами сегодня разговаривали. — Сержант протянул руку и, поздоровавшись с портным, добавил: — Мой шеф, суперинтендент Грейс.

Грейс тоже пожал Фэрриеру руку, после чего все трое поднялись по узким, неровным ступенькам в комнату, заставленную рядами стоек с висящими на них костюмами, как готовыми, так и незаконченными, с торчащими нитками. В углу стояло высокое антикварное зеркало. Здесь пахло свежей тканью и лаком. Фэрриер провел гостей дальше, в комнату еще меньше и тоже заставленную стойками с пиджаками и брюками. Кроме зеркала, тут была и тесная, завешенная шторой примерочная. В своем темно-синем, купленном в незапамятные времена на распродаже у «Маркса & Спенсера» костюме, Грейс сразу почувствовал себя неловко.

— Итак, джентльмены, чем могу помочь? — спросил портной, поворачиваясь к ним и складывая руки на груди.

К своему глубочайшему стыду, Грейс заметил, с каким неодобрением Фэрриер прошелся взглядом по его одежде. Сам он никогда бы не отличил дешевый костюм от дорогого, но опытному мастеру, несомненно, хватило пары секунд, чтобы обнаружить характерные признаки.

Брэнсон достал из кармана пластиковый пакетик для вещественных улик и показал портному:

— Эти клочки ткани обнаружены в непосредственной близости от трупа, который нам нужно идентифицировать. Может быть, вы сможете что-то сказать?

— Их можно достать оттуда?

— Боюсь, что нет. — Брэнсон протянул ему пакет. — Извините, отдать в химчистку еще не успели.

Фэрриер неловко усмехнулся, как будто не зная, шутит полицейский или нет, и внимательно осмотрел содержимое.

— Костюмная ткань. Что-то вроде твида.

— Имея в распоряжении вот это, возможно ли определить, какой портной работал с материалом? — спросил Грейс.

Райан Фэрриер еще осмотрел обрывки ткани и нахмурился.

— Образцы слишком малы. Если вам нужно установить, кто пошил этот костюм или пиджак, рассчитывайте на сам материал. Это твид, очень высокого качества, плотный, тяжелый.

— Зимний материал?

— Скорее всего. Он значительно плотнее того, из которого пошит мой пиджак. Из такого твида шьют одежду для занятий на свежем воздухе, может быть для классической охоты. Хотя цвет не самый подходящий. Слишком, я бы сказал, смелый. Чтобы такой надеть, надо быть немного хвастуном.

«Плотная ткань… Можно предположить, — подумал Грейс, — что убийство случилось в холодное время года, скорее всего зимой».

— На мой взгляд, — добавил Фэрриер, — это твид от «Дормей». Могу уточнить у них в понедельник. Вы не могли бы оставить мне небольшой срез?

— Извините, нет, — покачал головой Грейс. — Слишком велика опасность загрязнения образца. Но мы можем оставить вам фотографии.

— А скольких портных может обеспечивать тканью такая компания, как «Дормей»? — поинтересовался Брэнсон.

Фэрриер задумался лишь на секунду.

— Сколько? Да сколько угодно! Сотни. Может быть, тысячи. Их материалы берут все самые лучшие портные — прекрасное качество, хотя и цены, конечно, высоки. Как я уже сказал, этот материал довольно пестрый, так что носить такую одежду рискнет не каждый. Думаю, у «Дормей» есть список покупателей именно этой ткани.

— Спасибо, вы очень нам помогли. — Сержант повернулся к Грейсу: — Хотя, конечно, вещь не обязательно изначально принадлежала жертве. Наш парень мог купить ее в магазине секонд-хенд. В Брайтоне их немало.

Фэрриер принял оскорбленный вид:

— Не думаю, что найдется много таких, кто, заплатив за костюм из дормейской ткани, отдаст его потом или продаст. Качественные вещи приобретают на всю жизнь.

В данном случае до самой смерти, едва не добавил Грейс.

25

Он сидел в полутьме, в тесном, продавленном кресле, слушая непрерывный, негромкий, но назойливый гул моторов, ощущая всем телом дрожь корпуса, когда самолет попадал в зону турбулентности. Большинство пассажиров спали. Спал и его сосед, придурок, выдувший четыре мерзкие коки с виски и теперь регулярно, через каждые несколько минут, начинавший громко храпеть.

В самолете храпеть нельзя. И дети в самолете не должны плакать. Тех, что плачут, следует смывать в туалете. У него руки чесались натянуть соседу на голову пластиковый пакет. В темноте никто бы и не увидел.

Но злость приходилось сдерживать.

Поэтому на коленях у него лежала открытая книга — «Управляйте вашим внутренним гневом».

Проблема заключалась в том, что само чтение книги вызывало злость. Написал ее какой-то шарахнутый психолог. Разве психологи в чем-то разбираются? Да они же сами все чокнутые.

«Глава 5. Составьте свой личный план действий (разработка Лорейн Белл)
Составьте свой собственный план по управлению и снижению гнева и постоянно носите его с собой».

Носить с собой? Где? В чем? В портфеле? В чемодане? В миске на голове? Привязать к мошонке?

«Отмечайте, когда именно вы более всего склонны к гневу. Например, после напряженного рабочего дня или употребления алкоголя».

Или после того, как жизнь в очередной раз насрет на тебя с большой высоты?

Он чувствовал, как в нем снова начинает подниматься злость. Сосед снова захрапел, громко, как цепная пила. Он ткнул его в бок, сильно, по-настоящему, и, повернувшись, процедил:

— Заткнись на хрен, ты понял?

Сосед сонно моргнул, не понимая, в чем дело.

Он поднял руку со скрюченными пальцами.

— Захрапишь еще раз — язык вырву.

Секунду-другую сосед смотрел на него так, будто хотел что-то сказать, но потом передумал, похоже поняв, что это не пустая угроза. Глаза его беспокойно забегали. После недолгого колебания он расстегнул пояс, поднялся и пошел по проходу.

Он вернулся к книге.

«Я знаю, когда начинаю злиться, потому что отслеживаю ранние предупреждающие знаки. Такие, например, как ощущение дрожи, сжатые кулаки».

Да, его уже трясло, и пальцы уже сжались в кулаки. В том-то и дело, что мог бы не только вырвать храпуну язык, но и получил бы от этого удовольствие, как те люди, что в давние времена вырывали языки раскаленными щипцами. Придурок это заслужил. Люди не имеют права так храпеть.

«Когда я злюсь, я думаю или говорю себе так…»

Дальше шли пустые строчки, которые следовало заполнить. Но он ничего заполнять не собирался, потому что и так знал, какие мысли приходят в голову.

«Причины, по которым я хотел бы измениться:
Последствия несдержанности?
Потому что я плохо чувствую себя потом?
Потому что я нездоров, и злость не помогает выздоровлению?»

Он захлопнул книжку, чувствуя в себе гнев. Если гнев вырвется, унять его будет уже невозможно, останется только ждать, пока он уймется сам. Гнев походил на змей, дремлющих ядовитых змей, которые проснулись, развернули кольца и уже готовятся к броску.

В том-то и дело, что ему нравилось это чувство.

Гнев освобождал. Гнев придавал сил.

Слишком многие слушали слова того придурка Матфея: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Вот так. Без дураков.

Он пообещал прочитать книжку и заполнить все пробелы. Таким было одно из предложений доктора. Постараться перефокусировать свой гнев во что-то позитивное. Ха! В чем тут смысл? Да, он делал в прошлом плохие вещи, но во всем были виноваты змеи. Не он виноват, что люди будят змей.

И эти змеи бодрствовали уже несколько дней.

26

Что облегчает полиции работу, размышлял Рой Грейс, так это предсказуемость некоторых преступников. Злоумышленники старой школы привязаны к определенной территории и не способны расстаться с привычками, например с выпивкой.

Но, как и все в жизни, ничто не стоит на месте, и прежние мошенники, с которыми опытные полицейские могли завязать своего рода доверительные отношения за кружкой пива в пабе и у которых вытягивали порой ценную информацию, вымирали как динозавры. На смену им приходило новое поколение, более жадное, вульгарное, злобное и куда менее склонное к общению.

Нужный осколок уходящей эпохи Грейс нашел в четвертом пабе, куда вошел незадолго до полудня. Терри Биглоу сидел сгорбившись в мрачноватом пустом зале, изучая расписание скачек. На столе перед ним стоял наполовину пустой стакан в полпинты. Рядом привалилась к стене палка. Никого больше в зале не было, если не считать бритоголового, в татуировках крепыша за стойкой, который, за неимением более увлекательного занятия, протирал стаканы.

Как и Эмис Смолбоун, Биглоу был наследником одной из самых больших в городе криминальных семей. На протяжении трех первых послевоенных десятилетий Биглоу заправляли в Брайтоне наравне со Смолбоунами: крышевали бизнес, контролировали значительную часть наркоторговли, отмывали деньги через сеть магазинов по продаже антикварной мебели и ювелирных украшений. В те дни связываться с Биглоу рискнул бы далеко не каждый, смельчаку же могли запросто попортить карточку — бритвой или кислотой. Когда-то он слыл модником и любил хорошо и дорого одеваться, но та пора миновала — и уже давно.

Последний раз Рой Грейс видел его несколько месяцев назад, и тогда Биглоу сказал, что заболел. Произошедшая с ним за это время перемена поразила суперинтендента. Сухое, кожа да кости, лицо, неухоженные, торчащие клоками волосы, содержавшиеся когда-то в безупречном виде, потрепанный коричневый костюм и кремовая рубашка — без галстука, застегнутая на все, до самого верха, пуговицы. Одежда сидела мешковато, словно старик уменьшился на три размера.

Биглоу уставился на подошедшего к столику Грейса глазами испуганного грызуна, потом тонкие, влажные губы расщепились в невеселой улыбке.

— Инспектор Грейс, рад видеть! — Голос у него был слабый, дрожащий, с присвистом, как будто сам акт речи давался ему с трудом и отнимал слишком много сил. Лежавшие на столе руки исхудали до такой степени, что напоминали птичьи лапки. Браслет золотых часов болтался на тонком запястье.

— Вообще-то, Терри, детектив-суперинтендент, — поправил старого знакомца Грейс, опускаясь на стул напротив.

От Биглоу исходил неприятный запах, словно он спал одетый.

— Да, вы же пошли на повышение. Теперь вспомнил, вы же сами мне и говорили. Поздравляю. — Он нахмурился. — Или я уже поздравлял?

Грейс кивнул:

— Да, в прошлый раз. — Он кивком указал на стакан. — Могу угостить?

— Пить-то мне не полагается. Больной. Вы и сами видите, инспектор… извините, детектив-суперинтендент. Заработал рак. Держусь на лекарствах, а с ними пить не положено. Да только какая теперь разница, верно? — Он посмотрел Грейсу в глаза, словно надеясь услышать слова поддержки от старого противника.

Как реагировать? Грейс не знал. Если бы предложили пари, он не дал бы Биглоу больше нескольких недель, в лучшем случае пары месяцев.

— Медицина, как говорят, наука неточная. Что и как, этого никто не знает. — Он улыбнулся.

Биглоу не ответил, только смотрел. «Боится», — подумал Грейс. А ведь он и вправду боится.

А ведь когда заправлял половиной города, не боялся, так, Терри? О чем будешь думать в последние секунды? О тех, чью жизнь поломал наркотиками? О ни в чем не повинных владельцах магазинов, чьи заведения поджигал, потому что они отказывались платить за «крышу»? О беспомощных стариках, у которых твои молодчики отбирали самое ценное? Как ты будешь чувствовать себя, отправляясь на встречу с Творцом со всем этим?

— Так чем могу помочь, мистер Грейс? — просипел Биглоу. — Вы ж сюда не ради доброго пива пришли и не за приятной компанией.

Задавая вопрос, Грейс внимательно следил за глазами собеседника.

— Слышал, Эмис Смолбоун вышел?

Биглоу отреагировал не сразу.

— Так, значит, вышел? — прохрипел он наконец. — Долгонько его тут не было. Оно и к лучшему, я так скажу.

Грейс знал, что эти двое никогда теплых чувств друг к другу не питали.

27

Детективы ушли, а Гея Лафайет — в голубых джинсах и свободном черном топе — бессильно опустилась на край белой софы в гостиной своего дома в Бель-Эйр и снова расплакалась. За последние три дня полиция навещала ее трижды. Подозреваемых у них по-прежнему не было, но они получили смазанный снимок с камеры наблюдения, который отправили в лабораторию. Баллистическую экспертизу уже провели, но подходящего оружия в полицейских базах данных не нашлось.

Детективы снова прошлись по возможным мотивам убийства и снова расспрашивали ее о возможных врагах. В списке мотивов значились деньги, зависть, личная месть. Не исключено, что преступником мог быть случайный сумасшедший. Впрочем, судя по тому немногому, чем располагали детективы, последняя версия представлялась им маловероятной. Скорее всего, целью убийцы была она, но он ошибся, приняв за нее другую.

Провожавшая полицейских ее ассистентка Саша вернулась в комнату. Саша постриглась и перекрасила волосы в черный цвет. Ошибок больше не будет, никто уже не спутает ее девушек с ней. Гея не стала слушать ни главу своей службы безопасности Эндрю Галли, стоявшего на том, что убийство Марлы — еще одна причина придерживаться прежней линии и требовать, чтобы ассистентки копировали ее прическу и одежду, ни своего нынешнего бойфренда Тодда, говорившего о том же.

Но Гея отказалась подвергать девушек такому риску. Двойники были игрой, шуткой, пусть даже не самого лучшего вкуса. Разве могла она подумать, что забава обернется смертью.

— Ты почему плачешь, мама?

Завернувшийся в полотенце, с мокрыми после бассейна волосами, Роан шел к ней через комнату.

— Маме грустно, милый.

— Грустно из-за того, что Марла не вернется?

Гея обняла сына и поцеловала в лоб. Сначала она думала оставить его здесь, но теперь об этом не было и речи. Он поедет с ней в Англию, где она сможет присматривать за ним и защищать.

Ее агент, ее менеджер и Тодд, все в один голос убеждали отказаться от участия в проекте. Как можно обеспечить безопасность в Англии, где телохранителям запрещено носить оружие? В том-то и дело, отвечала Гея. В стране, где нет культа оружия, она будет чувствовать себя в большей безопасности. Кроме того, скрываться от зрителей, прятаться от публики — не в ее стиле. Она же Гея, богиня земли! Мать-земля защитит ее точно так же, как сама Гея защищает землю.

А если перейти на другой, практический уровень, то ведь весь проект зависел теперь от нее, и съемки должны были начаться уже на следующей неделе. Если она уйдет сейчас, все рухнет. Продюсеры ясно дали понять, что перенос съемок из Брайтона в Лос-Анджелес невозможен. Да и сколько можно, в конце концов, прятаться? Если кто-то хочет убить ее, он подождет. Недели, месяцы, может быть, годы. Ей ничего не остается, как только жить.

Гея прижала к себе сына.

— Ты ведь знаешь, что мама любит тебя больше всего на свете?

— Я тоже тебя люблю.

— Так что мы — классные, а?

Он кивнул.

— Хочешь поехать в Англию?

Мальчик пожал плечами.

— Наверное. — Он нахмурился. — А это далеко?

— Далеко. Мы поедем в город на побережье. У них там есть пляж. Хочешь поиграть на пляже?

Его глаза блеснули.

— Наверное.

— Наверное?

— А Марла там будет?

— Нет, милый, Марлы не будет. Мы будем вдвоем. Будем заботиться друг о друге. Ты ведь будешь заботиться о маме?

Несколько секунд Роан смотрел на нее круглыми доверчивыми глазами, и она смотрела на него, чувствуя, что никогда не любила сына так сильно и никогда так сильно не боялась за него. За него и за себя. Гея обняла его крепко и бережно, прижалась к мягкому, нежному личику, вдохнула оставшийся на коже и волосах запах хлора. И непрошеные слезы покатились по щекам.

28

Мало кто из знакомых Рою Грейсу полицейских считал годы до отставки с прилагающимся к ней внушительным соцпакетом, тем более что последние бюджетные сокращения не лучшим образом сказались на моральном духе большинства служителей закона. С другой стороны, он знал многих, кто, подобно ему самому, ожидал этот день с тревогой и даже страхом.

За спиной у него осталось двадцать лет службы, впереди маячили еще десять, которые могли растянуться до пятнадцати в случае прохождения поправок, обсуждение которых шло сейчас в верхах. И все же временами и ему начинало казаться, что время бежит слишком быстро.

Обычно такие мысли приходили в голову в редкие минуты бездействия, когда Грейс, думая о жизни, находил немало поводов порадоваться и поблагодарить судьбу за дарованные блага. Такая минута выпала и сейчас, пока его команда собиралась в оперативном штабе на вечерний субботний инструктаж.

В иные дни даже не верилось, что ему и впрямь посчастливилось заниматься любимой работой. Конечно, и здесь встречались не самые приятные люди, как, например, его бывшая начальница Элисон Воспер, и здесь действовали на нервы бюрократические процедуры, но все же, оглядываясь назад и оценивая проделанный путь, Грейс мог, нисколько не кривя душой, сказать, что за всю карьеру набралось бы не больше полдюжины дней, когда ему не хотелось идти на работу. Особенно ему нравилось то, что здесь всегда находилось или случалось что-то новое и дни редко походили один на другой.

Вот и сейчас он занимался тем, что любил больше всего, то, что всегда накачивало его адреналином: первой стадией расследования убийства.

— Восемнадцать тридцать, воскресенье, четвертое июля, — прочитал он, заглянув в записи, приготовленные его верной секретаршей Элинор Ходжсон. — Это наш третий инструктаж по операции «Икона». Итак, что у нас имеется на текущий момент. — Грейс оторвался от листка и оглядел собравшихся. Отсутствовала только, не считая вкушавшую прелести медового месяца Эмму Джейн Бутвуд, Белла Мой, все еще остававшаяся в больнице с матерью. Он повернулся к Гленну Брэнсону:

— Если можно, коротенько о результатах вскрытия.

— Судя по информации, предоставленной патологоанатомом доктором Надюшкой Де Санчей и криминалистом-археологом Джоан Мейджор, жертва мужчина, европейской внешности, средних лет, от сорока пяти до пятидесяти. Перелом подъязычной кости и порез в районе верхнего позвонка указывают на вероятное удушение посредством тонкой проволоки. Как и следовало ожидать, значительный распад желудочных остатков. Химический анализ тем не менее выявил присутствие фрагмента устричной раковины, а также этанола — он пил вино.

— Э-э… известно, белое или красное? — подал голос Норман Поттинг.

— А это имеет какое-то значение? — спросил Ник Николл.

— Мы могли бы судить, что он за парень, — пояснил с ухмылкой Поттинг. — Если пил с устрицами красное, значит, мы имеем дело с какой-то швалью.

— Обнаруженные в непосредственной близости от тела фрагменты одежды взяты для анализа и предъявлены в ателье известного брайтонского портного Грешама Блейка, — не обращая внимания на шутника, продолжал сержант. — Скорее всего, материал — плотный костюмный твид. Возможно, с помощью Блейка нам удастся установить производителя. Фрагменты имеют довольно необычную окраску, и мы надеемся, выйдя на производителя, получить список розничных торговцев, у которых мог быть куплен готовый костюм, или на портного, пошившего вещь на заказ.

— Вроде того самого Грешама Блейка? — спросила детектив Эмма Ривз.

— Вот именно, — подтвердил Брэнсон.

Заметив, что детектив Николл поднял руку, Брэнсон кивнул ему.

— Всего лишь небольшое замечание, Гленн. Немного странно, что убийца не пожалел времени и сил на расчленение — вероятно, чтобы затруднить опознание жертвы, — но при этом оставил на нем одежду.

— Согласен, — ответил Грейс. — Я думал о том же. Возможно, это рассчитанный ход, чтобы пустить нас по ложному следу. Или же, что, на мой взгляд, вероятнее, убийца посчитал, что одежда, оказавшись в коррозийной среде, растворится вместе с телом, и просчитался. У меня уже были дела, когда жертву расчленяли в одежде. Такое случается обычно, когда преступник действует в состоянии паники.

Детектив Джон Экстон, подняв руку, посмотрел сначала на Брэнсона, потом на Грейса:

— Сэр, если дело обстоит так, как вы говорите, то, может быть, он и убил в панике. Например, двое подрались, и один зашел слишком далеко, а потом, не думая, что на убитом одежда, просто отрубил голову и конечности, чтобы скрыть личность жертвы?

Детектив-сержант Гай Батчелор, плотный, добродушный здоровяк с открытой улыбкой, покачал головой, поразительно напоминавшей формой мяч для рэгби.

— Если уж он собирался расчленить тело, то, конечно, сначала снял бы одежду. Так ведь и дело делать намного легче.

— Я склоняюсь к точке зрения шефа, — сказал Брэнсон и посмотрел на Дэвида Грина: — А вы что думаете?

Крупный, солидный мужчина около пятидесяти, с короткими седыми волосами, в спортивном пиджаке и серых брюках, Грин всегда выглядел деловито и серьезно, но при этом располагал к себе радушной улыбкой.

— Этот курятник… Не самое подходящее место для таких останков. Фермер, Кит Уинтер, понятия не имеет, как они могли туда попасть. Несушек своих он ничем таким не кормит.

— Разве что кто-то специально оделся для куриной вечеринки, — вставил Поттинг.

Послышавшиеся смешки тут же замерли под суровым взглядом Роя Грейса.

— Достаточно, Норман, спасибо.

— Прошу прощения, шеф, — пробормотал Поттинг.

Заглянув в записи, Брэнсон продолжил:

— По приблизительным расчетам, время смерти — от шести месяцев до одного года назад. Состояние тела указывает, что его покрыли окисью кальция, более известной в наше время как негашеная известь. Любительская попытка ускорить процесс разложения и уничтожить ДНК. Джоан Мейджор получила ДНК из костей и отправила на ускоренный анализ. Результаты получим к понедельнику. А пока следственная группа под руководством Нормана Поттинга проверит пропавших без вести.

Он отпил из стоявшей на столе бутылки с минералкой.

— Параметры поиска мы с шефом установили такие: Суссекс, граница Суррея и Кента. Поскольку патологоанатомы могли и ошибиться в оценке возраста жертвы, работать будем по всем заявлениям о пропавших. У кого-нибудь что-то есть? — Он кивнул детективу Аннализе Винир, работавшей с полицейской информационной системой ХОЛМС.

Старательная и трудолюбивая, но также и добродушная, с длинными черными волосами и закрывающей лоб челкой, Аннализа одевалась во все черное и выглядела мрачновато, компенсируя драматичность наружности деловитостью и эффективностью.

— Мы решили расширить временные параметры поисков — после обсуждения вопроса с детективом Поттингом — от трех до восемнадцати месяцев. В списке пропавших без вести триста сорок пять человек. Из них мужчин — сто сорок пять. Пока мы исключили восемьдесят семь — по параметрам возраста и телосложения.

Грейс произвел несложные вычисления:

— Значит, остается пятьдесят восемь человек?

— Да, сэр.

Он повернулся к Поттингу:

— Какие у нас успехи, Норман?

Поттинг, как всегда, самодовольно ухмыльнулся и важно, как артист, получивший вдруг звездную роль, выпятил грудь.

— Дело пошло бы быстрее, если бы голова где-то выросла.

По комнате прокатился смешок. На этот раз улыбнулся и Грейс. И он, и остальные присутствующие знали, что комментарий Поттинга лишь звучит фривольно. Идентифицировать трупы можно разными способами, самый надежный из которых — визуальное опознание кем-либо из членов семьи. Не менее эффективно и установление личности по ДНК. Есть еще идентификация по отпечаткам пальцев и стоматологическим картам. Иногда, при отсутствии прочих вариантов, опознание проводится и по отпечаткам ног.

В данном случае, имея на руках только туловище, рассчитывать приходилось лишь на анализ ДНК. Если же ДНК жертвы не окажется в общенациональной базе данных, полиция столкнется с большой проблемой. Дорогущий анализ изотопов в энзимах ДНК может указать родину жертвы или даже регион. Не так давно ученые выяснили, что пища — в особенности составляющие ее минералы — достаточно локализована, чтобы определить местность, где родился человек. Впрочем, информация эта обладает довольно ограниченной ценностью. При расследовании убийства первостепенное значение имеет именно установление личности жертвы.

Руку поднял Дэвид Грин:

— Поисковая группа закончила работу в курятнике. Никаких других останков не обнаружено. Следуя установленной процедуре, я расширил параметры поиска до вероятных пунктов захоронения на всей территории фермы и еще на милю в радиусе от нее, используя подповерхностное радиолокационное зондирование. — Он указал на сделанную методом

аэросъемки фотографию, приколотую к большой белой доске в конце комнаты. Фотография показывала обведенную красным маркером ферму и прилегающие к ней поля, дорогу и пруды. — Сегодня и завтра утром дайверы осмотрят и обыщут все водоемы и канавы.

Поблагодарив Грина, Грейс продолжил:

— О ходе расследования детектив-сержант Брэнсон доложит сегодня на пресс-конференции, назначенной на половину шестого. Прежде чем мы туда отправимся, хочу сказать кое-что всем и каждому и хочу, чтобы вы внимательно меня выслушали. Сегодня мне позвонил наш добрый друг, старина Кевин Спинелла из «Аргуса». Как бывало и в прошлом году, он снова знает больше нас всех, несмотря даже на тот факт, что находится в данный момент на Мальдивах, где проводит медовый месяц.

— Так вы, босс, хотите сказать, что этот говнюк нашел кого-то, кто согласился за него выйти?! — воскликнул Гай Батчелор.

— Как это ни невероятно — да, нашел. Я не хочу сейчас никого обвинять, но утечка идет от кого-то, кто имеет доступ к инсайдерской информации. Это может быть кто-то из вас или кто-то из другого отдела, а может быть, даже из другого управления. Хочу, чтобы вы все знали: я намерен найти этого человека. А когда найду… — Грейс выдержал драматическую паузу, чтобы его слова дошли до всех. — Когда найду, — повторил он, — этот человек пожалеет, что появился на свет. Все поняли?

В комнате повисла неловкая тишина. Грейс по очереди оглядел всех. Двадцать семь человек, с некоторыми из которых — как, например, Поттинг, Брэнсон и Ник Николл — он неоднократно работал в прошлом. О других, новичках — таких, как Эмма Ривз, Ширли Ригг-Кливз и Анна Моррисон, — Рой не знал ничего. С виду вроде бы хорошие, приличные люди, а там… кто их знает.

Впрочем, в данный момент не эта проблема была главной. Кевин Спинелла был чем-то вроде болячки — чем больше трешь, тем больше чешется. Он, по крайней мере, бывал чем-то полезен и понимал правила игры, чего не скажешь о большинстве представителей нынешнего поколения репортеров. Настоящая проблема заключалась в том, чтобы решить, насколько широкую сеть нужно раскинуть, чтобы опознать жертву и установить убийцу. Грейс посмотрел на подготовленные Элинор Ходжсон записки с его собственными заметками на полях.

— Нужно как следует изучить ферму Стоунри. Исходные временны́е параметры — пять лет. Мне нужна полная история этого места, а также хозяина фермы, Кита Уинтера, и его семьи. Рапорты о каких-либо происшествиях вблизи фермы. Вторжения. Браконьеры. Если причина смерти удушение, кто из семьи Уинтера мог это сделать. Занимался ли кто-либо из них на курсах боевых искусств. Есть ли у Уинтера конкуренты в этом курином бизнесе.

По комнате снова прокатился смешок, и Грейс сердито нахмурился.

— Прошу прощения, я сказал что-то смешное? Вы бы смеялись, если бы вашего родственника, того, кого вы любили, нашли в яме, заполненной куриным дерьмом?

Никто не ответил.

29

Выйдя из комнаты для совещаний, Гленн Брэнсон последовал за Роем Грейсом по лабиринту коридоров в ту часть здания, где размещались некоторые высшие чины отдела тяжких преступлений.

— Ну, как я справился? — спросил он.

— Хорошо. — Грейс дружески похлопал его по спине и вошел в кабинет. Первым, что он увидел, был мигающий на столе «блэкберри». — Нам нужно как можно скорее опознать тело.

— Как?

Грейс проскользнул за стол, сел и, просматривая пятнадцать новых поступивших входящих, поднял трубку телефона.

— Думаю, тебе следует связаться с обществом содействия и посмотреть, не помогут ли они проработать профиль преступника.

В распоряжении общества содействия полиции имелось несколько опытных волонтеров, сталкивавшихся едва ли не со всеми способами и всевозможными мотивами убийства.

— Хорошая мысль. Они работают по выходным?

— Не в полную силу, но у них есть круглосуточный дежурный.

Брэнсон опустился в кресло напротив небольшого стола Грейса.

— Что-то случилось? Ты какой-то рассеянный.

Грейс ответил не сразу, он просматривал почту. В числе прочих было и сообщение от Грэма Баррингтона, старшего суперинтендента, начальника полиции Брайтона и Хоува, назначенного ответственным за охрану Геи на время ее пребывания в городе. И ни одного от Клио, что было, наверное, к лучшему, учитывая выпавшее на ее долю потрясение.

Грэм Баррингтон спрашивал, сможет ли Грейс присутствовать на совещании по оценке рисков в связи с ситуацией по Гее Лафайет. В десять утра воскресенья в его кабинете.

— Да, кое-что, — отозвался Грейс, печатая ответ Баррингтону. — Беспокоюсь за Клио. Мне тут сообщили, что Эмис Смолбоун освободился, а сегодня ночью кто-то поцарапал ее машину.

— Он?

Грейс пожал плечами:

— Стиль его.

— Вот дерьмо. И что будешь делать?

— С ним я разберусь, когда найду. А сейчас у меня новая проблема. Гея. Шеф назначил меня ответственным за ее безопасность, пока она будет в Суссексе.

Глаза Брэнсона радостно вспыхнули.

— Я хочу с ней познакомиться! Я так хочу с ней познакомиться! Вот это да! Даже не верится — Гея Лафайет приезжает в наш город!

— В среду.

— Ты представишь меня ей?

— Если пообещаешь, что будешь убираться в моем доме.

— Договорились! Надо же! Гея! Она же… она… — Брэнсон вскинул и опустил руки на колени. — Это невероятно!

— Я думал, тебя только черная музыка заводит.

Брэнсон просиял улыбкой:

— Да, точно, поет она как черная! И ребята будут без ума! Чем будешь заниматься?

— Пока не знаю.

— Я должен с ней познакомиться. Должен получить автограф для Сэмми и Реми!

— Им ее музыка тоже нравится?

— Нравится? — Гленн закатил глаза. — Да они прыгают от радости, когда по телевизору ее видят. Гею в Англии все обожают. Ты знаешь, кто она такая? — Он усмехнулся и покачал головой: — Да откуда тебе знать — староват.

— Спасибо.

— Я серьезно. Тебе, в твоем-то возрасте, наверное, Вера Линн снится. А все, кто моложе, мечтают о Гее.

— Да, теперь и мне только она будет сниться. Каждую ночь. В кошмарах.

— Она — классная. Обалденная! Говорю тебе, обалденная!

Грейс кивнул. Да, Гея и впрямь потрясающая певица. А какая новость для Брайтона. Мегазвезда. Фильм всколыхнет интерес к городу, вызовет приток туристов, от которых в немалой степени зависит благосостояние Брайтона.

Он прекрасно понимал, что, если с Геей случится что-то здесь, пятно ляжет не только на город, но и на него самого. Вечное пятно вины.

30

Влажные губы жадно сжали толстый и мягкий табачный лист «коиба сигло». Он втянул в рот густой дым, подержал, выдохнул в потолок, потом взял хрустальный бокал и допил остатки тридцатилетнего «Гленливета».

Вот это жизнь. Куда лучше, чем в тюрьме. Да. Там, конечно, тоже можно получить почти все, чего желаешь, если знаешь систему и имеешь авторитет. Эмис Смолбоун знал и имел. Но со свободой не сравнится ничто. Одна из девушек — рыженькая и голая, если не считать браслета на лодыжке, — поднялась с софы, чтобы подлить еще. Другая осталась обрабатывать уснувший и лишь теперь медленно возвращающийся к жизни орган.

Сегодня он постарался расслабиться и полностью предаться удовольствиям. Субботний вечер. Первый за десяток с четвертью лет глоток свободы. На громадном экране домашнего кинотеатра — порнофильм. Две блондинки-лесбиянки. Ему нравилось смотреть на девочек с девочками. Нравилась эта вот большая комната в охренительном особняке за электрическими воротами в шикарном квартале Брайтона, на Дайк-роуд-авеню.

Было время, он жил в особняке даже побольше этого, неподалеку отсюда. Жил не тужил, пока один брайтонский коп не отнял все.

Владелец особняка, его старый приятель Бенни Джулиус, с пивным брюшком и париком на лысине, развлекался внизу, в джакузи, с тремя другими девчонками. Такая вот вечеринка — с возвращением! Бенни всегда делал все классно, всегда жил на полную катушку.

Эмис моргнул, когда девушка просунула руку в расстегнутую ширинку и, наклонившись, прошептала:

— Ух ты, такой маленький… но свирепый, да?

— Свирепый, точно, — прошептал он, прежде чем она накрыла его рот.

Таким Эмис и чувствовал себя. Свирепым. Сосредоточиться на удовольствиях никак не получалось. Свирепый. Он даже почти не чувствовал ее пальцев. Двенадцать лет и три месяца. Благодаря одному человеку.

Детективу Рою Грейсу.

В газетах писали, его несколько раз повышали.

— Как карандаш, — хрипловато шепнула девушка ему в ухо. — Как карандашный огрызок.

Он ударил ее наотмашь — ладонью по щеке. Да так, что она свалилась на пол.

— Заткнись, сучка.

— Да ты и не смог бы, даже если б захотел, — бросила она, потирая щеку. — Вставлять-то нечего.

Эмис Смолбоун поднялся, но тут его подвел алкоголь. Модные мокасины из серой замши утонули в толстом ковре, и он грохнулся лицом вниз, сломав пополам сигару и рассыпав темно-серый пепел по белому ворсу. Лежа на полу, он ткнул в нее пальцем:

— Не забывай, сука, на кого работаешь.

— Я помню. Помню, что он сказал про тебя. Почему тебя так прозвали — Смолбоун.[4] — Она показала согнутый мизинец и усмехнулась.

— Ты… сука… — Эмис поднялся, покачнувшись, на колени и попытался схватить ее, но увидел вдруг только вылетевшую откуда-то ее левую ногу. Элементарный прием из кикбоксинга. Удар под подбородок… голова вскинулась вверх и назад. Сознание как будто растворилось в сияющем белом свете, словно ее нога пробила насквозь череп.

31

После утреннего воскресного инструктажа по операции «Икона» Рой Грейс отправился в полицейский участок, располагавшийся в бетонной громадине на Джон-стрит. Проблем скопилось немало, и, катя в серебристом служебном «форде-фокусе» по Лондон-Роуд, он пытался как-то разобраться в них и определиться с приоритетами.

Наибольшее беспокойство вызывала Клио, которая после бессонной ночи не очень хорошо чувствовала себя утром. Эпизод с машиной сказался на ее состоянии не лучшим образом, и Грейс хотел вернуться к ней как можно скорее.

По делу «неизвестного из Беруика» — так назвали обнаруженный на птицеферме человеческий обрубок — ничего нового пока не было. Оставалось надеяться на анализ ДНК, результатов которого ожидали из лаборатории утром.

В понедельник ему предстояла поездка в Лондон, в Иннер-Темпл, и встреча с барристером обвинения по делу Карла Веннера. А значит, сегодня надо выкроить время и поговорить с детективом Майком Горринджем и финансовым инспектором Эмили Кертис, просмотреть собранные ими материалы и записи в своем рабочем блокноте. Завтра поджаривать будут не подсудимого, поэтому надо иметь наготове ответы на все предполагаемые вопросы. И наконец, прямо сейчас его ждет встреча со старшим суперинтендентом Грэмом Баррингтоном.

Зазвонил телефон, и Грейс ответил по громкой связи.

— Мистер Грейс? — спросил незнакомый бодрый голос.

— Да, — ответил он нерешительно.

— Это Терри Робинсон из «Фрост гэрадж». Вы заглядывали к нам несколько недель назад, искали «альфу-брера», так?

— Да, верно. — Что-то смутно вспомнилось.

Несколько секунд на линии слышались какие-то щелчки, похожие на те, что он слышал раньше. Либо плохое соединение, подумал Грейс, либо что-то не так с телефоном.

— Вы просили дать знать, если появится четырехдверная «альфа». Вас это еще интересует?

— Э… да, интересует.

— У нас есть «Джульетта». Срок эксплуатации один год. Прекрасная машина. Небольшой пробег, но вы говорили, что это не важно, так?

— Сколько миль?

— Сорок восемь тысяч. Один владелец. Цвет — «этна блэк». Выглядит потрясающе. Заявки у нас уже есть. Я бы порекомендовал заехать и посмотреть как можно скорее.

— На черном ведь очень заметна грязь?

— Черный всегда лучше смотрится, когда чистый, но из всех цветов он самый популярный. Этой машине он идет. Как я уже сказал, выглядит потрясающе.

Грейс быстро прикинул варианты.

— Я могу заглянуть к вам во второй половине дня. Где-то после полудня. Вы во сколько сегодня закрываетесь?

— В четыре часа, сэр. Но гарантировать, что она еще будет здесь, я не могу.

— До четырех подскочу. Терри Робинсон, да?

— Верно, Терри Робинсон. Спасибо, сэр.

— Что ж, Терри, спасибо. Постараюсь пораньше.

Грейс остановился на перекрестке. Справа открывался вид на одно из самых любимых его зданий, изысканный, нелепый, но прекрасный брайтонский Павильон, своего рода местный Тадж-Махал. Из открытых окон остановившейся рядом пурпурной «астры» с двумя сопляками била, сотрясая воздух и мозг, тяжелая музыка. Грейс даже пожалел, что не носит форму, — вышел бы да всыпал паршивцам по первое число. Вместо этого, когда глаз светофора вспыхнул зеленым, он лишь проводил их взглядом — юнцы унеслись вдаль, оставив после себя два шлейфа-близнеца выхлопных газов, длинных, как сточная труба, размером, наверное, с их собственные задницы.

Сохранив хладнокровие, Грейс свернул влево на следующем перекрестке, проехал вверх, свернул вправо и оказался на нижней парковке полицейского участка, второго по величине в Соединенном Королевстве, помещавшемся в пятиэтажном современном здании. Именно здесь прошли первые годы и его полицейской карьеры. Как ни нравилась ему нынешняя работа, штаб-квартира главного управления уголовных расследований, само здание в Суссекс-Хаус оставалось каким-то бездушным. Часто он ловил себя на том, что скучает по старому месту с его бодрящим пульсом центра города.

На парковке уже вытянулись длинными рядами служебные полицейские легковушки и с полдюжины фургонов, но по случаю воскресенья хватало и свободных площадок. Заняв одну из них, Грейс позвонил Клио, которая сообщила, что чувствует себя немного лучше, и ей очень понравились его цветы.

На душе полегчало. Он свернул к служебному входу, поднялся на три лестничных пролета с их знакомыми обшарпанными стенами и тем фирменным запахом, что живет во всех казенных учреждениях, прошел по длинному коридору мимо нескольких пустых офисов и небольшого кафе. Дверь справа, с табличкой «суперинтендент», была закрыта, дверь слева, с табличкой «старший суперинтендент», открыта.

Грейс вошел. Кабинет, хорошо знакомый по прошлым визитам, вполне соответствовал чину занимавшего его лица. Справа — внушительный письменный стол, слева, непосредственно перед ним, большой круглый, за которым уже сидели несколько человек. Три места оставались свободными. Все присутствующие, за исключением одного, оделись, как и он сам, строго, словно на календаре был обычный рабочий день, а не воскресенье.

На белой доске, слева от двери, в самом низу, красовались три сделанные фломастером надписи, послания от тройни Баррингтона. *«Мой папа — лучший в мире полицейский!»*

Напишет ли их с Клио ребенок что-нибудь подобное о нем, с беспокойством спросил себя Грейс.

Грэму Баррингтону было за сорок. Высокий, по-спортивному подтянутый, с короткими светлыми волосами, он был в форменной белой рубашке с короткими рукавами и эполетами, черных брюках и черных туфлях. Грейс знал его с тех пор, когда они вместе служили в управлении уголовных расследований. Баррингтон еще тогда говорил, что хотел бы завершить карьеру начальником полиции Брайтона и Хоува — «шерифом», как он в шутку это называл. Именно эту должность Баррингтон сейчас и занимал. Грейс был рад за него — приятно сознавать, что мечты иногда сбываются и самые честолюбивые желания становятся реальностью.

Рядом с главным суперинтендентом сидел детектив-инспектор Джейсон Тингли, по-мальчишески симпатичный, с русой челкой, в темно-синем костюме; единственной уступкой воскресенью был слегка ослабленный галстук и расстегнутая верхняя пуговица рубашки. Тридцатидвухлетняя рыженькая Сью Флит, в строгом темном костюме и голубой блузке, приветствовала Грейса теплой, доброжелательной улыбкой. Двух других женщин — одна около тридцати, в полицейской форме, другая под тридцать, в белой блузке — он не знал. Грег Уорсли, плотный, бритый наголо сержант из группы охраны, явился на совещание в

мятой синей футболке, джинсах и кроссовках. Круг участников завершал старший инспектор Роб Хэммонд.

— Рой, — Грэм Баррингтон поднялся из-за стола, — спасибо, что не пожалел воскресенья!

— Я уже и забыл, что это такое, — ответил Грейс, улыбкой приветствуя остальных.

Что его особенно порадовало, так это присутствие Джейсона Тингли, с которым они вместе работали несколько лет назад по делу с особо жестоким изнасилованием. Тингли был отличным детективом. К Грэму Баррингтону он, как и большинство коллег, относился с большим уважением — благодаря его стараниям уровень преступности в городе серьезно снизился за последние годы.

Баррингтон представил его двум женщинам, после чего Грейс занял свободное место. Перед всеми уже стояли картонные контейнеры из «Старбакса», и он отругал себя за то, что не подумал заранее и не прихватил что-нибудь по пути.

Собравшиеся успели перебросится парой-другой реплик на общие темы, после чего старший суперинтендент перешел к делу:

— Итак, ситуация выглядит следующим образом. Я разговаривал по телефону с отделом угроз лос-анджелесского управления полиции и с начальником личной охраны Геи, бывшим полицейским Эндрю Галли. И первым делом мне пришлось объяснять мистеру Галли, что его люди не смогут носить оружие на территории Соединенного Королевства.

— Угроза представляется глобальной, и наш объект вполне может использовать огнестрельное оружие, — вмешался инспектор Тингли. — Будем ли уведомлять отряд вооруженного реагирования?

— Будем, Джейсон, — заверил детектива Баррингтон. — Старший инспектор Хэммонд и сержант Уорсли представят нам план по охране как Геи, так и ее сына Роана.

Первым взял слово сержант Уорсли.

— Гея Лафайет и вся команда прилетают в семь утра в среду. Встречать их будем в терминале номер пять лондонского аэропорта Хитроу. Мы предложили было дать утечку с ложной информацией, что она якобы прибывает в Гатуик на частном самолете, но, как я понял, пресс-секретарь уже уведомила всю британскую прессу об истинных планах мисс Лафайет. Похоже, к нам пожалует ВАЖНАЯ ОСОБА.

Грейс опустил глаза, сдерживая усмешку. Поведение типичное для мегазвезд. Они уверяют, что терпеть не могут папарацци, однако сами подсказывают репортерам, где их стоит ждать.

— Где она остановится? В Брайтоне или за городом?

— В Брайтоне, сэр. В Гранд-отеле. Для нее забронировали президентские апартаменты, а все остальные номера на этаже займет свита. Плюс хотя бы в том, что на этаже не будет посторонних. — Уорсли заглянул в блокнот. — Одна из самых больших наших проблем, сэр, — это бюджет. Шеф приказал задействовать для охраны мисс Лафайет все доступные ресурсы, но ей придется оплачивать из своего кармана все превышающее разумный уровень. То есть тот уровень, который мы обеспечиваем для младших членов королевской семьи.

— Вам известно, что на прошлой неделе на нее покушались? — спросил Грейс.

— Во многом именно поэтому мы здесь и собрались, — ответил Хэммонд.

— Нам также известно, — добавил Уорсли, — что мисс Лафайет рассчитывает побывать в Уайтхоуке, в доме, где жила в детстве.

— Еще одна проблема, Рой, — ей нравится бегать по утрам, — сказал Баррингтон. — Какое-то сопровождение, по-видимому, есть, но в любом случае это еще одна область повышенного риска.

Уорсли кивнул:

— Мы планируем, сэр, окружить ее стальным кольцом безопасности. Никто не подойдет к ней без предварительной проверки.

— Хорошо, — кивнул Грейс, прекрасно понимая, что никакая охрана не может обеспечить полной безопасности. Спросив у Баррингтона имя полицейского в Лос-Анджелесе, он записал его в блокнот, чтобы поговорить лично и более обстоятельно.

Люди, собравшиеся в кабинете старшего суперинтендента, имели за спиной немалый опыт и отдавали отчет в том, какова реальная ситуация. Как бы вы ни охраняли подопечного, если он настаивает на том, чтобы передвигаться свободно, без ограничений, риск пострадать от руки маньяка-одиночки присутствует всегда.

Холодок беспокойства уже свил гнездышко где-то глубоко внутри его, и Грейс ничего не мог с этим поделать.

32

Изможденный, болезненно-бледный американец был одет в потрепанный клетчатый пиджак, застегнутую на все пуговицы клетчатую рубашку без галстука, серые брюки, кожаные сандалии и серые носки. Прищурившись через большие старомодные очки, он силился прочитать ее имя на нагрудном значке. *Бекки Ривет.* Кадык его странно пульсировал. «Как бы не откинулся», — с беспокойством подумала дежурная Гранд-отеля и, оторвавшись на секунду от монитора, одарила незнакомца торопливой обнадеживающей улыбкой, после чего снова двинула курсор вверх по странице, отчаянно пытаясь найти его имя в списке гостей.

Редеющие волосы цвета остывшей золы, стрижка под пажа с челкой — довольно нелепая для взрослого, за пятьдесят, мужчины. Лежавшие на стойке кулаки сжимались и разжимались, на лбу поблескивали бусинки пота.

Позднее, пытаясь описать его полицейским, Бекки Ривет скажет, что он напомнил ей актера Робина Уильямса, сыгравшего роль жутковатого фотографа в фильме «Фото за час».

— У меня есть подтверждение, — стоял на своем незнакомец. — Ваш имейл.

Бекки Ривет снова улыбнулась и уставилась на монитор. Ему не нравилось, как она улыбается. Пустая, ничего не значащая улыбка. Она улыбалась не потому, что хотела, а по обязанности. Он почувствовал, как поднимается, словно разворачивающая кольца змея, гнев, и уже хотел сказать, что улыбаться ему не надо, что с такими аккуратными беленькими зубками…

Успокойся.

И тут он вспомнил. Идиот! Это все из-за разницы во времени. Ему бы сейчас лечь да поспать, а не делами заниматься. Усталость всегда ведет к ошибкам.

— Я… э… Я назвал вам не то имя.

— Вы назвались мистером Дрейтоном Уилером, так?

— Э… посмотрите заказ на другое. Бакстер. Джерри Бакстер. — Он ведь решил, что воспользоваться вымышленным именем будет, пожалуй, удобнее.

Дежурная пробежала глазами по списку, нахмурилась, постучала по клавишам и почти сразу же увидела то, что искала.

— Да, есть. Одноместный номер на две недели?

— Верно. — Он несколько раз глубоко вздохнул.

Она протянула ему бланк регистрации и ручку, и он заполнил требуемые графы.

— Вам требуется парковочное место, мистер Уилер… извините… э… Бакстер?

— Зачем мне парковочное место?

— Я не знала, есть ли у вас машина. — Бекки Ривет снова улыбнулась, и его гнев подскочил еще на несколько градусов. — Можно вашу кредитку, сэр?

— Я буду расплачиваться наличными.

Она нахмурилась — постояльцы, расплачивающиеся наличными, в наше время редкость — и тут же коротко улыбнулась.

— Все в порядке, сэр. Но вам придется оплатить дополнительные услуги, когда будете съезжать, вы ведь знаете, да?

— Заплачу, если будут услуги. — Он улыбнулся ей, показав потемневшие зубы, но она никак не отреагировала на его маленькую шутку, и улыбка растаяла.

Бекки Ривет пробежала пальчиками по клавишам и через пару секунд протянула гостю пластиковую карту-ключ в маленьком конвертике:

— Номер 608.

— А пониже ничего нет? Я не очень хорошо переношу высоту и всегда немного нервничаю.

Она повернулась к монитору. Постучала по клавишам.

— Боюсь, что нет, сэр. Все номера заняты.

— Ах да, это ведь у вас остановится та певичка, Гея?

— Не могу сказать, сэр. Мы не даем комментариев относительно наших гостей.

— Я слышал… говорили в новостях. И в газетах тоже пишут.

Бетти изобразила удивление.

— Правда? Интересно, откуда они это берут?

— Вот и мне интересно, — раздраженно проворчал гость, забирая ключ.

— Вам помочь с багажом, сэр?

— Я бы воспользовался вашим щедрым предложением, будь у меня багаж, но, увы, «Бритиш эйрлайнз» ухитрилась его потерять.

Вот теперь она улыбнулась искренне, без притворства:

— Бедняжка.

— Обещали доставить попозже, но сегодня.

— Если привезут, мы вам его пришлем.

«Неужели? А я думал, поставите посреди вестибюля, соберетесь всей командой и исполните танец дождя», — подумал он, но вслух, собрав в кулак выдержку, произнес другое:

— Спасибо, буду очень признателен.

С этими словами он направился к кабине лифта, сжимая в руке конвертик с пластиковым ключом и глубоко дыша, чтобы успокоиться.

Ну вот и все. Зарегистрировался. Добрался до первой базы своего весьма и весьма общего плана. Он шел туда, куда вел гнев, и не очень хорошо представлял, чем все кончится.

Искать справедливости по закону, преследовать двух этих мерзавцев, Брукера и Броуди, в судебном порядке за то, что они украли у него историю, было бессмысленно. Такого рода дела растягиваются на годы. Он уже подавал иски против других обитателей этого проклятого террариума, этой империи киноиндустрии, и каждое разбирательство занимало не менее пяти, а то и десяти лет без какой-либо уверенности в положительном для него решении. Теперь такой роскоши, как время, уже не осталось. Шесть месяцев в лучшем случае, так сказал онколог. Может, чуть больше, если он научится контролировать злость и

гнев, что разъедают его изнутри. Рак поджелудочной железы, операция уже не поможет, метастазы разошлись по всему организму.

В таких временны́х рамках вчинять иск дело бесполезное. Но поквитаться еще можно. Прижать этих двух негодяев по-крупному, прежде чем упадет занавес. Прежде чем его самого поглотит эта помойная яма, что зовется землей.

33

— Неопознанный предмет в зоне фасовки. Изымите неопознанный предмет из зоны фасовки.

Гленн Брэнсон недоуменно уставился на установленный в «Теско-экспресс» автомат самообслуживания.

— Пожалуйста, — повелительным женским голосом скомандовала машина.

Гленн посмотрел на дисплей, не понимая, что именно он сделал не так. У других посетителей никаких проблем, похоже, не возникало.

— Изымите неопознанный предмет из зоны фасовки, — снова произнес механический голос.

Детектив оглянулся в надежде на помощь и зевнул. Часы показывали восемь вечера. Воскресенье заканчивалось, и усталость уже ощущалась. С самого вчерашнего утра, когда Рой Грейс назначил его своим заместителем по операции «Икона», Гленн Брэнсон отнесся к своим обязанностям с полной серьезностью и чуть ли не всю ночь работал с материалами, читал «Руководство по расследованию убийства», проверял и перепроверял, по всем ли предложенным Роем Грейсом линиям расследования приняты необходимые меры.

Он еще раз посмотрел в зону фасовки, пытаясь разобраться, какой именно предмет вызвал недовольство грозного автомата. Пакет обезжиренного молока? Низкокалорийная мусака, запланированная на ужин с зеленым салатом? Банка аэрозольной полироли? Пакетик ваты? Мешочек с кормом для золотой рыбки? Упаковка «Грольша»?

Пользуясь добротой друга, он уже несколько месяцев жил в доме Роя Грейса. Рой практически переехал к Клио, и Брэнсон чувствовал себя ответственным за поддержание порядка и чистоты, тем более что теперь дом был выставлен на продажу. Он знал, что в первое время изрядно запустил свое временное жилище; брак развалился, и порой ему бывало трудно просто сосредоточиться на чем-то. От шока Гленн не оправился полностью до сих пор, но теперь он, по крайней мере, двигался в нужном направлении — прежде всего благодаря поддержке Роя. И меньшее, чем мог отплатить другу, — это содержать его дом в достойном виде.

— Сэр, я могу вам чем-то помочь?

Молодой индиец в синей форменной курточке «Теско» и черных брюках доброжелательно ему улыбался.

«Да, можешь, если скажешь, чье тело, безголовое, безрукое и безногое, мы нашли вчера на ферме Стоунри», — подумал Гленн, но эту свою мысль оставил при себе.

— Да. Я никак не могу понять, почему она кричит на меня.

Молодой человек поднес карточку к штрих-ридеру, подержал несколько секунд, потом пощелкал по клавишам.

— Все в порядке, сэр. Пожалуйста, вставьте вашу кредитную карточку.

Через пару минут Гленн вышел из магазина и направился через парковку к своей машине. Какая-то молодая пара перегружала содержимое тележки в багажник, и у него дрогнуло сердце. Год назад — и даже меньше — на их месте могли быть они с Эри.

Воскресный вечер. Детей отправили бы спать, сели перед телевизором, поужинали. Эри предпочитала простую, здоровую пищу: хумус, питу, оливки. И конечно, «Топ Гир». Он взглянул на часы.

Черт.

Сегодня «Топ Гир», а он позабыл поставить на запись.

Гленн Брэнсон рванул к машине.

34

Анна лишь по чистой случайности, благодаря гугловскому оповещению, на которое подписалась, чтобы узнавать обо всех онлайновых упоминаниях о ее идоле, узнала, что Гея будет сегодня гостем «Топ Гир». Согласно тому же уведомлению, после своего последнего появления в этой передаче Гея успела сняться в эпизоде «Звезда в практичной машине».

Машины Анну не увлекали. Шоу она смотрела только один раз, понять, почему с ним все так носятся, да и выключила, фыркнув, когда Джереми Кларксон нелестно отозвался о «ниссане-микра». Анна сама ездила на этой модели приятного оранжевого цвета и никаких недостатков в ней не видела. Хорошая машина, легко парковаться, идеально подходит для езды по городу. Никакую «феррари» Анна покупать бы не стала, даже если бы могла себе это позволить. И «астон-мартин» брать бы не стала. И «бентли» тоже. Хотя, надо признать, спортивный «мерседес» Геи это что-то. Вот в таком Анна вполне могла себя представить.

И чтоб рядом, за рулем, — Гея.

И вот теперь, в этот воскресный вечер, она приникла к экрану и вдруг увидела на ужасном, старом горохово-зеленом сиденье свою любимицу! «Звезда в практичной машине»!

Интервьюировал ее Джереми Кларксон — в джинсах, распахнутой белой рубашке и пиджаке, выглядевший так, словно он снял его с чьего-то плеча, — хотя в данный момент вопросы задавала как раз Гея.

Одета она была во все черное. Явный сигнал ей, Анне! Именно об этом они и договаривались во время последнего телепатического сеанса. Гея специально выбрала этот цвет для нее.

Черная футболка. Черная облегающая кожаная куртка. Черная кожаная юбка. Черные колготки. И высокие черные замшевые сапожки.

«Гея, какая ж ты молодец. Какая молодец. Мы с тобой одной крови, ты и я. Мы встретились еще в прошлой жизни и были любовниками. Мы обе это знаем. А теперь, пожалуйста, сядь боком, покажи, что любишь меня!»

И тут же, не успела Анна прошептать эти слова, как Гея отозвалась и с явным вызовом повернулась боком, так что юбка скользнула по бедрам вверх. Да еще и посмотрела прямо на Анну. Просто взяла и заглянула ей в душу своими голубыми глазами. И подмигнула.

Анна подмигнула в ответ.

Джереми Кларксон рассмеялся какой-то шутке, которую Гея отпустила, а Анна прозевала. Он так и вился вокруг нее, так и обхаживал. Ну и пусть, что с того? Вот уж к кому она не ревновала Гею, так это к Джереми Кларксону. Что эти двое, Гея Лафайет и Джереми Кларксон, говорили друг другу, как и то, что они говорили миллионам телезрителей, Анну нисколько не интересовало.

А интересовали ее только те сигналы, что Гея адресовала ей. И звезда отвечала. Отвечала именно так, как Анна ее и просила.

— Я прочел на вашем веб-сайте, что машинами вас заинтересовал любовник, — продолжал Джереми Кларксон. — И не кто-нибудь, а гонщик одной из команд «Формулы». Уж не Стиг ли?

Гея рассмеялась:

— Мы ведь не знаем, кто он, новый Стиг?

— Не знаем, пока он не даст интервью прессе, как сделал ваш последний.

Гея указала пальцем себе в грудь:

— В этом я с ним не согласна. Нельзя продавать секреты. — Она подняла правую руку, сложила большой, средний и безымянный пальцы вместе и выставила два других. — Лисичка-подружка! Верно? — Ее фирменный жест, подражание логотипу, присутствовавшему на всех ее товарах.

Кларксон снова рассмеялся.

Но Анна не рассмеялась. В ней вдруг вспыхнула ярость. Лисичка-подружка. Гея никогда не демонстрировала этот жест на публике. Это был их, только их двоих, тайный знак. Их секретный код.

И что только Гея себе думает?

Секреты священны. Неужели она не понимает? Нельзя делиться секретным знаком со всем этим чертовым миром.

Придется объяснить ей эту простую истину.

35

— Время 18.30, понедельник, шестое июня, — прочитал с листка Роб Грейс.

Группа собралась в оперативном штабе, а сам он только что вернулся из Лондона, где провел несколько часов с барристером, представляющим сторону обвинения в процессе над Карлом Веннером, создателем омерзительных садистских фильмов. Вместе они прошлись по длиннющему списку вопросов, которые могла задать сторона защиты как ему лично, так и его коллегам во время суда. Первое заседание по делу, уже привлекшему внимание прессы, было намечено на следующий понедельник.

— Это наш седьмой инструктаж по операции «Икона», — продолжил Грейс. — Сейчас мы с сержантом Брэнсоном подведем промежуточные итоги. Главной нашей задачей на данном этапе остается установление личности жертвы. Результаты анализа ДНК, поступившие из лаборатории сегодня во второй половине дня, показывают отсутствие каких-либо совпадений с данными, имеющимися в общенациональной базе данных. А посему, если только мы не найдем голову или руки, чтобы провести идентификацию по отпечаткам пальцев или карте дантиста, нас ожидает хорошо вам всем знакомая, старая добрая полицейская рутина. — Он посмотрел на Брэнсона. — Гленн, есть что доложить по обрывкам ткани, найденным поблизости от тела?

Сержант Брэнсон указал на пришпиленные к белой доске фотографии кусочков ткани:

— У меня есть заключение от брайтонского портного Грешама Блейка. Здесь сказано, что представленная ткань изготовлена компанией «Дормей» и продается, несмотря на необычность расцветки и рисунка, как портным, работающим по заказу, так и производителям готовой одежды по всему миру. В заключении также указано, что материал именно этого дизайна производится на протяжении сорока с лишним лет.

— А что, Гленн, все ли партии ткани одинаковы или они все же чем-то различаются? — спросил Норман Поттинг. — Может быть, нам удалось бы сузить поле поиска, установив номер партии?

Брэнсон задумчиво кивнул:

— Хороший вопрос. Я спрошу. — Он сделал пометку в блокноте, после чего повернулся к Эмме Ривз: — Детектив Ривз связалась с компанией «Дормей» и работает сейчас с ними по установлению всех портных и продавцов ткани в Суссексе — возможно, нам еще придется расширить область поисков, — которые могли использовать эту ткань в последние годы. И все же по одному пункту у нас есть существенный сдвиг, который, возможно, окажет нам немалую помощь. «Криминальный дозор» согласился рассказать о нашем деле в следующей

передаче, которая, что весьма кстати, пройдет завтра вечером. Непосредственно перед программой ведущая возьмет интервью у суперинтендента Грейса.

— Нет, — поправил его Грейс. — Интервью возьмут у тебя. — Он отпил глоток кофе.

Промелькнувшее на лице Брэнсона паническое выражение вызвало у присутствующих улыбки и смешки.

— Э… — пробормотал он, озадаченно глядя на Грейса. — У меня?

— У тебя.

— Ладно. — Брэнсон взял небольшую паузу, чтобы прийти в себя.

— Небольшой совет, Гленн, — подал голос Норман Поттинг. — Не надевай этот галстук.

— Вот еще советчик нашелся, — сердито бросила в его адрес Белла Мой.

Словно и не слыша ее, Поттинг указал пальцем на пестрый галстук Брэнсона, выполненный в стиле оп-арта.

— Я к тому, Гленн, что он отвлекает внимание, да и тебе серьезности не прибавляет.

Задетый шпилькой Поттинга, Брэнсон посмотрел на свой галстук.

— Не знаю, мне нравится. Он веселый.

Грейс кивнул:

— Соглашусь с Норманом. На экране будет выглядеть не лучшим образом.

Нехотя кивнув, Брэнсон продолжил:

— От криминалиста-археолога есть новая информация. — Он пододвинул лежавший на столе документ и начал читать:

— Возраст от сорока пяти до пятидесяти. Рост, исходя из измерений бедренной и большой берцовой кости, пять футов шесть или семь дюймов. Общее строение костной системы предполагает худощавое телосложение. Обнаружены переломы двух ребер — результат либо несчастного случая, либо драки. Судя по состоянию сросшихся костей, это случилось по меньшей мере десять лет назад. — Он посмотрел на Поттинга. — Прими к сведению, Норман. Эта информация должна помочь в работе по исчезнувшим без вести. У тебя есть что-то сейчас?

Поттинг зачитал список пропавших без вести, сократившийся с учетом данных археолога до двадцати трех человек.

— Пока мы сосредоточились исключительно на территории Суссекса и пограничных районов Суррея и Кента. Проверяем каждого, собираем расчески и зубные щетки для анализа ДНК. С вашего разрешения, шеф, — он посмотрел сначала на Брэнсона, потом на Роя Грейса, — я хотел бы расширить область поисков на всю территорию Суссекса, Суррея и Кента. — Поттинг повернулся к регистратору Аннализе Винир, которая кивнула и сделала соответствующую пометку на своем терминале.

Работа регистратора крайне важна, когда речь идет о масштабном расследовании. Грейс знал это по собственному опыту работы со старыми делами. Многие преступления могли бы быть раскрыты гораздо раньше — и в случаях с серийными убийцами это помогло бы спасти жизнь другим жертвам, — если бы местные отделения полиции взаимодействовали между собой с использованием перекрестных ссылок.

Работу по делам с пропавшими без вести можно сравнить с тем, как очищают от кожуры луковицу, только в обратном порядке. С каждым снятым слоем вы расширяете параметры поиска, охватывая вначале все графство, потом соседние графства, а потом и всю страну. Если результата нет, поиски переносятся в континентальную Европу.

— Хорошо, — сказал он. — Будем надеяться, что «Криминальный дозор» принесет нам что-то новое. Материал встречается нечасто, бросается в глаза, и люди такое запоминают.

— Бросаться-то бросается, но не так сильно, как галстук Гленна! — ухмыльнулся Поттинг.

Брэнсон снова заглянул в записки.

— Владелец фермы Стоунри Кит Уинтер охотно сотрудничает с нами и оказывает всяческое содействие, как и остальные члены семьи. Проведенная проверка не выявила в его прошлом ничего, что давало бы основания для подозрений. Финансовое положение стабильное, у местных жителей он пользуется уважением, явных врагов не имеет. В настоящий момент в качестве подозреваемого мы его не рассматриваем. На мой взгляд, при той системе безопасности, которая существует на ферме Стоунри, представляется крайне маловероятным, что посторонний мог проникнуть на ее территорию и подбросить труп. Учитывая это, нам нужно искать преступника либо среди работающих на ферме, либо среди тех, кто имеет доступ на ее территорию и хорошо ее знает. — Он повернулся к Грину: — Дэвид, у тебя есть что-то новое?

— Поиски головы и конечностей начались в пятницу, со второй половины дня. Заняты как местные силы, так и бригада специального поиска, — доложил Грин. Как и Поттинг, он посмотрел сначала на Брэнсона, потом на Грейса. — Полностью охвачена территория фермы Стоунри, а также прилегающие участки. Используем собак. Археологи проверяют видимые повреждения верхнего слоя почвы. Поисковики занимаются канавами, речками и прудами.

Руку поднял констебль Джон Экстон:

— Я все пытаюсь понять, чего хотел достичь преступник, отрубая голову, руки и ноги. Он ведь мог и туловище разрубить, но почему-то этого не сделал. И я не представляю, как кто-то мог спрятать тело, если только он не работал на ферме. Но зачем?

— У тебя есть какие-то предположения? — спросил Грейс.

— Да так. Вертится кое-что в голове.

— В отличие от жертвы, которая такой роскошью не располагает, — с усмешкой вставил Поттинг.

— Я ставлю себя на место преступника, — не обращая внимания на него, продолжал Экстон. — Если я собираюсь расчленить тело, зачем останавливаться на полпути? Почему бы, избавившись от головы, рук и ног, не порубить на куски и туловище? Тогда и избавиться от них было бы легче.

— Может быть, у кого-то зуб на Уинтера? — подал голос Ник Николл. — Преступник не хочет, чтобы его поймали, поэтому избавляется от головы и рук, но туловище подбрасывает в курятник, чтобы подставить фермера?

Грейс и сам допускал такой вариант, но все же считал его маловероятным. Убийства бывают разные, он знал это по собственному опыту, но большинство делятся на две категории: одни совершаются расчетливыми, тщательно все планирующими психопатами, другие — обычными людьми, под влиянием момента, вгорячах. Именно первым преступления чаще всего и сходят с рук. Когда-то, много лет назад, он спросил у главного констебля, возможно ли, по его мнению, так называемое идеальное преступление. Ответ был такой: да, идеальные убийства случаются, и это те, о которых нам ничего не известно.

Слова эти Грейс запомнил навсегда. Если кто-то хладнокровный, начисто лишенный всех человеческих эмоций спланировал совершить убийство и тщательно продумал, как избавиться от тела, он — или она — вполне мог уйти от наказания. Когда полиция обнаруживает тело или его части, это обычно говорит о небрежности убийцы. Небрежности, причина которой — паника. Паника человека, убившего под горячую руку и не продумавшего все заранее.

Безголовое, без рук и ног тело указывало, что именно с таким убийством они имеют дело в данном случае. И избавлялись от тела второпях, по-любительски. Убийцы всегда

совершают ошибки, когда паникуют. И, совершая ошибки, оставляют след, пусть даже почти незаметный. Его задача — найти такой след. А чтобы его найти, разыскная группа должна проделать огромную, трудоемкую работу, проверить все версии, как говорится, перевернуть каждый камень, надеясь при этом, что в какой-то момент им просто улыбнется удача.

Грейс повернулся к аналитику Кэрол Морган:

— Просмотрите журналы регистрации за зимние месяцы, скажем, от двадцать восьмого февраля этого года и до первого ноября прошлого. Ищите любые происшествия, зарегистрированные в районе Беруика. Странное, необычное поведение, опасная езда, в том числе и превышение скорости, попытки незаконного проникновения, незаконные вторжения. Для начала возьмите трехмильный радиус от фермы Стоунри.

— Есть, сэр, — отозвалась Кэрол Морган.

Передав бразды ведения брифинга Гленну Брэнсону, Рой Грейс постарался сосредоточиться на стратегии безопасности, согласованной со старшим суперинтендентом Грэмом Баррингтоном и старшим констеблем. Гея прибывала в Брайтон уже послезавтра. Было и кое-что еще, о чем он не мог не думать и что должно было произойти завтра. Похороны старого мошенника Томми Финчера.

Похороны, на которых будет присутствовать Эмис Смолбоун.

При одной лишь мысли об этом мерзавце Грейс сжимал кулаки.

36

Немногочисленные знакомые Эрика Уитли считали его человеком привычки. Маленького роста, лысоватый, тихий, со скромным гардеробом из неброских костюмов и унылых, однотонных галстуков, он был неизменно вежлив и пунктуален. За все двадцать два года службы в брайтонской бухгалтерской фирме «Брэдли-Хэмилтон» он не пропустил ни дня по болезни и ни разу не опоздал. В офис Эрик Уитли всегда приходил первым.

Ровно в 7.45, проехав последние ярды, балансируя на одной педали, он слезал со своего велосипеда на Нью-Роуд, как раз напротив Павильона, пристегивал его цепью к фонарному столбу, который считал как бы своей собственностью, снимал защипку, набирал код на панели и входил в здание. Поднявшись по лестнице на второй этаж, он сворачивал в свой крохотный офис с застекленным проемом во внутренней перегородке, частично закрытым коричневыми картотечными шкафами и штабелями коробок. Зимой он включал обогреватель, летом — вентилятор, после чего садился за стол, включал компьютер и приступал к работе.

Со временем коллеги узнали, что он еще и мастер-самоучка по компьютерам и может решить едва ли не любую проблему, связанную со сбоем в программном оснащении.

Эрик Уитли любил компьютеры, потому что общаться с машинами ему было легче, чем с людьми. Машины не кричали на него, не запугивали и не насмехались над ним. А еще он любил цифры, потому что в них нет никакой двусмысленности и они всегда точны и однозначны. Его работа заключалась в проверке клиентских счетов и платежных ведомостей своей фирмы, а также оказании помощи бухгалтерам партнерских фирм. Эрик Уитли занимался этим делом двадцать два года и планировал продолжать по меньшей мере еще тринадцать лет, до достижения пенсионного возраста, то есть шестидесяти пяти лет. Никаких планов на более далекое будущее он не строил. «Там будет видно», — отвечал Эрик Уитли коллегам, когда те, пользуясь редким случаем — например, на рождественской вечеринке с обязательным участием всех сотрудников, — задавали такой вопрос.

Он не любил рождественские вечеринки, всегда оставался ровно столько, сколько требовали правила приличия, и избегал разговоров с другими сотрудниками. Даже те, кто отработал с ним бок о бок два десятка лет, как служащие, так и партнеры фирмы «Брэдли-Хэмилтон», знали об Эрике Уитли не больше, чем в тот день, когда он впервые пришел сюда.

Каждый день Эрик Уитли покупал ланч в закусочной на Бонд-стрит. Меню его из года в год оставалось неизменным: тунец с майонезом и порезанным помидором на ломтике цельнозернового хлеба, немного перца (на два поворота мельнички), немного соли (одна щепотка), батончик «твикс», яблоко и бутылка газированной воды. Потом он покупал «Аргус» в газетном киоске и торопливо возвращался в святая святых, свой закуток, где и проводил оставшееся от перерыва время за едой и постраничным — пропускался только не интересовавший его спортивный раздел — чтением газеты. Если звонил телефон, Эрик Уитли просто не обращал на него внимания.

Сегодня его внимание привлекло объявление, помещенное в правом верхнем углу на третьей странице.

«ТРЕБУЮТСЯ — СТАТИСТЫ ДЛЯ СЪЕМОК!
ЗАРАБОТАЙ ДО 65 ФУНТОВ В ДЕНЬ, И ТЕБЯ УВИДЯТ В ФИЛЬМЕ „КОРОЛЕВСКАЯ ЛЮБОВНИЦА".
В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ ГЕЯ ЛАФАЙЕТ И ДЖАДД ХАЛПЕРН.
СЪЕМКИ НАЧИНАЮТСЯ В БРАЙТОНЕ НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ».

Ниже приводился номер телефона, адрес электронной почты и веб-сайта.

Эрик Уитли аккуратно вырезал объявление и положил в средний ящик стола. После чего вернулся к ланчу.

* * *

Одновременно с Эриком Уитли объявление привлекло внимание и других жителей города. Одним из них был Гленн Брэнсон, сидевший вместе с Беллой Мой в поезде и направлявшийся в Кардифф, на передачу «Криминальный дозор». Гленн ел банан и читал газету. Прочитав объявление, он тут же записал контактную информацию. Сэмми и Реми без ума от Геи! Его жена, Эри, делала все возможное, чтобы настроить детей против него. Может быть, удастся получить для них места в массовке — вот было бы круто! И он бы сразу поднялся в их глазах.

Объявление вызвало интерес и у жильца номера 608 брайтонского Гранд-отеля, просматривавшего объявления в поисках проститутки.

Уставший, разбитый, он подстегнул себя еще одной чашкой кофе, прочитал памятку с разъяснением, как делать местные звонки, и набрал указанный в газете номер. Через несколько секунд затянувшегося ожидания в трубке звякнуло — его переключили на автоответчик.

Гнев всколыхнулся с новой силой. Он ненавидел эту тупую систему, всю эту культуру голосовой почты, смысл которой — отмахнуться от тебя, унизить и поиметь.

— Если вы звоните по вопросу участия в съемках «Королевской любовницы», пожалуйста, назовите имя и фамилию, возраст и номер телефона, чтобы мы могли перезвонить вам. Вы также можете выслать эту информацию с вашей фотографией и номером контактного телефона. Спасибо за то, что позвонили в «Брукер-Броуди продакшнз»!

На мгновение им овладело дикое желание вырвать трубку вместе со шнуром и половиной внутренностей пластмассовой коробки. Но потом он немного успокоился. Нет, не для того он проделал долгий путь и приехал сюда, чтобы крушить телефоны в номерах.

Впрочем, он и сам еще толком не знал, что будет делать. Но что-то сделает, это точно. Что-то такое, о чем многие еще пожалеют.

Он назвал свое имя, номер телефона и положил трубку.

37

Рою Грейсу нравился брайтонский крематорий. Нравился его дизайн, его месторасположение. Типичный городской крематорий — это бездушное, унылое учреждение, характер которого определяется его единственной, зловещей функцией. В отличие от церкви здесь не заключают браков, никого не крестят, никому не поклоняются, сюда не приходят, когда на душе темно. Крематорий «Вудвейл», уютно расположившийся на зеленом, облагороженном холмике к северу от города, отличался от собратьев тем, что сохранил в себе дух истории и шарм старины. Центральное здание из двух одинаковых часовен с колокольней между ними было построено в неоготическом стиле и напоминало приходскую церковь.

Хотя его работа и имела непосредственное отношение к смерти других людей, Рой Грейс старался не задумываться о том, что и он когда-нибудь разделит общую участь. Он так и не решил до сих, во что верит, и внимал всему. В прошлом ему довелось несколько раз работать с экстрасенсами, и сотрудничество обернулось как поразительными успехами, так и впечатляющими неудачами. Обсуждая эту тему с Сэнди, а в последнее время и с Клио, он обычно говорил то, что чувствовал: в материальном существовании присутствует некое духовное измерение — не в библейском смысле. Рой Грейс искренне верил, что за последней чертой есть что-то еще, но потом, видя в новостях, какие злодеяния творятся в мире — или сталкиваясь с таковыми сам, начинал склоняться к мысли, что, может быть, для человечества лучше ограничить свое зло одной планетой и недолгим сроком жизни ее обитателей.

Не принял он пока решения и относительно собственных похорон. Сэнди всегда говорила, что хочет упокоиться в лесу, в скромном, экологически безвредном гробу, но Грейс неизменно уходил от этой неприятной для него темы. Впрочем, после одного дела — оно касалось торговли человеческими органами и затянулось на несколько месяцев — он все же собрался с духом и сделал то, на чем годами настаивала Сэнди: подписал документ, разрешавший посмертное использование его органов. Дальше этого в своих отношениях с собственной смертью Рой Грейс не пошел.

Сейчас он наблюдал за моргом через завесу дождя, весьма кстати скрывшего его за ставшим непроницаемым лобовым стеклом. Черный катафалк и кортеж лимузинов, застывших в ожидании на некотором удалении от одной из часовен, напоминали выстроившиеся на взлетной полосе самолеты.

Грейс вздрогнул от пробежавшего вдруг по телу холодного озноба. «Кто-то прошел по твоей могиле», — говорила в таких случаях мать. Он улыбнулся воспоминанию — тепло и печально, ощутив легкий укол вины за то, что давно не был на могиле родителей.

Предыдущая служба закончилась, из часовни потянулись люди. Как обычно, разного возраста. Все торопились. Близился вечер, и задерживаться под дождем никому не хотелось. Одна группа укрылась в лимузине похоронного бюро, остальные поспешили к своим машинам.

Сопровождаемый кортежем, катафалк подъехал к двери часовни. Дверцы первого лимузина открылись. Выходя, люди ныряли, пригнувшись и втянув голову в плечи, под зонты, которые уже раскрыли для них сотрудники похоронного бюро. Грейс включил на секунду «дворники» и почти сразу увидел его. Выходящим из первого лимузина.

Эмис Смолбоун был здесь, как и говорил Терри Биглоу.

Грейс подумал, что узнал бы этого коротышку и за сотню миль. Прямой как палка, на высоких каблуках, он был выше отмеренных ему природой пяти футов и одного дюйма. Дождь мешал рассмотреть как следует, но Эмис Смолбоун, похоже, не очень-то и изменился за двенадцать с лишним лет, что прошли с того дня, как Грейс видел его в последний раз, в зале судебного заседания, где он давал показания, сыгравшие решающую роль в вынесении обвинительного приговора.

Слово «зло» как-то не вязалось с Эмисом Смолбоуном. Назвать его «злодеем» мог бы только льстец. Чтобы стать настоящим, в полном смысле слова злодеем, ему недоставало ума, хитрости и сообразительности. Он был просто мерзким. Гадким, мерзким человечишкой.

Через несколько минут носильщики открыли заднюю дверь катафалка и вытащили гроб, в котором, как можно было предположить, и лежало тело бывшего барыги Томми Финчера. Грейс невольно усмехнулся, подумав, что старый мошенник вполне мог прихватить с собой какую-то краденую вещичку, чтобы предложить Богу по бросовой цене.

Увидев выходящего из второго лимузина Терри Биглоу, чахлого, согбенного, налегающего на палку, Грейс испытал искреннюю жалость к старику. Бывший рэкетир и сам стоял у последнего порога и сейчас наверняка думал о собственных приближающихся похоронах. В Биглоу, по крайней мере, сохранилось что-то человеческое, даже симпатичное, хотя и был он, конечно, отпетым мошенником. С Биглоу можно было поговорить, когда требовалась какая-то информация, и Грейс знал — ему будет не хватать старика.

Прошествовав перед ним под дождем, вереница криминальных авторитетов Брайтона торопливо втянулась в часовню. Почти всех этих людей Грейс знал в лицо. Большинство представляли сильный пол, но мелькнула и пара женщин, в одной из которых он узнал содержательницу борделя Глорию Джовинаар. Другая, почтенная леди с палкой, Бетти Вашингтон, была известна в свое время как самая хитрющая и ловкая из всех городских «мадам».

Дожидаясь окончания церемонии кремации, Грейс позвонил Гленну Брэнсону — пожелать удачи на записи программы «Криминальный дозор». Судя по голосу, сержант жутко нервничал, и Грейс постарался его успокоить.

— Тебя можно попросить об одолжении? — спросил Брэнсон.

— Попробуй.

— Фильм с Геей. Ухватить парочку отгулов сейчас, наверное, не получится, да и отпуск не дадут, но, может быть, получится включить меня с ребятишками в массовку? Для них это был бы настоящий праздник.

— А ты сам подумай хорошенько, ладно? На тебе расследование убийства, работы непочатый край, а ты вдруг срываешься на съемки в массовке. Ну как?

На линии повисла тишина.

— Да, я так и думал, что ты такое скажешь, — проворчал наконец Брэнсон.

Грейс знал, как тяжело другу. Знал, что ему пришлось перенести за последний год. Но если ты хочешь сделать карьеру в отделе тяжких преступлений, на первом месте у тебя всегда должна стоять работа.

— Послушай, что я тебе скажу. Обещать не буду, но… Я в ближайшие дни буду с ней встречаться, обсуждать вопросы безопасности. Может быть, она согласится уделить тебе и твоим детишкам пару минут. Ты как на это смотришь?

Брэнсон мгновенно оживился.

— А знаешь, старичок, ты иногда не так уж и плох — для белого человека.

— Да пошел ты! — добродушно ухмыльнулся Грейс.

Дверь часовни открылась — служба закончилась. Похоже, панегирики для Томми Финчера звучали недолго. Грейс свернул разговор — ждать осталось недолго. Смолбоун вышел из часовни, поддерживая за локоть какую-то женщину.

Они вместе сели в черный лимузин, и через несколько секунд машина тронулась. Грейс повернул ключ и поехал следом, сохраняя безопасную дистанцию.

Невероятно! Они позвонили! Не прошло и часа, как ему позвонили из производственного отдела «Королевской любовницы», и молодая женщина с противным жизнерадостным голосом — как будто хотела создать впечатление, что это она его новый лучший друг — спросила:

— Джерри Бакстер?

Ему не понравился ее тон. Совсем не понравился. Так и подмывало спросить, а смотрела ли она сегодня новости по телевизору? Слышала ли о голоде в Африке? Читала ли об этом в газете? Он хотел спросить, будет ли она так же жизнерадостна и счастлива, узнав, что там, в мире, есть такая ужасная вещь, как голод.

Неужели она так непроходимо глупа?

Змеи разворачивали кольца и поднимали головы. В голове все путалось, как случалось едва ли не каждый раз, когда он злился. Надо сосредоточиться, вспомнить, зачем он здесь и почему вообще звонил в производственный отдел.

— Да, я!

— Спасибо, что позвонили нам. Мы проводим набор желающих для съемок в массовых сценах. Съемки начнутся в понедельник, и мы хотим занять вас на всю следующую неделю, до вечера субботы. Вы будете свободны?

— Конечно.

— Съемки будут проходить, если погода позволит, возле Павильона. Я назову вам адрес, куда нужно прийти для примерки.

— А в самом Павильоне снимать будете? — спросил он.

— Да, много, но там нам массовка не понадобится.

— Понятно. — Он слегка расстроился.

Но информация была полезная, вот только почему? Ее нужно спрятать. Его мозг походил на кладовку, где лопнула лампочка и никто не спешит ее заменить. Чтобы найти нужное, приходится водить фонариком туда-сюда, а фонарик с каждым годом светит все слабее — батарейки садятся. Было там и то, что он убрал давно, о чем совершенно забыл и что, скорее всего, никогда уже не найдет. Хранилище стерегли змеи, поднимавшие головы каждый раз, когда он заглядывал туда.

Закончив разговор по телефону, он спустился в вестибюль и, подойдя к столику дежурного портье, попросил дать информацию по брайтонскому Павильону: когда открывается и закрывается, проводятся ли экскурсии с гидами и нужно ли записываться заранее?

Портье в элегантной синей форме тут же открыл буклет на соответствующей странице.

Дрейтон Уилер поблагодарил его. На город обрушился дождь. В такую погоду лучше всего ограничиться культурной программой под какой-нибудь крышей. И что может быть лучше посещения брайтонского Павильона?

39

— Чертов дождь! Чертова английская погода. Дерьмо!

Спрятавшись под зонтом, Ларри Брукер стоял на лужайке Королевского павильона в промокших мокасинах от «Гуччи». Он только что, в десятый раз за день, проверил прогноз погоды на своем айфоне, как будто серое от туч небо могло каким-то чудом, в один миг, просветлеть и излить на землю солнечный свет. Съемки планировалось начать в понедельник, и эта паршивая погода была совсем некстати.

А вот режиссер непогоды будто и не замечал. Небритый, с длинными, до плеч, седыми волосами и вечно озабоченным лицом, Джек Джордан стоял под дождем в бейсболке, старой летной куртке и кедах. Двукратный номинант на «Оскар», лауреат BAFTA, он напоминал

какого-нибудь древнего пророка, только что предсказавшего конец света. Взгляд его был устремлен на один из окруженных минаретами куполов. Тут же толпились приспешники «пророка» — линейный продюсер, художник по костюмам, оператор, первый помощник режиссера, его личная ассистентка, которую, что ни для кого не было тайной, он трахал уже несколько лет, и еще двое, которых Ларри Брукер не знал, но чье пребывание здесь, несомненно, оплачивал из своего кармана.

Джек Джордан указал на что-то на крыше; оператор кивнул, ассистентка сделала пометку. Режиссер щелкнул маленьким фотоаппаратом.

Ночь у Ларри Брукера выдалась бессонной. Очередная проблема с финансами. Завтра в город из Лондона прибывают Гея Лафайет и ее партнер Джадд Халперн; подготовительные работы в самом разгаре, в Пайнвуде возводятся декорации для некоторых сцен; группа в девяносто три человека прожигает дыру в бюджете. В час ночи — какая забота! — из Лос-Анджелеса позвонил Максим Броуди. Позвонил только для того, чтобы рассказать о новой проблеме.

Весьма и весьма существенной.

Производство остановится через три дня, если их главный спонсор, калифорнийский миллиардер Аарон Звотник, не переведет обещанные деньги. А у Звотника — и об этом сообщали во всех выпусках новостей — случилась собственная неприятность: Гугл подал на интернет-магната в суд за какое-то нарушение, и его акции резко пошли вниз. Он уже предупредил Броуди, что ввиду предстоящих потерь на рынке не может гарантировать выполнение взятых на себя обязательств.

И что же делать, думал Брукер. Проект зашел слишком далеко, и теперь им с Максимом не оставалось ничего иного, как вывернуть собственные карманы, чтобы продержаться на плаву до тех пор, пока Звотнику не будет найдена адекватная замена. Сам Брукер сидел на мели, но у Максима Броуди деньги, по счастью, водились в количестве достаточном, чтобы не пойти ко дну еще несколько недель. За это время, имея на борту звезду масштаба Геи Лафайет, они могли бы найти того, кто дотащил бы проект до порта назначения. Другое дело, что ради спасения пришлось бы, ломая шапку в руках, пойти на поклон к одной из крупных студий, где их отымели бы воистину по-королевски.

Ларри Брукер хмуро уставился на здание. Более экстравагантных сооружений ему, пожалуй, не встречалось, хотя по свету он попутешествовал и повидал всякого. Сравнить его можно было разве что с Тадж-Махалом. Хотя, признать по правде, индийский дворец он лицезрел в шесть часов утра в состоянии сильнейшего похмелья и желудочных спазмов от диареи.

Выполненный в стиле индуистского храма, дворец напоминал огромный аляповатый свадебный торт. И тем не менее общий эффект получился потрясающий. Еще более экзотическим и роскошным оказался интерьер. Возникший на месте фермерского дома в 1878 году, он использовался принцем-регентом для тайных встреч с любовницей — а позже незаконной женой — Марией Фицхерберт. Впоследствии Королевский павильон был расширен архитектором Джоном Нэшем. Для Брайтона дворец стал знаковым памятником, для Англии — одной из самых знаменитых достопримечательностей.

Джек Джордан со свитой двинулись наконец под крышу, и Ларри Брукер облегченно вздохнул. Двадцать пять лет назад, когда он делал свой первый фильм, Лос-Анджелес казался ему мечтой. Тогда он планировал обзавестись особняком в Бель-Эйр, яхтой на Французской Ривьере и собственным самолетом. Не получилось. Зарабатывал он до сих пор вполне прилично и даже мог бы стать по-настоящему состоятельным человеком, если бы бывшие жены не оторвали каждая по солидному куску. Сумасшедшая гонка, бесконечная нервотрепка, и при этом он по-прежнему играл не в той лиге, куда надеялся попасть, и, если

этот фильм провалится, на их с Броуди репутации можно будет ставить крест. А значит, надо как-то держаться.

Охранник на входе встретил их кивком. Брукер проследовал за режиссером и его командой по коридору и оказался в Банкетном зале. Оглядевшись, он решил, что если фильм станет мировым хитом, как они рассчитывали, то в его будущем особняке в Бель-Эйр будет такая вот столовая. Восхитительно прекрасный, зал поражал воображение роскошью восточного убранства. Словно зачарованный, Ларри Брукер взирал на красочные картины на стенах и сводчатый потолок с массивным орнаментом из выполненных барельефом платановых листьев и огромными, сказочными люстрами.

Центральная, самая большая, вызвала у него ассоциации с разорвавшим небо фейерверком. Она висела на высоте тридцати футов, поддерживаемая лапами серебряного дракона. Прямо под ней стоял накрытый на тридцать человек обеденный стол — с искусными подсвечниками, золотыми блюдами, тончайшим фарфором и хрустальными кубками.

— Наверное, как раз тут король Георг с Марией и устраивали свои интимные застолья, — с усмешкой заметила ассистентка, повернувшись к Джордану.

Кто-то рассмеялся, но Брукер остался серьезен. Увиденное окончательно убедило его в том, что они не ошиблись, решив снимать здесь, а не среди устроенных на студии декораций.

— Вообще-то нет! — вмешался подошедший к ним высокий мужчина в деловом костюме. — Я — Дэвид Барри, куратор этого здания. Ваше предположение, конечно, интересно, но Георгу не доставляло удовольствия сидеть за этим столом — он постоянно боялся, что на него упадет люстра.

Все посмотрели вверх.

— Да, если бы она на кого-то упала, собирать было бы нечего, — сказал Джордан.

— Вот именно! — живо согласился куратор. — Люстра весит более тонны с четвертью!

— А как вы ее чистите? — осведомился кто-то.

— Мы чистим ее каждые пять лет. Люстра состоит из пятнадцати тысяч стеклянных капелек, или подвесок, каждую из которых нужно снять, вымыть, отполировать и поставить на место.

— Надеюсь, закреплена надежно? — как бы в шутку обронил Ларри Брукер.

Куратор кивнул:

— Да, разумеется. Безопасностью люстры первой озаботилась королева Виктория. По ее указанию были сооружены новые держатели из только что появившегося в нашей стране алюминия — в то время это был самый прочный материал.

Никто не заметил высокого, худощавого мужчину в мокром плаще, с висящим на шее фотоаппаратом, маленьким зонтиком в одной руке и брошюркой в другой. Со стороны можно было подумать, что незнакомец любуется картиной на стене, но на самом деле никакая картина его не интересовала — он внимательно прислушивался к разговору.

40

Поминки по Томми Финчеру продолжались уже больше трех часов в отдельном зале на втором этаже «Хэвлок Армз». Рой Грейс терпеливо ждал в машине через дорогу от паба. Дождь не кончался. Темнело. Время от времени он делал звонки и отправлял сообщения на своем «блэкберри», не забывая при этом наблюдать за входом и надеясь, что мероприятие затянется еще на пару часов. Чем темнее, тем лучше.

В том, что для поминок выбрали именно это заведение, не было ничего удивительного. «Хэвлок Армз» был одним из нескольких пабов, известных как место встреч уголовной публики. Среди приехавших сюда Грейс увидел по меньшей мере пятнадцать знакомых лиц, частых клиентов суссекской полиции. Двое вышли покурить и переминались сейчас у входа, прячась от дождя. Что происходит внутри, представить было нетрудно: собравшиеся

наверняка пили за упокой Финчера и налаживали деловые контакты. Никто из них друг другу не доверял, но криминальные разборки, выплескивавшиеся когда-то на улицы и в переулки, где в ход шли кастеты, бритвы и бутылки с кислотой, ушли в далекое прошлое. Теперь у местных бандитов появились проблемы посерьезнее. Китайские триады, албанская и русская мафия расширяли свое влияние, и это тяжело било по карману британского уголовного братства. Торговля наркотиками, проституция, порнография, контрабанда алкоголя и сигарет, подделки под известные бренды и растущий бизнес в сфере интернет-мошенничества — все эти рынки постепенно захватывались невидимыми и опиравшимися на офшорные базы конкурентами, репутация которых наводила ужас.

В этом отношении Брайтону и Хоуву относительно повезло. Здесь уже давно не случалось преступлений с применением холодного и огнестрельного оружия, так отравлявших атмосферу многих британских городов. Тем не менее Грейс всегда оставался настороже, прекрасно понимая, что ничего не стоит на месте, и полиция не должна расслабляться.

Он тоже не мог позволить себе такой вот беззаботный вечер, но, сказать по правде, сегодняшнее времяпрепровождение ему даже нравилось. Как будто вернулся в те далекие уже времена, когда провел почти два года в группе внешнего наблюдения, занимаясь слежкой за местными наркоторговцами. Некоторые из них присутствовали сегодня здесь. Однажды он даже просидел целых тридцать шесть часов в переоборудованном холодильнике в кузове старого, ржавого фургона. Со стороны фургон выглядел брошенным, на самом же деле его поставили с таким расчетом, чтобы вести наблюдение за домом подозреваемого в торговле наркотиками. Все это время Грейс провел в ограниченном пространстве, с запасом пищи и воды, не имея возможности выйти, справляя нужду в металлические контейнеры и фотографируя всех входящих и выходящих через потайную дырку в борту фургона.

Именно там, в холодильнике, ему пришла мысль, что работа детектива сродни рыбалке, что поймать крупную рыбу можно только за счет большого терпения. Этим сравнением он пользовался до сих пор, когда приходилось выступать перед молодыми детективами.

Грейс посмотрел на часы — 8.35.

Среди тех, кто пришел сегодня помянуть Томми Финчера, он заметил и еще одного старого знакомца, Даррена Спайсера. Профессиональный вор-домушник сорока с небольшим, он выглядел по меньшей мере на двадцать лет старше. К счастью, размышлял Грейс, в наше время взломщиков почти не осталось. Наркоторговлей или интернет-мошенничеством заработать можно и больше, и легче. В последние годы Спайсер, скорее всего, был одним из клиентов старика Финчера — если, конечно, не сидел за решеткой.

Ход мыслей нарушили звуки Mr. Pleasant в исполнении «Кинкс». Грейс всегда считал, что эта команда написала в свое время несколько великих вещей, и эта песня была одной из его любимых. В ней чувствовалось что-то зловещее, отталкивающее, что-то идеально подходящее компании, собравшейся за дымчатыми окнами дома напротив. И в особенности Эмису Смолбоуну.

Mr. Pleasant.

«Или, точнее, Mr. Unpleasant»,[5] — подумал Грейс. Ветерок принес через дорогу сладковатый запах сигаретного дымка, и ему вдруг тоже захотелось закурить. А еще бы и выпить — солодового виски или, может быть, холодненького лагера. Но ни того ни другого у него с собой не было, а выходить из машины, рискуя упустить объект, он позволить себе не мог.

Хотелось не только пить, но и есть — ланч он пропустил, потому что заработался, подготавливая дополнительные документы, затребованные стороной обвинения к началу суда над Веннером, чтобы успеть отправить их перед поездкой на похороны. В машине нашелся только батончик «киткэт», несколько месяцев пролежавший в бардачке. Шоколадка

не раз плавилась на солнце, в результате чего стала комковатой и покрылась белыми пятнышками. Грейс достал батончик, развернул фольгу и откусил кусочек. Вкуса никакого, просто что-то черствое, несвежее. На колени посыпались крошки. Но ожидание могло затянуться, а желудок требовал своего, и он заставил себя съесть батончик, морщась, с усилием глотая и проклиная себя за то, что отнесся к делу так легкомысленно.

У него вообще не было никакого плана, кроме как отменить сегодняшний инструктаж по операции «Икона» из-за отсутствия Гленна Брэнсона и освободить для себя вечер. Он просто собирался появиться на похоронах и найти Смолбоуна, а что делать дальше, не решил. Гнев еще не утих. Гнев и злость на мерзавца за то, что он сделал — сам или с чьей-то помощью — с машиной Клио. Грейс понимал, что должен как-то спустить пар, а иначе можно натворить глупостей. С другой стороны, он вовсе не был уверен, что сумеет сдержаться, когда встретится лицом к лицу со Смолбоуном. Никто не смеет угрожать его любимой Клио.

Мимо пробежала, смеясь над чем-то, и скрылась за углом юная пара. Грейс еще раз посмотрел на часы на панели — до начала ток-шоу «Криминальный дозор», в студии Би-би-си в Кардиффе, оставалось двадцать минут. В какой-то момент слово дадут Гленну Брэнсону, и он в прямом эфире расскажет об их деле и назовет номер телефона. В студии они с Беллой Мой останутся до конца передачи, почти до полуночи, потом переночуют в отеле и утренним поездом вернутся в Брайтон. Грейс хорошо знал всю процедуру, потому что и сам несколько раз в ней участвовал. Следствие всегда рассматривало телевидение, и в частности «Криминальный дозор», как один из лучших вспомогательных ресурсов. Обращение к публике напрямую неизменно вызывало отклик и нередко приносило положительные результаты. Грейс набрал номер Гленна, но телефон был выключен.

Он оставил устное сообщение с пожеланием удачи и представил, как чувствует сейчас себя Гленн. Сидит в зеленой комнате с Беллой и другими приглашенными, в горле пересохло, нервничает. Именно так чувствовал себя он сам, впервые оказавшись перед камерой в прямом эфире. По-другому, наверное, и быть не может — тебе дается шанс, профукать который нельзя, и ты не ощущаешь на себе давящее бремя ответственности.

Грейс набрал номер Клио, и первым, что услышал, когда она сняла трубку, был заливистый собачий лай.

— Привет, милый! — бодро отозвалась Клио и, повысив голос, бросила в сторону: — Тише!

— Из-за чего это он так разошелся?

— В телевизоре кто-то позвонил в дверь.

Он с облегчением улыбнулся.

— Как ты себя чувствуешь?

Через дорогу двое курильщиков вернулись в паб.

— Устала, но уже намного лучше. Пузырь сегодня разыгрался. Обращается со мной как с футбольным мячом.

— Бедняжка.

— Когда думаешь вернуться?

— Не знаю.

— Ты поужинал?

— Съел высохший «киткэт».

— Рой! — укоризненно вздохнула Клио. — Питаться надо как следует.

— Там, где я сейчас нахожусь, выбирать особенно не приходится.

— А где ты?

— Объясню позже.

— Я скоро ложусь. Ты получил мое сообщение насчет продуктов?

— Сообщение?

— Оставила тебе сообщение, не могла дозвониться. Спрашивала, чем собираешься поужинать.

— Не видел никакого сообщения. И не слышал. — Странно, подумал он. Может, она набрала не тот номер? Вряд ли.

— Тебе оставить что-нибудь в холодильнике? У меня есть чудная лазанья.

— Отлично. Спасибо.

— А еще я приготовила салат и хочу, чтобы ты его съел, ладно?

— Обещаю. Послушай, сегодня в «Криминальном дозоре» будет Гленн.

— Знаю, ты уже говорил. Я его записываю — для тебя.

Он уже собрался спросить насчет ее сообщения, когда дверь паба открылась и на улицу, под дождь, слегка покачиваясь, вышел кто-то. Несмотря на сумрак, Грейс узнал его сразу и поспешил закончить разговор.

Эмис Смолбоун, вырядившийся в короткое коричневое пальто с бархатным воротником, раскрыл зонтик и, надменно задрав голову, не вполне уверенным шагом двинулся в направлении Грейса. У края тротуара он, однако, остановился и огляделся, словно высматривая такси.

Неужели один? Грейс не сразу поверил в такую удачу, но долго раздумывать не стал. Выйдя из машины, он быстро и решительно направился к Смолбоуну, успев, однако, отметить, что на улице никого нет. Хорошо.

Маленький, но пропорционально сложенный, как некая уменьшенная, выращенная в особых условиях, наподобие деревца бонсай, копия настоящего, здоровенного бандита, чистенький и опрятный, Смолбоун напоминал аккуратно перевязанный подарочный пакетик. Голос, пронзительный и резкий, идеально сочетался с внешностью, но в нем слишком часто прорезались нотки нарочитой важности. Возможно, в своем воображении он представлял себя почтенным сельским сквайром, тогда как на самом деле окружающий мир видел приблатненного жулика или скользкого типа из разряда тех, что торгуют на углу фальшивыми часами.

— Эмис Моррис Смолбоун. Надо же, вот так встреча. Рой Грейс, помнишь?

Эмис застыл как вкопанный. Моргнул несколько раз, всматриваясь в сумерки.

— Чего надо? — слегка заплетающимся языком спросил он.

— А ты разве не понимаешь, что означает, когда тебя называют по полной форме?

Смолбоун озадаченно нахмурился и на мгновение потерял равновесие. Грейс предусмотрительно схватил его за руку, ощутив при этом сильный запах алкоголя и табака.

— Нет, не знаю.

— А ты подумай.

— Да я понятия не имею.

— Это означает, что ты арестован.

41

Анна сидела в «священном уголке» — в украшенном перьями, цвета лазури бальном платье, том самом, в котором Гея выступала во время мирового турне «Спасем планету». Прежде чем надеть его, она приняла душ — чтобы запахи ее собственного тела не смешивались с божественными ароматами духов и пота идола, которые — она твердо в это верила — все еще сохранялись на наряде десятилетней давности.

Анна проводила ревизию. Проверив и перепроверив себя на знание песен кумира — название, порядковый номер в списке, дата первого исполнения, — она перечитывала теперь избранные места авторизованной биографии Геи. Не хватало только допустить какую-нибудь глупую ошибку, когда они встретятся наконец завтра. Ей нужно быть совершенством во всем — под стать Гее.

Вообще-то Анна была уверена в себе. В школе она всегда хорошо запоминала числа — помнила даты правления всех королей и королев Англии, всех сражений и вообще почти всех важных событий. Кое-кто из одноклассников называл ее зубрилкой. Ну и что с того? Ей было наплевать. Что они знали о мире? И кто из них сегодня, много лет спустя, имеет такую коллекцию Геи?

А?

— А ты как думаешь, Дива? — спросила она, обращаясь к кошке.

Кошка сидела возле стеклянного шкафчика, где стояли взятые в рамочку билеты с концертов Геи и лежали стопочки программок. На вопрос хозяйки она не ответила.

Часы показывали без пяти девять вечера. Пора спуститься и посмотреть телевизор. Сегодня шло одно из ее любимых ток-шоу «Криминальный дозор».

Настоящие преступления. Если повезет, расскажут о каком-нибудь убийстве; может быть, даже покажут реконструкцию. Анна поменяла кошачий туалет, стоявший на паре страниц, вырванных из бесплатного журнала «Жизнь Суссекса». Сам журнал она никогда не читала, но для этой цели он вполне годился. Потом прошла в гостиную и включила телевизор.

Ей нравились реконструкции, особенно с насилием и кровью. В отличие от кино- и телефильмов здесь все было реальное. Анна закрывала глаза и представляла страх жертвы, боль и отчаяние. Это ее возбуждало. Иногда Анна и сама проигрывала сценки с садомазохизмом. Это ей тоже нравилось. И тоже возбуждало.

Может быть, Гея свяжет ее завтра? А почему бы и не предложить? Она поежилась от удовольствия.

На двадцатой минуте программы ведущая Кирсти Янг представила телезрителям высокого чернокожего детектива, одевшегося так, словно он собрался на похороны. На экране появилась надпись — *детектив-инспектор Гленн Брэнсон, управление уголовных расследований Суссекса.*

Анна сделала глоточек любимого мохито Геи. Суссекс. Это же здесь, у нас! Отлично! В новостях по радио и телевизору говорили о трупе, найденном на какой-то птицефабрике в Восточном Суссексе. Особенных деталей не приводили, но общая картина представлялась весьма зловещей. Восхитительно зловещей. Может быть, этот детектив расскажет что-то интересное.

Через несколько секунд тот же детектив появился на экране уже возле металлических ворот с табличкой, на которой было написано «ферма Стоунри». Он заметно нервничал.

«Да! Да! Спасибо тебе, детектив!» Анна так обрадовалась и оживилась, что даже пролила немного мохито.

— Звонок поступил в суссекскую полицию утром в прошлую пятницу. Рабочие, занимавшиеся очисткой отстойника, обнаружили там тело мужчины, — заговорила Кирсти Янг.

На экране возникло огромное одноэтажное строение, не меньше сотни ярдов длиной, с дощатыми стенами и вентиляционными отверстиями на крыше. Неподалеку высилась силосная башня. Камера отъехала, показав студию.

— Тело нашли здесь, — продолжил детектив, — и мы полагаем, что оно пролежало от шести до девяти месяцев, возможно дольше. Мы не можем провести анализ ДНК, у нас ни отпечатков пальцев, ни стоматологической карты. Нам необходимо опознать этого человека. Труднее всего расследовать преступление, когда жертва остается неопознанной. Сегодня мы обращаемся за помощью к вам.

Не отрываясь от экрана, Анна отпила еще глоток. Да, вот это в ее вкусе! Самое то, что надо.

— По нашим оценкам, жертве было от сорока пяти до пятидесяти лет. Рост — пять футов шесть или семь дюймов. Худощавого телосложения. В прошлом погибший перенес перелом двух ребер — возможно, пострадал в результате несчастного случая, или получил спортивную травму, или же был избит. — Детектив улыбнулся, хотя, подумала Анна, с таким же успехом это мог быть и нервный тик. — Помощь населения для нас жизненно важна. Мы не можем начать полномасштабное расследование, пока не выясним, чье это тело. Возможно, вам поможет такая деталь, как содержимое желудка покойного джентльмена. В последний раз он ел что-то с устрицами и пил вино.

«Каких именно он ел устриц? Скажи! — мысленно подстегнула детектива Анна. — Колчестер? Уитстейбл? Блю-Пойнт? Каких? Ну же, скажи! Колчестер? Они самые лучшие!»

Между тем детектив указал на прикрепленные к белой демонстрационной доске два клочка ткани. Рядом с ними был помещен полный мужской костюм из того же материала, надетый для лучшего представления на магазинный манекен.

— Возможно, в расследовании нам помогут два кусочка ткани, обнаруженные рядом с телом. Мы полагаем, что они могли быть от такого вот костюма. — Детектив показал на манекен.

Экран заполнила сделанная крупным планом фотография обоих клочков. На ткани отчетливо проступала клетка из желтовато-охряных, красных и темно-коричневых ниток. Слушая полицейского, Анна в третий раз приложилась к высокому коктейльному бокалу.

— Материал этот — твид, плотная, качественная ткань от известного производителя, компании «Дормей». Рисунок, как видите, выражен достаточно явно. Возможно, вы вспомните, что видели одежду с таким рисунком, или знаете, что у кого-то был такой костюм.

Анна знала. Допив залпом мохито, она отставила стакан. На экране появился номер в полицейском управлении и другой, для анонимных звонков, в редакции «Криминального дозора». Ни по одному из них Анна, однако, звонить не стала.

Вместо этого она приготовила себе еще один коктейль.

42

— Эй, в каталажку не туда, — пробормотал Эмис Смолбоун, когда машина свернула с шоссе на проселок.

— Проснулся наконец, а? — Грейс посмотрел в зеркало заднего вида, хотя разобрать что-то в сгущающейся темноте становилось все труднее.

Смолбоун проблем не доставлял по той причине, что просто-напросто отрубился. Наручники в общем-то и не понадобились — один обнимал запястье заведенной за спину правой руки, другой был пристегнут к ручке запертой на замок дверцы.

Мобильный Смолбоуна, лежавший на переднем пассажирском сиденье, зазвонил в третий раз.

— Эй, у меня телефон звонит.

— Дешевый рингтон, — заметил Грейс, дождавшись окончания вызова.

Прекрасно понимая, что делает, он чувствовал себя немного не в своей тарелке, но сейчас ему было наплевать. Он намеревался преподать паршивцу такой урок, чтобы забылся не скоро. Машина уже была вблизи старого, давно заброшенного форта на вершине Девилз-

Дайк, самого высокого холма в окрестностях Брайтона. В детстве он частенько приходил туда поиграть и туда же, когда они только начали встречаться, приводил Сэнди. Далеко внизу, за полями, мигали городские огни.

В первые годы службы, до перехода в управление уголовных расследований, в те времена, когда общественность еще не следила придирчиво за каждым шагом полиции и не требовала отчета за каждую мелочь, они, бывало, забирали вечерком особенно агрессивных гуляк, запихивали в фургон, отвозили сюда и, вышвырнув на травку, уезжали. Прогулка в пять миль до центра города протрезвляла многих!

Грейс вышел из машины и внимательно огляделся. Дождь не стихал. Вокруг ни души. Он открыл заднюю дверцу. Из салона на него угрюмо смотрел Смолбоун. Грейс сел рядом с ним и захлопнул дверцу.

Запах спиртного и сигарет, смешавшись с тошнотворным ароматом одеколона, сделался сильнее.

— Ты какого хрена хочешь?

Грейс беззаботно улыбнулся:

— Немного поболтать, Эмис. А потом, может быть, если мы достигнем понимания, я даже отпущу тебя без предъявления обвинения.

— Обвинения в чем?

— В нарушении условий освобождения. В оставлении хостела, где тебе положено находиться. В непредставлении отчета офицеру по надзору. Я, конечно, могу, если тебе так хочется, зачитать твои права и официально предъявить обвинение по обоим пунктам, и ты снова загремишь за решетку. Сколько дадут? Ну, лет пять, наверное. Устраивает такой вариант?

Смолбоун ответил не сразу. Грейс смотрел на него в упор, не сводя глаз. Постарел, подумал он. И заметно. Лицо, некогда мальчишески холодное, с тем выражением, что он видел в кино у молодчиков из гитлерюгенда, огрубело и покрылось морщинами, что случается со всеми заключенными и заядлыми курильщиками. Волосы выглядели на первый взгляд безупречно, но блондинистый блеск ушел, и теперь они тускло отливали рыжеватой краской. И только прежняя наглость и самоуверенность сочились изо всех пор.

— Я ничего такого не делал.

— Чего не делал?

— Того, что ты сказал.

— То есть не ты поцарапал машину моей хозяйки?

— Не я. Ты ошибаешься.

Грейс сжал кулаки, с трудом удерживая поднимающуюся из глубины злость. Теперь, когда они были рядом, ненависть к этому слизняку только усилилась.

— Почерк твой.

Смолбоун покачал головой:

— Думай как хочешь, Грейс, но, зная твою репутацию в городе, могу предположить, что я не единственный, кто не принадлежит к клубу твоих поклонников.

Грейс подался вперед и наклонился, так что их разделяли считаные дюймы.

— Двенадцать лет назад, после того как ты загремел в тюрьму, кто-то выжег у меня на лужайке почти те же самые слова. Так что даже не пытайся запираться, а то я рассержусь еще сильнее. Ладно?

Он отстранился. Смолбоун промолчал. Потом Грейс снова наклонился, так что носы их едва не касались.

— Тебя отпустили по особому разрешению. Ты свободный человек, Смолбоун, и можешь делать все, что хочешь. Но предупреждаю и повторять не стану. Если с моей хозяйкой или с ребенком, которого она носит, что-то случится — все равно что, — в тюрьму я тебя отправлять не стану, понял? Не стану потому, что разберусь с тобой сам, а когда закончу, все, что от тебя останется, поместится в спичечный коробок. Ты меня понял?

Не дожидаясь ответа, Грейс выбрался из машины, обошел ее сзади и с такой силой рванул дверцу, что пристегнутый к ней Смолбоун вылетел из салона и, болезненно хрюкнув, грохнулся спиной на землю.

— Ох, извини. Забыл, что ты держишься за дверцу. — Грейс наклонился и обшарил Смолбоуна еще раз. Убедившись в отсутствии второго телефона, он расстегнул наручники и рывком поднял недоростка. — Итак, мы друг друга поняли?

Смолбоун огляделся, всматриваясь в уже почти непроглядную тьму. Волосы у него намокли и спутались.

— Говорю же, это не я. Не трогал ее машину. И ничего об этом не знаю.

— Ну, если так, — с улыбкой сказал Грейс, — то тогда тебе и беспокоиться не о чем. Желаю приятной прогулки. Пока дойдешь, протрезвеешь.

— Эй, ты про что говоришь?

Грейс подошел к дверце с правой стороны, открыл и сел за руль.

— Ты же не оставишь меня здесь?

— Вообще-то да, оставлю.

Смолбоун похлопал себя по карманам.

— И телефон мой забрал!

— Не волнуйся, не пропадет. — Грейс захлопнул дверцу, заблокировал и повернул ключ зажигания.

Смолбоун ударил кулаком по крыше.

— Эй! — Он попытался было открыть левую переднюю дверцу.

Грейс немного опустил стекло.

— Заберешь телефон в полицейском участке… и зонтик тоже!

— Не оставляй меня здесь… пожалуйста. — Впервые за всю жизнь Смолбоун попытался говорить вежливо. — Хотя бы до города подбрось.

— Извини. Страховка не позволяет. Пассажиров возить запрещено, автомобиль может использоваться только в служебных целях. Такие уж законы. Облом.

Отъехав, он на секунду сбросил газ, посмотрел в зеркало заднего вида и получил удовольствие, увидев ковыляющего по траве человечка — одинокого и растерянного.

43

Если не считать одного-единственного раза — когда они с Эри, еще до рождения Сэмми, путешествовали по Уэльсу, — Гленн Брэнсон совсем не знал Кардифф и не очень хорошо представлял, где именно сейчас находится. Впрочем, отель был хороший, модный, и бар пока еще не закрылся. Он сидел за угловым столиком, рядом с Беллой Мой. Возбуждение после выступления на телевидении еще не улеглось, но постепенно уходило, и Гленн испытывал своего рода антиклимакс.

Захватив пригоршню орешков в экзотически окрашенной оболочке и похрустев ими с минуту, он потянулся за кружкой.

— Твое здоровье.

Белла подняла стакан с коктейлем «Космополитен».

Чокнулись.

— Ты просто звезда.

— Звезда — это ты, — с улыбкой возразила она.

На ней был темно-синий брючный костюм с белой блузкой и элегантные туфельки на высоком каблуке. Гленн хотел сказать, что она чудесно выглядит, но так и не собрался с духом, не зная, как Белла отреагирует на комплимент, но зная по прошлому опыту, что задеть ее совсем не трудно. К тому же, с грустью размышлял он, в сегодняшнем политкорректном мире самые невинные, но неверно истолкованные слова могут обернуться дисциплинарным трибуналом за сексуальное домогательство.

Но какое все-таки впечатляющее преображение из незаметной, серой мышки с вечно спутанными, неопределенного цвета волосами. Сегодня, с этой элегантной прической, она выглядела совершенно иначе, и Гленн поймал себя на том, что впервые видит в ней привлекательную женщину. На шее золотая цепочка с маленьким крестиком. Интересно, подумал он, насколько она религиозна? Странно, два года они работают вместе, а не знают друг о друге почти ничего.

— Нелегко, должно быть, когда мать в больнице.

Белла печально кивнула:

— Да. — Она пожала плечами, и в этом жесте, как ему показалось, сквозь грусть проступило что-то, что могло быть проблеском облегчения.

— Ты давно с ней?

— Десять лет. Я несколько лет жила отдельно, но потом отец слег с болезнью Паркинсона, а у мамы случился инфаркт, и она уже не могла за ним ухаживать, так что мне пришлось вернуться. Он умер, а я вроде как осталась — присматривать уже за ней.

— Это и есть преданность.

— Наверное. — Она снова печально улыбнулась.

Белла допила коктейль, и Гленн заказал для нее еще один. В голове уже приятно звенело. Ему было хорошо. Приятно все-таки провести время в хорошей компании. Да и, что уж скрытничать, ему понравилось выступать на телевидении. В прямом эфире! Двадцать минут назад позвонил Рой Грейс. Сказал, что посмотрел запись, поздравил — мол, отлично получилось, — несмотря даже на то, что он позаимствовал у шефа фразу насчет того, что труднее всего отыскать преступника, когда жертва не опознана.

Звонков после передачи поступило немало, но пока ничего такого, за что можно было бы зацепиться. Договорились о том, что утренний инструктаж Грейс проведет сам, чтобы им с Беллой не нужно было спешить и вставать ни свет ни заря.

Значит, можно не спешить, посидеть подольше, оттянуться. Вдалеке от Брайтона, впервые за долгое время не изводя себя мыслями об Эри и детишках. Он вдруг поймал себя на том, что смотрит на Беллу не как коллега, а как мужчина на первом свидании. И ему совсем не хотелось, чтобы этот вечер кончался. Мало того, он вдруг стал задаваться вопросом: а каково оно было бы, переспать с ней?

Они встретились взглядами. У нее были большие печальные глаза. Миленький нос. Ему нравилась ее изящная шея, но немного беспокоил крестик. Может быть, она скромница? И почему развелась? Надо бы узнать ее получше.

— А у тебя есть… ну… друг?

Она смущенно улыбнулась:

— В общем-то нет. По крайней мере, такого, которого можно считать другом.

— Вот как? — Гленн почувствовал себя увереннее.

Раньше, видя на инструктажах, как она, словно одержимая, хрустит своими леденцами, он спрашивал себя, не служат ли конфеты неким фрейдистским замещением чего-то и

почему она не пользуется косметикой. Сегодня это случилось. Белла воспользовалась косметикой и дразнила его соблазнительным ароматом духов. И это не предел. Вечер мог бы закончиться еще лучше, если бы она дала ему шанс. Да что там. Смелея от спиртного, он уже решил, что сам постарается убедить ее дать ему такой шанс.

Рой Грейс уже говорил, что ему нужно понять и принять тот факт, что брак закончился — на самом деле это случилось довольно-таки давно — и что ему стоит подумать о новых отношениях. А может быть, это оно и есть? Начало?

Они поболтали еще немного. Белла допила второй «Космополитен».

— Выпей еще! — предложил он, приканчивая свое второе — или уже третье? — пиво.

Из динамиков лились звуки слащавой «Леди в красном». Вообще-то Гленну нравилось другое, но сейчас…

— Мне пора, — сказала Белла, с неожиданной поспешностью соскальзывая вдруг со стула. — Отличный вечер! — Она чмокнула его влажными губами в щеку и ушла.

Гленн посидел немного, задумчиво вертя пустую кружку, потом заказал еще. Прослушал еще несколько таких же слащавых песенок. Посмаковал влажное прикосновение ее мягких губ. И впервые с тех пор, как Эри уведомила его, что их брак закончился, подумал, что новое начало не так уж невозможно. И что он, может быть, даже нашел ту, с кем ему хотелось бы начать новую жизнь.

44

Как и все полицейские, Рой Грейс привык прибывать на совещание любого ранга заранее. В среду утренний инструктаж по операции «Икона» занял совсем немного времени — ничего нового последние двадцать четыре часа не принесли. Надежды на прорыв связывались почти исключительно с откликом на появление Гленна Брэнсона в «Криминальном дозоре».

Без четверти десять он, предъявив удостоверение дежурному у ворот Мэллинг-Хаус, проехал под поднявшимся шлагбаумом. Мысли снова и снова возвращались к встрече с Эмисом Смолбоуном, и каждый раз на его губах сама собой появлялась улыбка. Грейс представлял, какие проклятия шлет в его адрес этот подонок, какие планы возмездия роятся в его голове, но не сомневался — отныне Смолбоун будет обходить Клио за десять миль.

Припарковавшись, он вышел из машины. День начался с теплого, свежего утра. Он направился к современному, функциональному зданию, прошел в просторный зал ожидания и представился одному из дежурных. Потом сел, подобрал от нечего делать лежавший на столике журнал «Полицейская федерация» и пролистал несколько страниц, останавливаясь на заметках, в которых упоминались знакомые офицеры. Упавшая сверху тень заставила его поднять голову.

Какие бы дела ни сводили его с сотрудниками ОПС — отдела профессиональных стандартов, — общение с ними никогда не проходило легко. Эти люди были по сути полицией внутри полиции, и работа их заключалась в расследовании как публичных жалоб, так и случаев нарушений внутренних инструкций их же коллегами. С некоторыми из них, как, например, с детективом-суперинтендентом Майклом Ивенсом, он когда-то вместе работал, но теперь это не имело ровным счетом никакого значения — теперь они играли за разные команды. Некоторые смотрели на них как на врагов, даже если обращались к ним за советом или помощью.

— Рад тебя видеть, Рой. Давненько не встречались.

Грейс поднялся. Они и впрямь не виделись несколько лет. Бывший спринтер в легкоатлетической команде суссекской полиции, Ивенс превратился в жилистого, подтянутого детектива-суперинтендента с бритой головой и циничным взглядом уставшего от жизни ветерана.

— Я тоже.

Ивенс слегка нахмурился.

— Как твоя проблема с женой — Сэнди, кажется? — разрешилась?

«Не очень-то он в курсе», — подумал Грейс.

— Нет, не разрешилась. Через пару месяцев будет десять лет. Я сейчас собираю документы для признания ее умершей. И собираюсь снова жениться.

Ивенс поджал губы и закивал, став похожим на тупого тролля в магазине игрушек. Непонятно почему, но, глядя на него, Грейс вспомнил, что еще не купил подарок своей крестнице, Джей Сомерс, которой в августе исполнится десять.

— Позволь совет, Рой. Проверь все как следует, чтобы и комар носа не подточил. Сам знаешь, на всякий случай…

— Знаю.

Соблюдению всех и всяческих инструкций придавалось в полиции большое значение. В последнее время было много скандалов из-за расходов и родственных отношений между сотрудниками, так что всем приходилось соблюдать крайнюю осторожность.

Вместе они направились к современному корпусу, где помещался ОПС, прошли по коридору и свернули в небольшой, похожий на коробку офис. Грейс сел на один из двух стоящих напротив стола стульев. Офис убедительно свидетельствовал о том, что его хозяин — человек опрятный и организованный. Аккуратный стол, аккуратные полки, аккуратные фотографии в рамках — безупречно выглядящей жены на пустом голубом фоне и милых детишек на бежевом. Ни малейшего указания на посторонние интересы. «Наверное, так, — подумал Грейс, — выглядели кабинеты офицеров КГБ в годы холодной войны».

— Так чем могу помочь, Рой? — спросил Ивенс, усаживаясь за стол и ничего не предлагая.

— Если помнишь, некоторое время назад я говорил тебе об утечке важной информации по нескольким расследованиям в прошлом году. Так вот, утечки продолжаются, и мне нужен твой совет. Что делать в такой ситуации и как решать проблему?

Ивенс раскрыл разлинованный блокнот, проставил дату и вписал имя Грейса.

— Так. Можешь поподробнее?

Следующие полчаса Грейс рассказывал о делах, расследованием которых занимался в последние двенадцать месяцев и по которым Кевин Спинелла неизменно получал детальную закрытую информацию. Иногда случалось, что репортер звонил буквально через несколько минут после того, как он сам узнавал о преступлении. Излагая свою проблему, Грейс внимательно следил за тем, что пишет Ивенс, — он давно уже научился читать перевернутое письмо.

Выслушав до конца, Ивенс сказал:

— Что ж, на данный момент у меня есть три возможных объяснения. Первый — информацию Спинелле дает кто-то из твоей команды. Второй — репортер получает ее от другого источника в полиции, не исключено, из отдела по связям с общественностью. Если сообщишь мне номер этого парня, мы проверим все исходящие звонки с полицейских телефонов и посмотрим, что это нам даст. Мы также можем проверить рабочие компьютеры и выяснить, связывался ли с ним кто-то из сотрудников полиции. Не исключаю, что Спинелла может иметь на кого-то компромат — не только на сотрудника полиции, но и на работающего у нас гражданского служащего. Ну и разумеется, есть третий вариант — кто-то прослушивает твой телефон. Ты чем пользуешься?

— В основном «блэкберри».

— Советую отнести телефон в отдел высоких технологий. Пусть проверят, посмотрят, все ли чисто. Если ничего подозрительного не обнаружат, телефон тебе вернут, а мы подумаем, что делать дальше.

Грейс поблагодарил его за совет. Майкл Ивенс отнесся к нему вполне дружелюбно, и он подумал, что, может быть, стоит поговорить с ним об Эмисе Смолбоуне, предупредить возможную жалобу со стороны последнего. Подумал и решил воздержаться. Смолбоун только что вышел на свободу, отсидев немалый срок, и теперь постарается восстановить свою криминальную империю. Навлекать на себя гнев полицейского не в его интересах. Может быть, он и замышляет какую-то месть, но с этим лучше разобраться потом, по факту.

Вернувшись в Суссекс-Хаус, он долго шел по коридорам первого этажа, прежде чем добрался до отдела ОВТ. Случайный посетитель не увидел бы здесь ничего такого, что отличало бы этот отдел от других, расположенных в этом же здании. Помещение открытой планировки было плотно заставлено рабочими столами, на некоторых из них возвышались настоящие компьютерные мини-башни, а на других лежали внутренности распотрошенных компьютеров.

Руководил работой отдела сержант в штатском, и большая часть его подчиненных были штатскими, специалистами по информационным технологиям. Одного из них, Рея Пэкема, сидевшего перед монитором у дальней стены, Грейс знал довольно неплохо по нескольким прошлым расследованиям. Приятный мужчина сорока с небольшим лет, всегда аккуратно одетый и подтянутый, он вполне мог сойти за представителя какого-нибудь банка. По стоящему перед ним экрану ползли ряды цифр и букв, совершенно Грейсу непонятных.

— На сколько можешь его оставить? — спросил Пэкем, забирая «блэкберри».

— Вообще-то он мне и самому нужен. Я сейчас занят новым расследованием, а еще надо помочь с охраной Геи Лафайет, которая приезжает сегодня. Тебе сколько времени понадобится?

Глаза у Пэкема вспыхнули.

— У меня к тебе огромная просьба. Сделаешь одолжение, а? Возьми автограф для Джен, ладно? Она без ума от Геи!

— Если так пойдет дальше, мне придется брать автографы для половины суссекской полиции и их родных и близких. Конечно, Рей, постараюсь.

— Мне сейчас надо закончить одну срочную работу, так что твоим «блэкберри» смогу заняться в лучшем случае завтра. Но если дашь часок времени, я могу его клонировать, а ты получишь свой телефон обратно.

— Меня бы это устроило.

— Тебя где потом искать?

— Либо в офисе, либо в ОШ-1.

— Я принесу сам, как только справлюсь.

— Какой ты молодец.

— Расскажи об этом Джен.

Грейс усмехнулся. Пэкем обожал жену и своего нового щенка, бигля по кличке Хадсон.

— Как она?

— Хорошо. Научилась контролировать свой диабет, так что теперь легче. Спасибо.

— А Хадсон?

— Нашел себе занятие — рвет дом.

— Надо бы свести его с Хамфри. Хотя, пожалуй, нет, не стоит. А то еще обменяются идеями, как лучше расправиться с новой софой.

В 12.30 пополудни Колин Бурнер, швейцар Гранд-отеля, подтянутый и элегантный в своей черной с серым форме, горделиво застыл у парадного входа столь любимого им исторического здания. Само здание было построено еще в 1864-м, и именно его роскошный интерьер украсили первые в Англии, не считая Лондона, лифты. Была в истории отеля и темная глава, пришедшаяся на 1984-й, когда ИРА устроила здесь взрыв, попытавшись убить тогдашнего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер.

Потом отель перестроили, воссоздав прежний роскошный стиль, но привлекательность его понизилась, а популярность упала из-за неудачного менеджмента. Теперь, под управлением нового администратора, человека горячо преданного делу, Эндрю Мосли, Гранд-отель постепенно поднимался к вершине прежней славы. Свидетельством тому были хотя бы стоявшие на выгнутой полумесяцем парковочной площадке автомобили, ключи от которых хранились у него в сейфе. Черный «бентли»-седан. Красный «бентли»-купе. Серебристый «феррари». Темно-зеленый «астон-мартин». На их фоне казался незаметным серебристый «форд-фокус» с двумя полицейскими из отдела охраны.

Другим верным подтверждением честолюбивых притязаний заведения служила толпа папарацци, заполнившая тротуар перед входом. Некоторые репортеры, с объективами помощнее, заняли позиции на другой стороне улицы. Не обошлось и без присутствия представителей обоих местных телеканалов и «Радио южных графств», а также поклонников лично Геи Лафайет — с конвертами от ее пластинок, буклетами CD и экземплярами ее автобиографии. Отдельные личности предстали в весьма экстравагантных нарядах, копировавших сценические костюмы звезды.

Общее возбуждение коснулось и Бурнера. Знаменитости — отличная реклама для отеля. К тому же, если повезет, он и сам сможет получить автограф Геи! Внимание заведению обеспечено на весь следующий месяц. Звезды не обходили Брайтон своим вниманием, но знаменитости такого калибра, как та, которую ждали здесь с минуты на минуту, появлялись нечасто.

Накануне погода выдалась мерзкая, но сегодня с утра небо было чистое. За променадом, по ту сторону оживленной улицы, синело спокойное море. Брайтон подавал себя в наилучшем виде, вполне соответствующем статусу звездной гостьи.

Внезапно на площадку перед Бурнером вылетели, развернулись и, демонстрируя идеальную синхронизацию, застыли, оставив между собой достаточно широкие промежутки, три черных «рендждровера».

Под треск и вспышки фотокамер Бурнер шагнул к ближайшему, но, прежде чем успел его достичь, передняя и задняя дверцы распахнулись, и перед ним появились четыре устрашающего вида громилы. Все за шесть с лишком футов ростом, все в одинаковых черных костюмах и белых рубашках с узкими черными галстуками, с микрофонами на ухе и в солнцезащитных очках с широким охватом. Общим у всех четверых было и кажущееся отсутствие шеи — голова как будто сидела непосредственно на плечах.

Второй набор великанов в черных костюмах высыпался из другой машины. Выбравшегося из третьей машины белого мужчину лет тридцати пяти, среднего роста, в темном костюме и галстуке сопровождали три серьезного вида женщины, лет тридцати с небольшим, как решил для себя швейцар с цепким, внимательным взглядом.

— Здравствуйте, джентльмены! — обратился Бурнер к первой группе.

Один из громил, рядом с которым Кинг-Конг показался бы цирковым карликом, посмотрел на него сверху вниз.

— Эт’ Гранд? — спросил он с сильным американским акцентом.

— Он самый, сэр, — приветливо ответил швейцар. — Хорошо долетели?

Человек из третьей машины направился прямиком к Бурнеру. Волосы у него были иссиня-черные и зализаны назад, а разговаривал он уголком рта и с резким акцентом. Швейцару он напомнил одного из его любимых голливудских артистов, Джеймса Кэгни.

— Мы тут как передовая группа охраны Геи. О багаже позаботитесь?

— Конечно, сэр.

Американец сунул ему в ладонь пачку банкнот. Уже позже, пересчитав бумажки, швейцар понял, что получил тысячу фунтов. В вопросе о чаевых Гея всегда исходила из того, что платить надо много и вначале. На ее взгляд, тянуть до последнего дня бессмысленно и вредно. Хочешь, чтобы тебя хорошо обслужили, заплати сразу.

В отель телохранители входить не стали, но выстроились у вращающихся дверей — по четыре с каждой стороны.

Несколькими секундами позже собравшаяся через дорогу толпа разразилась приветственными криками, а репортеры снова защелкали фотокамерами. Черный «бентли»-седан выкатился на площадку перед отелем и четко занял место между первым и вторым «ренджроверами».

Колин Бурнер тут же устремился к машине, но четыре охранника, блокировав подходы, оказались проворнее. Один из них открыл заднюю дверцу. Секундой позже на помощь им подоспели двое громил из другой четверки. Звезда и ее сын вышли из салона под ослепляющий залп фотовспышек и крики папарацци: «Гея!», «Гея, сюда!», «Гея, привет!», «Сюда, Гея!», «Гея, дорогая, мы здесь!».

Она была в элегантном костюме из верблюжьей шерсти и с улыбкой на лице; мальчик — в мешковатых джинсах, серой футболке с эмблемой «Лос-Анджелес Доджерс» — хмурился. Повернувшись к фотографам и шумной толпе за дорогой, Гея помахала им и тут же скрылась из вида, взятая вместе с сыном в кольцо телохранителей. Группа миновала восторженных поклонников с конвертами от дисков и буклетами, прошуршала через вестибюль и устремилась прямиком к лифтам.

Никто из ее свиты не обратил внимания на худощавого, мертвенно-бледного мужчину в затрапезном сером пиджаке и кремовой рубашке, стоявшего в сторонке с газетой в руках и, очевидно, ждавшего то ли приятеля, то ли такси.

А вот он заметил все.

46

— Ты что, упал с велосипеда? — спросила Энджела Макнил, прижимая к груди тоненькую папочку.

Эрик Уитли, сидевший в своем похожем на склеп офисе, пребывал в нервно-возбужденном настроении. Сегодня все шло не так. Все. Он собирался прийти раньше обычного, чтобы и уйти немного раньше, но вместо этого, впервые за все время работы в этой бухгалтерской фирме, опоздал.

И вот теперь его отрывают от ланча. Эрик Уитли терпеть не мог, когда ему мешали есть. Прием пищи он считал делом личным и даже интимным.

Сэндвич с тунцом и тонко порезанным помидором на кусочке цельнозернового хлеба, уже надкушенный, лежал на вскрытой упаковке. Рядом — батончик «твикс», яблоко и бутылка газированной воды. Тут же газета, брайтонский «Аргус», с броским заголовком на первой странице «Брайтон сходит с ума по Гее!».

— Нет, не упал. Я никогда еще не падал с велосипеда. По крайней мере, очень давно.

Эта женщина появилась здесь недавно. Профессиональный бухгалтер, овдовевшая два года назад, она уже некоторое время пыталась подружиться с Эриком, единственным в фирме мужчиной. Ничего привлекательного в нем не было, но она чувствовала, что он тоже одинок. Может быть, они сошлись бы, ходили иногда в театр, на концерты. Но как же трудно

понять Эрика Уитли! Из коротких разговоров с ним Энджела Макнил знала, что он не женат и подружки у него вроде бы тоже нет. Гей? Нет, не похоже. Она провела пальцем по щеке, там, где у него красовалась царапина.

— Что случилось?

— Кот, — коротко объяснил Эрик Уитли.

Она улыбнулась.

— У тебя есть кот? И у меня тоже!

Эрик снова взглянул на сэндвич. Хотя бы ушла поскорее — он пропустил завтрак и очень проголодался.

— Да, есть.

— А что за кот? Какой породы?

— Той, что царапается.

— Ты такой забавный! — Она усмехнулась, протиснулась между каталожным шкафом и письменным столом и положила папку на стол. — Мистер Филайн просил узнать, не сможешь ли ты составить месячный отчет по «Роусон текнолоджи». Нужно как можно скорее. Сегодня успеешь?

«Все что угодно, только бы ты оставила меня в покое», — подумал Эрик Уитли и кивнул:

— Да.

И все равно она не уходила.

— Тебе камерная музыка нравится? В воскресенье в Соборе концерт, и подруга дала мне несколько билетов. Я к тому, что если ты ничем таким не занят…

— Не нравится. Но за предложение спасибо.

Она посмотрела на газету.

— Только не говори, что ты поклонник Геи Лафайет?

Он помолчал, думая, как ответить так, чтобы поскорее от нее избавиться.

— Вообще-то да. Я большой ее поклонник.

— Серьезно? И я тоже.

Он едва не застонал от досады.

— Ну вот. Кто бы мог подумать, да?

Она посмотрела на него уже другими глазами:

— Ну и ну. А ведь ты, Эрик Уитли, та еще темная лошадка!

Его уже распирало от раздражения. Да как же, черт возьми, избавиться от этой проклятой женщины! Он натужно улыбнулся:

— Грешки ведь за каждым водятся, да?

— Да, точно. Это ты верно сказал. Грешки за каждым водятся. За каждым, да?

Он поднес палец к губам:

— Только никому не говори.

— Не скажу. Обещаю. Это будет наш секрет.

Она вышла из его клетушки, а он с удовольствием вернулся к сэндвичу, не забывая и про газету. На пятой странице в глаза бросился заголовок: «Суссекское убийство в „Криминальном дозоре“».

Эрик Уитли медленно и внимательно прочел всю заметку и, закончив ланч, вернулся к первой странице. *Грешки!*

Он улыбнулся.

— Похоже, я влюбился! — Гленн Брэнсон прошел в кабинет, развернул один из стоявших перед столом стульев и взгромоздился на него, расставив ноги, будто вскочил в седло.

Рой Грейс поднял голову от бумаг.

— Я тоже! — Он помахал полученной из «Фростс гэрадж» и только что распечатанной фотографией черной «альфа-ромео-джульетты». — Что думаешь?

— Класс!

— Ей год, пробег приличный, и она в моем ценовом диапазоне.

Брэнсон из любезности пробежал взглядом по странице.

— Эй, да у нее же всего только две дверцы!

— Нет, четыре, просто две задние ручки спрятаны.

— То есть ты сможешь сажать ребенка в детское кресло, да?

— Вот именно.

— Ну так бери. Сделай себе подарок — ты его заслужил. К тому же в твоем возрасте это, наверное, уже последняя машина. Потом будет только инвалидная коляска.

— Да пошел ты! — ухмыльнулся Грейс. — Так во что или в кого ты влюбился?

— Ну, ты, может, и не поверишь, но… — Гленн вдруг смутился, что было совершенно для него нехарактерно. — Знаешь… Белла, если присмотреться, очень привлекательная женщина.

— В «Криминальном дозоре» она и впрямь выглядела соблазнительно. Держалась в тени, но выглядела лучше, чем когда-либо. Так что, ты уже…

— Нет, но я над этим работаю.

— Молодец. Рад за тебя. Давно пора начать новую жизнь.

— Она симпатичная и милая.

— А еще и умная. Кстати, с дебютом тебя на телевидении — получилось отлично!

Брэнсон расцвел от похвалы:

— Ты и впрямь так думаешь?

— Конечно!

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Грейс.

Переступив порог, Рей Пэкем посмотрел поочередно на обоих детективов и, поколебавшись, протянул «блэкберри»:

— Извините, если помешал, шеф. Я только хотел вернуть вот это.

— Ну и как?

— Я его клонировал. Посмотрю, когда выпадет свободная минутка.

Поблагодарив Пэкема, Грейс взял телефон и сразу же увидел настойчиво мигающий красный огонек. Он прокрутил поступившие за последний час сообщения. Едва за Пэкемом закрылась дверь, как телефон зазвонил.

— Рой, — послышался в трубке голос старшего суперинтендента Грэма Баррингтона. — Хочу только сообщить, что Гея Лафайет уже приехала и сейчас располагается в Гранд-отеле. Я поговорил с начальником ее охраны, неким Эндрю Галли. Договорились, что встретимся через час в президентских апартаментах, обсудим меры по обеспечению ее безопасности. Сможешь подъехать?

Грейс сказал, что сможет, и только закончил разговор, как позвонили по внутреннему. Сняв трубку, он услышал взволнованный голос новенькой, констебля Эммы Ривз.

— Сэр, только что позвонил человек, смотревший вчера «Криминальный дозор»! Интересная информация!

— Какая?

— Этот человек — член общества любителей рыбной ловли, что возле Хенфилда. Сказал, что видел такой клочок ткани, как тот, что показывал вчера по телевизору сержант Брэнсон.

Деревушка Хенфилд находилась примерно в десяти милях к северо-западу от Брайтона.

— Он уверен?

— Он прислал мне фотографию, сделал мобильным. Похоже, ткань та же самая.

— Ты сейчас в штабе?

— Да, сэр.

— Я уже иду.

Грейс положил трубку, поднялся и повернулся к Брэнсону:

— Хочешь порыбачить?

— Ни разу в жизни не рыбачил.

— Пора начинать, а то ведь скоро состаришься.

— Да пошел ты!

— Помнишь актера Майкла Хорберна?

— Для тебя — *сэр* Майкл! «Паспорт в Пимлико». «Потопить „Бисмарк"». «Сид». «Шпион, который пришел с холода». «Ганди». Отличный актер!

— Знаешь, что он сказал однажды?

— Не знаю, но у меня такое чувство, что ты мне сейчас скажешь, — усмехнулся Брэнсон.

— Он сказал, что в отведенный нам срок жизни время, потраченное на рыбалку, не включается.

— Так вот как ты пытаешься молодиться, старичок?

— Давно не был на рыбалке. Несколько лет. Просто у меня такой дар — оставаться молодым.

— В мечтах.

— Нет, в мечтах я еще моложе и вожу тебя на прогулку в инвалидном кресле.

48

Через десять минут Рой Грейс уже рассматривал сделанный с близкого расстояния снимок с телефона Эммы Ривз. На нем был виден рваный кусок ткани, висевший на ветке утесника.

— Вроде бы похож, — заметил, заглядывая ему через плечо, Гленн Брэнсон.

— Да, рисунок тот же самый, — согласился Грейс.

— Тот парень утверждает, что еще вчера на кусте ничего не было.

Грейс задумчиво кивнул:

— Появился наутро после «Криминального дозора». Примечательно, да? Тогда можно предположить, что и весь костюм, а может быть, и остальные части тела у него, и после передачи он запаниковал и постарался от них избавиться.

— Вот и я так же думаю.

— Ладно. Отправь одного из наших детективов в общество любителей рыбной ловли, и пусть прихватит с собой кого-нибудь из криминалистов. Надо взять наши образцы и сравнить с тем, что там нашли. Если обнаружится совпадение, оцепить всю территорию и

незамедлительно провести полный осмотр местности. В том числе и водоемов. Похоже, здесь от улик и избавились.

Оставив Грейса в кабинете — тот собирался подготовить последние материалы по делу Веннера до встречи с Грэмом Баррингтоном в Гранд-отеле, — Брэнсон поспешил в ОШ-1 и сразу же отправил в общество констебля Эмму Ривз и эксперта-криминалиста Дэвида Грина.

Потом он сел за свой стол и начал просматривать поступившие после «Криминального дозора» звонки. Их было много, но ничего интересного, такого, что привлекло бы его внимание, не обнаружилось. Особой активностью, как всегда, отличались любители розыгрышей. Пара-тройка граждан воспользовались открытой линией, чтобы сообщить, анонимно, о подозрительном, на их взгляд, поведении соседей. Каждый сигнал требовалось проверить, так что работы его группе хватало. Но все же на данный момент ни одно из сообщений не дотягивало по степени определенности до информации от человека, назвавшегося Уильямом Питчером.

Эмма Ривз позвонила через час и, заметно волнуясь, сообщила, что найденный на ветке клочок ткани полностью совпадает с двумя уже имеющимися в их распоряжении. Она также сказала, что нашла свежий на вид след от автомобильных протекторов, отличный от следа, оставленного машиной позвонившего члена общества. Заражаясь ее волнением, Брэнсон приказал Эмме Ривз взять на себя охрану территории и, задав несколько уточняющих вопросов, добавил, что выезжает к ней через пару минут.

Положив трубку, он огляделся, решая, кого взять с собой. Заметив, что Белла Мой только что закончила говорить с кем-то по телефону, сержант решительно направился к ней:

— Не хочешь прокатиться за город?

Она пожала плечами, посмотрела на него как-то странно и, пробормотав неуверенно «да, конечно», прихватила со стола пакетик «мальтезерс» и поднялась.

Утром, на обратном пути из Кардиффа, она по большей части молчала, была тиха и задумчива, и Брэнсон даже начал думать, что, может быть, ляпнул лишнее накануне вечером. На завтрак Белла пришла в топе, которого он никогда раньше на ней не видел — умеренно консервативном, но разительно отличающемся, в лучшую сторону, от всего того, что она обычно носила, и сержант не мог не задаться вопросом: а не ради ли него все эти перемены?

В машине Белла тоже оставалась какой-то странно притихшей, ограничившись краткой сводкой новостей о состоянии матери, которое ничуть не улучшилось за последние сутки. Разговор то и дело прерывал установленный на приборной доске навигатор «томтом», каждые несколько минут выдававший резким, лающим голосом указания касательно маршрута.

Перед последней милей обязанности штурмана взяла на себя Белла. Впрочем, зачитав громко полученные от Эммы Ривз подсказки, она снова ушла в свои мысли. Они проехали сначала по узкой сельской дороге, потом свернули налево возле указателя с надписью «Общество любителей рыбной ловли» Западного Суссекса и покатили по круто уходящей вниз одноколейке, обсаженной по обе стороны высокими кустами.

— Жила когда-нибудь в деревне? — спросил Брэнсон, чтобы хоть как-то сломать тяготившее его молчание. Может быть, он все-таки задел ее чем-то накануне? Но чем? Вроде бы ничего особенного не сделал и не сказал.

— Это не мое.

— И не мое тоже. Я — прирожденный горожанин. В деревне, по-моему, слишком много чудаков.

— Я выросла в деревне. Мои родители арендовали землю у одного фермера. В город мы переехали, когда они вышли на пенсию.

— А-а-а, — протянул он, пытаясь придумать, как выйти из неудобного положения. — Ну, я не имел в виду, что все — чудаки.

Она промолчала.

Очередной знак указал влево, в сторону недостроенной и, похоже, заброшенной фермы. Большой хозяйский дом явно пустовал; на двери стоявшего без крыши амбара болталась табличка с надписью «Опасно. Не входить»; еще одна постройка, сложенная из серых шлакоблоков, глазела на мир пустыми, без стекол, окнами и темными дверными проемами. Чуть дальше протянулись старинные, без окон, коттеджи. Повсюду лежали мешки с песком, дренажные трубы и громадные деревянные катушки электрического кабеля.

Форсировав разлившуюся мутную лужу, они увидели фургончик службы криминалистической экспертизы, припаркованный на бетонированной площадке, рядом с большим темно-синим внедорожником. Поперек узкого проезда была натянута синяя с белым оградительная лента. Висевший на столбе знак предупреждал: «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ».

За исполнением предписания следила Эмма Ривз, серьезная, симпатичная блондинка, предусмотрительно облачившаяся в белый комбинезон, резиновые сапоги и синие перчатки. В руке она держала журнал осмотра места происшествия. Рядом с ней топтался эксперт-криминалист Дэвид Грин, также в комбинезоне. Улыбчивый мужчина в болотных сапогах и соответствующем облачении замер, словно постовой, с удочкой в руке.

Проклиная себя за рассеянность — грязная жижа уже затопила его старательно начищенные мокасины, — Брэнсон достал из багажника дорожную сумку и вместе с Беллой направился к проезду.

— Сэр, это Уильям Питчер. Это он нам позвонил. И кстати, он — отставной парамедик.

— Спасибо за звонок. — Брэнсон повернулся к мужчине с удочкой: — Вы уверены, что этого клочка не было на кусте вчера?

— Уверен. Надеюсь, не зря вас побеспокоил. — Уильям Питчер посмотрел на Дэвида Грина, потом на Эмму Ривз и остановился на Гленне. — Вчера его там точно не было. Я уходил в девять вечера и проверил регистратор — после меня в обществе никого не оставалось, а сегодня никто еще не приходил.

За плотной стеной деревьев мелькала полоска воды. Брэнсон взглянул на Эмму Ривз, потом на Дэвида Грина:

— Нам переодеться?

Грин покачал головой:

— Не надо. Разве что хотите сами все проверить? — Он с сомнением посмотрел на мокасины Брэнсона. Белла успела переобуться в резиновые сапожки.

— Я только хочу на этот клочок посмотреть.

Стараясь не наступать на старые следы, Грин повел его к зацепившемуся за ветку обрывку ткани. В просвете между кустами сержант увидел деревянный причал. Озеро имело овальную форму, берега его сильно заросли, по периметру было оборудовано несколько рыболовных мест. В дальнем конце озеро сужалось, становясь чуть шире речки, но потом снова расширялось. Идиллия да и только.

Уильям Питчер оказался человеком разговорчивым, если не сказать болтливым, настоящим кладезем информации, и мог многое рассказать об обществе и его членах. Гленн Брэнсон никогда даже не задумывался о том, что пруд чем-то отличается от озера. Теперь, благодаря Уильяму Питчеру, он это знал. Любой внутренний водоем, площадь которого превышает пол-акра, называется озером. Площадь здешнего достигала трех с половиной акров, а его главная проблема, объяснил словоохотливый рыболов, заключалась в угрозе заболачивания.

Впрочем, как вскоре выяснилось, по крайней мере в этой части озера проблемы были посерьезнее.

49

Эмис Смолбоун кипел от злости. Прошлепав к краю бассейна — каждый шаг отдавался жгучей болью в стертых подошвах, — он посмотрел на четыре зеленых цилиндрических деревца в металлических кадках на противоположной стороне и сердито затянулся «коибой».

Эмис Смолбоун не просто кипел от злости. В нем бушевал неутихающий ураган гнева. Гнев этот был так силен, что он даже не заметил ледяного тягучего винтажного ирландского виски «Джемисон». Высоко над ним голубело ясное послеполуденное небо. Пролетевший реактивный самолет оставил на нем клубящуюся белую полоску. Среда. Первая неделя свободы. После встречи с Грейсом он все же зарегистрировался в хостеле и встретился с офицером службы пробации — исключительно для того, чтобы не давать ублюдку-полицейскому повода еще раз к нему прицепиться.

Когда-то он жил в одном из лучших в городе домов ценой три миллиона фунтов, у него была вилла в Марбелье, яхта восьмидесяти футов длиной, «феррари-тестаросса». А что теперь? При освобождении ему выдали сорок шесть фунтов плюс жалкое недельное пособие.

И что он мог купить на эти гроши?

Их не хватило бы даже на бутылку виски, вроде той, что он пил сейчас у бассейна лондонского отеля.

А ведь в том, что так случилось, в том, что он все потерял, всего лишился, виноват один человек. Мало того, он ясно дал понять, что и теперь не оставит его в покое. Ублюдок отвез его на самую вершину Девилз-Дайк, унизил самым гнусным образом, причем за то, чего он не делал.

Небольшой запасец остался; ищейки Грейса нашли не все. Денег этих хватит на несколько месяцев относительно комфортной жизни, но, если думать о будущем, нужно побыстрее восстанавливать бизнес.

Здоровенный, мускулистый, с бритой головой и черными очками Генри Тилни пересекал лазурное пространство уверенным кролем, словно говоря: *да, я не просто самый мерзкий сукин сын в этом бассейне — я самый мерзкий сукин сын во всем мире.*

Интересно, не в первый уже раз задавался вопросом Смолбоун, как вышло, что этот тип избежал наказания, а он получил пожизненное? И если, отсидев двенадцать с лишним лет, нарушит условия досрочного освобождения, то вернется туда, откуда вышел.

Может быть, как он давно подозревал, это Генри Тилни и отправил его на нары? Не потому ли такой заботливый теперь? Не потому ли умасливает, что не хочет, чтобы он совал нос куда не надо?

Завершив заплыв, Тилни направился к бильярдной — грузный, мокрый, с внушительно выпирающим бугром под модными купальными трусами — и через минуту вернулся с банкой лагера. Ловко вскрыв банку, он поднес ее ко рту, сделал несколько глотков и вытер с губ пену.

— Окунись, приятель. Двадцать девять градусов. Красота!

Смолбоун недовольно скривился:

— Не мое. Никогда не любил воду — кто знает, что там… есть или было.

Тилни улыбнулся, пряча за улыбкой беспокойство.

— Ну, если тебя это волнует, я в нее не ссал.

Смолбоун покачал головой:

— Ссал ты там или нет — дело не в этом. Меня больше волнует, не ссал ли в нее Рой Грейс.

Тилни нахмурился:

— Ты что на хрен хочешь этим сказать?

Смолбоун пожал плечами, отметив про себя, что Тилни избегает смотреть ему в глаза.

— Рой Грейс поломал мне жизнь. Тебе повезло, что твою не поломал.

Тилни тяжело опустился на шезлонг.

— Забудь.

— Забыть? После того, что он со мной тогда сделал? После того, что сделал вчера?

— Грейс — тупой служака. Сидит на своих пятидесяти кусках в год и на большее не способен. Тебе шестьдесят два. Большинство в твоем возрасте подумывают об отставке. И думать тебе надо не о том, чтобы поссать кому-то в тарелку. Ты чего хочешь? Поработать пару-тройку лет, зашибить серьезную деньгу и уйти на покой или задираться с полицейскими? Ты хоть понимаешь, чем это для тебя обернется? Тем, что закончишь свои дни в каком-нибудь дерьмовом клоповнике, как Терри Биглоу. Ты этого хочешь? Стать таким, как Терри Биглоу?

— Я хочу поквитаться с Роем Грейсом, — ответил Смолбоун и с такой силой стиснул зубы, что кожа на лице натянулась, и Тилни увидел проступившие под ней кости. — Я тут разузнал про него кое-что. Похоже, старший констебль назначил его ответственным за безопасность Геи, пока она в городе. И знаешь, что я собираюсь сделать? Я подпорчу ему праздник. Опозорю перед всем светом. Выставлю идиотом. — Он ухмыльнулся. — Устрою взлом в ее номере.

— И что это тебе даст?

Смолбоун вкрадчиво улыбнулся:

— Это будет моя месть. Понимаешь? Ну и заработаю малость. Я двенадцать лет думал, как с ним посчитаться. Строил планы. Знаешь, что он со мной вчера сделал?

— Ты мне уже два раза рассказывал.

— Я ему докажу, что с Эмисом Смолбоуном так поступать нельзя.

— Ты точно решил?

— Я думал, ты мой друг.

— Я и есть твой друг, а потому позволь сказать тебе прямо. Мир изменился за двенадцать лет. Ты, может, не заметил, почитывая там газетки. Грабить номера — работа для дураков. Слишком много трудов, и слишком большой риск. Хрусты сейчас в наркоте да в Интернете — и риска почти никакого. А тебе надо бы кое-что запомнить.

— Что? — угрюмо спросил Смолбоун. Чувство было такое, что его ставят на место.

— Ты никогда не был так хорош, как о себе думал. Твой папаша — да, тот был крут. Его все боялись и все уважали. За счет этого ты и жил, торговал тем, что ты его сын. Но ты — не он. Даже наполовину не он.

— Заткнись.

— Нет уж, послушай, — продолжал Тилни. — Ты всегда был мелочью, треплом. Пыжился, тужился, пускал пыль в глаза — шикарные дома, яхты, машины. Но ведь все было не твое, все арендованное, на кредите. Туман да обман. Поэтому ничего и не осталось. — Он снова приложился к банке, вытер губы тыльной стороной ладони. — Знаешь, что я делаю? Смотрю вперед. Ты и Рой Грейс — это история. Забудь. И Гею забудь — охранников возле нее, что дерьма у тебя в заднице.

Смолбоун насупился.

— Так что бери пиво, садись и расслабься. Остынь. Да что там, возьми два — одно себе, второе своему самомнению.

Предложенный Дэвидом Грином план заключался в следующем: организовать поиск как на прилегающих к озеру территориях — силами экспертов-криминалистов под его руководством, так и в самом озере — силами дайверов из специальной поисковой бригады под командой сержанта Лорны Деннисон-Уилкинс, которая провела недавно подобную работу на птицефабрике.

Большой желтый фургон бригады специального поиска уже присоединился к собравшемуся здесь небольшому автопарку, в котором, как с облегчением заметил Гленн Брэнсон, не было ни одной машины с репортерами.

Лорна Деннисон-Уилкинс, миниатюрная, привлекательная женщина лет тридцати, с короткими каштановыми волосами, неизменно удивляла Гленна тем, что успешно справлялась с трудной, грязной и зачастую неприятной работой, выпадавшей на долю ее группы едва ли не ежедневно. Специальную поисковую бригаду привлекали каждый раз, когда усилий простых полицейских оказывалось недостаточно: доставать разлагающиеся тела из коллекторов и колодцев, со дна моря и таких вот озер; ползать на четвереньках в грязи и экскрементах, снимая отпечатки пальцев, как было на птицефабрике; искать части тела или орудия убийства в мусорных контейнерах и на свалках. Когда же ничего такого не случалось, они просто проводили обыски в домах наркодилеров, рискуя в любой момент уколоться о спрятанный шприц.

В память Брэнсону навсегда врезался рассказ Лорны — это было около года тому назад — о том, как ее группа снимала с мерзлого дерева фрагменты лица, черепа и мозга человека, разнесшего себе голову зарядом крупной дроби.

Повисшую над озером и окружающим его лесом тишину нарушил скрежещущий звук мотора. В серой надувной лодке сидели двое, оба в аквалангистском снаряжении, но без масок и баллонов. Один управлял, другой смотрел на экран гидролокатора бокового обзора. Гленн наблюдал за всем происходящим с причала. Принесенный ветерком запах отработанного топлива на мгновение перекрыл приятный, острый аромат озерной воды, зелени и земли. Поскольку никакого постоянного плавсредства на озере не было, поиск ограничили прибрежной зоной, с максимальным удалением на расстояние броска.

Моторка вдруг замедлила ход, в воду плюхнулся розовый маркерный буй — отметить место с какой-то аномалией, так как на экране появилось что-то нехарактерное для озерного дна.

За следующие сорок минут таких маркерных буев бросили еще три, причем два в дальней части озера. Моторка вернулась к причалу, и Гленн с двумя поисковиками отправился к их фургону.

В фургоне сильно пахло резиной, пластиком и дизелем. Все сели за маленький столик. Гленна угостили чашкой чая.

— В озере четыре аномалии, — объявил Джон Леллиот, один из самых опытных поисковиков, умевший разбираться в зачастую неясных образах на экране. — Формой и размерами, как я полагаю, соответствуют человеческим конечностям.

Через двадцать минут полицейский фотограф Джеймс Гартрелл закончил фотографировать обрывок ткани, к тому времени помещенный в пластиковый пакет для вещественных улик. Теперь Гартрелл устанавливал камеру на штативе непосредственно над смазанным отпечатком обуви, обнаруженным неподалеку от куста утесника, на котором и болтался тот самый клочок. Рядом с отпечатком положили линейку и воткнули в землю желтый пластиковый маркер с черной цифрой 2. Потом, при анализе отпечатка, линейка поможет определить его точный размер. Работа требовала точности, и для проверки перпендикулярности Гартрелл пользовался спиртовым уровнем.

Пять поисковиков, развернувшись шеренгой, прочесывали прилегающую к озеру береговую полосу. Сам Гленн, чтобы не мешать криминалистам, установил наблюдательный пост на деревянном причале, где и получал по телефону последнюю информацию о ходе поисков. Там же он принял и звонок от своего солиситора, которая сообщила, что Эри изменила согласованные ранее договоренности по вопросу о детях. Закончилось тем, что он просто накричал на ни в чем не повинную женщину. Тем временем оставшейся у проезда Белле приходилось объяснять приехавшим на рыбалку членам общества, что доступ к озеру временно закрыт.

Закончив разговор с солиситором, Гленн Брэнсон несколько секунд просто смотрел вдаль, повторяя одно только слово. *Стерва. Стерва. Стерва.* Солнечный свет, проникая через крону, ложился на землю рваной сеточкой. Из зарослей тростника с шумом взлетели две любопытные лысухи. Какой-то жучок в дюйм длиной скользил по воде у него под ногами. На середине озера плеснула рыбина. Гленн вздрогнул и повернулся на звук, но увидел только расходящиеся концентрические круги.

Два дайвера вошли в воду со специальными мешками для забора улик под водой, красным и черным. Оба были в аквалангистском снаряжении с ярко-желтыми ремнями, от которых тянулись зеленый и желтый тросы. Катушки с этими тросами держал на берегу третий поисковик. Стоявший рядом с ним Брэнсон наблюдал за аквалангистами до тех пор, пока они не скрылись в водовороте пузырьков.

«Какое красивое, тихое место», — думал он. А ведь есть места куда хуже. Уильям Питчер объяснил ему разницу между рыбалкой нахлыст и грубой. Насколько смог понять Брэнсон, члены общества пользуются нахлыстовыми мушками, которые лишь скользят по поверхности и не уходят в глубину, потому что на них нет грузил. При такой рыбалке все, что попадает на дно, может лежать там годами, а то и веками. Лучшего места, чтобы избавиться от трупа, и не найти.

Он услышал за спиной шаги, скрип досок под сапогами и голос Беллы:

— Как здесь красиво!

— Да, — криво усмехнулся Брэнсон. Его еще трясло после телефонного звонка. Теперь он понимал, почему мужья иногда убивают жен.

Белла остановилась рядом и кивнула с какой-то странной, печальной улыбкой.

— Ты когда-нибудь рыбачил?

— Нет, это не для меня. Да мне бы и терпения не хватило. А ты?

— Я свою ловлю уже жареной, с картошечкой.

Он рассмеялся, и разговор пошел легче, хотя Белла все равно держалась немного отчужденно и была не столь открыта, как накануне вечером. Может быть, это его отвлекали собственные проблемы с Эри и постоянная тоска по детям, а может быть, это Белла не могла забыть о лежащей в больнице матери?

Прошло несколько минут, прежде чем Джон Леллиот повернулся к берегу, держа в руках мешок, с которого свисали спутанные пучки травы. Выйдя на берег, он направился к установленной возле фургона палатке.

На глазах у Гленна и остальных Леллиот осторожно расстегнул мешок, в котором лежало что-то похожее на первый взгляд на тонкое темное полено. И, только присмотревшись, Гленн понял, что это черный пакет для мусора, перевязанный проволокой и обернутый вокруг длинного, узкого предмета, с чем-то белым на конце.

Человеческая рука.

Гленн вздрогнул и скривился от нахлынувшей волны отвращения, а вот Белла смотрела на находку с профессиональной отстраненностью.

— Левая рука. И похоже, почти не затронута разложением. Думаю, в воде пролежала недолго, — уверенно констатировала она.

Гленну доводилось бывать на местах самых жестоких убийств и видеть всякое, но, к счастью, ему еще не приходилось иметь дело с расчлененными телами. Впрочем, в данном случае не нужно было быть экспертом, чтобы понять — перед ними результат работы человека, не обладающего какими-то хирургическими навыками. Судя по всему, орудовали инструментом с затупленным лезвием — кость была расщеплена, нити мышц и рваные полоски кожи болтались, как неаккуратная бахрома. Почти как театральный реквизит, подумал Гленн Брэнсон. Или вещица из магазина приколов. Отсутствие запаха подтверждало предположение Беллы о том, что находка пробыла в воде сравнительно недолго.

И в таком случае, с разочарованием подумал Брэнсон, рука вряд ли имеет какое-то отношение к туловищу с птицефабрики, которое пролежало несколько месяцев.

— Двадцать четыре часа, не больше, — поделился мнением присоединившийся к ним Дэвид Грин. — Я бы даже сказал — намного меньше. В противном случае обнаженная плоть уже привлекла бы местную живность — раков, крыс, водяных полевок, щук. Вообще-то я даже удивлен, что они не оставили никаких следов, поскольку раки появляются обычно через пару часов.

— Да, странно, — согласилась Белла. — Если только их не привлекли другие лакомства.

— Верно, — кивнул Грин.

Так оно и вышло.

За полтора часа работы полицейские водолазы достали из воды вторую часть левой руки, от локтя и выше, и две части правой руки, разрубленной также у локтя. Были обнаружены и обе ноги, рассеченные на три части каждая. Недоставало только головы. Каждый обрубок был завернут в мусорный мешок, перевязан проволокой и снабжен грузилом в виде камня.

На болотистом участке берега удалось обнаружить отпечатки обуви, идентичные тем, что были около куста утесника, на котором Уильям Питчер нашел обрывок ткани. Рядом с каждым следом поставили желтый маркер с соответствующим номером.

Пока водолазы вели поиски в воде, сухопутная часть поисковой команды прочесывала лес, следуя за ведущими от озера отпечатками. В конце концов они наткнулись на выкопанную второпях ямку, наспех замаскированную ветками. В яме лежали пиджак и брюки, пошитые из той самой ткани, клочки которой были найдены на птицефабрике.

Каждую находку завернули и упаковали, снабдив ярлычком с указанием даты. Гленн, расположившись в фургоне и попивая кофе, рассматривал лежащий в прозрачном пластиковом пакете костюм. К его разочарованию, все этикетки были срезаны.

— Что думаешь? — спросил он, поворачиваясь к Белле.

Она пожала плечами:

— Наверное, в озере водится чудовище, которое и сожрало голову и туловище. А водолазы с ним просто не столкнулись.

Гленн усмехнулся:

— Вот и я о том же подумал.

— С другой стороны, у нас уже есть отсутствующая деталь этого жутковатого пазла. Вот только туловище залежалое, а конечности совсем еще свежие.

— С такой наблюдательностью из тебя отличный детектив выйдет!

— Лесть тебе не поможет, — улыбнулась Белла.

«Какая она хрупкая и ранимая», — подумал Гленн Брэнсон. Закаленный детектив и несчастная женщина. Ему хотелось обнять ее, вот только место и время никак не подходили для таких проявлений.

Но он уже решил, что в самом ближайшем будущем найдет и то и другое.

51

К такому же решению — изыскать верное время и место — пришел и Эмис Смолбоун. Пришел, когда стоял в одиночестве на ступеньках брайтонского Гранд-отеля — «Чивас Регал» со льдом в одной руке, сигарета в другой. Глубоко затянувшись, он скользнул взглядом через оживленную Кингс-роуд на прогуливающихся по променаду горожан и еще дальше, на синюю гладь моря.

Одет он был опрятно и аккуратно, но не вполне современно: синий блейзер с сияющими латунными пуговицами, белая рубашка с пестрым шейным платком, голубые слаксы и синие с белым туфли «себаго». Как будто только что сошел на берег с борта яхты. Вроде той, на которую он сейчас смотрел, — шикарная круизная красавица как будто летела над морем, оставляя за собой кильватерный хвост.

А ведь на этой яхте мог быть он. Эмис Смолбоун затянулся. Мог, если бы не детектив Рой Грейс.

Он знал — Генри Тилни прав. Забыть, выбросить из головы — вот лучший вариант. Да вот только не в его это духе. Людей надо учить. Грейс унизил его. Уничтожил. Из-за Грейса он потерял все. Двенадцать лет жизни в гребаной тюрьме, в окружении никчемных лузеров.

Гея уже здесь, в отеле. В президентском люксе. Принимает гостей — Роя Грейса, старшего суперинтендента Грэма Баррингтона и прочих. Какая милая компания. Он усмехнулся, смял сигарету, допил виски. Вернуться и заказать еще? По крайней мере, кое-какие связи у него остались. Кое-какие старые контакты. И один из этих контактов мог обеспечить ему доступ в любой номер в этом отеле. Круглосуточно, семь дней в неделю.

Благодаря тому же контакту он мог слушать все, о чем говорится в президентских апартаментах. При желании прямо сейчас. Но сейчас ему это было не нужно. Эмис Смолбоун достал из левого кармана пачку сигарет. Мигнувший на ней огонек был почти незаметен в ярком свете дня. Он с ухмылкой убрал пачку в карман — запись можно послушать позже, на досуге.

Этажом выше, в роскошной, выполненной в бледно-зеленых и бледно-желтых тонах, утопающей в коврах гостиной президентского люкса, Рой Грейс, никогда не испытывавший какого-либо благоговения перед знаменитостями, отчаянно сопротивлялся жгучему желанию ущипнуть себя посильнее. Он сидел на диване рядом с Геей Лафайет! И она была мила и дружелюбна, она шутила и смеялась, а вовсе не выставляла себя неприступной дивой, увидеть которую он ожидал. Тем не менее одно ее присутствие действовало на него гипнотизирующе.

На ней была мужская рубашка, белая, с завернутыми рукавами, рваные джинсы и черные замшевые полусапожки с пряжками, похожие на те, что носила Клио, только эти выглядели дороже. Ее блондинистые волосы были свежими, словно она только что вышла из парикмахерской; лицо выглядело на тридцать, а не на тридцать семь — именно столько ей было на самом деле, — на коже ни морщинки. Вживую, так сказать, во плоти, эта женщина была намного ярче, очаровательнее, соблазнительнее, чем на любой фотографии. А еще от нее исходил безумно сексуальный запах женщины.

«Гленн Брэнсон, наверное, сделал бы все, пошел даже на убийство, чтобы оказаться здесь», — подумал Грейс, изо всех сил стараясь зацепиться глазами за что-то и не пялиться

на Гею слишком уж откровенно. Удавалось плохо, тем более что верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, открывая притягательно эротический вид.

На полу, неподалеку от них, лежал сын Геи, Роан, в джинсах, желтой футболке и кроссовках. Мальчик полностью ушел в какую-то игру.

Свое название, «президентские апартаменты», номер получил не зря, подумал Грей, оглядывая исподтишка гостиную. Составлявшие его комнаты были обставлены в традиционном стиле эпохи Регентства — поистине королевская роскошь била в глаза. Помимо них, в комнате постоянно присутствовали две ассистентки Геи и шеф ее охраны, Эндрю Галли, серьезный, сухощавый мужчина в деловом костюме с белой рубашкой и темным, неброским галстуком. Полицию представляли главный суперинтендент Грэм Баррингтон — в форме, детектив-инспектор Джейсон Тингли, руководивший всей операцией по обеспечению безопасности Геи, и Грэг Уорсли из отдела охраны, явившийся на встречу, как и Тингли, в штатском костюме с галстуком. Все трое, как и сам Грейс, явно испытывали на себе магию Геи и держались несколько скованно.

На площадке, у входа в апартаменты, дежурили двое телохранителей, еще две пары прикрывали два пожарных выхода — именно столько их было в этом просторном, пятикомнатном номере. «Будто Форт-Нокс охраняют», — подумал Грейс.

Собственно, именно в этом и заключалась главная проблема.

Пока Гея здесь, обеспечить ее безопасность они в состоянии. Но она уже ясно дала понять, что не намерена оставаться на положении узницы, а хочет бегать по утрам и, что для нее еще важнее, не хочет создавать каких-то особых, тепличных условий для сына, а намерена ходить с ним на пляж, свободно гулять по городу, водить в пиццерию и вообще бывать везде, где ему вздумается.

Охранять звезду такого калибра нелегко и в обычных обстоятельствах — это Грейс знал, — в данном же случае обстоятельства были далеко не обычными. Кто-то уже пытался убить Гею, и этот человек все еще оставался на свободе. Не исключено, что он уже в городе. И даже — это Грейс тоже допускал — здесь, в отеле. В отделе угроз лос-анджелесского управления полиции, с которым Грэм Баррингтон поддерживал постоянную связь, ситуацию воспринимали очень серьезно, с большой озабоченностью.

Озабоченность американских коллег разделял, похоже, и главный констебль Том Мартинсон, которому достало здравомыслия забыть про инструкции — согласно им право на вооруженную охрану имели только особы королевского звания и дипломаты — и разрешить круглосуточную охрану Геи сотрудниками отдела вооруженного реагирования, при условии, правда, что расходы на такую охрану не упадут на суссекскую полицию с ее довольно ограниченным бюджетом. Двое сотрудников этого отдела уже сопровождали машину Геи от аэропорта Хитроу, и еще двое, в гражданском, дежурили сейчас в вестибюле Гранд-отеля. Охрана такого рода обходилась недешево, но Мартинсон исходил из того, что альтернатива — происшествие с Геей во время ее пребывания в городе в долгосрочном плане обойдется Брайтону гораздо дороже, поскольку испортит его репутацию и отпугнет потенциальных туристов.

Тот факт, что Гее обеспечен столь высокий уровень охраны, немного успокаивал Роя Грейса, но этого было мало. Главный констебль ясно дал понять, что, принимая во внимание покушение на жизнь Геи в Лос-Анджелесе, вся ответственность за ее безопасность в Брайтоне ложится, как ни крути, на его, Роя Грейса, плечи. При этом он настаивал на том, что и сама Гея должна поучаствовать в расходах, и в телефонном разговоре с суперинтендентом поручил ему провести с ней соответствующие переговоры.

Укромных местечек — закоулков, темных уголков, позабытых туннелей и секретных коридоров — в Брайтоне хватало. В общем, убийце здесь было где затаиться. Гарантировать безопасность Геи Грейс мог бы только при том условии, что ему разрешили бы доставлять ее

от двери к двери в бронированном автомобиле, а место прибытия окружалось бы полицейским кордоном. А этого, конечно, не будет.

Он повернулся и посмотрел на нее, и на мгновение взгляды их встретились. Глаза у нее были радужные, с голубовато-металлическим оттенком. Одни из самых знаменитых глаз в мире, они появлялись на миллионах фотографий, о них писали в миллионе статей. В каком-то модном журнале — Клио принесла его домой специально для Грейса — даже говорилось, что они, пожалуй, самые прекрасные во всем мире.

Если начистоту, самой красивой из всех женщин, которых он встречал за свою жизнь, Грейс считал Клио — до сих пор. Но Клио была не только потрясающе красива, а еще и несравненна в человеческом плане. Гея же, при всем ее радушии и теплоте, оставалась внутри жесткого панциря. Да, ночь с ней была бы незабываемым приключением, но утром она поступила бы с тобой так же, как поступает с партнером паучиха «черная вдова» — съела бы и извергла с экскрементами.

Внезапно Гея наклонилась к нему. Наклонилась так близко, что Грейс даже испугался — уж не собирается ли она его поцеловать.

— Суперинтендент Грейс, у вас глаза как у Пола Ньюмена. Вам об этом кто-нибудь говорил?

Он покраснел. Вообще-то говорили. Сэнди.

— Нет. — Он покачал головой и неопределенно улыбнулся. — Но спасибо.

Сидевший напротив Джейсон Тингли хитро подмигнул ему.

Старательно сдерживая ухмылку, Грейс обратился к Эндрю Галли и, в нескольких словах обрисовав сложившуюся ситуацию, добавил:

— Мы сознаем всю степень опасности, угрожающей мисс Лафайет в США, но здесь положение другое. На наш взгляд, в Соединенном Королевстве уровень угрозы вашей клиентке можно оценить от низкого до среднего.

Галли картинно развел руками, словно говоря «нет, вы только послушайте это!» и голосом Джеймса Кэгни произнес:

— Как вы можете так говорить? Парни, в этой стране оружие можно купить за несколько баксов. И не пытайтесь скормить нам эту чушь насчет безопасности!

— При всем уважении, должен напомнить, что мы без проблем доставили вашу клиентку и ее сына сюда и обеспечили их круглосуточной охраной в этом отеле. — Он немного виновато взглянул на Гею и снова повернулся к Галли: — Но если мисс Лафайет желает свободно разгуливать по городу, то наш бюджет не в состоянии обеспечить поддержание такого же уровня безопасности. Старший констебль готов дать разрешение на вооруженную охрану, но вам придется поучаствовать в расходах.

— Не могу представить, чтобы такое случилось в какой-то другой стране мира! — возмутился Галли. — Неужели вы не понимаете, что означает для вашего города приезд Геи?

— Для нас принимать ее — большая честь.

— Подожди-ка, Эндрю, — вмешалась Гея. — Не вижу здесь проблемы. То, что говорит офицер Грейс, вполне справедливо. Мы внесем свой вклад, почему бы и нет?

— Потому что так не принято! — заупрямился Галли.

— Прошу извинить, — вежливо и дипломатично вставил Грэм Баррингтон, — но так принято в нашей стране.

— Чушь! — Галли повысил голос почти до крика.

Грейс поднялся с дивана.

— Не могли бы мы с вами переговорить с глазу на глаз?

— Хотите что-то сказать, говорите здесь.

— Я хочу поговорить с вами приватно, — твердо, не допускающим возражения тоном произнес Грейс.

Люди часто принимали его вежливость за мягкость и считали слабаком. Но Галли, похоже, вдруг обнаружил в детективе другую грань и, недовольно пыхтя, встал и указал на дверь в соседнюю комнату.

Гея превратила комнату в некое подобие кабинета, и Грейс, войдя первым, присел на край стола и знаком показал Галли закрыть дверь. Из окна открывался вид на поднимающийся над тихой гладью моря Западный пирс, и сердца, как всегда, коснулась тень грусти. В детстве Рой любил это место, и нынешнее состояние некогда величественного волнолома глубоко его печалило.

— Мистер Галли, сколько платят вашей клиентке за этот фильм? — спросил он, поворачиваясь к американцу.

— Знаете что? Думаю, детектив, это не ваше дело.

— Вообще-то детектив-суперинтендент, — поправил Грейс.

Галли промолчал.

— Все, что связано с этим городом, — мое дело. Я читал, что Гее заплатят пятнадцать миллионов долларов — примерно десять миллионов фунтов — за четыре недели работы здесь и три недели съемок в студии.

— Гея — одна из величайших мировых звезд, и вот такие деньги они зарабатывают, — проворчал, как будто оправдываясь, Галли. — Вообще-то она согласилась работать за меньшую, чем обычно, плату, потому что этот фильм — независимый, а не студийный проект.

— Нисколько не сомневаюсь, что она стоит всех этих денег, до последнего пенни. Я сам ее поклонник. Но вам следует понять кое-что. Из-за кризиса бюджет полиции сокращен на двадцать процентов. Полиция Суссекса потеряла пятьдесят два миллиона фунтов. Это означает, что опытных офицеров отправляют в отставку после тридцати лет службы, хотя многие из них рассчитывали оставаться на работе. Некоторым придется по-настоящему нелегко. Большинство поступили на полицейскую службу, когда им не было и двадцати, а значит, без работы они остаются в еще относительно молодом возрасте, если мерить сегодняшними стандартами. Кто-то не сможет платить по кредиту и лишится дома. Вы, конечно, можете не считать это своей проблемой.

— Верно, это не моя проблема.

Грейс достал из кармана мобильник.

— Я скажу вам, что собираюсь сделать. Позвоню Майклу Берду, редактору нашей местной газеты «Аргус». Расскажу о нашем с вами разговоре и о том, что ваша клиентка, Гея Лафайет, зарабатывая десять миллионов фунтов за этот фильм, не готова потратить даже пенни на обеспечение своей безопасности на время пребывания в этом городе. Вас такой расклад устраивает? Гарантирую, через двадцать четыре часа эта новость попадет на первую страницу всех газет. Довольны?

Галли угрюмо посмотрел на него:

— О каком вкладе может идти речь?

— Так-то лучше, — кивнул Грейс. — Вот теперь, как говорят у вас в Штатах, мы ведем дело на одном языке.

52

— А это спальня, — объявил агент по недвижимости, молодой, двадцатипятилетний парень, подтянутый, мускулистый, с напомаженными волосами, в темно-сером костюме и стильных туфлях. — В сегодняшних домах таких спален уже нет, — продолжал он. — Посмотрите, какая большая.

Она заглянула в листок с характеристиками дома, полученный от представителя агентства «Майшон Маккей», потом обвела взглядом комнату: большая, с декоративными украшениями металлическая кровать, туалетный столик красного дерева с разнообразными бутылочками и баночками и рядом с ним шезлонг в стиле ар-деко. На столике — фотография в серебряной рамке. Пара в купальных костюмах лежит на палубе яхты, застывшей посреди безмятежного синего моря. Он — улыбается, лицо загорелое, в уголках ясных голубых глаз сеточка морщин, как будто он щурится от яркого солнечного света, светлые волосы взъерошены ветром. Она — приятная женщина с блондинистыми волосами, тоже растрепанными ветром, со счастливой улыбкой на лице, изящное тело в бикини лазурного цвета.

«В фотографиях это есть», — подумала она. Вот эти пойманные мгновения. Та женщина, может быть, нахмурилась через десять секунд, но снимок навсегда запомнил ее улыбающейся. Как в «Оде греческой вазе» Китса, которую она учила наизусть в школе. Про двух любовников на барельефе, запечатленных за мгновение до поцелуя. Они ведь так и остались, они никогда не поцелуются, не проживут свои отношения, и поэтому они, эти отношения, будут длиться вечно.

В отличие от действительности.

С легким уколом грусти она отвернулась от фотографии и подошла к окну. Оно выходило на задний сад и задний дворик соседского дома. Она посмотрела на широкую полоску лужайки с кучкой гладких камней в центре, высохшим канальцем вокруг нее и неработающим фонтаном. Траву недавно подстригли, но цветочные клумбы заросли сорняками.

— Боюсь, нам придется поспешить, — бесцеремонно поторопил ее агент. — У нас через двадцать минут другой клиент. На этот дом большой спрос.

Она немного задержалась и, прежде чем последовать за ним, еще раз оглядела комнату. Чисто, аккуратно, на кровати не спали, ничего не валяется. И ощущение такое, что здесь никто не живет.

Она прошла за молодым человеком в другую комнату, мягко направив в нужную сторону сына, занятого какой-то компьютерной игрой.

— Это самая большая из свободных спален, — заговорил агент. — Я бы сказал, прекрасно подойдет вашему сыну. — Он посмотрел на мальчика, ожидая подтверждения, но тот даже не оторвал глаз от устройства, как будто сама его жизнь зависела от исхода игры.

Она с любопытством осмотрелась. В этой комнате кто-то жил. Взрослый. Мужчина. Аккуратно поставленные у плинтуса туфли, начищенные до блеска, похоже дорогие. Несколько костюмов в целлофановых мешках, как будто они только что получены из химчистки. Неубранная постель.

Дальше — ванная. Несколько одеколонов, лосьон после бритья, бальзам для кожи, электрическая зубная щетка, дорогие черные полотенца на сушилке. На стенке душевой кабинки — капли, указывающие на то, что душем недавно пользовались. Сильный запах мужского одеколона.

— Почему владелец его продает? — спросила она.

— Насколько я понимаю, он работает в полиции Суссекса.

Она промолчала.

— Дом семейный, — продолжал агент, — и он вроде бы расстался с женой. Вообще-то я не знаю. Если интересует, могу узнать.

— Нет, не интересует.

— У меня двоюродный брат в полиции. Говорит, среди полицейских процент разводов очень велик.

— Могу представить.

— Да. Наверное, все дело в их образе жизни. Много посменной работы. Часто задерживаются, поздно приходят.

— Конечно.

Агент повел ее вниз и через узкий холл в гостиную, обставленную в минималистском стиле — раскладная софа, японский столик. В углу — древний музыкальный автомат, на полу перед ним разъехавшаяся кучка виниловых пластинок, некоторые без конвертов, и стопки компакт-дисков.

— Большие окна, камин в рабочем состоянии. Хорошая семейная комната.

Пока она осматривалась, мальчик продолжал играть, и устройство у него в руках постоянно издавало неупорядоченные «бип-бип-бип», «бип-бип», «бип». Взгляд ее задержался на музыкальном автомате. Память унесла на десять лет назад.

Они прошли дальше, в совмещенную со столовой кухню.

— Насколько я могу судить, здесь было первоначально две комнаты, которые владелец соединил в одну. Можно оставить как есть, а можно и снова разделить на кухню и столовую.

«Конечно можно», — подумала она и тут увидела золотую рыбку. В круглом аквариуме рядом с микроволновкой. На стенке — воронка-дозатор с кормом.

Она подошла и прижалась лицом к стеклу. Рыбка, выглядевшая старой и раздувшейся, медленно и ритмично открывала рот. Золотисто-оранжевый цвет давно потускнел и больше напоминал ржаво-серый.

Мальчик вдруг оторвался от игры, подошел к матери и тоже посмотрел в аквариум.

— Schöner Goldfisch![6] — сказал он.

— Wirklich hübsch mein Schatz,[7] — ответила она.

Агент посмотрел на нее с любопытством.

— Марлон? — прошептала она.

Рыбка открыла и закрыла рот.

— Марлон?

— Warum nennst du ihn Marlon, Mama?[8]

— Потому что так его зовут, mein Liebling.[9]

Агент нахмурился:

— Вы знаете, как его зовут?

«А живут ли золотые рыбки так долго, — подумала Сэнди. Больше десяти лет?»

— Может быть, — ответила она.

53

— Ларри, у нас проблема со сценарием, — объявил режиссер Джек Джордан, разглядывая огромную люстру, свисающую с потолка в Банкетном зале Королевского павильона. Многое повидавший, не раз битый жизнью, немолодой — до семидесяти оставались считаные дни — режиссер был сегодня даже мрачнее обычного. Глаза, прячущиеся в тени длинного козырька бейсболки, напоминали двух выглядывающих из приоткрытых раковин моллюсков.

Ради поддержания проекта на плаву Ларри Брукер оторвал от сердца сто тысяч долларов и выслушивать жалобы этого хронического паникера не имел ни малейшего желания. Его агент только что сообщил хорошую, по его мнению, новость о продаже прав на прокат «Королевской любовницы» в Румынии за пятьдесят тысяч долларов. При этом он клятвенно уверял Ларри, что для Румынии эти деньги очень хорошие. Да, может быть, и

хорошие, но при нынешнем уровне расходов их едва хватило бы на четыре дня съемок. И это без учета тех двадцати процентов комиссионных, которые агент положит себе в карман.

Сегодня Брукер был особенно не в духе — сказывались недосыпание и усталость после долгого перелета. В противовес им он принял таблетку снотворного, которая начала действовать только сейчас, через пятнадцать часов после приема! Проблемы. Проблемы в кинопроизводстве были всегда. Дело продюсера — держать все вместе, не дать проекту развалиться. Продюсер всегда прижат к стене графиком; во время съемок всегда, как нарочно, что-то случается; каждый день ты получаешь меньше пленки, чем нужно, — и в результате бюджет расползается и растет. Производство картины становится трясиной, в которой множество всевозможных проблем сливаются в одно гигантское — КРАНТЫ. Капризы погоды, мелкие и крупные происшествия, местная бюрократия, сценарные недоработки, когда реплики не ложатся на пленку, актеры — нервные, завистливые, стервозные, капризные, эгоистичные, пьющие, туповатые… Господь любит всех.

По собственному опыту Ларри Брукер знал — режиссеры едва ли не худшие из нытиков. Все они неизменно жалуются на что-то: кому-то пришлось выбросить важный эпизод, чтобы уложиться в рамки метража; другому не хватило денег на спецэффекты; третьего не устраивал сжатый график съемок. Все они ведут себя как дети, которые без няньки и сопли вытереть не в состоянии.

— Что за проблема, Джек? — терпеливо спросил он.

— Техническая проблема со сценарием.

У Ларри появилось неприятное ощущение, что сейчас случится что-то грандиозное. В мешковатой черной футболке, еще более мешковатых джинсах и неизменных черных мокасинах от «Гуччи», он посмотрел режиссеру прямо в глаза.

— Какая именно техническая проблема?

Все приспешники Джордана собрались вокруг него, как вокруг какого-то идола. Линейный продюсер, гример, художник по костюмам, оператор, первый помощник режиссера, его личный ассистент.

— Сценарий… Какого рода техническая ошибка со сценарием?

— Похоже, тот, кто его писал, облажался… по-крупному.

— Пожалуй, я смогу объяснить, мистер Брукер, — сказала Луиза Халм, сотрудница Королевского павильона, историк, выполнявшая роль консультанта. Приятная женщина типичной для своего рода деятельности внешности, с длинными, убранными назад волосами, в розовом летнем платье и неброских, практичных туфлях. — В сценарии есть сцена, имеющая ключевое значение для отношений между королем Георгом и Марией Фицхерберт. Это сцена, когда король рвет отношения, объявляя, что не любит ее больше.

Ларри посмотрел на нее с недобрым прищуром — Луиза Халм не говорила, а вещала, в той ханжеской манере, что свойственна школьным училкам.

— Хотите сказать, что их отношения продолжались?

— Нет, нет, никакого продолжения не было. Но в вашем сценарии Георг сообщает Марии об этом во время банкета, когда они сидят рядом за столом.

— Угу.

Завибрировал телефон. Ларри вытащил его из кармана и взглянул на дисплей. Международный. Возможно, кто-то из кредиторов беспокоится о своих денежках. Он нажал кнопку и снова повернулся к Луизе Халм.

— Первая проблема, мистер Брукер, это исторический факт. Видите ли, в то время, когда Георг IV и Мария состояли в любовной связи, само здание представляло собой скромный сельский домик. Все эти грандиозные сооружения — в том числе и сам Банкетный зал — появились гораздо позже. Этот зал, например, закончили через пять лет после того,

как король и Мария перестали встречаться. Следовательно, разговор, о котором идет речь, просто не мог состояться в этом месте.

Больше всего Ларри Брукера раздражала ее самодовольная улыбки всезнайки. Потрясающий зал — лучшего места для драматической сцены, когда король бросает любовницу, не найти. И кому какое дело до исторической точности? Кучке историков-педантов, вот кому. В кинозалах Литл-Рока, штат Арканзас, Спрингфилда, штат Миссури, или Бруксвиля, штат Флорида, всем будет наплевать, построили зал или нет.

— Думаю, в данном случае мы позволим себе небольшое отступление от исторической достоверности, — сказал он. — Мы снимаем художественный фильм, а не документальный.

— Пусть так. — Луиза Халм улыбнулась, пряча за улыбкой очевидное недовольство. — Но в вашем сценарии присутствует еще одна историческая неточность.

— Что еще? — Брукер метнул взгляд в сторону Джека Джордана, помрачневшего до такой степени, словно мир доживал последние секунды перед самоуничтожением.

— Дело вот в чем, — продолжала Луиза Халм. — Георгу недостало смелости объясниться с Марией лицом к лицу. Он сделал это, выражаясь современным языком, посредством имейла или даже Твиттера.

— Так что же он сделал?

— Он устроил пышный банкет в честь короля Франции и не пригласил на него миссис Фицхерберт. На языке тогдашнего придворного этикета это означало, что отношения прекращены.

— Леди, я признаю, что вы знаете историю, и испытываю к вам искреннее уважение. Но исторические факты не всегда переносятся на экран напрямую. Сцена в Банкетном зале — одна из ключевых в нашем фильме. Это эмоциональная кульминация всей истории! Они сидят в центре стола, окруженные вельможами, его друг, Бо Браммел — напротив, и тут-то король, образно говоря, и бросает бомбу.

— Все было не так, — упрямо возразила Луиза Халм.

— Да, пусть, но все должно было быть именно так! Посмотрите на этот зал! Оглянитесь! Ничего подобного я еще не видел. Я уже представляю, как играет на столе отблеск всех этих свечей, как играет он на ее лице, когда радость сменяется ужасом!

— Еще одна проблема, мистер Брукер. — В голосе консультанта все явственнее звучали ядовитые нотки. — Это касается Принни.

— Принни? Кто такой Принни?

Женщина посмотрела на него укоризненно:

— Принни — прозвище короля Георга. Его все так называли.

— А-а…

— Похоже, вы не очень-то хорошо подготовились, — сказала Луиза Халм. — Не в укор вам будет сказано…

Ларри еще удавалось удерживать крышку на кипящем котле злости.

— Леди, позвольте кое-что вам объяснить, о’кей? Я не историк, я — продюсер.

— В таком случае вам нужно иметь в виду, что Принни очень нервничал из-за люстры и даже отказывался сидеть под ней.

Ларри устремил взгляд на громадную хрустальную штуковину, поддерживаемую под сводчатым потолком когтями дракона. Какая драматическая деталь! Визуальная сцена будет просто потрясающая.

— Да? — с вызовом парировал он. — Ну так вот, в фильме он будет сидеть под ней.

В другом конце зала, за синими ограничительными канатами, где собралась группа туристов, долговязый, мертвенно-бледный мужчина в бейсболке внимательно выслушал эту пикировку и, подняв голову, внимательно посмотрел на люстру.

54

— Время — 18.30, среда, восьмое июня. Десятый инструктаж по операции «Икона», — сказал Рой Грейс, обращаясь к своей группе, собравшейся в конференц-зале. — Подведем некоторые итоги.

Настроение было хорошее. Из агентства по недвижимости позвонили с хорошей новостью — сегодня в его доме побывали несколько потенциальных покупателей и покупательниц. Одна, женщина с сыном, похоже, заинтересовалась по-настоящему.

Грейс заглянул в записки и поднял глаза.

— Сегодня во второй половине дня из озера поблизости от Хенфилда, это Западный Суссекс, были подняты четыре конечности — две ноги и две руки. Сейчас они находятся в городском морге, и завтра их обследует патологоанатом министерства внутренних дел Надюшка Де Санча. Образцы ДНК взяты и отправлены на анализ с целью установления их возможной связи с телом из фермы Стоунри.

— По крайней мере, теперь следствию есть на что опереться, — вставил Норман Поттинг.

Грейс тут же метнул в него предостерегающий взгляд.

— Извини, Рой, я ж ничего такого в виду не имел, — покаянно пробормотал Поттинг.

Кто-то хихикнул. Усмехнулся и сам Грейс:

— Помолчи, Норман, ладно?

Поттинг и Белла Мой обменялись взглядами, но ожидаемой сердитой реплики в адрес детектива от нее не последовало, и Грейс, выдержав секундную паузу, продолжил:

— Даррен Уоллес, человек более опытный в такого рода делах, чем любой из нас, отметил интересный факт. Обнаруженные конечности очень холодные. Они гораздо холоднее, чем должны были бы быть с учетом проведенного в воде времени. Даррен полагает, что они замораживались. Думаю, те из вас, кто умеет готовить, знают, сколько времени размораживается бараний окорок?

Несколько человек кивнули.

— На данный момент сказать можно только то, что найденные в озере обрубки визуально соответствуют туловищу с птицефермы. Возможно, их до самого последнего времени хранили в холодильнике. Окончательный вывод делать слишком рано, но весьма вероятно, что преступник избавился от конечностей, выбросив их в озеро.

— А если нет, — подал голос Ник Николл, — то мы имеем на руках еще одно убийство?

— Совершенно верно. Но я не хотел бы сейчас рассматривать такой вариант. Полагаю, увидев в «Криминальном дозоре» обрывки костюма, преступник запаниковал и поспешил избавиться от остававшихся у него улик. Но опять-таки это всего лишь предположение.

— И мы по-прежнему не знаем, что случилось с головой, — вставил сержант Ланс Скелтон.

— Но, шеф, зачем преступник так долго хранил у себя конечности? — спросил Джон Экстон.

— Даже не представляю. Это нам и предстоит выяснить. — Грейс снова заглянул в свои заметки. — Так, пропавшие без вести. Норман, есть что-то новое?

— Проверяем всех пропавших без вести в Суссексе, Суррее и Кенте, кто соответствует физическим параметрам, росту и телосложению и чье исчезновение совпадает по времени с убийством нашего неизвестного. Но пока докладывать не о чем.

Грейс поблагодарил его, потом продолжил:

— Исполняющий обязанности детектива-инспектора Брэнсон, что вы можете сказать нам о найденном возле озера костюме?

— У меня было два варианта: оставить костюм портному, Райану Фэрриеру из ателье Грешама Блейка и попытаться, исходя из размера и покроя, узнать что-то о его владельце или же сразу отправить его в лабораторию для анализа ДНК. Я решил, что наш главный интерес — сохранить по возможности ДНК, и отправил костюм в лабораторию.

— Верное решение, — кивнул Грейс. — Может быть, стоит отвезти портного в лабораторию, чтобы он осмотрел костюм там.

— Я уже договорился на завтра, — с ухмылкой сообщил Гленн.

Грейс улыбнулся. Он гордился своим протеже. Методичность, внимание к деталям, вдумчивость — Гленн демонстрировал качества хорошего детектива.

— На берегу озера, неподалеку от куста, на котором был найден клочок ткани, обнаружено довольно много четких следов. — Он указал на прикрепленную к белой доске увеличенную фотографию улики. — Есть следы и по периметру озера, причем одна пара совпадает с отпечатками у куста. — Грейс повернулся к констеблю Экстону: — Джон, у нас есть фотографии и слепки, поручаю вам найти производителя обуви. Начать предлагаю с НАСП — у них солидная коллекция отпечатков.

— Сделаю, шеф.

— Я попросил ортопеда, доктора Гайдна Келли, одного из ведущих специалистов по анализу походки, прийти на наш завтрашний вечерний инструктаж и рассказать о результатах. — Грейс поднял голову. — Так, «Криминальный дозор». Что-нибудь стоящее есть?

— Ничего существенного, шеф, — отозвался Николл. — Всего получено семьдесят пять звонков. Три имени. Как обычно, много шутников. Ну и пьяницы звонят. Один сказал, что, мол, это дело рук его папаши, а потом добавил, что тот вот уже пять лет как умер. Другой обвинил Кирсти Янг. Мы, как обычно, квалифицируем их по шкале A, B и C. В категории A только один звонок, тот самый, утренний, от Уильяма Питчера.

Грейс поблагодарил его кивком и обвел взглядом остальных:

— У кого-нибудь есть что добавить?

Несколько человек покачали головой.

— Тогда увидимся завтра в половине девятого.

Выйдя из конференц-зала, Грейс направился по коридору к своему офису, когда увидел спешащего ему навстречу Рея Пэкема из ОВТ.

— Рой! Я насчет твоего «блэкберри».

— Вот как?

Они остановились под большим информационным табло с заголовком «РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВА. ПРИМЕРНАЯ МОДЕЛЬ».

— Не зря беспокоился. Тебя прослушивали.

Несколько секунд Грейс молча смотрел на аналитика, словно предчувствуя что-то нехорошее.

— Вот, значит, как?

Пэкем кивнул.

— И кто же?

— Не уверен, что тебе это понравится. Может, зайдем в твой офис?

Грейс кивнул.

55

Вечер выдался теплый, ветерок спал. Колин Бурнер, швейцар Гранд-отеля нес службу на своем обычном посту, у парадного входа. Напротив, за запруженной автомобилями Кингс-Роуд, люди прогуливались по променаду, за которым открывался его любимый вид: тихое, как мельничный пруд, море, окрашенное лучами заходящего солнца. Наступил отлив; несколько рыбаков рылись в песке, отыскивая червей-пескожилов; какой-то парень брел по берегу с металлоискателем.

На тротуаре, поближе к отелю, слонялись с десяток папарацци и столько же поклонников Геи — все в надежде хоть одним глазком увидеть звезду.

Бирюзовое такси «Стримлайн» свернуло к отелю и остановилось напротив входа. Помимо многого другого, работа нравилась Бурнеру еще и потому, что ты никогда не знаешь, кто выйдет из подъехавшей машины. И какие только знаменитости не приезжают — актеры, спортсмены, телеведущие, политики, иногда даже члены королевской семьи. Сейчас отель кишел охранниками — и гудел от возбуждения, — потому что они принимали знаменитость высшего калибра, Гею Лафайет. Интересно, кто сидит в этом такси?

Бурнер открыл заднюю дверцу с привычной радушной улыбкой, той самой, с которой встречал всех гостей, и из машины появилось нечто, блондинистое привидение под спекшимся слоем макияжа в густом облаке тяжелого мускусного аромата. На ней было короткое черное платье, слишком тесное для вместившегося в него тела, шелковая шаль и темные, с влажным эффектом, легинсы. На ногах — черные замшевые полусапожки. Держалась она не вполне уверенно, возможно из-за высоченных каблуков.

— Добрый вечер, мадам. Добро пожаловать в Гранд-отель!

Незнакомка улыбнулась и пролепетала фальцетом, с трудом расщепив слипшиеся губы:

— Сп’сибо.

Расплатившись, она медленно проковыляла по тротуару, балансируя руками, как будто шла по льду и боялась поскользнуться. Свисавшая с плеча модная сумочка болталась на длинной цепочке. Миновав вращающиеся двери, гостья незаметно — но не настолько, чтобы этого никто не заметил, — поправила юбку.

«Вот же расфуфырилась», — подумал Колин Бурнер, наблюдая за незнакомкой и пытаясь подобрать для нее соответствующую категорию. Одета как проститутка, но всех местных он знал, к тому же эта была старовата и страшновата. Да что ж такое! Он проработал в этом отеле двадцать пять лет с коротким перерывом, когда уходил в соседний, за углом, и видел всякое и всяких. Каждый день преподносил что-то новенькое из бесконечного фрик-шоу. Дамочка определенно претендовала на почетное место в этом параде несуразностей.

Пересекая сумрачный, похожий на грот вестибюль, Анна ни с того ни с сего вдруг занервничала. Дома, готовясь к этому приключению и думая обо всех тех сигналах, что подала ей Гея во время программы «Топ Гир», она чувствовала себя прекрасно. Но теперь, оказавшись здесь, на месте, проходя мимо стойки портье, разглядывая стрелки указателей — «Брайтон бизнес-клуб»… «Брайтон-и-Хоув мотор-клуб»… — она по-настоящему ощутила, куда попала.

Повсюду люди. Служащие отеля. Парочки. Мужчины в смокингах, женщины в вечерних платьях и дорогих украшениях. Она чувствовала себя почти раздетой.

Как отнесется к ее появлению Гея? Одобрит ли?

Может, стоит вернуться домой и переодеться?

Анна остановилась и перевела дыхание. Руки дрожали, в горле пересохло, все вокруг как будто укрылось дымкой, слегка расплылось. Надо выпить, решила она. Алкоголь добавит

смелости. Чего-нибудь покрепче, но чтобы от нее не несло спиртным. Гее это не понравится и только испортит первое впечатление.

Анна прошла в бар и, осторожно забравшись на стул, заказала двойную водку с тоником. Тут же передумала и попросила тройную. На стойке нашлась чашка с орешками. Анна потянулась к ней, остановилась в нерешительности и убрала руку. Прежде чем выйти из дому, она почистила зубы, а Гее мог не понравиться запах орехов.

— Верное решение! — одобрил полноватый, с виду подвыпивший американец, опускаясь на соседний стул. От него несло табаком, язык заплетался.

Она холодно улыбнулась ему и перевела взгляд на бармена.

— Их брали на анализ… чего только нет, — продолжал американец. — Моча… фекалии… Да. В среднем на бесплатных орешках обнаруживается двенадцать разных меток мочи и три фекалий. Люди — большие безобразники… не моют как следует руки после туалета.

— У вас карточка, мадам? — спросил бармен.

Анна покачала головой и расплатилась наличными. Когда она взяла сдачу, американец спросил:

— Есть планы на обед?

— Есть, — самодовольно улыбнувшись, ответила Анна и, взяв стакан, отпила глоток. Ждать результата долго не пришлось. В голове приятно зашумело. Она отпила еще.

— У леди пересохло в горле! — заметил ее непрошеный собеседник. — Позвольте угостить…

Анна посмотрела на свои большие часы, «панерай люминор», точную копию тех, что носила Гея. Вот только у Геи были настоящие и стоили много тысяч, а свои, поддельные, Анна купила на интернет-аукционе за полсотни фунтов. Сейчас они показывали четверть восьмого.

— Мне некогда.

— Клевые часики.

— Спасибо.

— Может, встретимся попозже? — не отставал американец. Мало того, он даже подмигнул ей. — Ну, вы же понимаете, да? Пропустим на ночь…

Анна загребла пригоршню орешков и сунула в рот, а когда прожевала и проглотила, повернулась к нему и ослепительно улыбнулась.

— Спасибо, но не думаю, что вам теперь захочется меня целовать!

Она допила водку, соскользнула, осторожно и в меру возможности элегантно, со стула, презрительно взмахнула шалью от Корнелии Джеймс и, ощущая прилив смелости, направилась к стойке портье. Пусть позвонят Гее и скажут, что она уже здесь.

56

В своем офисе Рой Грейс сел за стол и посмотрел на устроившегося напротив Рея Пэкема.

— Итак, что скажешь?

При всей симпатии к этому специалисту из отдела ВТП, Грейс всегда чувствовал себя немного не в своей тарелке в его присутствии. Пэкем так походил на управляющего банком, что он порой терялся, не зная, что ему нужно от этого парня: заём или особо защищенная информация, добывать которую этот гений цифровых дебрей умел из любого компьютера или телефона.

— Послушай, Рой, в программной начинке твоего «блэкберри» мы нашли подозрительный код. С теми приложениями, что ты загрузил, он никак не соотносился. Мы провели реинжиниринг и обнаружили, что это усложненный вариант регистратора данных. И

этот регистратор шифрует все твои звонки, как входящие, так и исходящие, а также текстовые сообщения и посылает их через электронную почту, используя 3G твоего телефона.

По спине прошел холодок.

— Все мои звонки?

Пэкем кивнул:

— Боюсь, что да. Я проверил у «Водафона», они сейчас очень настроены на сотрудничество.

— И кому уходит информация?

Пэкем нервно улыбнулся.

— Я же предупреждал, что тебе это не понравится.

— Уже не нравится.

Пэкем назвал номер телефона, и Грейс записал его в блокнот. Посмотрел. Задумался. Что-то в этом наборе цифр было знакомое.

— Узнаешь?

— Да, но не могу вспомнить, чей это номер.

— А ты попробуй набрать, — усмехнулся Рей.

Поглядывая на листок, Грейс набрал номер, и на дисплее «блэкберри» высветилось имя.

Секунду-другую суперинтендент смотрел на него так, словно не мог поверить.

— Чертов паршивец!

— Очень точно и выразительно, шеф. Лучше не скажешь.

57

Стоявший за деревянной стойкой регистрации приветливый мужчина лет тридцати встретил Анну доброжелательной улыбкой. Справа и слева от него стояли две столь же приветливые молодые женщины.

— Я к Гее Лафайет, — сказала Анна.

Выражение его лица едва заметно изменилось с приветливого на настороженное. Он окинул незнакомку цепким взглядом. Выглядела она довольно странно. Подруга звезды?

— Вас ожидают, мадам?

Говорил он с небольшим акцентом, скорее всего французским, решила Анна.

— Да, меня ждут. — Водка придала ей спокойной уверенности. Вообще-то Гея даже подала мне сигнал с программы «Топ Гир», едва не добавила она, но в последний момент решила не делиться с ним этой драгоценной информацией.

— Ваше имя, пожалуйста?

— Мое имя? — Анна даже растерялась на мгновение. — Она и так знает, что это я!

Портье уже не улыбался.

— Конечно, но мне нужно ваше имя. Пожалуйста.

— Хорошо. Скажите, что это Анна. К ней пришла Анна.

— Анна? — Портье терпеливо ждал.

— Анна.

— Ваша фамилия?

— Моя фамилия?

Ей не нравилось, как он на нее смотрит. Фамилия. Может, не стоило пить эту водку. В голове что-то творилось. Все колыхалось, словно в туманной дымке. Она с усилием моргнула. Вроде бы прояснилось.

— Вы просто скажите ей, что здесь Анна. — Теперь в ее голосе уже слышались нетерпеливые нотки.

Портье положил руку на трубку телефона.

— Мне нужна ваша фамилия. Для службы охраны. — Он посмотрел куда-то вниз. — У меня есть список, но вашего имени, Анна, я в нем не вижу. Назовите, пожалуйста, вашу фамилию.

— Галишия.

— Галишия?

— Да.

Анна чувствовала, что начинает потеть. Под мышками уже было мокро. Оставалось надеяться на силу шарикового дезодоранта «Гея ноктюрн».

Портье пробежал глазами по списку и покачал головой. Потом набрал какой-то номер и, дождавшись ответа, сказал:

— Здесь Анна Галишия к мисс Лафайет.

Пока он ждал ответа, Анна, воспользовавшись моментом, попыталась прочитать имена в списке, сверху вниз, но успела разобрать только «Дейли мейл».

Портье повернулся к ней через несколько секунд.

— Мне очень жаль, но вас в списке нет.

Анна покраснела.

— Э… да… Возможно, это потому, что я работаю внештатно. На «Дейли мейл». Это они меня прислали — написать заметку о Гее. — Она пошарила в сумочке и достала фальшивую визитку, которую сделала несколько лет назад и которая уже помогла ей попасть однажды в ВИП-зону на одном из концертов Геи.

Портье, похоже, поверил. Женщина выглядела… довольно эксцентрично, а журналисты ведь все чуточку не в себе. Он повидал их немало и здесь — они часто приходили интервьюировать заезжих звезд, и в лондонском «Лейнсборо», где работал раньше.

Он взял карточку, прочитал и вопросительно посмотрел на нее:

— Вообще-то они ждут кого-то другого.

Анна — сама невинность — пожала плечами:

— В последнюю минуту понадобилась замена, вот меня и попросили.

— Хорошо, поднимайтесь на второй этаж.

Она отвернулась, лишь теперь поняв, что все это было заранее спланировано Геей — небольшой тест для нее! — и вдруг увидела знакомых, трех женщин и двух парней-геев, преданных поклонников Геи и серьезных коллекционеров. Вся компания устроилась на двух диванах, держа наготове конверты и буклеты.

— Анна, давай сюда, выпьем! — окликнул ее один из парней, Рикки, известный на eBay под именем Раб Геи.

— Спасибо, но я спешу — у меня встреча с Геей, — с наигранной скромностью ответила Анна.

— Да быть не может! — воскликнула младшая из группы, девушка двадцати с небольшим, Кира Эшингтон. В волосах у нее мелькали фиолетовые пряди. Кира занималась бизнесом, выращивала собак и частенько, к ярости Анны, перебивала ее ставки на интернет-аукционах. Теперь пришла пора сладкой мести — пусть побесится.

— У меня персональное приглашение от Геи, — с безразличным видом ответила Анна.

— Как… как тебе это удалось? — Рикки так разволновался от зависти, что едва шевелил губами. — Почему…

— Потому что я — ее фанатка номер один! И она это знает.

— Господи, надо же как повезло! А номеру два с тобой можно? — спросила Кира.

— Только не сегодня, Джозефина. — Анна послала сопернице воздушный поцелуй.

— Оторвись там на полную! — пожелал ей Рикки.

— Спасибо. — Задрав голову, Анна прошествовала к лифтам. Такой гордости за себя она никогда еще не испытывала.

Еще через несколько секунд лифт остановился, дверцы разошлись, и Анна вышла в застеленный ковром коридор. По обе стороны от двери, спиной к стене, стояли два здоровяка — каждый с головной гарнитурой. Оба враждебно, как на вирус герпеса, посмотрели на Анну.

Подойдя к ним неверным шагом — выпитая водка определенно добавила неустойчивости, — она назвала себя и предъявила карточку-пропуск.

— Вас не ждут, леди, — процедил через губу тот, что слева.

— Нет, нет, меня ждут. Я — Анна Галишия. Гея ждет меня.

Он смотрел на нее большими глазами, с тем выражением, что может быть у выжженной планеты.

— Нет, леди, сегодня не ждет. И интервью больше не дает.

Громила справа молчал и только угрюмо сверлил ее взглядом.

— Ждет! Конечно ждет! Я точно знаю!

— Хозяйка устала после перелета, — сказал тот, что слева. — Сегодня интервью не будет. Хотите договориться о встрече, позвоните ей утром.

— Вы не понимаете. — Анна упрямо покачала головой. — Я пришла не ради интервью — мы собираемся выпить вместе. Она меня пригласила.

— Вы — Анна Галишия?

— Да!

— Вашего имени нет в списке, леди.

— Да к черту ваш список! — с раздражением бросила Анна.

Охранник пожал плечами:

— Чтобы попасть к хозяйке, надо быть в списке.

— Это какая-то ошибка! Ошибка. Пожалуйста, спросите у нее! Скажите, что здесь Анна! Анна Галишия! Она меня знает! Она меня ждет. Ей не понравится, если вы меня не пропустите, вот увидите!

Охранник негромко сказал что-то в микрофон. Анна умела читать по губам. Спрашивает подтверждения. Какая досада! Гея — там! За этой вот дверью. В нескольких шагах от своей самой преданной поклонницы. Господи, несколько шагов! Гея хотела встретиться с ней. Она ясно дала это понять. А теперь какие-то кретины отказываются ее пропускать.

— Извините, леди, но мне говорят, что вас там не знают.

Дыхание сбилось, ей не хватало воздуха — душила злость.

— Я не просто какой-то там репортер! Я — ее поклонница! Фанат номер один! Номер один, черт бы вас побрал! Если бы не я, она, может быть, и сейчас обслуживала бы клиентов в каком-нибудь дешевом массажном салоне, и вас бы здесь тоже не было! Гея хочет меня увидеть. Сейчас же!

Громилы переглянулись. Потом тот, к которому она обращалась, сказал:

— Извините, леди, но мне придется попросить вас уйти.

— Да я скорее умру…

И тут, к полнейшему ее изумлению, в конце коридора открылась другая дверь, и из нее вышла женщина в бейсболке, темных очках, красном спортивном костюме и модных кроссовках.

Она!

— Гея! — крикнула Анна и, сорвавшись с места, поковыляла по коридору. — Гея, это я, Анна!

В следующую секунду ее схватили за руки, бережно, но твердо, а ее кумира окружил целый взвод телохранителей, тоже в спортивных костюмах и бейсболках.

— Отпустите меня! — взвизгнула Анна.

Звякнул лифт.

Анна попыталась вырваться и в пылу борьбы даже потеряла один сапожок.

— Вы не имеете права! — кричала она. — Отпустите меня!

Дверцы лифта сомкнулись, и ее отпустили. Мысли разбегались. Анна попыталась сосредоточиться. Здесь должен быть выход! Двери! Пожарный выход! Лестница! Она увидела ее справа. Зеленый знак «пожарный выход». Анна упала на колени, подобрала свалившийся сапожок, но надевать не стала, а побежала, хромая, с сапожком в руке, по коридору, проскочила через пожарную дверь и бросилась вниз по бетонным ступенькам.

«Нижний уровень». Увидев знак, она толкнула дверь и оказалась в незнакомом помещении. Справа от нее широкая лестница вела вверх, похоже к конференц-залу. Но где лифт, тот, что отвез ее наверх?

И тут она увидела их всех — они шли через вестибюль, плотное кольцо телохранителей, и в центре его Гея. Размахивая сапожком, Анна метнулась к ним:

— Гея! Гея! Это я, Анна! Подожди!

Она проскочила мимо группки японских туристов с чемоданчиками на колесиках и поравнялась со свитой звезды в нескольких ярдах от вращающейся двери.

— Гея! Это я, Анна! — снова крикнула она и прибавила шагу, чтобы первой достичь двери, но ее оттеснили двое телохранителей. — Эй! — недовольно воскликнула она и уже почти протиснулась к цели. В какой-то момент Гея оказалась рядом, прямо перед ней, буквально в считаных дюймах. Она уловила запах парфюма Геи и даже удивилась, что та пользуется не собственным брендом. — Гея! Это Анна! Я…

Гея подняла очки, посмотрела на нее в упор — холодно, жестко, незнакомо, — повернулась и исчезла за вращающейся дверью.

— Лисичка-подружка! — в отчаянии крикнула Анна. — Гея! Это же я, Анна! Анна! Лисичка-подружка!

Она устремилась следом, но двое в спортивных костюмах схватили ее за руки и удержали.

— Отпустите меня!

Не отпустили. Удержали. От боли в руках Анна выронила сапожок. Она не сдалась — вертелась, крутилась, вырывалась, как дикая кошка, а когда вырвалась, не устояла на ногах и хлопнулась задницей на пол, прямо на сапожок, прямо на каблук.

Когда Анна, растерянная и ошеломленная, подняла голову, они, все пятеро, ее коллеги-коллекционеры, смотрели на нее. Первым опомнился Рикки, *Раб Геи,* но его опередил портье. Опустившись на колени, он спросил, все ли в порядке, потом взял ее за руку и помог подняться. Кружилась голова. Анна кое-как натянула сапожок.

— А мы думали, ты у нее номер один! — съязвила Кира, девушка с фиолетовыми прядями.

И все пятеро громко загоготали.

Анна вышла через вращающуюся дверь и остановилась на тротуаре. Дыхание вырывалось из груди короткими сердитыми хрипами. Группа в спортивных костюмах удалялась в сторону променада, преследуемая стайкой папарацци.

— Вызвать такси, мадам? — спросил швейцар.

— Мне не такси надо, — пробормотала она, едва не плача от унижения и трясясь от ярости, и попыталась открыть сумочку, чтобы достать сотовый. — На меня напали, и мне нужна полиция.

58

Впервые с того времени, как Эри выставила его из дому, Гленн Брэнсон пребывал в прекрасном настроении. Из конференц-зала он вышел, чувствуя себя человеком, у которого есть цель. Он преподнесет Белле сюрприз. Порадует ее. Приободрит. Часы посещения в больнице вот-вот закончатся.

Заглянув по пути в местный «Теско-Экспресс», сержант купил букет цветов и коробку «мальтезерс». Потом остановился у знакомого винного магазина на Черч-Роуд и выбрал бутылку охлажденного белого совиньона — в Кардиффе Белла упомянула, что ей нравится это вино.

Вернувшись в свою временную обитель, дом Роя Грейса на Черч-Роуд, Брэнсон быстро принял душ, почистил зубы и побрызгал на себя своим любимым, на данный момент, одеколоном, «Шанель блю». Покормил Марлона и, не теряя времени, вернулся к машине. Он ввел в навигатор старенького «форда-фиеста» адрес Беллы — подвозил ее как-то домой и запомнил — и уже отъезжал, когда зазвонил телефон. На часах было двадцать пять минут девятого.

Ответить или нет? Новый статус, пусть и временный, предполагал и большую ответственность, в том числе и круглосуточную готовность, а значит, не принять звонок он не мог.

— Гленн Брэнсон, — без особого энтузиазма сказал он в трубку, втайне надеясь, что ничего особенного не случилось, и какой-то новый поворот в расследовании не требует его срочного присутствия где-то. — Привет, старичок, не спишь? Что-то ты поздновато для человека твоего возраста!

— Очень смешно. Надеюсь, не помешал?

— Нет, конечно. Я тут как раз дискутировал с Марлоном о смысле жизни.

— Ему надо почаще выходить. Тебе, впрочем, тоже.

— Этим и занимаюсь.

— О’кей. — Грейс перешел на серьезный тон. — Есть новости.

Черт. Гленн Брэнсон едва не застонал от огорчения.

— Вот как? — Он попытался добавить энтузиазма, но получилось не очень.

— Нашли человеческую голову. И похоже, наша.

— Где? — мгновенно оживился Брэнсон.

— В канаве, примерно в четверти мили к западу от того озера, где утром нашли руки и ноги. Сегодня свободных патологов нет, а завтра утром приедет Бен Свифт. Можешь встретить его на месте? А я проведу утренний инструктаж.

— Конечно, шеф.

Голос Грейса звучал как-то странно, и говорил он сдержаннее и как будто осторожнее, тщательнее, чем обычно, подбирая слова.

— О’кей. Я сейчас продиктую координаты. У тебя есть чем записать?

Брэнсон вытащил из кармана блокнот:

— Готов.

Грейс объяснил, как доехать до озера возле Хенфилда, причем объяснил так подробно, как будто забыл, что он, Брэнсон, уже побывал там утром. Тем не менее он прилежно все записал.

— Нам повезло, пресса пока ни о чем не пронюхала. Надеюсь, успеем забрать голову без лишних свидетелей, и тогда не придется придумывать, что и как объяснять репортерам.

— Хорошо, что Спинелла в отпуске, — заметил Брэнсон.

— Бог все-таки есть!

Приморский городок Уортинг лежит к западу от Брайтона и Хоува. Викторианских времен пирс, потускневшие здания эпохи Регентства и широкий променад придают ему вид спокойный и немного сонный по сравнению с шумным, энергичным и даже кипучим соседом. Брэнсону Уортинг нравился всегда, несмотря даже на его репутацию «местечка для пенсионеров» и соответствующее прозвище — *Господень зал ожидания.*

Выбранный навигатором маршрут проходил мимо самого городка и вел прямиком в пригород, Даррингтон, широкую сеть улочек, застроенных послевоенными бунгало, двухэтажными домиками и магазинами. Приятное, хорошо обустроенное, открытое пространство с желтыми знаками «Присмотр за соседями» в передних окнах. Место, где просто не может произойти ничего плохого.

Подъезжая к камере слежения, Брэнсон сбросил скорость до двадцати восьми миль в час и, повинуясь суровому, не терпящему возражений женскому голосу из «томтома», повернул сначала налево, а потом направо, на Терринджес-авеню. Это была тихая улочка с аккуратными домиками из красного кирпича. Он всматривался в наступающие сумерки, пытаясь разобрать номера домов.

— Вы приехали! — объявил навигатор.

Справа промелькнули 280, 282, 284…

Ни с того ни с сего Брэнсон вдруг занервничал. Боже, что-то похожее с ним было много лет назад, когда он шел на первое свидание с Эри!

Дом под номером 284 стоял у перекрестка. Брэнсон проехал мимо, свернул направо, развернулся кругом через сотню ярдов и остановился у тротуара.

Успокойся!

Он вдохнул аромат цветов.

И что только я здесь делаю?

Внутри все задрожало, как будто он сунул палец в розетку.

Успокойся!

Он сделал несколько глубоких вдохов.

А если ее нет?

Если она скажет убираться да еще и подаст жалобу, обвинив его в сексуальном домогательстве?

В какой-то момент Брэнсон даже потянулся к ключу — развернуться, дать по газу да и убраться отсюда поскорее. Ко всем чертям!

Старик, ты ведь даже не разведен еще!

Да, но…

Соблазн убраться был велик, и несколько секунд сержант сидел в раздумье, потом все же вышел из машины, взял цветы и бутылку и запер дверцы. Пройдя до Терринджес-авеню, он повернул к дому Беллы Мой и… замер.

Перед дверью ее дома стоял мужчина с огромным букетом в руке. Мужчина, которого Брэнсон знал.

Невероятно. Такого не может быть!

Но так было.

Дверь открылась, и на пороге появилась Белла — в коротком платье, с красиво уложенными волосами.

Судя по всему, гостя ждали. Он сказал что-то, и она рассмеялась. Потом они поцеловались, чмокнули друг друга в щечку. Как два человека, которым не впервой быть вместе и которые уже не испытывают никаких неудобств.

Норман Поттинг переступил порог, и дверь за ним закрылась.

Потрясенный, Гленн какое-то время не мог даже пошевелиться. Потом повернулся и медленно побрел к машине, остановившись по пути возле урны, куда отправился букет.

Старенький «форд-фиеста» сорвался с места. Брэнсон мчался, качая головой — от досады, злости и жалости к себе, — и бутылка вина каталась по пассажирскому сиденью. Норман Поттинг. Невероятно! Как такое может быть? Что, черт возьми, нашла Белла в этом мерзком распутнике?

Выходит, что-то нашла.

Или все не так, как ему кажется?

59

— Сука! Ты ж меня прокатила! — заорала Анна на Гею.

Звезда смотрела на нее молча и холодно.

— Ты унизила меня перед всеми. Нельзя так делать! Нельзя так относиться к людям, понимаешь? — Анна сжала рукоятку ножа. Точнее, кинжала. Старинного, в ножнах, кинжала, который постоянно носила в сумочке после того, как какой-то мужчина попытался напасть на нее возле ночного клуба в Брайтоне несколько лет назад.

Из передачи «Место преступления» Анна узнала, что обороняться с помощью обычного кухонного ножа дело бесполезное. Так или иначе нож наткнется на кость, и тогда твоя рука скользнет по рукоятке, и ты порежешь ладонь о лезвие. В результате на месте происшествия еще и останется твоя кровь, так что полиции не составит труда тебя поймать. Совсем другое дело кинжал с гардой, которая не дает руке соскользнуть вперед.

— Думаешь, можешь поступать с людьми как хочешь? Под настроение? Посылать человеку страстные сигналы, а потом воротить нос, будто ты его не знаешь? А если с тобой вот так обойдутся, а? Если на тебя будут смотреть как на пустое место? — Анна вскинула руку, и лезвие блеснуло под ярким светом. — Думаешь, все будут любить тебя и со шрамами на лице? А сколько ты будешь тогда стоить, а, как по-твоему?

От ненависти потемнело в глазах.

— Все эти твои безделушки, вся эта мелочь, за которую мы платим на eBay… Думаешь, мы будем так же покупать их, если кто-то порежет твое личико? Думаешь, будем? Что, молчишь? Язык проглотила? И как же ты будешь петь без языка? А если его тебе вырежут? В некоторых странах с врагами так и поступают. Берут раскаленные щипцы и вырывают язык прямо из глотки. Представь, как бледно ты будешь выглядеть, когда выйдешь на сцену и попытаешься петь без языка? И любовницу короля Георга вряд ли сможешь сыграть. Ни целовать его как следует не сможешь, ни полизать в нужном месте. Ты об этом подумала?

Анна подождала.

Ответа не было.

— Подумала?

Снова молчание.

И тогда, трясясь от гнева…

— ПОДУМАЛА?

Она рубанула кинжалом по лицу Геи — от лба через глаз и вниз по щеке. Картонная фигура пошатнулась и свалилась с пьедестала на пол.

Анна замерла над ней с занесенным для удара клинком. Гея смотрела вверх с бежевого ковра; разрез на лице получился чистым и ровным.

— Слушай меня, стерва. — Она наклонилась, глядя Гее в глаза. — На пьедестале остаются только достойные. Кто недостоин, тот уходит. Вечных нет. Так что постарайся понять — тебе ж лучше будет. Постарайся понять, что ты сегодня натворила. Ради своего же блага. — Она усмехнулась. — Посмотри на себя.

Подражая секс-идолу 1950-х Бетти Пейдж, Гея перекрасила волосы в черный цвет, сделала челку и надела прозрачное черное неглиже. Рот, перетянутый уздечкой на манер садомахозистов, выглядел зияющей раной. Ниже лица — изречение, сделанное японскими иероглифами и подписанное собственноручно Геей. Афиша, предваряющая второе турне Геи по Японии, была одной из четырех ныне существующих. Пять лет назад Анна заплатила за нее две тысячи шестьсот фунтов.

— Мы тебя вознесли, и мы же можем с легкостью низвергнуть. Понимаешь? Посмотри, сука, во что ты превратилась — в никому не нужную картонку. Видишь?

Она положила кинжал и, подняв руку, изобразила их знак:

— Лисичка-подружка!

60

Норман Поттинг и Белла Мой. Эти двое не выходили у него из головы. О них же он думал и утром следующего дня, когда, ровно без четверти семь, повернул с шоссе у знака, указывающего в сторону «Общества любителей рыбной ловли Западного Суссекса». Над головой сгущались, обещая скорый потоп, зловещие черные тучи. Не самые хорошие новости для тех, кому предстоит работать на открытой площадке.

Патрульные называют такую погоду «полицейским дождем». В городе становится тише, количество уличных драк и нападений заметно уменьшается, у женщин реже вырывают сумочки из рук, торговцы наркотиками не маячат на каждом углу. Злодеям хочется мокнуть не больше, чем всем остальным. А вот для экспертов-криминалистов обещание ливня — худшая из новостей, ведь дождь может легко и быстро уничтожить такие важные улики, как следы протекторов, отпечатки ног, клочки тканей и волосы.

Накануне Гленна немало взволновала новость Грейса о находке у озера. Да, никакой гарантии, что обнаруженная там голова имеет отношение к их прежним находкам, нет, но если все сойдется, они смогут провести идентификацию, визуальную или по зубным картам. И если под его руководством расследование сдвинется с места, то ему же самому от этого лучше.

Странно, размышлял Брэнсон. Во всех предыдущих расследованиях у него, как и у всех остальных членов следственной группы, развивалось сочувствие к жертвам, и тогда само расследование становилось делом личным, отливалось в решимость поймать преступника и передать в руки правосудия. Сейчас же, не зная личности жертвы, он никаких чувств не испытывал.

Проезжая мимо заброшенной фермы, Брэнсон немного удивился, не обнаружив на месте большого желтого фургона от специальной поисковой бригады — если голову нашли прошлым вечером, они должны были бы явиться сюда с первым светом и провести тщательный осмотр прилегающей территории. Разве что выехали куда-то еще по срочному вызову? Подъехав ближе, он обнаружил только две машины: полицейскую, с запотевшими окнами, в которой, по всей видимости, и провел ночь несчастный сотрудник, оставленный

для охраны места преступления, и стоявший чуть поодаль, возле оградительной ленты, скромный синий «воксхолл-нова». «Возможно, на нем приехал патолог министерства внутренних дел», — подумал Брэнсон, хотя, учитывая расстояние и характер предстоящей работы, ему следовало бы взять автомобиль более вместительный.

Припарковавшись рядом, он, прежде чем выключить двигатель, проверил поступившие на бортовой компьютер сообщения о случившихся за ночь происшествиях, которые могли потребовать присутствия поисковой группы. Ночь, однако, выдалась спокойная, ничего из ряда вон выходящего не произошло. Угон машины, два дорожно-транспортных происшествия, кража из Часовой башни, разбитое окно в Уэйтроузе, пожар на яхте, две семейные драки. Он вышел и заглянул в окно «воксхолла» — ничего, чистота и порядок, как будто машину только что взяли в бюро автопроката.

Брэнсон открыл багажник своей машины, напялил на себя защитный комбинезон и надел резиновые сапоги, которые, помня о вчерашней ошибке, предусмотрительно захватил с собой. Осторожно пройдя по скользкой глинистой тропинке, он обнаружил дежурного констебля, молодую женщину, которую, судя по именному значку, звали Софи Горриндж.

— У вас тут все в порядке? — спросил Брэнсон, предъявив удостоверение.

Она кивнула и устало улыбнулась. «Похоже, еще и двадцати нет, — подумал он. — Наверное, только-только из колледжа».

— Долгая смена?

— Еще два часа. Сейчас уже полегче, а ночью было немного жутковато. Еще и сова кричала.

— Чья это машина? — Он показал пальцем через плечо.

Софи Горриндж уже собиралась ответить, когда за спиной у него прозвучал знакомый бодрый голос:

— Моя, сержант Брэнсон!

Ошибки быть не могло.

— Вы разве не в отъезде? — спросил он, не скрывая досады, и обернулся. — У вас ведь медовый месяц.

Двадцатипятилетний репортер из «Аргуса» самодовольно улыбнулся. Худощавый, с короткими, уложенными гелем волосами, в темно-сером костюме с белой рубашкой и узким галстуком, он, как всегда, жевал резинку. Лицо загорелое, кроме кончика тонкого и острого, как у хорька, носа, кожа на котором облезла до розового слоя.

— Похоже, я вовремя вернулся. — В руке он держал блокнот.

Услышав шум мотора, Брэнсон повернулся — из подъехавшего неожиданно серебристого «форда-фокуса» вышел Рой Грейс.

Спинелла отвернулся — у него зазвонил телефон. Судя по коротким фразам, он отдавал кому-то распоряжения, обещая подъехать сразу после того, как справится здесь. Когда он закончил, Рой Грейс уже подошел к ним — в резиновых сапогах, но без защитного комбинезона.

— Как медовый месяц? — поинтересовался он у репортера.

— Прекрасно. Вы бывали на Мальдивах? — спросил Спинелла.

— Нет. Я же обычный полицейский, а не коррумпированный репортер, и моей зарплаты на такое не хватает.

— Ха-ха. — Смех у Спинеллы получился, однако, неестественный.

В поведении Грейса Гленн ощущал непривычную напряженность, которую, наверное, почувствовал и репортер.

— И все-таки, Кевин, что привело вас сюда? — спросил Грейс.

Спинелла ухмыльнулся:

— Вы же знаете, у меня есть контакты.

— То есть вы получили информацию о том, что мы нашли голову, возможно принадлежащую неопознанному телу?

— Да, так оно и было. Вот я и приехал прямиком сюда… э… узнать все из первых рук…

— Вот, значит, как?

Брэнсон нахмурился. Никакой симпатии шеф к Спинелле не питал, но сегодня в его поведении чувствовалась особенная враждебность. Репортер переступил с ноги на ногу.

— Ну, вы же знаете. Я для того и пишу, чтобы помогать вам в расследовании. Мы ведь всегда сотрудничали, верно? — Он перевел взгляд на Брэнсона, потом снова на Грейса.

— Кто сообщил вам о голове?

— Извините, суперинтендент, но раскрывать свои источники я не имею права.

— Может быть, потому, что у вас их нет?

— То есть как… что… нет, нет, я просто не могу их раскрыть. — Разговор явно нервировал Спинеллу все больше и больше.

Внезапно, застав врасплох не только Спинеллу, но и Брэнсона, Грейс метнулся к репортеру и выхватил у него сотовый.

— Кевин Спинелла, я полагаю, здесь только что имело место уголовное правонарушение. Я арестую вас по обвинению в незаконном телефонном прослушивании. Вы не обязаны ничего говорить, но затрудните свою судебную защиту, если не скажете того, на что впоследствии сможете опереться в суде. Все, что вы скажете, может быть использовано как доказательство.

Спинелла уставился на него с недоверием.

— Но вы… вы… вы не имеете права так поступать со мной… — Он с ужасом вытаращился на пару наручников в руке Грейса.

— Позвольте?

В последнее время Рой Грейс редко надевал на кого-то «браслеты», но отработанный когда-то навык не забылся. Набросив и защелкнув наручник на правом запястье Спинеллы, он, продолжая движение, завел ему за спину левую руку и тоже щелкнул замком.

— Что это все значит? — возмутился Спинелла, но тон его уже изменился с оскорбительного на беспокойный.

— Мы не нашли никакой головы, — ответил Грейс. — Это подстава. Наживка. И вы ее проглотили.

Гленн Брэнсон ухмыльнулся.

— Самое подходящее место, шеф. Очень кстати.

Грейс хмуро усмехнулся в ответ.

61

— Кто он, твой друг-толстяк?

Все в изумлении уставились на гида, немолодую, лет пятидесяти, женщину, стоявшую в холле Королевского павильона, под портретом тучного короля Георга IV.

Группка из примерно двадцати посетителей окружила ее плотным полукольцом, ловя каждое слово. И только один держался чуть в сторонке и не спешил присоединиться к остальным. Похоже, его интересовало здесь что-то другое.

— Боже! — воскликнула пожилая американка с прозрачным капюшоном на голове. — Он так и сказал? *Королю?*

— Так и сказал, — твердо, с непоколебимой уверенностью школьной директрисы заявила гид. — Видите ли, Бо Браммел был известной для своего времени личностью, настоящим денди эпохи Регентства. Высокий, статный, всегда безупречно одетый, ухоженный, он выгодно отличался от бедняги Джорджа, который с годами все больше полнел и постепенно терял представительность. Со временем они несколько отдалились друг от друга. Бо Браммел, лорд Олванли, Генри Майлдмей и Генри Пьерпойнт считались главными фигурами той группы, которую Джордж Байрон называл «клубом денди». В июле 1813-го эти четверо устроили бал, на котором Георг, тогда еще принц-регент, поздоровался с Олванли и Пьерпойнтом, но демонстративно проигнорировал Бо Браммела. Вот тогда-то Браммел повернулся к Олванли и громко, презрительным тоном спросил: «Кто он, твой друг-толстяк?»

Погода с утра благоволила Дрейтону Уилеру. Благодаря дождю он не привлекал внимания мешковатым плащом с поднятым воротником и надвинутой на глаза широкополой шляпой. За три дня он побывал в Королевском павильоне трижды, каждый раз в другой одежде, чтобы не привлекать к себе внимания секьюрити. Пока гид рассказывала о трещине в отношениях короля и Бо Браммела, Уилер нервно поглядывал на запертую, окрашенную охряной краской дверцу наверху каменной лестницы, которая вела в подвал.

Он снова проверил, на месте ли бумаги — они лежали во внутреннем кармане, — подробные планы каждого этажа этого здания, купленные им накануне в Технологическом отделе. На то, чтобы изучить их и запомнить, понадобилась едва ли не целая ночь. Он еще раз прошел взглядом по лестнице.

— Полнота сильно осложняла жизнь бедняги Принни, — продолжала вещать гид. — Отсюда к бывшим королевским конюшням ведет подземный коридор. Принни распорядился построить его по той причине, что стыдился из-за полноты лишний раз показываться на публике. Представьте себе, он набрал целых двадцать стоунов лишнего веса. Имея в своем распоряжении подземный коридор, он мог приходить и уходить незаметно.

Уилер исподтишка огляделся. Охранника в зале не было. Собравшаяся толпа отрезала его от гида. Лучшего шанса может и не представиться. Он отступил на несколько шагов, заглянул за калитку и увидел, что она запирается небольшим латунным засовом. Он бросил взгляд на экскурсантов — все слушали, и на него никто не смотрел. Он опустил руку за калитку, нащупал засов и попытался отодвинуть. Засов поддался довольно легко, хотя и с противным скрежетом. Уилер замер, посмотрел на лестницу, потом на туристов, скользнул взглядом по залу — вправо, влево.

Он легонько толкнул калитку, ступил на лестницу, торопливо закрыл калитку, постоял, пригнувшись, прислушиваясь. Сердце стучало часто-часто, отдаваясь тяжелой пульсацией в ушах. Он быстро спустился по ступенькам, повернул внизу направо, вошел в длинный, узкий коридор с выложенным кирпичом полом. В отличие от открытого посетителям безупречно выглядящего зала здесь было пыльно, грязно и почти темно. Он миновал покосившуюся, обвисшую на петлях зеленую дверь с табличкой, на которой черными и желтыми буквами было написано «Опасно. Высокое напряжение». Судя по паутине в левом верхнем углу, дверь не открывали довольно-таки давно.

Отлично.

Уилер потянул ее на себя. Петли скрипнули, нижний край царапнул по кирпичному полу. Он испуганно оглянулся, но никого не увидел. За дверью обнаружилась стена со множеством проводов, распределителей, переключателей и какие-то, похоже асбестоцементные, трубы. Места на полу едва хватало, чтобы сесть.

Уилер вошел в каморку и плотно, хотя и не без усилий, закрыл за собой дверь. Затхлый запах… какое-то тихое, ровное гудение… четкое, ритмическое тиканье. А еще здесь было тепло и сухо, как в сушильном шкафу. Из спрятанного под плащом мешка он достал фонарик и «киндл», сел на пол и приготовился к долгому — до самого вечера, когда здание закроют

на ночь, и здесь никого не останется — ожиданию. Он включил «киндл», потом вытащил из кармана пиджака бумажник, раскрыл. С фотографии ему улыбался мальчик в мятой футболке, со спутанными волосами под бейсболкой с эмблемой «Лейкерс». Мальчику было шесть лет, и он стоял в заднем дворе их старого дома в Пасадине, перед высокими, выше его самого, подсолнечниками. Выше ему уже не стать.

Его единственный сын. На руке — перчатка с ловушкой. В ловушке мяч.

Через два дня после того, как он сделал этот снимок, Ферди, перебравшись через забор, залез в соседский двор за бейсбольным мячом, и там на него напал и загрыз до смерти ротвейлер.

62

В брайтонском морге, как и в других моргах по всей стране, предусмотрены два варианта посмертного вскрытия. Первый распространяется на жертв несчастных случаев и людей, умерших внезапной смертью, а также на тех, кто умер более чем через четырнадцать дней после последнего посещения врача, причем причина смерти не установлена.

К вскрытию тела готовит Клио и ее ассистенты, а осуществляет его один из местных патологоанатомов. Процедура занимает примерно полчаса, дальнейшие анализы проводятся позднее в лабораториях. В случаях же подозрительной смерти требуется вызов специального патологоанатома министерства внутренних дел, и дело растягивается на несколько часов.

В среднем городской морг Брайтона и Хоува проводит 850 вскрытий в год, в подавляющем большинстве по упрощенной, стандартной процедуре. Начинают обычно утром и где-то после полудня уже заканчивают, если только не приходится выезжать за очередным телом.

Несколько недель назад у Клио случился обморок на работе, открылось внутреннее кровотечение, и ее срочно доставили в больницу. Консультант-гинеколог продержал Клио несколько дней и отпустил со строгими инструкциями — не поднимать ничего тяжелого и обязательно отдыхать в течение рабочего дня. Грейс знал, что она игнорирует оба установления, и потому постоянно за нее беспокоился. В прошлый раз рядом, к счастью, оказался ее ассистент, Даррен, который и отвез Клио в больницу. Но чаще она оставалась в морге одна, и Грейсу не давала покоя мысль, что обморок может случиться в то время, когда помочь будет некому. Поэтому он взял за правило звонить Клио каждый день, около половины четвертого пополудни, и проверять, все ли у нее в порядке, а потом делать еще один звонок перед вечерним инструктажем, чтобы убедиться, что она без проблем добралась домой.

Больше всего Грейс боялся потерять ее. Возможно, дело было в том, что после исчезновения Сэнди он уже не верил, что будет когда-нибудь счастлив. И тень Сэнди лежала на всей его жизни. В какие-то дни он был твердо уверен, что ее уже нет. В другие, и таких было больше, верил, что она все еще жива. И что же будет, спрашивал себя Грейс, если Сэнди однажды вернется? Что, если она сможет представить вполне разумное, убедительное объяснение своего исчезновения и долгого отсутствия? Чаще всего он прокручивал сценарий с киднеппингом. Ее похитили, где-то удерживали целых десять лет, но в конце концов ей удалось сбежать. Как она отреагирует на новость о том, что он женат и у него уже есть ребенок?

И что почувствует он сам, когда увидит ее?

Грейс старался не зацикливаться на этих мыслях, гнать их от себя. Сэнди — прошлое. Она осталась там, в почти другой жизни. Ему скоро сорок. Надо двигаться дальше. Он уже запустил все необходимые юридические процессы, необходимые для официального объявления Сэнди умершей. Здесь и в Германии, где ее вроде бы видел один знакомый полицейский, проводивший отпуск в Мюнхене, были размещены объявления. Как только все формальности будут выполнены, они с Клио поженятся. Он так ждал этого дня.

Голос у Клио, когда они разговаривали днем по телефону, звучал устало. Господи, сколько же проблем с беременностью! Столько всего может случиться. И ведь заранее тебе об этом никто не говорит. К радости и приятному волнению — скоро у них будет ребенок! — постоянно примешивался страх. А вдруг с Клио что-то случится? И готов ли он взять на свои плечи бремя ответственности за нового человека?

Что я знаю о мире и жизни? Достаточно ли я мудр, чтобы научить ребенка чему-то?

Каждый преступник, отправленный им за решетку, был когда-то ребенком. Жизнь любого человека может повернуть куда угодно. Взять хотя бы вот этого, чье лицо глядело на него из полицейского досье. Явно страдающий от ожирения американец шестидесяти с небольшим лет, с поросячьими глазками и собранными в хвост волосами, заработавший кучу денег на продаже видео с реальными убийствами. Это он при аресте стрелял в Гленна Брэнсона. Грейс ненавидел его всем сердцем и, в частности, поэтому так тщательно готовил документы — чтобы подонок наверняка загремел за решетку, а не ускользнул от правосудия, воспользовавшись какой-нибудь технической ошибкой обвинения.

Каким ребенком был Карл Веннер? Как его воспитывали? Были ли у него родители, которые любили его, заботились о нем и возлагали на него большие надежды? Как сделать так, чтобы ребенок не свернул на кривую дорожку? Может быть, это и невозможно, но, по крайней мере, пытаться стоит всегда. Правильное, стабильное воспитание — вот с чего нужно начинать. Многие преступники, которых он знал, вышли из неблагополучных семей, многие росли без отца или с родителями, которые, не справляясь со своими обязанностями, на каком-то этапе просто махнули на ребенка рукой. Некоторые уже в семье подверглись сексуальному насилию. С другой стороны, Грейс знал, что ответ далеко не всегда так прост. Во всем присутствует элемент лотереи.

Как же это трудно. Иногда ощущение ответственности становилось почти невыносимым. Столько нужно прочитать книг — о беременности, о первых месяцах жизни малыша, о критически важных первых годах. И ведь никуда не денешься от страха, что ребенок может родиться с серьезным заболеванием. Тут ведь не угадаешь. Да, тесты дают некоторую уверенность, но всего не скажут и они. Они постараются стать лучшими родителями.

Грейс еще раз посмотрел на фотографию Веннера. *Что думал о тебе твой отец в те последние месяцы перед твоим рождением? Был ли он рядом? Знал ли вообще, что твоя мать беременна? Жив ли еще? И если жив, не думаешь ли ты, что он гордится тобой? Гордится тем, что породил мерзкое чудовище, монстра, занимавшегося порнографией и убийствами ради денег?*

А что бы чувствовал он сам, если бы что-то подобное сделал его сын? Разозлился бы? Впал в отчаяние из-за того, что не смог стать достойным родителем? Списал бы как некое зло, не заслуживающее прощения?

«Зло». Это слово всегда его раздражало. Слишком легко прилепить его ко всем тем ужасам, что творят люди в отношении друг друга. Рой не сомневался, что есть такие, кто, подобно Веннеру, чинит зло ради финансовой выгоды, чтобы набить карманы и брюхо или повесить на жирную лапу часы «брейтлинг». Но были и другие, жертвы плохого воспитания, социального раскола или религиозного рвения. Простить их за совершенные преступления, конечно, невозможно, но понять, что привело их к этому, означало, по крайней мере, что ты пытаешься сделать мир чуточку лучше.

Такова была личная философия Роя Грейса. Он считал, что каждый, кто родился в приличных обстоятельствах, должен платить за это. Нет человека, который смог бы в одиночку изменить мир, но мы все должны стараться, чтобы оставить его после себя чуточку лучшим, чем тот, в который пришли. Именно это он и пытался делать.

— Время — 18.30, четверг, девятое июня. Двенадцатый инструктаж по операции «Икона», — объявил Рой Грейс. — С удовольствием представляю наше пополнение — Гайдн Келли. — Он указал на сидящего напротив улыбающегося мужчину.

Келли было за сорок, плотного телосложения, с коротко подстриженными каштановыми волосами и приятным загорелым лицом. Одет довольно консервативно, но со вкусом — темно-синий костюм, кремовая рубашка, красный галстук в клеточку.

Грейс оглядел свою «сборную», которая состояла теперь из двадцати шести человек, включая сержанта Ланса Скелтона, двух регистраторов и двух аналитиков.

— О’кей. Прежде чем начнем, поделюсь новостью, непосредственно к делу не относящейся. Рад сообщить, что «крот», доставлявший нам столько неприятностей весь прошлый год, выявлен.

В комнате моментально наступила тишина, прерванная лишь коротким рингтоном мобильного телефона. Зардевшаяся от смущения констебль Эмма Ривз тут же его выключила.

— С удовольствием сообщаю, что этот человек не работает в полиции. Это не кто иной, как наш старый друг, Кевин Спинелла из «Аргуса».

— Спинелла? — удивился сержант Гай Батчелор. — Но как так, шеф… В том смысле… Я думал, это он получает информацию от «крота». И что же он делал?

— Подключился к моему телефону. — Грейс продемонстрировал всем свой «блэкберри». — Установил нечто вроде регистратора данных. Все мои звонки, входящие и исходящие, а также текстовые сообщения незамедлительно отправлялись на его телефон.

Объяснение удовлетворило не всех. Кто-то нахмурился.

— Но как он подключился, шеф? Как получил доступ к вашему телефону, чтобы установить программу? — недоуменно спросил Ник Николл.

— Мой телефон ему не понадобился. Рей Пэкем из ОВТ сказал, что ему было достаточно находиться рядом со мной. У меня постоянно включен блютус, и он мог просто, за несколько секунд перегрузить программу со своего телефона на мой.

— Но он же жалкий репортеришка, а не какой-то там спец, — заметил констебль Экстон.

— Наверное, у него нашелся такой вот знакомый спец. Думаю, мы его найдем. Спинеллу задержали, а его телефон разобрали. Но мне нужно, чтобы ОВТ проверил все ваши телефоны, а пока настоятельно рекомендую отключить блютус и включать его только по необходимости.

— Кто-то еще из «Аргуса» в этом замешан? — поинтересовался Дейв Грин.

— Я уже разговаривал с редактором, Майклом Бердом. Берд был шокирован, сказал, что если дело обстоит именно так, то Спинелла действовал исключительно по собственной инициативе, и его поведение противоречит политике газеты. Перед самым брифингом я получил от него сообщение о том, что Спинелла временно отстранен от работы. Полагаю, репортер действовал в одиночку, на свой страх и риск, — редактор никогда бы не отстранил человека, выполнявшего официальное задание.

— Что же с ним теперь будет? — полюбопытствовал Норман Поттинг.

— А тебе-то какое дело? — раздраженно пробормотала Белла Мой.

Гленн Брэнсон с интересом наблюдал за этой маленькой перепалкой. До прошлого вечера он считал, что Белла терпеть не может Поттинга. Сейчас же они цапались, как старая супружеская пара. Гленн был шокирован, увидев их вместе, и до сих пор ничего не сказал Рою. И вот теперь он смотрел на Беллу и Нормана и не первый уже раз уверял себя, что она достойна лучшего.

Такого, например, как он.

С другой стороны, сам факт крушения его отношений с Эри доказывал, как плохо он понимает женщин.

— Я, пожалуй, совру, — продолжал Рой Грейс, — если скажу, что потеряю сон из-за будущих проблем Кевина Спинеллы.

По комнате прокатился смех.

— Обвинение уже предъявлено? — спросил Джон Экстон.

— Да, предъявлено. Если повезет, ему светит от трех до пяти.

— Вот же не повезло, — саркастически заметил Ник Николл.

— Ему там понравится, — не унимался Поттинг. — Он ведь кормится инсайдерской информацией!

— Очень остроумно, Норман. — Грейс повернулся к Сью Флит: — Свяжитесь с «Аргусом» и узнайте, кто будет нашим новым контактом в газете.

— Есть, сэр.

— Что ж, а теперь займемся делом. — Он посмотрел в свои записи. — Гленн, что у тебя по сегодняшнему вскрытию?

— Мы надеемся, что результаты анализа ДНК по четырем конечностям будут готовы завтра. Но поскольку они хорошо сохранились, патолог Надюшка Де Санча уже сделала предварительный вывод об их совпадении с туловищем. Обнаружить что-либо под ногтями не получилось. Так что ни частиц кожи, ни чего-то еще, что указывало бы на борьбу и, возможно, дало бы материал для выделения ДНК преступника, у нас нет.

— Как насчет отпечатков пальцев?

— Отпечатки сняты, босс, полный набор.

— Хорошо.

— Есть также хорошие отпечатки пальцев ног. Судя по отпечаткам пальцев, руки, вероятно, относятся к тому же туловищу, но в нашей базе данных их нет, так что с идентификацией мы не продвинулись. — Брэнсон повернулся к ортопеду: — Вам есть что добавить, Гайдн?

— На данной стадии я почти на сто процентов уверен, что обе ноги принадлежат одному и тому же туловищу. Не сомневаюсь, что анализ ДНК только подтвердит наши выводы.

— Значит, осталось только найти голову, и набор «собери-труп» будет в полной комплектации, — подал голос Поттинг.

Кто-то ухмыльнулся. Белла Мой удостоила шутника укоризненным взглядом.

— Что по пропавшим без вести? Норман? — обратился к нему Грейс.

— Профилю жертвы, с учетом возраста и телосложения, соответствуют тридцать семь мужчин из трех графств. Родственников, с которыми удалось связаться, попросили предоставить те вещи пропавших, на которых могла сохраниться ДНК. У пяти пропавших родственников найти не удалось, еще в шести случаях семьи ничего представить не смогли.

Грейс поблагодарил его кивком и снова повернулся к констеблю Николлу:

— Ник, что у вас со списком тех, кто имел доступ в ферму Стоунри?

— Практически завершен, сэр. — Николл повернулся к регистратору Аннализе Винир: — Аннализа составляет соответствующую базу данных.

— В этой базе у нас все, кто посещал ферму за последние двенадцать месяцев. По крайней мере, все, чьи имена назвала семья Уинтер. — Она тряхнула головой, отчего челка качнулась сначала влево, потом вправо. — Это торговые партнеры, друзья, коллеги. Я также сверяю их по полицейской базе данных, чтобы выяснить, нет ли совпадений с известными преступниками.

— Хорошая работа. — Рой Грейс опустил глаза на свои заметки. — Так. Вижу, у нас есть что-то новое по ткани. — Он посмотрел на Гленна.

— У меня был долгий и полезный разговор с одной женщиной в «Дормей». Она подтвердила, что ткань их производства, но продавец не из главных. Проблема в том, что относительно новый производитель мужских костюмов, «Сэвил Стайл», купил три года назад крупную партию материала и пошил из нее девятьсот костюмов, которые разошлись в магазины мужской одежды по всей стране и даже за границей. Сейчас они составляют список всех магазинов — в Брайтоне тоже есть парочка, — купивших эти костюмы. «Дормей» также дал мне список всех портных, которые тоже купили материал для пошива костюмов на заказ. Это портные вроде нашего знакомого Грешама Блейка.

— Что нам сейчас надо, — сказал Грейс, — так это получить имена всех купивших костюм из этой ткани, а потом, Аннализа, сопоставить список покупателей со списком имеющих доступ на ферму Стоунри и посмотреть, что это нам даст. — Он обратился к Белле Мой: — Что еще дал нам «Криминальный дозор»?

— Ничего, сэр. За последние два дня сорок восемь звонков, но пока ничего стоящего.

— Хорошо. Отпечатки. — Грейс посмотрел на Грина: — Дэвид, что у вас есть для нас?

— На берегу обнаружено пять совпадающих отпечатков ног. Три соотносятся с теми частями озера, где были обнаружены конечности, что служит косвенным указанием на их возможную принадлежность преступнику. Глубина отпечатков более дюйма, а это почти наверняка какой-то ботинок. Определить точный размер трудно. Производители обуви часто используют одну и ту же подошву для нескольких размеров. Но в данном случае мы имеем дело с чем-то небольшим, возможно с восьмым размером.

— Вы можете сделать вывод относительно роста преступника? — спросил Грейс.

— Вообще-то нет, здесь слишком много вариаций. Некоторые ведущие специалисты говорят, что нормальный рост при таком размере обуви будет от пяти футов пяти дюймов до пяти футов девяти дюймов. Но это уже предположения, построенные в том числе и на том, что у него был свой размер. Люди часто надевают резиновые сапоги большего размера, а если он опытный уголовник, то вполне мог купить новые стельки и надеть сапоги большего размера.

— Итак, — вставил Гленн, — если исходить из того, что в эти сапоги не влез кто-то с девятым или десятым размером — а это было бы не очень удобно, — есть все основания считать, что мы ищем человека не выше пяти футов восьми дюймов?

— Основания есть, но полной гарантии нет, — ответил Келли. — Я бы не рекомендовал исключать тех, кто выше.

— Гайдн, — вмешался Грейс, — я бы хотел, чтобы вы объяснили нам кое-что. Верно ли, что вы можете узнать оставившего эти отпечатки человека по его походке?

— Походка человека столь же индивидуальна, как и отпечаток пальца. Походка — это стиль ходьбы. В ней отчетливо просматриваются две фазы: опора и перенос. На первой фазе пятка соприкасается с землей, вес тела переносится через стопу и пальцы отрываются от земли. Как только пальцы отрываются от земли, начинается вторая фаза: вся нижняя конечность переносится вперед. Заканчивается эта фаза в тот момент, когда пятка касается земли. Здесь все ясно. Взаимодействие в ходе этого процесса стопы, нижней конечности и тела целиком абсолютно индивидуально. Индивидуальность определяется также и формой нижней конечности. В некоторых случаях особенности походки совершенно очевидны.

Поставленный на виброзвонок, телефон мелко задрожал, и Грейс бросил взгляд на экран — международный.

Извинившись, он поднялся из-за стола, вышел в коридор и ткнул пальцем в кнопку приема:

— Детектив-суперинтендент Грейс.

Долетевший издалека голос он узнал сразу — американец, с которым они разговаривали в понедельник. Как и прошлый раз, он сразу перешел к делу:

— Сэр, это детектив Маймен из управления полиции Лос-Анджелеса.

— Рад слышать, как дела?

— Порядок. У меня для вас хорошая новость. Задержали подозреваемого в убийстве Марлы Хенсон, ассистентки Геи Лафайет.

Настроение сразу пошло вверх.

— Вот как? Отлично!

— Я подумал, что вы должны узнать об этом в первую очередь, чтобы, может быть, немного понизить уровень охраны.

— Вы уверены, что взяли того, кого надо?

— Абсолютно. Это именно он. В доме найдено оружие; баллистическая экспертиза подтвердила, что в Хенсон стреляли из него. В компьютере пара писем Гее. Целая стопка газетных вырезок с какими-то странными надписями и знаками. Парень — полный шизик, но уже практически признался.

— А мотив? Просто ненависть?

— У него есть женщина. Пару лет назад снялась в каком-то фильме. Таких в этом городе полно. Теперь работает официанткой в небольшом заведении в Санта-Монике. Похоже, он вбил себе в голову, что это несправедливо, ну, что роль досталась Гее, а не ей. Что-то там у него в мозгах замкнуло; решил, что если убьет Гею, то роль перейдет его подружке.

— Новость действительно хорошая, — сказал Грейс.

— По мере развития ситуации буду держать вас в курсе.

— Спасибо.

— Не за что.

64

— Кто он, твой друг-толстяк?

Дрейтон Уилер, уже давно сидевший внизу, у лестницы, и с беспокойством поглядывавший вверх, облегченно выдохнул, услышав голос гида. Первая экскурсия началась. Пора выходить.

Большую часть ночи он провел за работой, изучая обстановку и старательно избегая охранников. Потом попытался уснуть, но сон не шел — в голову лезли посторонние мысли и образы, по крыше нескончаемо стучал дождь.

Найденное наверху убежище устраивало его во всех отношениях. Да, там гуляли сквозняки и скреблись крысы. То и дело скрипели половицы, как будто в здании поселились тысячи привидений. Но все это было не важно. К черту призраков — он и сам скоро присоединится к ним, но прежде кое с кем поквитается. Незадолго до рассвета Дрейтон Уилер возвратился в подвал, где было тихо и тепло.

Он осторожно прокрался вверх по ступенькам и прислушался.

— Так и сказал, — продолжала гид. — Видите ли, Бо Браммел был известной для своего времени личностью, настоящим денди эпохи Регентства.

Публика внимала гиду, полностью заслоняя Дрейтона. С курток и плащей капала вода. Он отодвинул засов, открыл калитку, проскользнул в нее, закрыл за собой и задвинул засов.

— Со временем они несколько отдалились друг от друга. Бо Браммел, лорд Олванли, Генри Майлдмей и Генри Пьерпойнт считались главными фигурами…

Он поднялся по ступенькам и осторожно, медленно и неслышно, прошел позади группы. Стоявший у выхода охранник в форме был занят своим телефоном. Дрейтон Уилер натянул поглубже бейсболку, прошел мимо и зашагал дальше по коридору, следуя указателям, которые привели его в магазинчик сувениров. Вот только для него здесь ничего уже не было. Близкая смерть освобождает от многого, и в частности от необходимости тратить деньги на сувениры.

Он вышел на улицу. Дождь лил как из ведра. Пахло сыростью и недавно скошенной травой. Он вдохнул солоноватый воздух и посмотрел на часы — двадцать минут одиннадцатого, пятница, 10 июня. Как же хорошо! Никогда в жизни он не чувствовал себя лучше. Может, дело в тех лекарствах, что ему прописали. А может, в том, что через шесть месяцев — плюс-минус несколько недель — его здесь уже не будет. И черт с ним со всем — он был свободен.

И у него еще был список покупок!

65

На приглашение выпить чашечку утреннего кофе и обсудить дальнейший план действий в апартаментах Геи Лафайет Рой Грейс отозвался незамедлительно. Прибыв к Гранд-отелю за несколько минут до половины одиннадцатого, он поймал себя на том, что испытывает непривычное волнение. На работе Грейс обычно не нервничал, даже в самых опасных ситуациях мозг его функционировал отстраненно, полностью сосредоточившись на достижении поставленной цели. Сейчас же ему было сильно не по себе, вплоть до того, что даже живот пришел в состояние волнения.

За годы работы в полиции ему не раз доводилось встречаться с самыми разными знаменитостями, для которых Брайтон стал домом, но все они меркли на ослепительном фоне Геи Лафайет. Чувствуя себя карликом между двумя грозными охранниками, Грейс с нетерпением ждал, когда же наконец откроется дверь, и немало удивился, когда на пороге предстала не ассистентка, а сама звезда. На ней была джинсовая рубашка, белые джинсы и босоножки на высоченном каблуке.

— Детектив суперинтендент Грейс! — Гея ослепительно улыбнулась. — Я вам так признательна! Большое спасибо, что приехали. — Благодарность ее была искренней, как будто полицейские составляли некую особую породу людей, обладающую иммунитетом к ее чарам, безотказно действующим на всех остальных.

Сделав над собой усилие, он оторвал от нее взгляд и вошел в комнату с ароматом свежесваренного кофе и густого парфюма. Прическа у Геи была совсем другая — короткая, мальчишеская.

— Что думаете? — спросила она, поймав его взгляд.

— Мило, — сказал он, ничуть не покривив против истины — новый стиль был ей к лицу. С другой стороны, с такими потрясающими данными она прекрасно выглядела бы даже в мусорном контейнере с ведром на голове. Позади нее, в глубине комнаты, прошла женщина лет тридцати в черных джинсах и черной футболке с крошечным золотым логотипом лисички. Прошла и положила сценарий на столик возле дивана. Грейс заметил, что большинство страниц белые, но между ними есть и голубые, и желтые, и зеленые, и вишневые.

— Последние изменения, — сообщила ассистентка и вышла.

Гея коротко махнула рукой и, снова повернувшись к Рою Грейсу, спросила, имея в виду прическу:

— Вы действительно так думаете?

— Да. Я действительно так думаю, — сказал он, хотя всегда, если дело касалось женщин, отдавал предпочтение длинным волосам.

— В этом чертовом фильме приходится надевать парик. Тяжелый, огромный. В нем так жарко, так неудобно… как будто коврик на голове носишь. И волосы постоянно падают на лицо, из-за них мне ни черта не видно.

Грейс усмехнулся.

— Полагаю, во времена Марии Фицхерберт женщины мыли волосы пару раз в году.

— Уж да — у Марии-Антуанетты в волосах и впрямь жили птички.

— Очень гигиенично.

— Итак, меня спас ваш коллега, главный суперинтендент Баррингтон?

— Как это? — нахмурился Грейс.

— Моя парикмахерша — она повсюду со мной ездит — в Англию не прилетела. Беременность с осложнениями. Так вот он нашел мне другую — представьте себе, жену полицейского!

— И кто она?

— Трейси Карри. Супруга старшего инспектора Стива Карри.

— Его я знаю, а вот про то, что его жена — парикмахерша, впервые слышу.

— Она настоящий гений!

— Приятно сознавать, что суссекская полиция превращается в бюро услуг!

— Мне от вас только одна услуга требуется — присматривайте за моим сыном и дайте мне дожить до конца съемок. — Гея указала на кресло напротив дивана. Грейс сел.

— С этого фронта одна хорошая новость уже есть, — сказал он. — Вы, наверное, слышали?

— Разумеется, слышали, — голосом Джеймса Кэгни ответил Эндрю Галли. В следующую секунду шеф охраны и сам вошел в комнату, как всегда, в элегантном костюме. — Детектив-суперинтендент Грейс, приятно снова вас видеть. — Он опустился в соседнее кресло.

Появившаяся откуда-то юная ассистентка спросила Грейса, как он пьет кофе.

Галли поднял руки, как будто демонстрируя кому-то невидимый футбольный мяч, и, подержав, опустил воображаемый мяч на колени.

— Я вам так скажу. Возможно, они и поймали того парня, но я против того, чтобы понижать уровень охраны Геи и Роана. Нам нельзя расслабляться. У вас ведь чокнутых тоже хватает, да?

— Куда ж без них, — согласился Грейс. — Но у нас их не больше, чем в любом другом городе в этой стране. Вообще-то Брайтон вполне безопасное место.

— Я читал, что в среднем у вас совершается от пятнадцати до двадцати убийств в год, но в этом их произошло уже шестнадцать, а впереди еще семь месяцев. Так что уровень повысился вдвое.

Гея, до того сидевшая на краешке дивана и внимательно слушавшая Галли, перевела взгляд на Грейса, и детектив вдруг увидел спрятавшийся за безукоризненными чертами лица страх.

— Статистический всплеск, — бодро ответил он и тут же понял, что сказал не то.

— Да, верно. — Нотки Кэгни в исполнении Галли прозвучали еще явственнее. — Может, скажете, что чувствуют те люди, что лежат в пластиковых мешках в вашем морге? Как они воспринимают этот ваш статистический всплеск?

Грейс ответил не сразу — ассистентка принесла кофе.

— Возможно, вам станет легче, — сказал он, отказавшись от предложенного сахара, — если я скажу, что большинство убийств — это разборки между самими преступниками или результат домашних конфликтов.

Галли почесал за левым ухом.

— Я много читал о вашем городе. В 1930-х Брайтон называли «преступной столицей Соединенного Королевства» и «убийственной столицей Европы». Знаете, на мой взгляд, здесь не так уж многое изменилось.

Грейс поймал себя на том, что американец раздражает его все больше и больше. Но приходилось терпеть.

— Я поговорю с главным констеблем и передам ему вашу озабоченность.

— Буду очень благодарен. А пока меня вполне устроит, если вы сохраните нынешний штат охраны.

— Обещать не могу, но сделаю все от меня зависящее.

— Спасибо, — сказала Гея и, мило улыбнувшись, уставилась завораживающим взглядом в его глаза. Чудится? Или она и впрямь флиртует с ним?

— Мам, мне скучно!

Роан — босой, в мешковатых джинсах и оранжевой футболке, с игровой консолью «нинтендо» в руке — шел к ним через комнату.

Гея похлопала по дивану, и мальчик неохотно забрался на него.

— Погода не очень, да, милый? — спросила Гея.

Роан не ответил — он уже ушел в игру.

— Новая? — поинтересовался Грейс. — 3DS?

Не отрывая глаз от экрана, мальчишка нехотя кивнул.

— Хочет пойти на берег, но не в такую же погоду. — Гея посмотрела в окно, за которым вовсю лил дождь. Выражение ее лица вдруг изменилось. — А у вас есть дети, детектив?

— Нет. Только золотая рыбка.

Она рассмеялась.

— Я подумала… Было бы неплохо, если бы Роан познакомился с кем-то из своих сверстников. Может быть, вы знаете кого-то, кто захотел бы поиграть с ним, побыть какое-то время?

Грейс даже вздрогнул.

— Вообще-то… Да, есть!

— Я была бы очень признательна. — Она поцеловала сына в щеку, но тот как будто и не заметил, полностью увлеченный игрой. — Ты ведь хотел бы, дорогой? Поиграть с кем-то?

Он пожал плечами:

— Мне все равно.

— Я могу позвонить… Роану шесть, да?

— Исполнилось три недели назад.

— Отлично!

Грейс достал трубку и набрал номер Гленна Брэнсона.

— А, старичок! Что случилось?

— С тобой тут хотят поговорить.

— Кто?

— Передаю трубку. — Он протянул Гее телефон. — Его зовут Гленн.

— Привет, Гленн, — произнесла она в трубку своим чуть хрипловатым голосом.

Грейс попытался представить лицо друга на другом конце линии. И улыбнулся.

— Что значит, у вас их нет?

Ссутулившийся за прилавком человек в белом халате был самым обычным ничтожеством, попавшим сюда совершенно непонятным образом. Ему бы следовало убраться отсюда еще тогда, когда он только понял, что ненавидит свою работу и уже не желает ни помогать никому, ни даже просто быть вежливым. С растрепанными седыми волосами, в круглых очках с толстыми стеклами, он напоминал нацистского генетика, чья карьера претерпела резкий поворот. И говорил похоже.

— Мы такого не иметь.

— Ты же аптекарь, мать твою, а все аптекари продают термометры.

Человек за прилавком пожал плечами и промолчал.

Дрейтон Уилер ожег его взглядом.

— Ты знаешь, где тут другая аптека?

Аптекарь кивнул:

— Да.

— Где?

— Зачем я говорить вам? Вы мне не нравиться. Не нравиться ваше отношение.

— Да пошел ты.

— Сам пошел.

Ему так хотелось врезать по этой самодовольной, злобной физиономии. Но несдержанность грозила серьезными последствиями. Нет, это было бы неумно. Отвлекаться нельзя, надо сосредоточиться на главной цели. Сосредоточиться. Сосредоточиться.

Вылетев в гневе из аптеки, Дрейтон Уилер столкнулся с женщиной, толкавшей тележку с покупками.

— Дура старая! — крикнул он. — Смотри, куда прешься!

Улица тонула в тумане, ярость застилала глаза. Он устал. Давно не принимал душ. Проголодался. Надо поесть. Надо принять ванну.

Но прежде всего надо достать термометр.

67

Телефон зазвонил незадолго до полудня, когда Рой Грейс шел по длинным коридорам Гранд-отеля к парковочной площадке. Звонил Гленн Брэнсон, причем во второй уже раз. В первый он долго рассыпался в благодарностях за то, что Рой связал его с Геей.

— Даррен Спайсер, верно? — сказал сержант.

Гленн был заядлым киноманом, и его речь изобиловала отсылками к тем или иным фильмам и актерам. Первой реакцией Грейса, еще находившегося под впечатлением от встречи с Геей, было любопытство: интересно, какой фильм Гленн имеет в виду сейчас?

— Даррен Спайсер?

— Вспомнил, шеф?

— Постоянно забываю. Да, вспомнил. — Он не стал добавлять, что видел его два дня назад на похоронах Томми Финчера. — И что? — Ответ Гленна едва не утонул в вое сирены пролетевшей мимо «скорой».

— Он только что позвонил мне. Хочет поговорить с тобой.

Даррен Спайсер был одним из местных уголовников и по совместительству информатором суссекской полиции. Профессиональный взломщик, ступивший на криминальную стезю еще подростком, он считался настоящим рецидивистом. «Попал в вертушку» — говорили о таких в полиции. Большую часть взрослой жизни Даррен Спайсер провел за решеткой. В начале года Спайсеру улыбнулась — на взгляд Грейса, совершенно незаслуженно — удача: он получил вознаграждение размером в пятьдесят тысяч фунтов,

объявленное местным миллионером-филантропом Руди Берчмором за информацию, которая привела бы к аресту человека, попытавшегося изнасиловать его жену. За всю карьеру полицейского информатора это был его самый высокий финансовый результат — как в тюрьме, так и на свободе.

— Чего он хотел? — спросил Грейс.

— Поделиться не соизволил. Сказал только, что это важно и что тебе надо знать.

— На какое вознаграждение нацелился теперь?

— Не знаю. Судя по голосу, был взволнован. Дал мне номер телефона.

Грейс записал номер и, войдя на территорию парковки, остановился и набрал его.

Ответили почти моментально и довольно уклончиво:

— Да?

— Даррен Спайсер?

— Смотря кто спрашивает.

«Вот же хрен», — подумал Грейс и назвал себя.

— У меня для вас кое-что есть.

— Относительно чего? И что вы хотите?

— Хочу манки.[10]

— Это большие деньги.

— Информация того стоит.

— Хотите рассказать?

— Нам надо встретиться.

— А в чем дело? В общих чертах?

— Это касается той кинозвезды, которую вы охраняете.

— Геи?

— Знаете такое заведение, «Корона и якорь», в Шорэме?

— Не высоковато ли замахнулись, а?

— Я сейчас человек богатый, детектив. Буду здесь еще тридцать минут.

Шорэмская гавань — это крупный порт на западной окраине Брайтона. Деревушка рядом с ним давно разрослась, превратившись в своего рода дополнение к городу. Паб «Корона и якорь», с его внешней террасой и видом на бухту, славился еще и прекрасной кухней. Грейс бывал здесь много раз — раньше с Сэнди, в последнее время с Клио.

Что бы он ни думал о Спайсере и его достойном порицания образе жизни, следовало признать — этот человек имеет хорошие связи, а его информация в большинстве случаев заслуживает доверия. Да, пятьсот фунтов деньги немаленькие, но для такого рода платежей в распоряжении полиции имеется особый фонд.

В связи с переходом на новый уровень публичной отчетности все полицейские обязаны — за исключением случаев крайней необходимости — подчиняться общим правилам парковки. Вот почему Грейс потратил десять минут своего рабочего времени, раскатывая по узким улочкам старой части Шорэма под проливным дождем в поисках свободной стоянки.

Спайсер сидел на барном стуле с почти пустым стаканом крепкого портера. Долговязый, немного за сорок, он выглядел едва ли не на шестьдесят — тюрьма лет прибавляет. Костюм его составляли мешковатые джинсы, желтая рубашка поло и новенькие кроссовки. На бритой голове темнел легкий пушок, лицо морщинистое, глаза мертвые.

— Еще один «Гиннесс»? — спросил вместо приветствия Грейс, опускаясь на соседний стул. Было еще относительно рано, и бар почти пустовал.

— Я уж думал, не придете, — сказал, не глядя на детектива, Спайсер. — Хочу покурить. Принесите мою пинту на террасу. — Он сполз со стула и побрел через бар. Грейс проводил его взглядом — Спайсер напоминал накренившийся строительный кран.

Через пару минут Рой Грейс вышел через стеклянную дверь на деревянную террасу с видом на Адер, речушку, впадающую в бухту. Вода ушла с отливом, обнажив берег и оставив мелкие лужицы. Десятки чаек высматривали в грязи добычу. Чуть дальше по берегу виднелась компания ставших на вечный прикол лодок — Грейс помнил их с незапамятных времен.

Спайсер сидел под широким зонтом, катая между пальцами сигарету, и вокруг него падал дождь.

Грейс вручил ему кружку «Гиннесса» и, поставив на столик свою, с диетической колой, выдвинул стул и сел напротив.

— Хорошая погода для уток!

Запах сигареты манил и дразнил, но много лет назад он принял решение — не курить в дневное время вообще, а вечером, иногда, не больше одной-двух.

Спайсер глубоко затянулся.

— Так мы договорились? Манки?

— Большие деньги.

— Думаю, сделка честная. — Он допил пиво в своем стакане и потянулся за кружкой, которую поставил Грейс. — Вы и сами согласитесь.

— А если нет?

Спайсер пожал плечами.

— Да мне плевать. Схожу на дело, в любом случае возьму больше, правильно?

— О каком деле вы говорите?

Спайсер приложился к кружке.

— Мне предложили хорошую работу — ограбить апартаменты Геи в Гранд-отеле.

Грейс невольно напрягся. Пятьсот фунтов больше не казались такими уж большими деньгами.

— Расскажете?

— Значит, договорились?

— Деньги достану в ближайшие пару дней. Так почему же вы не взялись за работу?

— Я этим больше не занимаюсь. Полиция помогла мне разбогатеть, так что воровать нет необходимости.

— И чем теперь промышляете? Наркотиками? Имея на руках пятьдесят тысяч, можно и в этом поучаствовать.

Спайсер уклончиво пожал с плечами.

— Я сюда пришел не о себе разговоры вести.

Грейс поднял руки:

— Не беспокойтесь. Я чист, никакого магнитофона. Итак, кто предложил вам эту работу?

Хотя на террасе и не было ни души, Спайсер тем не менее огляделся и лишь потом наклонился через стол и чуть слышно сказал:

— Эмис Смолбоун.

Грейс недоверчиво уставился на него:

— Эмис Смолбоун? Серьезно?

Его собеседник кивнул.

— Почему он обратился к вам?

— Я, как вышел из тюрьмы, некоторое время работал в Гранде, в отделе обслуживания. Знаю все ходы и выходы. Как куда попасть. Смолбоун, должно быть, прослышал и обратился ко мне.

— Дать показания под запись не хотите?

— Смеетесь!

— Если сделаете заявление, я попытаюсь отправить его назад. Вернется не скоро.

— Я, конечно, не больно умен, но жить еще хочу. Если сдам Смолбоуна, то до конца жизни оглядываться буду. Нет уж, спасибо. — Он встревоженно посмотрел на Грейса. — А это не?.. Ну, вы понимаете?

Грейс покачал головой:

— Информация останется со мной. Об этом разговоре никто никогда не узнает. Так что, расскажете поподробнее? Не думаю, что цель Смолбоуна — ограбление.

— Так и есть. Для него главное — вам подножку поставить. Чтоб вы облажались. — Спайсер криво ухмыльнулся. — По-моему, вы не больно-то ему нравитесь.

— Как жаль. Моя каминная полка будет смотреться так сиротливо без его обычной рождественской открытки.

68

— Нет, мне помогать не надо, спасибо. Я что, так уж хреново выгляжу?

Застигнутый врасплох столь бурной реакцией, швейцар Гранд-отеля тем не менее сохранил, по крайней мере внешне, полное хладнокровие.

— Очень хорошо, сэр. Я просто хотел как лучше.

— Когда мне понадобится ваша помощь, я сам ее попрошу.

Дрейтон Уилер прошел через вестибюль, обливаясь потом под тяжестью запечатанной коричневой коробки под левой рукой и двух внушительных сумок.

Помимо двух фотографов, в вестибюле прочно обосновалась, заняв пару диванчиков и словно став на постой, разношерстная группа печальных фанатов этой тупой стервы, этой гребаной кинозвезды. И кто только выбрал ее на эту роль? На роль, написанную им! Он нажал кнопку и стал ждать лифт. Его раздражение, его злость растекались по всему вестибюлю. Чуть раньше он уже накричал на двух аптекарей, тупого кассира в магазине хозтоваров «Доккерилз», идиота-продавца в супермаркете «Уэйтроуз» и полного недоумка в «Халфордсе».

Лифт остановился на шестом этаже. Дрейтон Уилер прошел по коридору, остановился и попытался открыть дверь карточкой-ключом.

Ридер замигал красным.

— Черт! — Мешала коробка под левой рукой. Он снова сунул карточку в ридер, на этот раз нужной стороной, и огонек сменился на зеленый.

Он пинком открыл дверь, переступил порог, прошел, пошатываясь, к двум стоящим рядом кроватям и с облегчением бросил на одну из них весь свой багаж.

Надо принять душ. Съесть что-то. Но в первую очередь все проверить, убедиться, что эти олухи продали ему то, что надо.

Он повесил на дверь табличку «не беспокоить», запер дверь на задвижку, вскрыл первый пакет, достал автомобильный аккумулятор и поставил его на валявшийся на круглом столике журнал «Суссекс лайф». Из другого пакета были извлечены шесть термометров и

монтировка. За ними последовала бутылка соляной кислоты, замаскированная ярлычком с надписью «растворитель». Ее Дрейтон поставил на другой журнал, «Весь Брайтон». Вторая бутылка содержала хлор. Последняя покупка была из «Мазеркэйр».

Отступив в сторонку, он оглядел все и улыбнулся. Когда умираешь, тебе уже не о чем беспокоиться, и это замечательно. В голове вертелась цитата, но имя автора выскакивало из памяти, никак не давалось.

«Мечта о смерти — для тех, в чьем сердце страх; мертвым больше нечего бояться».

А ведь верно сказано. Да, верно. Знаешь ли ты эту цитату, Ларри Брукер? Максим Броуди? Гея Лафайет?

Знаете ли вы, с кем имеете дело?

С человеком, который ничего больше не боится!

С человеком, располагающим всем необходимым для изготовления дихлорида ртути. И знающим, как это сделать!

Прежде чем стать хреновым сценаристом, он был вполне успешным химиком-технологом.

Дихлорид ртути — это не соль, но линейная трехатомная молекула. Отсюда его свойства.

А вы это знали? Ларри Брукер? Максим Броуди? И ты, стерва, Гея Лафайет?

Скоро узнаете.

Зазвонил телефон. Он ответил резко — сейчас все, что отвлекало, раздражало.

Приветливый женский голос произнес:

— Джерри Бакстер?

Он вспомнил этот голос.

— Да.

— Вы не пришли сегодня на примерку. Я хотела бы уточнить, вас еще интересует наше предложение по съемкам в «Королевской любовнице»?

Дрейтон Уилер сдержал раздражение.

— Извините. У меня была важная встреча.

— Все в порядке, Джерри. Без проблем. Если погода не помешает, съемки начнутся возле Павильона в понедельник утром. Сможете подойти завтра?

Он задумался, а потому ответил не сразу.

— Конечно.

69

Свободное парковочное место Клио нашла в двух улицах от дома. Был вечер пятницы, и часы показывали начало шестого. Дождь прекратился, ветерок расчищал небо от туч. Смертельно усталая, но счастливая, она выбралась из своего компактного «ауди». Впереди целый уик-энд! Словно в ответ на ее настроение, ребенок двинул ножкой.

— Ты тоже доволен, а, Пузырь?

Клио взяла с сиденья сумочку, заперла дверцу и неторопливо направилась к дому, совершенно не подозревая, что из взятого напрокат «фольксвагена», следовавшего за «ауди» от самого морга, за ней наблюдает пара глаз.

— Warum starrst du die dicke Frau an?[11] — спросил мальчик.

Женщина за рулем ответила по-немецки:

— Она не толстая, милый. Она носит ребеночка.

— Чьего ребеночка? — спросил мальчик по-немецки.

Она не ответила, провожая женщину полным ненависти взглядом.

— Чьего ребеночка, мама?

Она молчала, прислушиваясь к тому вихрю эмоций, что поднялся где-то в глубине ее души.

— Подожди здесь. Я сейчас вернусь.

Она вышла из машины и зашагала по улице, миновав опустевшее «ауди». Потом, стараясь сохранить беспечный вид и не привлечь к себе внимания, повернулась к машине Клио.

На капоте лежал тонкий слой пыли, кое-где оставили свой след чайки. Крышу починили наспех, заклеив порез клейкой лентой. Но слова, процарапанные на бампере, были на месте и читались вполне ясно.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ШЛЮХА. ТВОЙ РЕБЕНОК СЛЕДУЮЩИЙ.

70

Анна расхаживала по своему музею, целиком и полностью посвященному Гее, с бокалом мартини в руке. Сегодня она пила — совершенно сознательно и намеренно — другой коктейль, «Манхэттен». Две части бурбона, одна красного мартини, немного ангостуры и вишенка-мараскина на стебельке — все в бокале мартини.

Она пила его назло Гее.

Пила, чтобы напиться.

Третий мартини за вечер. Сегодня пятница. На работу завтра не надо. Так что можно надраться вдрызг.

В среду ее оскорбили и унизили так, как никогда не оскорбляли и не унижали за всю жизнь. У нее до сих пор горело лицо. В ушах до сих пор стоял смех свидетелей ее позора.

Остановившись перед картонной фигурой кумира, Анна долго смотрела в голубые глаза.

— Что не так? А? Скажи! Я твоя фанатка. Я — Номер Первый. Как же ты могла отвернуться от меня? Ответь, почему? Эй? Слышишь? Нашла кого-то другого? Кого-то, кому ты дороже, чем мне?

Нет, такое невозможно.

Никак.

— Я живу только ради тебя. Неужели ты этого не знаешь? Неужели тебе наплевать? Кроме тебя, меня никто не любит. Ты — единственная.

В левой руке у нее был нож. Кукри. Кривой нож, привезенный кем-то из ее предков из далекого Непала. Нож, взятый у мертвого солдата-гуркха. Гуркхи были смелым народом и не боялись смерти.

Если человек говорит, что не боится умереть, то этот человек либо лжет, либо он — гуркх.

А что ты об этом думаешь, Гея? Ты лжешь? Или ты — гуркх?

Или, может, ты просто выскочка, взлетевшая из Уайтхоука и слишком много о себе возомнившая? Зазнайка, не желающая даже признавать своих поклонников?

Она медленно спустилась по крутым деревянным ступенькам, прошла в кухню и вылила в бокал то, что еще оставалось в серебристом шейкере. Потом снова поднялась в святилище.

— За тебя, Гея! И скажи, тебе было хорошо позавчера, когда ты так обошлась со мной? А? Скажи мне. Кто вознес тебя так высоко? Кто поставил пьедестал? Ты когда-нибудь думала об этом? Ты так часто на меня смотрела. Я видела в «Топ Гире», как ты смотрела на меня. И в других программах тоже. Так кто же тогда дал тебе право обращаться со мной, как… как с

дрянью… как… как с последней швалью? Скажи, мне интересно. Твоя поклонница, твоя фанатка Номер Один хочет знать.

— Скажи.

— Скажи.

— Скажи.

71

В пятницу, на вечернем инструктаже, Гленн Брэнсон выбрал место с таким расчетом, чтобы видеть Беллу. Как обычно, они с Норманом Поттингом сидели порознь, так что зрительный контакт между ними был затруднен. Опытные детективы, они, конечно, тщательно все продумали. Интересно, с каких пор у них это? Сам Поттинг сравнительно недавно женился в четвертый раз на какой-то тайке, которая успела значительно облегчить его кошелек.

Белла бросила в рот конфетку. Она не была красивой, но что-то в ней цепляло его. Душевность, теплота, трогательная уязвимость… Иногда ему хотелось взять ее на руки, прижать к себе. Еще несколько дней назад он думал, что может предложить ей нечто лучшее, чем унылая жизнь с больной матерью, но внезапно ситуация изменилась. Поттинг не тот человек, который ей нужен. Гленн посмотрел на удачливого соперника. И самодовольно усмехнулся.

Ох, Белла, как ты могла запасть на него?

— Гленн? Эй, Гленн?

Он вздрогнул, с опозданием поняв, что Рой Грейс обращается к нему, а он понятия не имеет, о чем речь.

— Прошу прощения, шеф, отвлекся.

— С возвращением с планеты Зог!

Среди присутствующих послышались смешки.

— Долгий день, а? — осведомился Поттинг. Его слова резанули Гленна Брэнсона словно ножом.

— Я спрашивал насчет анализов ДНК по четырем конечностям. — Грейс заглянул в свои записки. — Ты говорил, что лаборатория должна прислать заключение сегодня?

Сержант кивнул:

— Да. Заключение я получил. — Он открыл папку. — Зачитать все, шеф?

Грейс покачал головой. Для большинства полицейских, включая и его самого, заключение по анализу ДНК было чем-то загадочным и малопонятным, откровением из доступного лишь посвященным мира тайных знаний. Вообще-то в школе он преуспевал разве что в регби и беге.

— Достаточно самого основного.

— О’кей. Итак, все четыре конечности принадлежат одному телу и с вероятностью миллион к одному — туловищу нашего неизвестного.

— Хорошо. Итак, в нашей мозаике еще один пазл нашел свое место. Теперь не хватает только головы.

— Может, мы ищем парня, потерявшего голову из-за женщины, — предположил Поттинг и, довольный собой, расхохотался.

— Уж тебе ли не знать! — прикрикнула на него Белла.

Поттинг покраснел и опустил глаза. Для всех присутствующих ее реплика была всего лишь реакцией на собственные неудачи Поттинга в браке, и только Гленн знал, что стоит за ней.

— Не к месту, Норман, — пожурил детектива Грейс.

— Извините, босс. — Поттинг робко ухмыльнулся, но на него уже никто не реагировал.

Хороший ведь детектив, подумал, глядя на Поттинга, Грейс, но эти его шуточки порой так раздражают. Да и в данном расследовании мог бы работать получше.

— Один вопрос все-таки остается, — продолжал Гленн Брэнсон, отбросив посторонние мысли. — Мы знаем, что преступник избавился от туловища много месяцев назад, и процесс разложения зашел достаточно далеко. А вот конечности относительно свежие.

— Скорее всего, Даррен Уоллес был прав, предположив, что они хранились в замороженном виде, — заметил Дэвид Грин.

— А разве патолог определить не может? — спросила Белла Мой.

Гленн покачал головой:

— Не так все просто. Замораживание ведет к повреждению клеток, но, чтобы определить это, требуется некоторое время.

— И о чем это нам говорит? — Грейс обращался уже ко всей группе. — Почему от туловища избавились давно, а от конечностей буквально пару дней назад?

— Кто-то ведет с нами какую-то игру? — пожал плечами Ник Николл.

— Возможно, — согласился Рой Грейс. — Но давайте воспользуемся бритвой нашего старого друга, брата Оккама.

Уильям Оккам, живший в четырнадцатом веке монах-францисканец и философ, полагал, что самый простой ответ чаще всего и бывает правильным.

— Намекаете на связь с «Криминальным дозором»? — спросил Гай Батчелор.

— Думаю, мы имеем дело с человеком либо очень хитрым, либо очень нервным, — ответил Грейс. — Возможно, туловище и кусочки костюма оставлены для нас на ферме как своего рода ключ. Тогда конечности и другой клочок костюма возле озера это еще один ключ. Но я все же склоняюсь к тому, что преступник, посмотрев «Криминальный дозор», испугался и поспешил избавиться от некоторых — или даже всех — улик. Группа Лорны продолжает поиски головы.

— А может, голова это тот трофей, с которым он не хочет расставаться, — заметил Поттинг.

Грейс кивнул.

— Не исключено. — Он посмотрел в заметки. — На данный момент какого-то определенного мнения у нас нет, так что остается только работать с тем, что есть. Да, ткань. — Он повернулся к Брэнсону: — Что у нас с ней?

— Этим занимался сержант Батчелор.

Батчелор кивнул.

— Работаем по спискам от «Дормей». Проверяем магазины мужской одежды и портных, купивших ткань для пошива мужских костюмов. «Сэвил стайл» тоже. Пока только на территории трех графств. Список из двадцати восьми человек, купивших такой костюм, я передал сегодня в полдень Анналиэе Винир. — Он повернулся к регистратору: — У тебя что-нибудь есть?

— Кое-что есть. — Она слегка покраснела, как будто не привыкла быть в центре внимания. — На Гарднер-стрит, в Брайтоне, есть магазин мужской одежды «Луиджи». Два года тому назад они продали костюм из такой ткани некоему Майлзу Ройсу, который значится в списке пропавших без вести. Костюм не шили на заказ, но хозяин, Луиджи, вспомнил, что подгонял его по фигуре. Этим сейчас занимается сержант Поттинг.

Грейс повернулся к Поттингу:

— Что-нибудь выяснили?

— Да, шеф. У Луиджи сохранился адрес этого покупателя — Эш-Гроув, Хейуордс-Хит. Я был там сегодня — приятный домик, симпатичный квартал. На звонок никто не ответил. Выглядит участок немного запущенным. Я сам вырос в деревне и, как трава растет, знаю. Думаю, в этом году лужайку не подстригали. В саду полно сорняков. Соседка, пожилая леди из дома напротив, рассказала, что живет он один. Несколько месяцев приглядывала за его котом. Какие-то средства у него, по-видимому, есть — может быть, семейный траст, — на них и живет. Ей он сказал, что собирается попутешествовать несколько недель, но так и не вернулся. — Поттинг зашуршал бумагами. — И вот что интересно… а может, вовсе и не интересно…

Грейс терпеливо ждал — ну когда же он перейдет к сути. С другой стороны, у Поттинга свой стиль, и его уже не переделаешь.

— Эта леди дала мне номер телефона его матери, вот я и навестил старушку. Она, оказывается, в доме престарелых, в Берджес-Хилл. Сказала, что раньше сын регулярно ей звонил, каждое воскресенье ровно в семь. Но с января от него ничего нет. Она очень расстроена; похоже, они были близки.

— Она подала заявление? — спросила Белла Мой.

— Да, в апреле.

— А почему ждала так долго? — удивился Ник Николл.

— По ее словам, он часто путешествует. А еще он большой фанат Геи, буквально одержим ею. У него небольшой трастовый фонд, да кое-что сам, наверное, заработал на рынке недвижимости, вот и разъезжает по миру. Куда Гея — туда и он.

Грейс нахмурился:

— Состоятельный, взрослый мужчина катается по миру за Геей? И как это понимать?

— Говорят, она очень популярна в гей-сообществе, — пояснил Поттинг.

— Так он… Майлз Ройс — гей? — вмешался Брэнсон.

— Соседка говорит, что молодые люди к нему приходили, а вот леди — никогда.

Грейс задумался. Что-то здесь не совсем сходилось. Убит поклонник Геи. Гея в городе. Недавнее покушение на нее в Лос-Анджелесе. Совпадения?

Совпадения ему не нравились. Слишком уж удобно. Так легко объяснить все совпадением.

Куда труднее проникнуть за видимую оболочку и увидеть, что же там на самом деле.

— У его матери есть что-нибудь, с чего можно взять образец ДНК?

Поттинг покачал головой:

— Нет. Но соседка разрешила войти в его дом. Я взял один из костюмов. Полное соответствие нашему профилю. А еще прихватил расческу и зубную щетку и уже отправил их в лабораторию.

— Отлично, — сказал Грейс и снова погрузился в раздумья.

Гея.

Есть ли какая-то связь?

А почему она должна быть?

Грейс слишком долго был детективом, чтобы отбрасывать что-либо, не проверив. Итак, предположим, что убитый — фанат Геи. Гея сейчас в городе. Но убийство случилось задолго до того, как стало известно о том, что она приезжает в город.

И еще кое-что. Обычно трупы оставляют неподалеку от проселочных дорог, в канавах или в лесу. Он повернулся к Брэнсону:

— Нам нужен полный список членов общества рыболовов. Их необходимо опросить — может быть, кто-то что-то видел. Место довольно уединенное, не думаю, что на него можно наткнуться случайно. Человек, спрятавший там улики, знал о нем заранее. Нужно также составить список тех, кто мог бывать в обществе по какой-то причине — уборщики, ремонтники…

— Уже готово, босс! — вмешался Гленн Брэнсон и посмотрел на регистратора. — Аннализа связалась с их секретарем.

— Да, и он согласился помочь. Предоставил полный список членов, а сейчас составляет другой, более широкий, тех, кто мог бывать в обществе или, по крайней мере, знает о его местонахождении. Это люди из агентства по охране окружающей среды, которые занимаются лицензиями, подрядчики, дорожники, солиситоры. Печатники. Надеюсь, полный список будет готов завтра.

Грейс поблагодарил ее и повернулся к детективу Джону Экстону:

— У вас что-нибудь есть, Джон?

— Да, босс!

Гленну этот парень особенно нравился, потому что глаза у него горели всегда.

— Я обнаружил точное совпадение. Новость и хорошая, и… не очень.

Грейс нахмурился. Не самое лучшее время говорить загадками.

— Что вы имеете в виду? — немного резко спросил он.

— Хорошая новость в том, что следы оставлены резиновыми сапогами, а не кроссовками.

Во многих тюрьмах заключенным при освобождении выдавали — если у них не было другой обуви — кроссовки. В результате на месте преступления чаще всего находили именно отпечатки кроссовок, идентификация которых представляла немалую трудность ввиду большого количества производителей и поставщиков.

— Отпечаток оставлен сапогами «Хантер», — продолжал Экстон. — Модель оригинальная. Плохая новость та, что именно эта модель одна из самых популярных у производителей по всей стране. Фирм, имеющих запасы продукции, только в Суссексе, Кенте и Суррее шестьдесят четыре. И конечно, их можно купить в онлайне.

Рой Грейс задумался, переваривая информацию. В скольких из них действует система самообслуживания? Стоит ли рассчитывать, что продавцы помнят кого-то из покупателей? В каждом расследовании убийства он сталкивался с необходимостью уравновешивать затраты на организацию масштабных поисков с вероятностью достижения результата. Проверка шестидесяти четырех торговых точек потребует, если ему нужен быстрый результат, привлечения значительных полицейских сил. Сколько времени займет каждая? Он по опыту знал, что где-то придется ожидать возвращения работников с перерыва, где-то время отнимет что-то еще. Шесть магазинов в день… в лучшем случае. Два полицейских пройдут все точки за неделю.

Констебль Ривз подняла руку:

— Сэр, «Хантер» — бренд очень дорогой. Я знаю, потому что сама недавно покупала резиновые сапоги. Это ведь что-то значит, да? Если принять во внимание дорогой костюм жертвы… Я к тому, что и преступник, возможно, человек состоятельный.

Грейс кивнул:

— Верно подмечено, Эмма. — Он сделал пометку в блокноте, после чего отдал распоряжение Джону Экстону — продолжать работу по всем торговым точкам. В глубине души Грейс понимал, что шансов на успех немного, но, по крайней мере, тыл будет прикрыт, и, если позднее у кого-то появятся вопросы, он сможет дать полный отчет.

— Хотите что-то добавить? — Грейс обратился к криминалисту-ортопеду Гайдну Келли.

Тот покачал головой.

— О’кей. Думаю, за ночь мы уже ничего не сделаем. Встретимся завтра вечером, в половине седьмого. В одиннадцать мы с Гленном проводим брифинг, так что, если будут новости, дайте мне знать.

Он уже поднялся, когда Эмма Ривз спросила:

— Шеф, а на автограф Геи можно рассчитывать?

Грейс улыбнулся.

72

Клио устроилась в постели с ноутбуком. Рядом, справа и слева, лежали бумаги по курсовой работе — она проходила курс философии в Открытом университете. Усталость разлилась по телу свинцом, но на часах было только 19.30, слишком рано, чтобы спать. Из айпода звучал голос ее любимой фолк-певицы, Лауры Марлинг.

Ребенок сегодня развоевался не на шутку — как будто танцевал у нее внутри. Клио подняла одеяло, подтянула сорочку и с минуту как зачарованная смотрела на свой танцующий живот, форма которого менялась с округлой на квадратную, с маленькими выпирающими холмиками.

Жаль, Рой не видит. Он обещал скоро быть, и она надеялась, что малышу хватит сил до его возвращения.

— Ты настоящее чудо, малыш. Понимаешь? Ты будешь самым любимым ребенком в мире!

Словно в ответ на ее слова Пузырь выдал очередную порцию толчков.

Клио вышла из форума Mumsnet и переключилась на Amazon — посмотреть цены на детские автомобильные сиденья. Срок приближался, и она старательно выискивала все, что могло понадобиться потом. Список необходимого составила ее лучшая подруга Милли, у которой было две дочери. Другой представила ее сестра Чарли, дизайнер интерьеров, настоявшая на том, что сама подготовит для малыша комнату.

Детская кроватка, постельное белье, матрасик, водонепроницаемые подкладки, одеяльца, салфетки, пеленки, подгузники, крем… Список разрастался до бесконечности. Все давно твердили, что ее жизнь изменится, но лишь сейчас до нее стало доходить, до какой степени. Шесть бутылочек и оборудование для стерилизации, щеточка для бутылочек, подогреватель, детское молоко, молокоотсос — на случай, если Рою придется кормить ребенка без нее.

А часто ли Рой будет рядом? Этот вопрос доставлял ей особое беспокойство. Она знала — он, как говорят, женат на работе. Работая в морге, Клио видела неиссякаемый поток смерти. Каждый раз, когда где-то всплывало имя Роя Грейса, его неизменно сопровождали положительные комментарии. Его любили и уважали. Он был хорошим человеком — поэтому, помимо прочего, она его и любила.

Лишь одно омрачало их отношения. Станет ли хороший полицейский таким же хорошим отцом?

Сможет ли он присутствовать на тех праздниках, где традиционно присутствуют родители, или будет заниматься расследованием очередного убийства?

Когда они говорили об этом, Рой всегда рассеивал ее опасения, напоминал, что и его отец, будучи полицейским, находил время, чтобы побыть с сыном. Да, но его отец не служил в отделе тяжких преступлений, где никто не знает, что случится через тридцать минут, а не то что тридцать дней.

Рой постоянно уверял, что их совместная жизнь важнее его работы. Но так ли это? Да и хочет ли она сама, чтобы это было так? Хочет ли, чтобы расследование какого-то убийства страдало из-за того, что Рою интереснее забавляться с ребенком?

Одна ее подруга, вышедшая замуж за успешного предпринимателя, говорила, что почти его не видит, особенно после рождения второго ребенка. Он возвращается домой, когда дети уже спят, ужинает и уходит в свободную комнату, чтобы выспаться и не слышать, как плачут вечно голодные малыши.

Знают ли эти крохи, что у них есть отец?

Вторым источником беспокойства стала та надпись на ее машине.

Рой сказал, что знает, кто это сделал, и что он принял меры и ничего подобного не повторится. Но ведь опасность все равно существует — многие преступники горят желанием отомстить полицейским. И ей придется научиться жить с этим и постоянно быть начеку.

И наконец, самая тяжелая, самая глубокая ее тревога. Пропавшая жена Роя, Сэнди.

Говорить о ней с Роем было трудно, однако Клио ощущала ее присутствие во всем. В первые дни знакомства Рой приглашал ее к себе. Они занимались любовью в спальне, и она оставалась на ночь, но никогда не спала. Ей все время казалось, что дверь вот-вот распахнется, и эта женщина, молодая и привлекательная, появится на пороге и уставится на них презрительно.

Конечно, Рой уверял, что от его отношений с Сэнди ничего уже не осталось, и ей следует воспринимать ситуацию именно такой. Но сомнение оставалось и не давало покоя.

Что, если?

Если?

Она немного успокоилась, когда Рой запустил процедуру по официальному признанию Сэнди умершей. Прошло десять лет. Но ведь она все равно может вернуться, если еще жива. И как тогда поведет себя Рой?

Он утверждал, что все кончено, и ничто уже не изменится.

Но что, спрашивала себя Клио, если Сэнди похитил какой-то маньяк? Как отреагирует Рой, если его жена объявится, сбежав от мучителя? Разве он не примет ее, как того требует моральный долг? Что бы он ни говорил…

Клио никогда и никому не желала смерти, но иногда ей так хотелось, чтобы тело Сэнди нашлось где-нибудь. Чтобы Рой мог, по крайней мере, закрыть эту главу своей жизни. И чтобы они могли жить дальше, освободившись от всех теней.

73

Она сидела в машине на тенистой стороне улицы, где припарковалась два часа назад. Город наконец погрузился в сумерки. Часы показывали половину десятого. Когда-то она любила эти долгие летние дни. Но сегодня дневной свет только раздражал.

В салоне маленькой, взятой напрокат машины пахло чизбургерами и жирной жареной картошкой. Глядя перед собой, она ясно видела дом, в котором жила Клио Мори. По радио «Роллинг стоунз» пели Under the Boardwalk.

Песня странным образом вернула ее к одному из их многочисленных и разнообразных несогласий. Она предпочитала версию в исполнении The Drifters. Они поспорили тогда из-за того, кто ее написал. Она утверждала, что Кенни Янг и Артур Резник. Рой настаивал на том, что песню сочинили сами «роллинги».

— Mama, mir ist langweilig,[12] — сказал ее сын, сидевший рядом, на пассажирском сиденье. Он весь перепачкался, но продолжал деловито макать жареную картошку в кетчуп, еще оставшийся на донышке картонного стаканчика.

— Mein Schatz, wir sind jetzt in England. Hier spricht man Englisch![13] — сказала она.

Он пожал плечами:

— Да? Ладно. Мне скучно. — Он зевнул.

Она ласково погладила его по лбу.

— Sehr gut![14]

Он повернул голову и посмотрел на нее вопросительно.

— Ты говорила, что люди здесь разговаривают на английском, а сама говоришь по-немецки. — Он поднес к губам огромный стакан кока-колы и шумно потянул через соломинку.

Иногда, когда мальчик раздражал ее особенно сильно, она думала — хотя и никогда этого не говорила: «Я оставила Роя ради тебя? Должно быть, рехнулась».

Но ведь так оно и было. По крайней мере, отчасти. Она бросила Роя Грейса, потому что узнала о беременности. Они оба так хотели ребенка и почти восемь лет делали для этого все. И вот, ирония судьбы. Она узнала о беременности через несколько дней после того, как решила, что не хочет провести остаток жизни замужем за Роем Грейсом. Замужем за управлением уголовных расследований.

Она понимала, что, как только Рой узнает о беременности, делать что-то будет уже поздно, она будет обречена на пожизненное заключение, и, даже если они расстанутся, ей все равно придется делить ребенка с ним. Благодаря свалившемуся с неба наследству от умершей тети — Рой о нем ничего не знал, — в финансовом плане она была независима и могла позволить себе уйти. Что и сделала.

Она ничего не сказала родителям, которых всегда презирала. Не сказала вообще никому. Ушла и укрылась у людей, с которыми всегда чувствовала себя достойной уважения и значимой. Эти люди — и только они — видели в ней самодостаточную личность, а не человека, определяемого теми, кто дал ей жизнь или кто взял ее замуж.

Впервые в жизни она была сама по себе. Не дочерью своих родителей, мисс Сэнди Болкуилл. Не женой своего мужа, миссис Рой Грейс. Она получила новое имя, позаимствовав его у своей бабушки-немки. Перед ней открылась новая жизнь.

Сэнди Ломан.

Сэнди Ломан выбросила из головы все лишнее: мужа, постоянно подводившего ее своими выездами на место преступления; отца, подводившего ее своей неспособностью говорить правду о чем-либо; мать, у которой никогда не было собственного мнения.

Сайентологи прочищали мозги под своим универсальным девизом «Мост к полной свободе». Они и помогли ей очиститься от прошлого и взглянуть на мир новыми глазами. И о ребенке помогли позаботиться.

Живя в их штаб-квартире возле Ист-Гринстеда, она познакомилась с Гансом-Юргеном Вальдингером. Он и убедил ее потом перебраться вместе с ребенком в Мюнхен и вступить в организацию, которую сам же и создал. Международная ассоциация Свободного Духа. Организация предлагала примерно ту же, что и сайентологи, ментальную регенерацию, но посредством процесса менее агрессивного и дорогого.

Вальдингер показался ей очень привлекательным парнем. Таким он и остался по сию пору. Но жизнь с ним не сложилась. Все быстро пришло к тем же несогласиям и спорам, что и с Роем. В конце концов она переехала в собственную квартиру.

Так какого черта ее принесло сюда?

Причиной стало объявление в одной мюнхенской газете, на которое она наткнулась случайно около месяца тому назад.

«Сандра (Сэнди) Кристина Грейс

Супруга Роя Дж. Грейса. Город Брайтон и Хоув, Восточный Суссекс, Англия.

Пропала без вести десять лет назад, предположительно мертва. В последний раз замечена в Хоуве, Суссекс. Рост пять футов семь дюймов (170 см), стройного телосложения, волосы светлые, до плеч.

В случае если никто не представит доказательств обратного — адрес юридической фирмы „Эдвардс и Эдвардс" указан ниже, — она будет официально признана умершей».

Разумеется, Рою нужно было двигаться дальше, а чего еще она ждала? Но все равно ее задело. Задело крепко. Она ничего не могла с собой поделать. Это ведь из-за него ей пришлось уйти. И вот теперь он вознамерился покончить с прошлым. Вот так легко и просто, одним жестом. И то, что он собрался объявить ее умершей, делалось с одной-единственной целью: чтобы жениться снова.

Жениться на своей беременной сучке.

Он выставил на продажу их дом. Дом, где они были счастливы когда-то. Их дом. Теперь его могут купить, и тогда он уже никогда не появится на рынке снова, потому что в таких домах люди живут годами. В таких домах живут и старятся вместе.

Вот и они могли бы состариться вместе. Такой был план. У нее и Роя. Интересно, как бы это было? Как бы они выглядели в старости?

— Мы еще долго здесь будем? — спросил вдруг по-немецки Бруно.

Она посмотрела на него, сына, которого так хотел Рой, и уже собралась ответить, но отвлеклась. По улице, в их направлении, шел мужчина в темном костюме с объемистым кейсом. В последний раз она видела его десять лет назад, но и сейчас, в меркнущем свете, узнала сразу, словно не прошло и двадцати четырех часов. Та же фигура, и лицо почти не изменилось. Только прическа другая — волосы короткие и уложены гелем. И этот новый стиль был ему к лицу.

Он выглядел вполне счастливым, и она ощутила глубокий укол печали.

Она знала, что он ни за что не узнает ее в сумерках, за ветровым стеклом, в темных очках и надвинутой на глаза бейсболке и с выкрашенными в черный цвет волосами. Знала и все равно опустила глаза. Тысячи мыслей завертелись в голове. «Кто у нее, мальчик или девочка? Счастлив ли он с ней? Давно ли они встречаются? Часто ли ссорятся?

И что мне делать дальше?»

Она подождала немного и осторожно подняла голову. Он как раз набирал код на панели. Потом толкнул кованые ворота и вошел. Ворота закрылись с негромким металлическим звуком.

Отрезали ее от него.

От его новой жизни.

Она продолжала смотреть, пока он не скрылся из вида.

Она так резко повернула ключ, что даже испугалась — не сломала ли. Мотор тут же отозвался рокотом. Она посмотрела в зеркало и дала газу. Покрышки взвизгнули, и кока-кола выплеснулась на ее протестующего сына.

74

— Повезло еще, что дождя нет, — сказал Дрейтон Уилер и повернулся, словно ища подтверждение своей правоты, к неуклюжей женщине, стоявшей за ним в длинной очереди, протянувшейся от главного входа к ипподрому, в помещении которого собирали актеров массовки.

Она оторвалась от газеты и несколько секунд смотрела на довольно странного мужчину, стоящего в очереди на регистрацию.

— Очень повезло.

«Определенно странный», — подумала она. Долговязый, какой-то неловкий, с седой мальчишеской челкой, выглядывающей из-под козырька линялой бейсболки. Весь дерганый, лицо в морщинах, как будто постоянно хмурится, как будто ему приходится сдерживать закипающую злость, и цвет кожи нездоровый, болезненно-землистый. В очереди стояло человек пятьдесят, самых разных, и все ждали — оформления на работу и примерки костюмов. Они простояли здесь уже больше часа, под холодным ветром. Белые столбики отмечали овальный беговой круг, а с вершины холма открывался прекрасный вид на город и, южнее, на пристань и Пролив.

Внезапно от головы очереди послышался бодрый женский голос:

— Семья Хейзелдайн здесь? Пол Хейзелдайн, Шарлотта Хейзелдайн, Изабель Хейзелдайн и Джессика Хейзелдайн? С песиком Бенсоном? Если вы здесь, дайте знать, пожалуйста! Пройдите к голове очереди!

Уилер посмотрел на часы.

— Еще час точно простоим. — Он взглянул на женщину, бывшую примерно одного с ним возраста. Угловатое лицо, блондинистые волосы в стиле Геи с той фотографии, что появилась в сегодняшнем номере местной газеты вместе с заметкой о съемках фильма.

Его фильма.

Фильма по украденному у него сценарию.

Секс был бы кстати. Женщина не отличалась привлекательностью, но, похоже, была одинока и не безобразна. По крайней мере, лицо пакетом накрывать не придется. Кольца на пальце нет. Хорошие ноги. Он вообще оценивал женщин по ногам. Может, и она не против? Может, если разыграть партию верно, ему удастся заманить ее к себе в номер, потом, после примерки? Отвлечься от лица, сосредоточиться на ногах. Прибор пока функционировал неплохо — сказывалось побочное действие транквилизаторов, которые он принимал, чтобы забыть о близкой смерти. Она одна, и он один.

— Занимались этим раньше? — спросил он, делая первый, пробный шаг.

— Вообще-то это не ваше дело. — Она закрылась от него газетой со статьей о Гее и о съемках, которые начинались в понедельник.

«Стерва, — думала женщина. — Какая же ты стерва, Гея. Я, пожалуй, подумаю и дам тебе еще один шанс. Понятно? Только один шанс. И лишь потому, что мы любим друг друга».

Судя по покаянному выражению на лице Геи, та пыталась послать ей какой-то сигнал. Извинение.

«Почти поздно. Но, возможно, я все же дам тебе шанс. Пока еще не решила».

Она опустила газету.

— Вообще-то я делаю это лишь потому, что мы с Геей подруги.

— Кроме шуток?

Она горделиво улыбнулась:

— Восхитительна, да?

— Вы так полагаете?

— Она себя покажет!

— Думаете? Боже!

— Насколько я поняла, сценарий — полный отстой, но Гея превратит фильм в конфетку.

— Отстой? Леди, вы сказали, что сценарий отстой?

— Тот, кто его писал, понятия не имел о подлинных отношениях между Георгом и Марией. Но это ведь Голливуд, верно?

— Мне не нравится ваш тон.

— Да пошел ты.

— И ты тоже. — Он сердито зыркнул на нее и уже хотел сказать, что это он написал сценарий, что его версия событий правильная, независимо от того, во что превратили ее эти олухи, Брукер и Броуди. Хотел, но не сказал. Только отвернулся, заталкивая внутрь злость.

Следующие девяносто минут стояли молча. Наконец подошла его очередь. Он назвался Джерри Бакстером, получил график съемок и расписание на понедельник, после чего его отправили наверх, в примерочную. Он уже уходил, когда цветущая девушка за столом улыбнулась следующему из очереди.

— Ваше имя, пожалуйста?

— Анна Галишия.

— У вас есть опыт работы? Вы уже снимались?

— Вообще-то я подруга Геи.

— Правда?

— Правда.

— Вам следовало бы попросить ее связаться с нами — не пришлось бы стоять в очереди.

— Не люблю беспокоить ее, когда она репетирует. Ей нужно вжиться в роль, прежде чем играть.

— Я так и слышала.

— Оно так и есть.

Анна Галишия заполнила нужный бланк, вписав все требуемые данные, получила график съемок, расписание на понедельник и отправилась в женскую примерочную.

Десятки женщин, пожилых и средних лет, толстух и худышек, втискивались в нелепые костюмы и напяливали пышные парики. Одни пришли сюда ради денег, ради шестидесяти пяти фунтов в день. Других привело тщеславие. Третьи явились позабавиться.

И никто не пришел за тем же, что и она.

Никто не пришел потому, что получил персональное приглашение от Геи. А вот она получила. Гея хотела исправиться, извиниться за свое поведение в Гранд-отеле. Она была не в духе и теперь искренне сожалеет, что так получилось.

Что ж, у Анны большое, доброе сердце. Она знает, как прощать.

И она уже простила.

75

После примерки Дрейтон Уилер вернулся в центр Брайтона, а уже оттуда прогулялся пешком до Королевского павильона. Проверив, на месте ли покупка, он купил входной билет и в половине второго вошел в зал. До закрытия оставалось больше часа.

И более чем предостаточно времени, если удача будет на его стороне.

Он сразу направился в Банкетный зал и с удовлетворением отметил, что посетителей много, а сам зал огражден канатами, натянутыми между латунными столбиками. Порадовало его и то, что в зале только один охранник.

Поскольку к банкетному столу не допускали, он постоял в сторонке, делая вид, что любуется приставным столиком красного дерева и серебряной посудой. Мимо прошла пара со скучающими детьми, потом группка японских туристов, которые остановились прямо перед ним. Стоявший у стены напротив охранник отвлекся, чтобы напомнить кому-то о запрете фотографировать. Прекрасно.

Никто и не заметил, как он просунул руку под стол и крепко прижал. Через несколько секунд, убедившись, что клей схватился, он убрал руку. Японские туристы двинулись дальше.

Дрейтон Уилер тоже прошел вперед, захваченный потоком.

Миссия выполнена!

76

— Эта стерва не разрешила мне! — воскликнул Гленн Брэнсон, ворвавшись утром в понедельник в кабинет Грейса. На часах было без нескольких минут восемь. — Ты можешь в это поверить? Такая возможность представляется только раз в жизни. Когда-нибудь они смогли бы рассказывать это своим детям и даже внукам!

Грейс поднял голову от документов, которые ему принесли, чтобы он мог подготовиться к предстоящему совещанию.

— Что она не разрешила?

— Взять с собой Сэмми и Реми, чтобы они познакомились с сыном Геи!

— Ты шутишь!

— Я не шучу. Я сгораю от злости! Она сказала «нет». Попросил у нее разрешения взять обоих детей в субботу, и те были ужасно рады, прыгали до небес. Я рассказывал тебе, что они фанаты Геи. Сообщил ей, что они хотят пойти на эту встречу, на которую я отведу их прежде, чем привезти обратно домой.

— Так как она может помешать тебе? Просто возьми да отведи их туда, и все.

— Она говорит, что Гея — символ секса, разврата и сквернословия, что не позволит развращать детей.

— Но это же смешно! Ее сыну всего шесть лет.

— Хочешь позвонить Эри и сказать ей об этом?

— Я, конечно, позвоню, если хочешь, — ответил Грейс с наигранной бравадой. В жизни его пугало не слишком многое, но исключением была именно жена Гленна Брэнсона.

— Я поговорил об этом с моим адвокатом и получил совет не нажимать на Эри, поскольку моя женушка может все обратить против меня.

— Как это?

— Не знаю. — Гленн сел напротив Грейса. Вид у него был расстроенный. — А как ты провел уик-энд?

В отличие от друга Грейс провел уик-энд очень спокойно и, можно сказать, благостно. Утром было лишь два коротких совещания по операции «Икона», а все остальное время он провел с Клио. В субботу они отправились за покупками и приобрели комплект мебели для детской комнаты. Затем купили на воскресенье карри навынос, посмотрели пару фильмов, а в перерыве он прочитал кучу газет. Ему очень нравилась эта экстравагантная особенность Клио — она выписывала каждую неделю практически все британские газеты. Причем самого разного содержания — от «высоколобых» изданий до «желтой» прессы.

День был прекрасный, и Клио настояла на том, чтобы они отправились на прогулку в их любимое место по пешеходной тропе в Роттингдин. Она мужественно прошла весь путь до конца. Судя по всему, внезапное кровотечение, которое у нее было несколько недель назад, прошло без последствий. До рождения ребенка оставалось еще несколько недель.

Через четыре дня она перестанет ходить на работу.

Большую часть воскресенья Грейс провел на диване. Клио работала над своими философскими штудиями, а он просматривал бумаги, связанные с судебным процессом Карла Веннера, который начнется в уголовном суде на Олд-Бейли сегодня утром.

Грейс перегнулся через стол и взял друга за сильную черную руку. Она была твердой как камень. Как будто прикоснулся к эбеновому дереву. Тем не менее он пожал ее.

— Не позволяй ей кошмарить себя, дружище. Договорились?

Гленн в ответ пожал его руку.

Грейс больше не стал ничего говорить. Он видел, что друг, этот большой крутой парень, которого он очень любил, готов в любую секунду расплакаться.

77

— Время полдевятого утра, понедельник, 13 июня. Семнадцатый инструктаж по операции «Икона», — произнес Рой Грейс, обращаясь к следственной группе, собравшейся в конференц-зале. — Кто доложит об успехах, достигнутых за вчерашний день?

Аннализа Винир подняла руку:

— Можно мне, шеф? Я просматривала список членов Общества любителей рыбной ловли Западного Суссекса, который мне предоставила их секретарша, а также список всех людей, так или иначе связанных с этим клубом. Обнаружилась некая связь с фермой Стоунри.

— Неужели? Ну, давай, рассказывай!

— Я не знаю, покажется ли это важным, но ферма Стоунри и Общество любителей рыбной ловли Западного Суссекса пользовались услугами одной и той же бухгалтерской фирмы «Брэдли-Хэмилтон». Один из ее работников несколько лет подряд проводил на ферме и в обществе рыболовов ежегодный аудит. Этого человека зовут Эрик Уитли.

Грейс записал имя в блокнот.

— Я ничего не знаю о работе аудиторов, — признался он. — Скажи, этот человек бывал непосредственно на территории фермы и общества?

— Я выяснила, что он бывает на ферме Стоунри, точнее, в тамошнем офисе, каждый год. Секретарша общества рыболовов не смогла с уверенностью сказать, бывал ли Эрик Уитли на пруду, который им принадлежит. Но они контактируют именно с ним.

— Сколько всего служащих в этой самой фирме «Брэдли-Хэмилтон»? — уточнил Грейс.

— Четырнадцать, сэр, — ответила Аннализа. — Четыре партнера-хозяина, остальные — наемные служащие.

— Кто-то из сотрудников фирмы имеет доступ к информации о ферме Стоунри и рыболовным обществе?

— По всей видимости, такие люди там есть, сэр, — ответила Аннализа.

Грейс почувствовал возбуждение — наконец-то появились конкретные факты, с которыми можно браться за дело по-настоящему. Инстинкт подсказывал, что, даже если преступник и не работает в этой фирме, он, вполне вероятно, может иметь к ней какое-то отношение.

— Выходит, мы не можем со всей уверенностью утверждать, что Эрик Уитли — единственный сотрудник фирмы, который знает, где располагается пруд?

— Нет, сэр. Но мы можем сказать точно, что Уитли — единственный, кто регулярно бывает на ферме Стоунри.

— И единственный, кто вызывает у нас интерес, верно? Единственный человек, имеющий отношение к обоим местам?

— Да, сэр.

— Секретарша рассказала что-нибудь ценное об Эрике Уитли?

— Ничего особенного. По ее словам, спокойный, скромный человек, приезжает к ней каждый год, заранее уточнив время, чтобы ознакомиться с документами и подписать их. Видимо, не слишком разговорчив.

— Отлично. Тогда мы, прежде всего, должны побеседовать со всеми сотрудниками фирмы, которые проработали там не меньше полугода. Я хочу, чтобы этим занялись двое; те, кто умеют работать с людьми.

Он обвел глазами собравшихся и увидел, что Гленн Брэнсон поднял руку:

— Сэр, хочу предложить меня и Беллу. Мы займемся этим. Это, конечно, большое *если,* но все-таки, *если* этот Эрик Уитли или кто-то другой в бухгалтерской фирме окажется преступником, он может отреагировать — и забеспокоиться, вспомнив, что видел нас по телевизору в «Криминальном дозоре».

Грейс одобрительно кивнул. Оба детектива прошли специальные курсы психологической подготовки.

— Он не особенно подходит на роль подозреваемого, но связь с двумя местами — фермой и прудом — нельзя сбрасывать со счетов.

Он посмотрел в свои записи, затем бросил взгляд на Нормана Поттинга:

— Так ты, Норман, говоришь, Майлз Ройс? Ты ведь ждешь сегодня из лаборатории результаты анализа ДНК, верно?

— Жду, шеф.

— Как только получишь, сразу доложи мне.

— Будет сделано, шеф.

Гленн Брэнсон внимательно разглядывал Поттинга, пытаясь понять, что такого нашла в нем Белла Мой. На двадцать лет старше, без капли обаяния и, несмотря на недавнее омоложение, абсолютно непривлекательный внешне. По крайней мере, с его, Гленна, точки зрения. Хотя, по справедливости говоря, Норман был женат четыре раза, так, возможно, в нем есть нечто такое, что не разглядишь с первого взгляда.

Дэвид Грин, ответственный за место преступления, доложил о том, что удалось узнать экспертам и сотрудникам технического отдела, занимавшимся поисками отрубленной головы убитого в районе пруда рыболовного общества. Или, точнее, о том, что выяснить практически ничего не удалось. Сегодня утром он велел расширить параметры поиска.

Малоутешительные новости, подумал Грейс. Хотя из личного опыта он знал, что, если голова была зарыта в сухой земле, ее могли разрыть и утащить лиса или барсук. Преступники часто роют глубокие могилы для своих жертв. В таких случаях трупы сохраняются лучше. Для полицейских гораздо большую проблему составляют неглубокие могилы, потому что животные могут утащить останки в норы и рассеять их на значительной территории.

Грейс обвел в блокноте кружком имя. Эрик Уитли. Пока что их единственный подозреваемый. Он с нетерпением ожидал результатов предстоящей беседы с Уитли. После того как совещание закончилось, он вернулся в свой кабинет и позвонил Виктории Сомерс, матери своей крестницы, и спросил, не желает ли Джей поиграть с сыном Геи. Девочка была на несколько лет старше Роана Лафайета, но, судя по голосу ее матери, это не имело никакого значения. Чувствовалась, что она очень рада такому предложению. Одна маленькая проблема была решена.

А сам он оказывался со всех сторон в шоколаде.

78

Он чувствовал себя совершенным идиотом. И выглядел смехотворно. Ему было чертовски, мучительно неудобно. И, кроме того, он сильно потел.

Сюртук оказался ужасно узким в талии. Панталоны сильно жали в промежности. Высокие сапоги, в которые женщина-реквизитор всунула его ноги, оказались на пару размеров меньше требуемого, и ему постоянно приходилось поджимать большие пальцы. Парик, который напялили на голову, напоминал птичье гнездо.

Ему следовало бы проводить последние дни жизни в шезлонге на борту яхты где-нибудь в Карибском море и попивать мохито в окружении молодых красоток. Но все пошло прахом. История его долбаной жизни. Его постоянно облапошивали. Чертова киноиндустрия. Проклятое телевидение. Его обманывали его же агенты. И вот теперь это последнее

оскорбление. «Брокер-Броуди продакшнз» украла его сценарий. Украла лучшее, что он написал в жизни.

Вместо того чтобы купаться в лучах славы, он парится и исходит потом в узкой, тесной одежде и дурацком парике.

Вы еще пожалеете. Очень пожалеете. Вы все. Да, черт бы вас побрал!

Эта сука, которая так хамски обошлась с ним субботу, тоже пожалеет. Он принялся выискивать ее взглядом, но так нигде и не нашел. В ее отношении у него тоже есть планы. Вот что замечательно в медленном умирании — тебе на всех наплевать!

Но сначала необходимо сосредоточиться. У него есть цель. Нужно достать график съемок. Тогда он будет знать, когда и где будут сниматься те или иные эпизоды в Брайтоне и окрестностях. Внутри Павильона и за его пределами, в зависимости от погодных условий. Если погода позволит, то днем будут снимать под открытым небом, а в Павильоне — когда его закроют для посетителей.

Завтра вечером, после закрытия, приступят к съемкам эпизода в Банкетном зале, когда Георг IV оборвет отношения с Марией Фицхерберт, заявив ей, что их любовь закончилась.

Король скажет ей об этом, когда они будут сидеть под люстрой, которой он всегда боялся. Под люстрой окажутся звезды Голливуда — Гея и Джадд Халперн. Разве не здорово будет, когда она обрушится на них?

Он представил себе аршинные заголовки завтрашних газет во всем мире.

Погибли две «легенды»!

«Что вы тогда почувствуете? Ларри Брукер? Максим Броуди? Готов спорить, вы пожалеете о том, что так обошлись со мной. Все ваши мечты разобьются на мелкие осколки, как хрустальная люстра Павильона.

Поняли? Я ведь поэтическая натура. Знаете, что я говорю?»

Автобус, набитый статистами в исторических костюмах, пришел в движение и выехал на дорогу через ворота Брайтонского ипподрома, свернул налево и покатил вниз, к морю, и взял курс на Королевский павильон.

Дрейтон Уилер крепко сжимал небольшой рюкзак. В нем находилась его одежда, питьевая вода, еда, фонарик, стеклянная бутылка от минералки «Сан-Пеллегрино» с его фирменным коктейлем из хлорида ртути, а также полотенце, которое он захватил из ванной гостиничного номера.

Сосредоточившись на предстоящей цели, он почувствовал себя намного лучше.

О да. Он был совершенно счастлив.

79

Эта чертовка снова не дает покоя. Анджела Макнил умела находить повод, чтобы заглянуть в кабинет Эрика Уитли каждый раз в перерыве на ланч. Он пытался не обращать на нее внимания, но она была не из тех, кто замечают, что ими демонстративно пренебрегают.

Сегодня она держала в руках стопку переплетенных бухгалтерских отчетов для фермы Стоунри, которые вернула финансовый инспектор полиции Суссекса по имени Эмили Кертис, и собиралась поставить их на место, в соответствующий шкаф. Эрик знал, никакой необходимости в этом нет. Она могла сделать это в любое другое время, однако намеренно выбрала перерыв на ланч. Абсолютно намеренно.

Анджела Макнил стояла рядом с его столом, глядя на лежащие на нем сэндвич с тунцом и майонезом, плитку «твикс», яблоко и бутылочку воды.

— О боже, да вы человек привычки, верно, Эрик Уитли?

Он сделал вид, будто углубился в чтение развернутого номера «Аргуса». Там как раз был опубликован полный график киносъемок, чтобы публика знала, куда и во сколько прийти и понаблюдать за происходящим. Там же было обращение ко всем желающим принять участие в съемках в массовых сценах.

Его просили прийти этим утром. Но он конечно же не смог, во всяком случае сегодня, да и в остальные рабочие дни тоже не сможет, разве что в выходные. Но следующие выходные, на которые он записался, будут только в сентябре.

— Вы всегда едите на ланч одно и то же.

Он не был уверен, что это — вопрос или констатация факта. Впрочем, ему было наплевать, поскольку это ее не касалось. Ему совершенно не нравился ее голос, абсолютно необаятельный, монотонный, невыразительный. Он был не в восторге от ее запаха. От нее пахло духами, напоминавшими освежитель воздуха для туалета. Эрик Уитли ненавидел ее за то, что она стоит рядом с ним и смотрит, как он ест, — как будто он животное в клетке зоопарка. Анджела Макнил определенно относилась к тому типу женщин, мужья которых желают им смерти.

— Потому что мне это нравится, — пробормотал он, не поднимая глаз и поняв, что читает одно и то же предложение уже третий раз.

— Знаете, Эрик, очень важно разнообразить питание. В рыбе содержится много ртути. Слишком частое употребление рыбы может нанести вред вашему организму.

— А я сам как рыба. Я — рыбная душа!

— О, да у вас своеобразное чувство юмора.

Ему очень хотелось, чтобы она замолчала. Он мысленно обратился к небесам с просьбой о том, что если ему когда-нибудь придется надолго застрять в лифте, то пусть, но только не с ней.

На его счастье, зазвонил телефон.

Спасен, подумал он, беря трубку.

Звонили из приемной. Голос секретарши прозвучал довольно непривычно:

— Эрик, тут джентльмен и леди из полиции хотят поговорить с вами в конференц-зале.

— Да вы что? О чем? Я сегодня ни с кем встреч не назначал.

По правде говоря, он вообще редко назначал какие-либо встречи. Работал один, занимаясь исключительно цифрами. В их фирме с клиентами общались другие сотрудники. Лишь иногда он встречался со служащими налоговой инспекции, проверявшими финансовое состояние их клиентов, да выезжал на аудит за пределы офиса.

— Это офицеры полиции. Детективы. Они разговаривают со всеми сотрудниками нашей фирмы.

— Понятно, — нахмурился Эрик. — Когда мне подойти?

— Прямо сейчас, если можете.

— Хорошо. Иду. — С этими словами Эрик встал и надел пиджак. — Извините, — сказала он, обращаясь к Анджеле Макнил. — У меня встреча. Прямо сейчас. Меня ждут в конференц-зале.

— Неужели не доедите ланч?

— Потом доем.

— Хотите, я отнесу его в холодильник? Вам не следует оставлять его здесь. Можно подхватить сальмонеллу.

— Немного сальмонеллы тунцу не повредит, — произнес он и вышел из комнаты, оставив Анджелу одну — смеяться над его шуткой.

Идя по коридору, он думал о том, что это может значить. Неужели они нашли велосипед, который у него украли два года назад? Сомнительно. Зачем тогда полицейским расспрашивать всех сотрудников фирмы?

Нервно улыбаясь, он вошел в небольшой конференц-зал со столом, рассчитанным на восемь мест. Там стоял высокий чернокожий мужчина в довольно вульгарном броском костюме с еще более броским галстуком. Рядом с ним — простоватого вида женщина тридцати с небольшим лет с кудрявыми каштановыми волосами, в белой блузке, черных брюках и практичных черных туфлях без каблука.

— Добрый день! — поздоровался Эрик Уитли, чувствуя, что на лбу появились бисеринки пота. Полиция всегда действовала на него подобным образом. Он заметил, что мужчина пристально посмотрел на его обувь.

— Эрик Уитли? — произнес полицейский и показал свое служебное удостоверение. — Я инспектор Брэнсон, а это моя коллега, сержант Мой. Спасибо, что нашли время побеседовать с нами.

Эрик какое-то время разглядывал удостоверение, чувствуя, что это необходимо для того, чтобы продемонстрировать серьезность своих действий, после чего произнес:

— Прошу садиться. Могу я предложить вам какие-нибудь прохладительные напитки?

— Нет. Спасибо, — ответил чернокожий полицейский. — О нас здесь уже позаботились.

— Отлично, — произнес Эрик. — Все замечательно, не так ли?

Он заметил, как полицейские быстро обменялись взглядами. Оба сели с одного края стола, спиной к окну, из которого открывался вид на территорию Королевского павильона. Уитли сел с другой стороны, напротив. И сразу понял, что занял плохое место, потому что свет из окна падал на них сзади, и их лица были почти не видны. Уитли почувствовал, что его охватывает страх. Он чувствовал себя школьником, оказавшимся перед двумя хулиганами.

— Э-э-э… вы ведь пришли не по поводу моего велосипеда?

Полицейские как-то странно посмотрели на него.

— Велосипеда? — спросила женщина.

— Мой велосипед украли, когда я оставил его перед офисом. Правда, это было достаточно давно. Эти ублюдки распилили замок.

— Нет, простите, кражами занимается другой отдел, — сказал Брэнсон. — Мы из уголовного розыска.

— Да, да, — понимающе кивнул Уитли.

Детектив внимательно посмотрел на него, глаза в глаза, отчего Уитли почувствовал себе еще более неуютно. Ему казалось, что чернокожий в любое мгновение скажет: «ЧМО!»

Однако вместо этого он произнес:

— Мистер Уитли, мы ведем расследование убийства неопознанного человека. Его туловище было обнаружено…

— На ферме Стоунри, верно? — не дал ему договорить Эрик Уитли.

— Да, — подтвердила Белла Мой.

— Верно, — кивнул Брэнсон. — В пруду Общества любителей рыбной ловли Западного Суссекса близ Хенфилда были также найдены конечности, предположительно принадлежавшие убитому.

Эрик кивнул:

— Да, да. Я так и думал, что вы на меня выйдете, — нервно усмехнулся он, но никто из полицейских не поддержал его шутку.

— Сколько времени вы работаете здесь, мистер Уитли? — спросил Гленн Брэнсон.

Эрик на мгновение задумался.

— В «Брэдли-Хэмилтон»? Двадцать два года. Впрочем, нет, в ноябре исполнится двадцать три года.

— Как точно называется ваша должность?

— Я аудитор, главным образом занимаюсь аудитами.

Детектив продолжал не мигая смотреть ему прямо в лицо.

— Я не ошибусь, если скажу, что в этом году вы проводили аудит на ферме Стоунри и в Обществе любителей рыбной ловли Западного Суссекса?

— Есть что-то скользкое, рыбье в этом Обществе любителей рыбной ловли, вы не находите, детектив? — неуклюже сострил Уитли и хихикнул.

Никто из полицейских не улыбнулся, что заставило Эрика занервничать еще больше.

— Ничего скользкого в этом нет, мистер Уитли, — произнес Брэнсон ровным спокойным тоном. — Можете сказать, как давно вы занимаетесь аудитом этих двух организаций?

Уитли задумался.

— Пожалуй, несколько лет, — ответил он, стараясь не встречаться взглядом с полицейскими и чувствуя все тот же страх. — Да. Десять лет по меньшей мере. Могу проверить, если пожелаете. Что касается фермы Стоунри, то скажу точно, — добавил он и непроизвольно хихикнул.

Полицейские продолжали холодно смотреть на него.

— Мы расследуем убийство, мистер Уитли, — произнес Гленн Брэнсон. — Боюсь, мы не готовы разделить ваше веселое настроение относительно этого дела. Вы когда-нибудь бывали на самой ферме Стоунри, мистер Уитли?

— Бываю каждый год. Аудит провожу прямо на месте.

— А бывали ли вы на пруду Общества любителей рыбной ловли Западного Суссекса?

— Только один раз, чтобы познакомиться с местом. Это главный земельный участок, принадлежащий клубу.

— Когда вы проводили там аудит, с вами был еще кто-то из сотрудников вашей фирмы?

Уитли покачал головой:

— Нет, я был один. У меня прекрасные отношения с мистером Уинтером. Такая работа вообще-то на одного. — Подмышки взмокли от пота. Он сильно потел и в данный момент не слишком отчетливо видел лица собеседников. Отчаянно хотелось вернуться в свой кабинет, в свое одиночество, к своему недоеденному ланчу. — Это убийство… ужасное событие. Я хочу сказать, что оно очень плохо повлияло на коммерческую деятельность фермы Стоунри. В том смысле, что вряд ли кому-то захочется покупать яйца из-под кур, которые клевали корм там, где находился труп? Я лично в этом не уверен.

— Или есть рыбу, кормившуюся там, где нашли части человеческого тела? — спросила женщина-детектив.

Уитли кивнул.

— Это весьма малоприятно, если ваш вопрос адресован мне, — сказал он и снова хихикнул.

Двое полицейских смотрели на него с откровенной неприязнью. Как два хулигана. Два неулыбчивых хулигана.

— Я очень щепетилен в отношении того, что кладу в рот. Мое тело — мой храм.

— «Крамер против Крамера», — произнес Брэнсон.

— Простите?

— Это слова, которые герой Дастина Хоффмана произносит в фильме.

— Ах да, верно.

Возникшая продолжительная пауза показалась Эрику Уитли очень неловкой. Полицейские смотрели на него так, словно он был открытой книгой, которую они читали безо всякого труда. Откашлявшись, он произнес:

— Как по-вашему, я могу быть вам полезен в этом расследовании?

С этими словами он снова нервно усмехнулся.

— Знаете, — сказал Гленн Брэнсон, — вы нам здорово поможете, если серьезнее отнесетесь к этому делу.

— Извините, — ответил Эрик и провел пальцами по губам. — Рот на замок!

Снова возникла долгая пауза. Он чувствовал, что полицейские просто смотрят на него. Казалось, их глаза полны невысказанных вопросов. Уитли поерзал на стуле. Жутко захотелось есть. Он пожалел, что не доел сэндвич. И «твикс». Правда, сейчас желудок испытывал нешуточное беспокойство. Перерыв на ланч подходил к концу. Осталось всего десять минут.

— Спешите на автобус? — поинтересовался Гленн Брэнсон. — Или на поезд?

— Извините, не понял?

— Вы постоянно поглядываете на часы.

— Видите ли, меня немного беспокоит сальмонелла. Дело в том, что на такой жаре надо быть осторожным с сэндвичами.

Полицейские снова переглянулись. Как будто обменялись каким-то им одним известным кодом. Совсем как школьные хулиганы.

Брэнсон опять посмотрел ему прямо в глаза.

— Имя Майлз Ройс вам что-нибудь говорит?

Эрику не понравился этот нехороший дерзкий взгляд полицейского, и он опустил глаза, уставившись на столешницу.

— Майлз Ройс? Нет, пожалуй, нет. А я должен его знать?

— Вы так полагаете? — спросил Гленн Брэнсон. — Вы так не *думаете* или вы в этом уверены?

Манера детектива заставляла нервничать. Он снова почувствовал, что ему стало жарко, и понял, что краснеет. Скорее бы уйти из этой комнаты и вернуться в свое святилище, в свой уютный кабинет.

— Как можно быть в жизни в чем-то уверенным? — ответил Эрик вопросом на вопрос, по-прежнему не поднимая глаз. — Я не хочу дать неправильный ответ. Фирма имеет дело с множеством клиентов, каждый из которых, в свою очередь, нанимает множество людей. Сегодня имя для меня ничего не значит, но я не могу гарантировать, что никогда не встречался с человеком, которого зовут именно так. Я не хочу, чтобы меня обвинили в том, будто я намеренно ввожу вас в заблуждение.

— Мне не совсем понятно, — сказал Гленн, говоря очень медленно и твердо. — Вы хотите сказать, что никогда не встречали человека по имени Майлз Ройс? Майлз Теренс Ройс?

Эрик на мгновение закрыл глаза и почувствовал, что весь дрожит. Он смерил Брэнсона ненавидящим взглядом:

— Я не потерплю, чтобы надо мной издевались. Я достаточно понятно выразился?

80

Когда Дрейтон Уилер спустился по ступенькам автобуса под знойные лучи июньского солнца, он сильно потел, и под париком кожа чесалась сильнее обычного. Молодой мужчина в желтом жилете поверх футболки и потертых джинсов прохрипел в мегафон:

— Все статисты следуют к месту сбора перед входом в Павильон!

Вдоль улицы протянулась вереница грузовиков съемочной группы. На земле повсюду змеились кабели и провода. Установленная на тележке кинокамера стояла на отрезке рельсов на лужайке возле Павильона. Всюду были установлены осветительные приборы. Пожилые рабочие торопливо расставляли оборудование. Оператор стоял возле камеры, определял освещенность и раздавал указания ассистентам. Слева, на залитом гудроном участке перед куполом, теснилась кучка массивных трейлеров. Определить трейлер Геи было несложно. Он казался огромным, как дом. Таким же, но чуть поскромнее, был и стоявший рядом трейлер Джадда Халперна. От трейлеров тянулись силовые кабели и гибкие пластиковые водопроводные трубы. Огромная толпа зевак собралась у ограждения, вдоль которого прохаживались несколько охранников.

Все эти люди собрались поглазеть на съемки эпизодов, которые предложил он и которые у него украли мерзавцы из «Брукер-Броуди продакшнз». Они еще пожалеют об этом!

Молодой мужчина, третий, четвертый или пятый ассистент режиссера, продолжал раздавать указания через мегафон. Дрейтон Уилер нахмурился и прошел мимо группы статистов, парившихся, как и он, в узких неудобных костюмах.

К нему тут же подбежала молодая женщина с хищными глазами ястреба. Волосы ее были забраны сзади в конский хвост, на ухе висела гарнитура радиотелефона.

— Извините! — произнесла она, вытягивая руку. — Вы не можете взять с собой рюкзак!

— Я диабетик! — рявкнул в ответ Уилер. — Там мои лекарства!

— За вашим рюкзаком я присмотрю лично. Если вам что-то понадобится, позовите меня. Я буду рядом.

С этими словами она потянулась к рюкзаку и дернула за лямку, но Уилер держал крепко и расставаться с рюкзаком не собирался.

— Я не выпущу его из рук, юная леди! Договорились?

— Нет, не договорились. Так нельзя. В 1810 году рюкзаков не носили.

Уилер указал на здание Павильона:

— Видите это?

— Павильон?

— Он самый. Так вы говорите, что в 1810 году рюкзаков не носили?

— Да, верно, не носили.

— Так позвольте вам кое-что сказать. Этого чертова Павильона в 1810 году тоже не было.

— Знаете, — с улыбкой, нисколько не смутившись, ответила женщина, — это все-таки кино. В нем всегда существует условность. Мы просто допускаем некоторую историческую вольность.

— Вот и я собираюсь допустить некоторую историческую вольность, — ответил он, крепко сжимая лямку рюкзака. — Так что проваливайте к черту!

Несколько секунд они злобно смотрели друг на друга.

— Хорошо, — первой произнесла она. — Я скоро вернусь!

Она повернулась и спешно куда-то удалилась. Уилер стал торопливо пробираться через толпу статистов и вскоре оказался у главного входа в Павильон. Дорогу тут же преградил охранник:

— Извините, сэр, вход только по билетам.

— Мне нужно в туалет, — заявил Уилер.

Охранник указал куда-то вправо, в направлении трейлеров.

— Туалеты для статистов находятся вон там, сэр.

Он указал на рюкзак:

— Ассистент режиссера сказала, что я могу взять его с собой. Понимаете, я диабетик. Она сказала, что я могу оставить его в той комнате, где кресла-каталки. Мне нужно сделать укол.

Охранник нахмурился, затем заговорщическим тоном сказал:

— Ну хорошо. Только побыстрее.

Уилер поблагодарил его и торопливо вошел внутрь. В коридоре никого не было. Он остановился возле закрытой калитки наверху каменной лестницы, которая вела в подвал здания, и огляделся по сторонам. Никого не видно. Как и в прошлый раз, он сдвинул запор, закрыл за собой дверцу и спустился вниз по ступенькам. Затем быстро прошел по подземному переходу с кирпичным полом. Вскоре он остановился перед покореженной зеленой дверью с табличкой и черно-желтыми буквами «Опасно! Высокое напряжение!», толчком открыл ее и вошел внутрь. В нос сразу ударил знакомый запах сырости. Уилер закрыл за собой дверь.

И включил фонарик. Посветив им, он увидел на стене пробки, рубильники, асбестоцементные трубы. Внизу блеснули огоньки глаз. Крыса размером с кошку. Поскрежетав когтями по полу, тварь куда-то скрылась.

— Черт бы тебя побрал!

Уилер посветил фонариком вокруг, проверяя каждый пятачок пространства. Прислушался к гудению и пощелкиванию работающего электрооборудования. Сейчас здесь было теплее, чем в прошлый раз. Или ему только показалось? Он снова скользнул лучом фонарика по стенам и полу. Он ненавидел крыс. Ненавидел пауков. Ненавидел замкнутые пространства. Через шесть месяцев его тело окажется именно в замкнутом пространстве. В гробу.

Уилер улыбнулся.

Последняя улыбка, верно. Все именно так и будет. Он оставил распоряжение по завещанию, согласно которому его пепел спустят в туалете офисов «Брукер-Броуди продакшнз» на территории студии «Юниверсал».

Стянув с головы жуткий парик и избавившись от неудобного костюма, он подумал, что все-таки надеется на жизнь после смерти, когда сможет увидеть это собственными глазами.

Особенно ему хотелось увидеть лицо той суки, его не совсем *бывшей* жены, когда она узнает о его распоряжении.

Он открыл рюкзак и достал одежду и еду. Не самое лучшее место, чтобы провести здесь следующие двадцать четыре часа. И обслуживания номеров тут никто не обещает. Но по сравнению с ожидающим его гробом эта каморка — что-то вроде люкса в «Риц-Карлтоне».

81

— Время шесть тридцать вечера, понедельник, 13 июня. Это восемнадцатый инструктаж по операции «Икона», — произнес Грейс, обращаясь к собравшимся. — Кое-какие успехи есть. — Он повернулся к Поттингу: — Норман, что скажешь?

По лицу Нормана Поттинга расплылась довольная улыбка, придавшая ему сходство с огромным Буддой, подумал Гленн Брэнсон, глядя на старого «боевого коня», который, сам не ведая о том, стал его соперником.

— У нас есть отчет из лаборатории, — произнес Поттинг. — Анализ ДНК, произведенный по волоску и зубной щетке, которые я забрал из дома Майлза Ройса, совпадает с ДНК туловища, обнаруженного на ферме Стоунри, и конечностей, найденных в пруду Общества любителей рыбной ловли Западного Суссекса. Нет никаких сомнений в том, что это именно Ройс.

Атмосфера в комнате ощутимо изменилась.

— Хорошая работа, Норман, — похвалил детектива Грейс. — Отлично, теперь нам нужно выяснить прошлое и связи жертвы. Поскольку вы уже встречались с матерью убитого, возьмите с собой офицера из отдела семейных проблем и сообщите ей это известие. Посмотрите, что еще можно узнать о его друзьях и знакомых. С разрешения матери произведите в доме обыск. Особенно внимательно просмотрите компьютер или мобильный телефон. Желательно и то и другое. Если мобильного не окажется, узнайте у матери его номер, и тогда мы сможем получить все нужные сведения у провайдера. По характеру звонков установим его передвижения и узнаем, с кем он разговаривал.

Грейс помолчал и сделал запись в блокноте.

— Если у него была машина, то давайте уточним историю его передвижений за последние полтора года через сеть автоматического распознавания автомобильных номеров. Посмотрим, какие фотографии есть в доме, выясним, кто его друзья и все такое прочее. Наш техотдел пробьет его по социальным сетям, Фейсбук, Твиттер и так далее. Нам нужно узнать о нем все. С кем общался, где бывал, какие у него увлечения или извращения, в каких клубах состоял. Особое внимание его увлечению Геей. Соберите данные о всех фан-клубах, с которыми он был связан. Вот этим, Норман, вам и предстоит заняться.

— Понял, шеф. Будет сделано.

Гленн посмотрел на Поттинга, затем на Беллу. Сегодня она была какой-то печальной. Но он знал, как ее обрадовать. Вот бы только убрать с дороги этого увальня Поттинга.

А не смешон ли он? Его собственная жизнь — сплошная путаница, а он думает о том, как испортить жизнь другому.

— Гленн?

— Да, шеф. Мы с Беллой сегодня допросили всех четырнадцать сотрудников бухгалтерской фирмы «Брэдли-Хэмилтон». Как выяснилось, это единственная компания, связанная как со фермой Стоунри, так и с Обществом любителей рыбной ловли Западного Суссекса. Они специализируются на аудите для сельскохозяйственных предприятий. Разработали для фермеров свой пакет программного обеспечения. При этом мы натолкнулись на одного человека, который нам показался крайне неприятным. Думаем, им нужно заняться отдельно. — Он посмотрел в свои записи. — Его зовут Эрик Уитли.

— Уточните, — попросил Грейс.

— Использовал методику левого и правого глаза, которой вы меня обучили.

Грейс кивнул. Мозг человека состоит из двух полушарий. Одно является долговременным хранителем памяти, в другом происходят творческие процессы. Когда человеку задают вопрос, он неизбежно обращает глаза к тому полушарию, которое в данный момент задействует. У некоторых людей хранилищем памяти является правое полушарие, у других — левое. За творческую деятельность, соответственно, отвечает противоположное.

Когда говорят правду, то глаза обращаются к полушарию памяти, когда лгут — к полушарию творчества, то есть *конструируют* нужный ответ. Брэнсон научился у Грейса определять, как, машинально двигая глазами, собеседник реагирует на вопрос. На такой, например, вопрос, заданный Эрику Уитли о том, как долго он проработал на фирму.

— И? — спросил Грейс.

— По-моему, он солгал.

Грейс повернулся к Белле:

— Ну а ты что думаешь?

— Я согласна с Брэнсоном, сэр. Уитли — большой чудак. Мне не очень понравилось, как он отвечал на наши вопросы.

Грейс сделал запись в блокноте. *Эрик Уитли. Подозреваемый?*

— Вы узнали его домашний адрес?

— Узнали, сэр, — ответила Белла. — С трудом.

Грейс удивленно поднял брови.

— Неужели?

— Он все пытался сказать, что мы вторгаемся в его личную жизнь, — вступил в разговор Брэнсон.

— Думаю, вам двоим нужно навестить Уитли и поговорить с ним в его доме. И либо доставить к нам, либо исключить из нашего расследования.

Не зная точного времени и даты смерти Ройса, следственная группа работала как будто в вакууме. Когда точное время известно, алиби подозреваемого позволяет исключить из поля зрения типов вроде Уитли или, в случае отсутствия алиби, предъявить обвинение. Он повернулся к своим специалистам:

— Я хочу, чтобы вы проверили всех рецидивистов, вернувшихся из заключения два года назад, и выяснили у соседей Уитли, жаловался ли кто-то на него. Обратите внимание на его возможное участие в каких-либо инцидентах. Нам нужно собрать как можно больше сведений о нем. — Он повернулся к Белле: — Думаю, что вам следует поговорить со старшим партнером Уитли и узнать, что он за работник.

— Я уже созвонилась с ним, сэр.

— Отлично! — похвалил Грейс и повернулся к Экстону: — Что-то удалось выяснить об охотничьих сапогах?

С этими словами он показал на три белых доски, висевшие на стене. К одной из них была прикреплена фотография фермы Стоунри, рядом — снимок пруда Общества любителей рыбной ловли. Обе обведены синим кружком и соединены линией. На второй — фотографии охотничьего сапога «Хантер» и три фотографии следов в натуральную величину, обнаруженных на краю пруда. На третьей размещались снимки туловища и конечностей Майлза Ройса, а также добавленный сегодня снимок его лица.

— Я получил список торговых фирм, занимающихся продажей в режиме онлайн, — сообщил Экстон. — Мы занимаемся ими, составляем список покупателей, проживавших в Суссексе, Суррее и Кенте последние два года. Но проблема в том, что, как мы выяснили, многие торговцы, вроде центров продажи товаров для сада или туристической одежды, не хранят таких архивов. Мы пытаемся собрать как можно больше сведений такого рода, но дело идет медленно, и списки получаются неполными. Я ввожу в базу имена, какие только удается раздобыть через архивы кредитных карточек, по мере их поступления.

Он посмотрел на Аннализу Винир.

— Пока ничего, — ответила она. — У меня есть имена покупателей, поступившие из шестнадцати фирм, но пока ничего интересного, в том числе и по Эрику Уитли.

Грейс расследовал вместе с ней несколько убийств и знал ее как надежного, ответственного сотрудника, который не забывает ни одной мелочи. Если Аннализа сказала, что результатов пока нет, то это действительно так. Он снова заглянул в свои записи.

— Гайдн, как ваши успехи?

— Завершил компьютерный анализ. Не буду утомлять вас техническими терминами и скажу лишь следующее. Анализ следов позволяет сделать вывод о том, что у преступника очень необычная походка. Уверен, что смог бы заметить такого человека в толпе. Я бы обязательно обратил на него внимание. Если не возражаете, я мог бы несколько дней провести в контрольном пункте видеонаблюдения на Джон-стрит.

Брайтон и Хоув имели самую внушительную базу видеозаписей с камер наблюдения. Однако проблема — как ее видел Грейс — состояла в том, что именно нужно просматривать. Он не мог посадить такого ценного сотрудника, как Гайдн Келли, перед десятком мониторов и заставить его просматривать в режиме реального время видеозаписи в надежде на то, что тот увидит в толпе людей предполагаемого преступника. Ведь никто не может утверждать, что убийца Майлза Ройса и сейчас находится в городе.

Грейс посмотрел на фотографию убитого. Майлзу Ройсу, как сказала его мать Норману Поттингу, было пятьдесят два года. Однако, по мнению Грейс, выглядел он немного моложе. Природа одарила убитого не слишком приятной внешностью: вялое, дряблое лицо и выпученные, как будто у него проблемы со щитовидкой, глаза, выпяченные губы, плоский нос и бесформенная копна темно-каштановых волос со следами неудачного мелирования.

Состоятельный человек, ведущий богемный образ жизни. Обладатель довольно приличного наследства. Ни дня в жизни не пришлось работать. Однако, судя по выражению лица на фотографии, убитый выглядел отнюдь не счастливым, подумал Грейс.

«Как же ты все-таки пришел к такому концу? Твое туловище было покрыто известью и куриным дерьмом. Твои конечности обнаружили в пруду. Голова отрублена. Как это случилось? Почему?»

— Знаете что, шеф? — подал голос Норман Поттинг, как будто прочитав его мысли. — Если бы мы нашли его голову, может быть, она сказала бы нам, кто это сделал!

По комнате прокатился смешок. Рой Грейс сделал над собой усилие, чтобы сохранить серьезное лицо, но спустя какое-то время не удержался и позволил себе легкую улыбку. Во всех расследованиях убийств, которыми он занимался, не было ни одного случая, когда имелось так мало информации о жертве или возможном убийце. Через два часа ему нужно быть на пресс-конференции вместе с Гленном.

Если они правильно изложат суть дела, это приведет к тому, что главный свидетель позвонит или прямо в полицию, или анонимно на телефонную линию «Остановим преступления». Он ощущал на плечах давящее бремя ответственности. Майлз Ройс был единственным сыном своей матери. Он был смыслом ее жизни. И через тридцать лет после того, как покинул родной дом, Майлз приезжал к ней каждую неделю и неизменно звонил каждое воскресенье в семь вечера. Теперь он не звонит ей целых полгода. И никогда уже больше не позвонит.

Что он сделал, чем заслужил такую нелепую и недостойную человека смерть? Кто сотворил это с ним? Почему? Сексуальный мотив? Ревность? Ограбление? Гомофобия? Случайное нападение психопата? Ссора, закончившаяся дракой со смертельным исходом?

Грейс обвел взглядом подчиненных.

— Кто из вас является поклонником Геи?

Поднялось несколько рук. Грейс посмотрел на Эмму Ривз, которую считал самой сообразительной.

— Скажите, Эмма, я не ошибаюсь — в творчестве Геи есть элементы садомазо?

— Да, шеф. Но только ради прикола в паре концертных номеров и на обложке одного альбома.

— Может быть, мы проглядели в этом отношении что-то очевидное? Она когда-нибудь писала песни о расчленении человеческих тел? Или каким-то образом высказывалась на эту тему, и ее слова могли воспринять буквально?

— Я хорошо знаю все ее творчество, сэр, — ответила Эмма Ривз. — Мне следует огорчиться по этому поводу, верно?

— Ни в коем случае, — улыбнулся Грейс.

— Я не знаю ничего такого в ее песнях, что могло бы подтолкнуть меня к убийству с расчленением трупа.

После того как совещание закончилось, Грейс вернулся в свой кабинет и сделал несколько записей в служебном блокноте.

«Убийство по мотивам гомофобии?
Шантаж любовника-гея?
Связь с криминалом?
Был свидетелем чего-либо?
Торговля наркотиками через гей-сайт в Интернете?»

Зазвонил телефон. Он посмотрел на дисплей определителя, но не узнал номер. Ответив на звонок, Грейс вышел в коридор.

Голос звонившего прозвучал таинственно глухо.

— Детектив-суперинтендент Грейс?

Грейсу не нужно было спрашивать, кто звонит. Он узнал голос рецидивиста и осведомителя Даррена Спайсера.

— Да, я. Чем могу быть полезен?

— У меня есть для вас дополнительная информация. Вы можете получить ее бесплатно.

— Щедро с вашей стороны.

— Да, верно. Я подумал, что вы захотите это узнать. Та сделка, которую мне предлагали, она остается в силе?

— Да.

— Ваш друг только что приходил ко мне и предложил вдвое больше за ту работу.

82

Дрейтон Уилер лежал скорчившись на полу, слушая через наушники айпода моцартовскую увертюру к «Фигаро». Во все неприятные периоды жизни Моцарт эмоционально поддерживал его. Моцарт возносил его к небесам. Когда придет последний час, не надо, чтобы какой-нибудь гребаный священник держал его за руку. Лучше он останется один и будет слушать эту божественную музыку.

Он посмотрел на часы и взялся за сэндвич с сыром. Полночь. Самое безопасное время для выхода на нужную позицию. Он успел хорошо изучить график дежурства охранников.

Закончив с едой, Уилер выключил айпод и выпил немного воды. Достал из рюкзака монтировку. Сложил в него все вещи, за исключением фонарика, встал и надел рюкзак на плечи. Стряхнул с колен крошки. Зашел за угол и помочился.

После этого он медленно и осторожно открыл тяжелую дверь и вышел наружу, быстро оглядевшись по сторонам. Темно, никого. Сжимая монтировку в правой руке, а включенный фонарик в левой, он зашагал по коридору мимо тянувшихся по стене старых труб, нового красного пожарного шланга, намотанного на барабан, и трех шатких древних кресел с продавленными сиденьями. Уилер чувствовал, что нервничает. Ему необходимо выполнить поставленную задачу. *Необходимо.* Он выключил фонарик и затаил дыхание, помня о том, что наверху сейчас проходят охранники. Потом осторожно ступил на лестницу. Вскоре он добрался до калитки.

Шаги.

Черт побери!

Он мгновенно присел на четвереньки, чувствуя, как в запястье, словно какое-то рвущееся на свободу существо, бешено запрыгал пульс. Уилер крепко сжал монтировку. Звук шагов. Обувь на резиновой подошве. Позвякивание связки ключей.

Затем свист. Кто-то насвистывал мелодию «Тема Гарри Лайма». Свист всегда нервировал его. Незнакомец насвистывал фальшиво, пропуская несколько тактов. Неужели охранник тоже нервничает в такой поздний час?

Только не заходи сюда!

К его облегчению, шаги удалились, и вскоре снова стало тихо. Однако Уилер еще несколько секунд оставался в прежней позе, продолжая вслушиваться в темноту. Пройти расстояние в двадцать футов и не попасть под луч датчика системы безопасности. Тогда он окажется у двери, через которую попадет на лестницу, ведущую в давно пустующее помещение под куполом. Он вытащил задвижку, открыл дверь и, затаив дыхание, вышел в коридор. Прислушался. Никого. Полная тишина. Уилер закрыл дверь и вернул на место задвижку. Затем на мгновение включил фонарик, чтобы определить местонахождение, и зашагал дальше, на цыпочках, чтобы не шуметь. Миновал указатель с надписью «Туалеты», открыл дверь. Шагнул за порог, закрыл ее за собой.

Он включил фонарик и, подсвечивая себе, стал подниматься по длинной винтовой лестнице с шаткими перилами, время от времени останавливаясь, чтобы отдышаться. Вокруг плясали тени, отбрасываемые лучом фонарика. Да тут, по всей видимости, полно привидений. Что ж, скоро и он станет одним из них.

Уилер никогда не боялся мертвецов. Привидения не такие подонки, как живые люди.

Он поднялся на самый верх и вошел в старое заброшенное помещение, располагавшееся под куполом. Возле стены лежала снятая с петель дверь. Повсюду плотные, как войлок, пласты пыли неровной формы. Жуткие обои с потеками. Пыльные световые люки, через которые проникал свет уличных фонарей. Тени, оранжевое свечение ночного города и огромная черная гладь моря. Где-то рядом пробежала мышь или крыса, проскрежетав когтями по голому полу. Воздух пах пылью и сыростью.

Он почувствовал усталость. Кофе в термосе давно остыл. Хотелось лечь на пол и уснуть, но он не осмелился это сделать. Через несколько часов наступит рассвет. Нужно пробраться на место под покровом темноты. Он осторожно прошел через круглую комнату мимо люка с надписью «Осторожно! На люке не стоять!» и изображением падающего человека. Стараясь держать фонарик как можно ниже на тот случай, если кто-то случайно посмотрит в его направлении, он прошел дверной проем в соседнее помещение, которое когда-то было спальней. Здесь тоже повсюду лежала пыль. Уилер оказался перед стеной, покрытой рисунками и надписями. «Дж. Кук. 1920». Рядом рисунок совы. Рисунок с изображением щита и надпись «РБ. 1906». Слева находилась небольшая дверь размером чуть больше люка. Он наклонился, вытащил болты и открыл ее. В лицо ударил холодный, солоноватый на вкус ночной воздух. Он жадно глотнул его, наполняя легкие, получая наслаждение после затхлого воздуха давно не проветривавшегося помещения.

Уилер снял рюкзак, просунул его в отверстие и пролез вслед за ним сам. Затем закрыл дверь.

Он стоял под порывами сильного ветра на узкой металлической платформе с поручнями. Далеко внизу, прямо перед ним, простиралась темная территория Королевского павильона, где стояли трейлеры и грузовики съемочной группы. В свете уличных фонарей он различил сквозь покачивающиеся ветви деревьев здания Королевского театра, ресторанов, магазинов и офисов на Нью-Роуд. Дальше в густой тени виднелись неровные крыши спящего Брайтона.

Со всех сторон высились башни, минареты и дымовые трубы, между ними множество мостиков и прилепившихся к стенам пожарных лестниц. Здесь было достаточно светло, чтобы двигаться, не включая фонарик. Он пошел дальше по металлической платформе, перекинутой между двумя шиферными крышами со световыми фонарями, опасливо держась за перила. Он наизусть помнил свой план, но сейчас, находясь на такой внушительной высоте, с трудом определял точное местонахождение. Снизу доносились слабые звуки уличного движения.

Затем его на мгновение остановил далекий вой сирены.

Однако машина с сиреной умчалась дальше, и снова стало тихо.

Купол над Банкетным залом, бывший его конечной целью, находился в данный момент прямо под ним. Еще один мостик, и он взобрался наверх по короткой металлической лестнице и оказался на новом мостике. Усталость как будто испарилась, теперь он почувствовал себя вполне бодрым.

Непобедимым! «Да, хотя я и бреду в одиночестве по Долине Смерти, я не боюсь зла. Потому что здесь я самый крутой сукин сын.

О да!

Никто не сунется к Дрейтону Уилеру.

Никто не сунется к самому крутому сукину сыну Долины!»

Еще одна лестница. Рюкзак качнулся, утягивая вниз, но он крепко вцепился в перекладину. *Три точки на опоре!* Это было железное правило, которое никогда нельзя забывать. Одна рука, две ноги. Две ноги, одна рука.

Уилер забрался на узкую платформу перед вздымавшимся ввысь куполом, величественным, как горная вершина.

Он на несколько секунд включил фонарик и, увидев крошечный люк, выключил его. Открыв люк, бросил внутрь рюкзак, после чего протиснулся сам. Здесь он оказался на первых двух ступеньках деревянной лестницы. Вокруг кромешная тьма. Снова включив фонарик, Уилер закрыл за собой дверцу. Его трясло от возбуждения.

Да, детка, да!

Теперь он мог без опаски пользоваться фонариком. Он прополз вперед, поднявшись еще на несколько ступенек, и оказался на деревянной платформе. Внутренняя часть купола была зеркальным отражением внешней его части и являлась чем-то вроде второй кожи. Если внешняя часть была сделана из камня, то внутренняя сооружена из досок наподобие вогнутой лестницы.

Теперь подниматься наверх не имело смысла, он знал это по своей предыдущей вылазке, потому что дальше подъем становился все круче и круче. Ему будет гораздо удобнее здесь, на этой платформе.

Если завтра работа съемочной группы начнется в соответствии с заранее составленным графиком, после того как Королевский павильон закроется для публики, то «Брукер-Броуди продакшнз» приступит к съемке одного из главных эпизодов фильма. *Его фильма.* Король Георг IV и Мария Фицхерберт сидят за столом прямо под массивной люстрой, из-за которой так беспокоился его величество.

Крепления, удерживающие люстру, находятся прямо над ним. Двухминутная работа, пара пустяков. Сверху, через крошечную трещину над люстрой он сможет наблюдать за тем, что происходит в Банкетном зале.

Если ему повезет и рассчитанное время окажется правильным, то Гея Лафайет и Джадд Халперн превратятся в кровавую кашу.

Это положит конец смехотворной пародии, в которую «Брукер-Броуди продакшнз» превратила сценарий; в нем Мария Фицхерберт совершает самоубийство, после того как ее бросает король Георг.

Лучше бы она умерла таким образом.

83

В полвторого утра Рой Грейс, спавший рядом с Клио, был разбужен сильным тычком в ребра.

— Ой! — вырвалось у него. Грейс решил, что это Клио толкнула его локтем, как она изредка делала в тех случаях, когда он начинал громко храпеть. Но она, похоже, крепко спала. Он почувствовал новый толчок. Ребенок. За вторым последовал третий толчок.

Клио, так и не пошевелившись, лишь пробормотала:

— Я думаю, что Пузырь тренируется. Готовится к лондонскому марафону. Он еще не остановился.

Грейс почувствовал еще одно движение, на этот раз понежнее.

— Послушай, Пузырь, ты не будешь возражать, если я немного посплю? Нам всем нужно спать. Договорились?

— Мне кажется, я давно забыла, что такое настоящий сон, — сказала Клио. — У меня жуткая изжога, и я четыре раза сходила в туалет.

— Я не слышал.

— Дрых вовсю.

— Да ты что? Я и не почувствовал, что спал. Думаю, даже не сомкнул глаз.

Он поцеловал ее в щеку.

— Я нервничаю, — призналась Клио. — Я нисколько не хочу спать и готова заниматься работой.

— Не надо. Попробуй отдохнуть.

— Я не могу принимать снотворное. Не могу пить спиртное. Боже, как тебе везет, что ты мужчина!

Почувствовав, что ребенок снова толкается, она улыбнулась и положила руку Роя себе на живот.

— Это восхитительно, правда? Там находится крошечное существо, часть нас с тобой. Я уверена, что будет мальчик. Мне все говорят, что будет мальчик. Ты ведь хотел, чтобы у нас был мальчик?

— Я хочу одного, чтобы вы с малышом были здоровы. Для меня это самое главное.

Она выскользнула из постели и прошлепала в уборную. Грейс лежал один, чувствуя, что мысли в голове неожиданно спутались в огромный клубок. Значимость того, что означает приход в мир нового человека, маленького ребенка. И трагедия Майлза Ройса, пример того, что может случиться с ребенком.

Он закрыл глаза и мысленно сосредоточился на этом деле. Каждый раз берясь за новое дело, он всегда опасался, что может что-то проглядеть, упустить что-то жизненно важное и очевидное. Что же ускользает от его внимания на этот раз?

— Я нашла в Интернете, на аукционе, несколько детских автомобильных кресел, — сообщила вернувшаяся в спальню Клио.

— Автомобильных кресел? — переспросил он.

— Нам понадобится такое кресло.

— Конечно, — согласился Рой. Еще один пункт в бесконечном списке вещей, которые им потребуются. И бесконечные расходы.

— Как думаешь, что лучше, купить новое или заказать по Интернету? В последнем случае мы немного сэкономим.

Он сжал ее руку.

— Сколько можно сэкономить?

— Примерно сто пятьдесят фунтов.

— Большая сумма.

— Верно. Немалая.

Ему приходилось по делам службы бывать на месте автомобильных аварий. Одну он до сих пор не мог забыть. Ребенок, привязанный к креслу ремнем безопасности, ударился со всего маху в затылок матери, сломал шею, а затем вылетел через ветровое стекло.

— Позволь задать тебе вопрос, дорогая, — произнес он. — Если ты собираешься прыгнуть с самолета, надев парашют, то что для тебя важнее — знать, что ты купила самый дешевый парашют или самый лучший?

Клио сжала его руку:

— Конечно, знать, что он лучший, важнее.

— Вот тебе и ответ на твой вопрос. Мы говорим о жизни и безопасности нашего ребенка. На этом нельзя экономить.

— Служба в полиции делает тебя подозрительным и мнительным, разве не так?

— Я уже появился на свет подозрительным, — ответил Грейс. — Наверное, за это следует благодарить моего отца. Но это лишь моя точка зрения.

Рой вернулся к прежним тревожным мыслям. Эмис Смолбоун задумал ограбить Гею. *Что же, удачи тебе, солнечный свет.* Никто больше не пройдет мимо громил, охраняющих ее гостиничный номер. Он сообщил об этом старшему суперинтенденту Баррингтону, и количество полицейских, охраняющих ее, было увеличено в качестве дополнительной меры предосторожности.

Мысли снова переключились на Майлза Ройса. Теперь, по крайней мере, им известно его имя. Ройс был поклонником Геи. Гея находится в Брайтоне. Кто-то пытался убить ее в Лос-Анджелесе. Она получала по электронной почте и из анонимного источника письма с угрозами. Ее угрожают убить.

Подозреваемый арестован полицией Лос-Анджелеса и находится под стражей. Тамошние копы считают, что он и есть тот самый преступник.

А почему он так легко поверил, что Ройс — фанат Геи?

Расследование любого важного преступления являет собой огромную сложную головоломку. Для ее разгадки необходимо кропотливо сложить воедино тысячи разрозненных фрагментов. Правда, когда головоломка наконец решена, счастливых улыбающихся лиц особенно и не увидишь. Лишь мрачное удовлетворение от осознания того, что восстановлена справедливость для жертвы и, возможно, родственники испытали некое облегчение. При условии, конечно, что преступник осужден.

— Сегодня по телевизору показывали документальный фильм про Гею, — неожиданно вспомнила Клио.

— Ты его посмотрела?

— Не только посмотрела, дорогой. Даже записала на видеомагнитофон, на тот случай, если он тебе понадобится.

— Спасибо, — поблагодарил Грейс. — Завтра посмотрю. Ты — ангел.

— Я знаю, — ответила Клио. — Вы только не забывайте об этом, детектив суперинтендент.

Он поцеловал ее и вскоре медленно погрузился в тревожный сон.

84

На часах было без четверти два ночи. Анна Галишия шла по брайтонской Нью-Роуд, через улицу от Королевского театра. На ней была короткая куртка «пилот», джинсы и бейсболка, которую она надвинула как можно ниже из-за пронизывающего ветра.

Она остановилась возле низкой стены, вдоль которой росли редкие кусты, и обратила внимание, что активность на территории Королевского павильона ночью пошла на убыль. Два офицера полиции прогуливались по тротуару, и Анна отвернулась, не желая, чтобы они увидели ее лицо. Из вагончика-закусочной доносился соблазнительный запах жарящегося бекона. Судя по всему, он все еще был открыт.

Совсем недавно она, кипя от ненависти, наблюдала за тем, как Гея вышла из трейлера и зашагала к черному «ренджроверу». Вскоре машина в сопровождении таких же автомобилей, напоминавших президентский эскорт, отъехала.

«Ты совсем не заботишься об окружающей среде, верно, Гея? — подумала Анна, чувствуя, что ее гнев смешался с печалью. — Ты сама, твои поступки, даже твое чертово имя — это все ложь, разве не так? Неужели нужно пять „ренджроверов", чтобы сопроводить тебя на расстояние в полмили от съемочной площадки до отеля и обратно?

Нужно? Неужели? Ты такая лицемерка.

Кто-то должен преподать тебе урок».

После этого из трейлера появился Джадд Халперн, играющий в фильме роль короля Георга IV. Выглядел он скверно — то ли с перепою, то ли после дозы, и ему помогли спуститься по лесенке два ассистента, которые и проводили звезду до красного «ягуара». Охранник, стоявший у главного входа, закурил сигарету.

Анна какое-то мгновение наблюдала за ярким огоньком сигареты. Отъехали еще пара машин, увозя кого-то из актеров и членов съемочной группы. Несколько киношников продолжали работать, выключая осветительную аппаратуру. Она шагнула вперед и небрежно пошла через лужайку Павильона, стараясь не споткнуться о змеившиеся в траве провода.

На нее никто не обратил внимания. Отлично.

Анна приблизилась к скоплению трейлеров и грузовиков, держа путь прямо к вагончику Геи, припаркованному возле привратной сторожки на Черч-стрит. Чтобы никто не заметил, она нарочито небрежно и бесцельно двигалась в направлении арки, маскируясь под случайную прохожую, решившую поздно ночью прогуляться перед сном.

Оказавшись возле затененного места у дальнего края трейлера Геи, Анна присела на корточки. Вытащила из сумочки айфон и включила подсветку.

Невероятно!

Существовала легенда о том, что король Георг построил подземный коридор, соединявший Королевский павильон с домом Марии Фицхерберт в Олд-Стайн, чтобы тайно встречаться со своей любовницей. На самом деле это было не так. Потайной коридор действительно имелся, но был построен королем совсем по другим соображениям. Дело в том, что, будучи человеком непомерного тщеславия, он крайне стеснялся своей тучности — весил сто двадцать стоунов — и не хотел, чтобы его видели посторонние. Посредством тайного коридора ему удавалось проходить в конюшни и садиться в карету, оставаясь незамеченным. Окружающие могли видеть лишь его лицо в окошке кареты.

Конюшни были перестроены по приказу королевы Виктории и передвинулись на несколько футов на север. Старый выход из потайного коридора теперь представлял собой замурованный люк, заросший травой. Трейлер Геи стоял почти над ним, это было хорошо видно.

Неужели намеренно? Чтобы облегчить ей задачу? Должно быть, это некий сигнал.

Что в этом хорошего?

Анна крадучись обошла вагончик. На таких передвижных домах обычно должны быть какие-нибудь таблички с рекламой и адресом фирмы, которая сдает их напрокат. Так и есть. Она нашла такую табличку — металлическую, квадратной формы — на правом боку вагончика. Вот оно, название. «Моторхоумс лимитед». Под ним стоял электронный адрес и номер телефона. Все это она записала в блокнот.

85

Во вторник утром на инструктаже по операции «Икона» Белла Мой доложила о своем разговоре со Стивеном Филайном, старшим партнером бухгалтерской фирмы, в которой работал Эрик Уитли. Филайн сказал, что Уитли немного чудаковат, но в целом считается образцовым работником, трудолюбивым и абсолютно надежным.

— То, что он чудак, — это верно, — добавил Гленн Брэнсон. — Вчера после вечернего инструктажа мы побывали у него дома. Он, очевидно, был у себя, мы видели, что кто-то двигался за занавесками, но дверь нам так никто и не открыл. Мы позвонили в звонок несколько раз. Набрали номер его домашнего телефона. Кто-то ответил. Голос, похоже, был его, и мы сказали, что стоим возле двери. Он молча положил трубку. Мы набрали еще раз и услышали, как звонит телефон в доме. Увидели, как дернулись занавески. Потом мы звонили еще, но каждый раз попадали на автоответчик.

— Типичное поведение человека, которому есть что скрывать, — прокомментировал Грейс.

— Заметив его нежелание видеть нас, мы с Беллой решили поговорить с соседями. Предположили, что они что-нибудь расскажут, а потом мы попытаемся снова с ним связаться.

— И?

— Соседи подтвердили, что Уитли из тех людей, что ведут замкнутый образ жизни и ни с кем не общаются. Двое соседей признались, что никогда не видели его. Одна соседка сказала, что несколько раз видела, как он уезжал на работу на велосипеде и возвращался поздно вечером и несколько раз кивнул ей и только. Другая соседка сообщила, что видела вульгарного вида женщину, которая пару раз приходила к Уитли.

— Скорее всего, проститутка, — предположил Грейс. — Он живет один?

Гленн Брэнсон кивнул, посмотрел на свою записную книжку и открыл на той странице, где сделал пометки во время беседы с Уитли.

— Дело в том, босс, что мы сосредоточили усилия на его рабочих отношениях с фермой Стоунри и обществом рыболовов и не влезали в его личную жизнь. Но мы знаем точно, что он живет один.

— Выходит, никто из соседей никогда не разговаривал с Эриком Уитли?

— Все соседи, с которыми мы побеседовали, пожилые люди, а кое-кто из них уже не вполне адекватен. Они, конечно, милые старики, но, похоже, мало что знают, да и не интересуются ничем. Довольно мрачный маленький анклав.

Грейс что-то записал в блокноте.

— Признаться, этот человек не вызывает у меня никаких теплых чувств. Я хочу знать о нем больше. Почему он прячется от вас, если ему нечего скрывать? — Он посмотрел на Гленна, затем — подчеркнуто — на Беллу. — Есть соображения на этот счет?

— Не знаю, сэр, — призналась та.

— Мы расследуем убийство, Белла. «Не знаю» — это не тот ответ, который я хочу услышать. Утром возвращайтесь в его офис и поговорите с ним лично. Это понятно?

— Да, сэр, — ответила она и покраснела под непривычно недовольным взглядом.

Грейс повернулся к Аннализе:

— Что нам известно по результатам проверки Эрика Уитли?

— Только одно и смогла выяснить, сэр. Почти два года назад он заявил в полицию о краже велосипеда, стоявшего возле офиса.

В комнате раздалась пара сдавленных смешков. Один исходил от новичка Грэма Болдока, второй от Гая Батчелора.

Грейс смерил обоих весельчаков негодующим взглядом.

— Извините меня, но я не считаю кражу велосипеда смешным событием. Возможно, это не столь важное правонарушение по сравнению с преступлениями, которыми занимается наш отдел, но если у вас есть велосипед, который является вашей любимой вещью, то его кража вызовет у вас неудовольствие, мягко выражаясь. Согласны?

Оба полицейских кивнули, признавая свою неправоту.

— Похоже, что это происшествие вывело Уитли из себя. Я разговаривала с инспектором Лиз Спенс с участка на Джон-стрит, которая в то время занималась кражами велосипедов. В разговоре с ней он вел себя очень агрессивно. Заявил, что полиция работает из рук вон плохо, что такие кражи должны стать главным приоритетом правоохранителей. Лиз очень расстроилась.

— И? — спросил Грейс.

Аннализа покачала головой:

— Ничего так и не выяснилось.

— Если хотите знать мое мнение, сэр, — вступила в разговор Белла Мой, — то вот оно: Уитли — безвредный невротик.

Грейс внимательно посмотрел на нее.

— Возможно, вы правы, Белла, но вам следует запомнить следующее. Преступники имеют обыкновение не останавливаться на достигнутом. Они развиваются, так сказать. Психопат, который начинает как относительно безвредный хулиган, способен спустя двадцать лет превратиться в серийного насильника.

— Да, сэр, я понимаю, — произнесла Белла. — Извините, я не хотела показаться легкомысленной.

Грейс увидел, что его «блэкберри» мигает красным огоньком. Пришли новые электронные письма. Он открыл почту.

— Норман, наши компьютерщики что-то выяснили о Майлзе Ройсе?

— Нет, шеф, пока еще ничего не узнали.

Грейс пробежал глазами электронные письма. Второе по счету оказалось от старшего суперинтендента Брайтонской полиции Грэма Баррингтона.

«Рой, срочно позвони мне после совещания».

86

Дрейтон Уилер посмотрел на часы. 9.03 утра. Время тянулось ужасно медленно. Обычно, — помня о том, что ему осталось около полугода, — он был благодарен ему за такой неторопливый ход. Но не сейчас, когда лежать приходилось на твердом деревянном полу внутри купола, к которому крепится люстра Банкетного зала. Вокруг бесчисленные катышки мышиного дерьма, снаружи противно кричат проклятые чайки.

Батарея чертовой электронной читалки уже почти разрядилась. Он и не предполагал, что это произойдет так быстро. Не нужно было оставлять включенной. Вот батарея и села.

Убить надо девять часов, а читать он сможет не более часа. А ведь так хотел успеть дочитать «Войну и мир» прежде, чем настанет смертный час. Это была его личная шутка. Поскольку жить осталось всего шесть месяцев, нужно быть разборчивее в выборе книг. Но разве важно, что он успел или не успел прочитать за свою жизнь? Кому через полгода будет интересно знать, успел Дрейтон Уилер прочитать «Войну и мир» или нет?

Или Достоевского. Или Пруста. Он прочитал очень мало книг Томаса Харди. Один роман Скотта Фицджеральда. Две книги Хемингуэя. Предполагается, что все люди должны знать творчество этих авторов, чтобы считаться развитыми и культурными. Но чем больше ты образован, тем легче каким-нибудь мерзавцам сделать тебе подлость.

Честно говоря, он не слишком будет сожалеть об этом, когда окажется в могиле. Ничего больше не будет, лишь черная пустота. Ну что же, скатертью дорога.

Слава богу, что хотя бы загрузил сегодняшний номер «Таймс». Он смог поднять себе настроение тем, что благодаря стремительно издыхающей батарее прочитал о том дерьме, которое происходит в мире. Палестина. Ливия. Ирак. Северная Корея. «Эй, мир, знаешь что, ты там решай свои проблемы, потому что дальше тебе жить без меня».

Смерть. А ведь ни одна из амбиций так и не осуществилась. И все благодаря людям вроде Ларри Брукера и Максима Броуди. Они поимели его. Все поимели его. Сама жизнь поимела его. Он был гением, да. У него всегда были отличные идеи. А какие-то ублюдки каждый раз опережали или воровали его замыслы.

Когда-то у него возник замысел написать книгу о ребенке-волшебнике. Гребаная Джоанна Роулинг первой развивает эту тему. У него появилась идея сочинить роман о девушке-подростке, которая влюбляется в вампира. И нате вам — какая-то мормонка Стефани Майер пишет книги об этом и опережает его.

Теперь «Королевская любовница». На этот раз он знал — никто не опередит его. Он обладал надежной формулой успеха, но ее увели прямо из-под носа.

Подай на меня в суд.

«Конечно, Ларри Гребаный Брукер. Я мог подать на тебя в суд. Если бы у меня на счете был миллион долларов и жить мне оставалось бы десяток лет, то я мог бы вытирать тебе задницу законной бумажной работой».

Он сердито взялся за еду — лежалый сэндвич с яйцом и беконом из универмага «Маркс & Спенсер» и перезрелое яблоко, которые запил холодным кофе. *Завтрак для чемпионов!*

У него в электронной читалке есть эта книга. Ее написал один из его любимых писателей, Курт Воннегут. Воннегут тоже был циником. Книга рассказывала о великом визионере по имени Килгор Траут, который обнаружил, что один из его научно-фантастических романов используется вместо туалетной бумаги в сортире какого-то мотеля. Примерно то же самое чувство Уилер теперь испытывал в отношении собственной карьеры. Он был гением, и на него ссали с огромной высоты.

«Ну что же, лысый и щеголеватый толстяк Ларри Брукер и жирная жаба Максим Броуди, скоро вас в ответ тоже обоссут с огромной высоты! Надеюсь, что сегодня вечером вы с нетерпением ожидаете съемок эпизода в Банкетном зале. Я тоже жду этого момента».

87

Первый день процесса над Карлом Веннером в суде Олд-Бейли начался именно так, как и ожидалось, доложил сотрудник Роя Грейса Майк Горринг, который отсидел все судебное заседание полностью.

Слушания должны были продолжаться три недели, и присутствие Грейса не потребуется как минимум до середины следующей. Его это вполне устраивало. Здесь, в Суссексе, у него скопилось немало дел, которыми должен кто-то заниматься. Самым неотложным — пока он сидел за столом, глядя в монитор компьютера, — было электронное письмо, отправленное ему старшим суперинтендентом Грэмом Баррингтоном. Вчера вечером оно пришло по электронной почте на адрес Геи. Письмо ей прочитала ассистентка, в обязанности которой входил мониторинг почты поклонников актрисы. Ассистентке его, в свою очередь, переслал глава охраны Эндрю Галли.

«Не могу поверить, что ты меня так прокинула. Мне-то думалось, ты и приехала в Англию, только чтобы увидеться со мной. Знаю, ты любишь меня, да, любишь. И ты еще пожалеешь о том, что сделала. Очень пожалеешь. Ты выставила меня на смех. Люди потешались надо мной. Я дам тебе шанс извиниться. Ты расскажешь всему миру, как сильно меня любишь. А нет — убью».

Он позвонил по прямой линии. Ответили моментально.

— Что думаешь, Рой? — Хотя Баррингтон служил в полиции вот уже тридцать лет, голос его до сих пор отличался заразительным юношеским воодушевлением. Грейсу это нравилось, потому что он испытывал те же самые чувства, во всяком случае большую часть времени.

— Нужно определить, что это — безвредная чепуха или серьезная угроза. В первом случае — можем ли мы быть уверены в том, что письмо пришло не от преступника из Лос-Анджелеса?

— Знаешь, — ответил Грэм Баррингтон, — оно из той же серии, но я поговорил с нашим коллегой в Америке, детективом Майменом, — только что разбудил его, потому что там час ночи, — и он заверил, что у человека, которого они арестовали, нет доступа к Интернету. Я переправил это письмо в наш техотдел, чтобы они выяснили, откуда оно отправлено. Что ты думаешь на этот счет, Рой?

— Кто-то уже разговаривал с Геей об этом?

— Пока нет, она все еще спит.

— Нужно, чтобы кто-нибудь поговорил с ней, как только она проснется.

— Может быть, ты этим займешься? Я думаю, с тобой она будет вполне мила, Рой.

— Может, именно по этой причине поручить кому-то другому? — сказал Грейс, но тут же перешел с шутливого тона на серьезный. — Нужно выяснить, если ли у нее какие-то соображения на этот счет. Кто, по ее мнению, может угрожать ей. Были ли какие-то конфликты с поклонниками после того, как она приехала в Англию?

— Я задавал Галли этот вопрос. В Гранд-отель проникла некая женщина средних лет, которая пыталась пройти мимо охраны. Потом жаловалась, что охранники с ней якобы зверски обошлись.

— Неужели? И что выяснилось?

— Этим занималась полиция. С нее сняли показания, потом допросили пару охранников. Судя по всему, пытаясь пробраться в номер Геи, женщина солгала, заявив, что является журналисткой. После этого заниматься ее жалобой больше не стали.

Интересно, почему ему никто не сообщил об этом происшествии? Грейс снова прочитал электронное письмо. Пока на ум пришла только одна версия: Эмис Смолбоун. Еще раз перечитав текст, он, однако, отказался от этого предположения. Письмо почему-то показалось грустным и каким-то безысходным. Отвергнутый любовник? Кто-то из поклонников, кому взбрело в голову, что она влюблена в него? Или в *нее*?

— Мне кажется, Грэм, следует побольше разузнать об этой женщине, пробравшейся в Гранд-отель. Вы можете отправить к ней кого-то из инспекторов?

— Я велел разобраться с этим Тингли.

— Что нам известно о нынешних любовниках Геи?

— У нее есть любовник в Лос-Анджелесе. Инструктор по фитнесу. Детектив Earlier Маймен сообщил, что его допрашивали после того, как была убита ассистентка. Похоже, отношения у них нормальные, крепкие.

— Я хочу, чтобы текст этого письма проанализировал психолог, — сказал Грейс. — Оно может содержать некий подтекст, которого мы не понимаем.

— Неплохая идея. А я тем временем позабочусь об усилении ее охраны.

— Все верно, — согласился Грейс. — Мы знаем, чем она сегодня будет заниматься?

— Сегодня вечером в Павильоне снимается большой эпизод в интерьере. Весь день до вечера Гея будет свободна. Она обещала сыну прогуляться с ним по набережной. Я позабочусь о том, чтобы наши сотрудники не спускали с них глаз.

— Думаю, к ним присоединится моя крестница, — сообщил Грейс.

— Мы окружим их железным кольцом, Рой.

Грейс поблагодарил его и отключился. Электронные письма накапливались в почтовом ящике быстрее, чем он успевал читать их. Куча сообщений о команде по регби, в которой он сам состоял. Через двадцать минут ему ехать в штаб-квартиру полиции Суссекса, в Мэллинг-Хаус, и докладывать Питеру Риггу о ходе операции «Икона».

Хорошо, что за Гею можно не тревожиться, ведь она теперь в надежных руках Грэма Баррингтона.

88

Трубку взяли сразу после второго гудка.

— Фирма «Моторхоумс» слушает.

— Вам звонят из «Брукер-Броуди продакшнз», — сказала Анна Галишия с сильным американским акцентом, решив, что так будет убедительнее. — Мы тут потеряли ключ от трейлера нашей звезды Геи, и нам срочно нужен новый.

— О господи! — ответил женский голос. — Нам придется искать свободного курьера, чтобы отправить его к вам.

— Вы находитесь в Сент-Олбансе, графство Хертфордшир, верно?

— Да, верно.

— Как раз неподалеку от вас сейчас наши сотрудники, поехали забирать подпорки. Я направлю их к вам, пусть захватят ключ. Они будут примерно через два часа.

— Да, отлично. Ключ будет в приемной.

Анна поблагодарила и отключилась.

89

К съемкам главного эпизода начали готовиться за час до официального закрытия Павильона для посетителей. Через громкую связь вызвали статистов. Дрейтон Уилер никак на это не отреагировал. С его места под деревянным каркасом внутри купола, с деревянных досок, которые образовывали вогнутую лестницу, ведущую внутрь купола, ему открывался вид вниз через отверстие возле металлического стрежня, к которому крепилась люстра Банкетного зала.

Кроме того, он все хорошо слышал благодаря системе контроля за младенцем, которую купил в магазине детских товаров. Радиомикрофон был прикреплен к столу красного дерева в Банкетном зале, а динамик стоял рядом. Система работала отлично, правда, иногда возникали небольшие помехи.

Часы показывали полпятого вечера. Казавшийся бесконечным день близился к концу. Он сидел в неудобной позе наверху, наблюдая за бестолковыми туристами, расхаживающими по Банкетному залу. Плюшевый канат закрывал доступ к настоящему банкетному столу. Теперь ему уже не было скучно.

Крепления люстры оказались на удивление простыми. Поперечная балка из четырех металлических шестов соединялась с деревянными распорками, которые были закреплены большими болтами. К центру поперечной балки был приварен толстый алюминиевый стрежень длиной три фута, к которому крепилась люстра весом в четверть тонны. Она, в

свою очередь, состояла из пятнадцати тысяч элементов. Уилер плотно обмотал стержень гостиничным полотенцем. И ухмыльнулся.

Потанцуем!

Он видел дублеров Геи и Джадда Халперна, усаживавшихся за обеденным столом, чтобы оператор мог подобрать подходящее освещение. Этикет требовал, чтобы места за столом первыми заняли король и его возлюбленная.

Остальные гости будут рассаживаться по очереди. Здесь очень важен точный хронометраж. Если повезет, люстра упадет прямо на Гею и Джадда Халперна. Правда, там могут оказаться еще человек десять, сидящих рядом с ними или напротив.

Среди актеров второго плана были известные имена. Хью Бонневилль, снимавшийся в «Городском аббатстве», играет роль лорда Олванли, а Джозеф Финнс — друга короля Бо Браммела. Эмили Уотсон получила роль графини Джерси, имевшей большое влияние на Марию Фицхерберт. Смехотворная, совершенно недостоверная сцена. Как можно было доверить им такие роли. Они же все сговорились исказить историю. Такого права нет ни у кого. А раз так, то и жить они недостойны!

Если удача не отвернется, он расправится со всеми.

Уилер вытащил из рюкзака бутылку из-под минеральной воды «Сан-Пеллегрино» с завинчивающимся колпачком. Содержимое неотличимо от воды. Однако если выпить его, смерть будет мучительной и долгой. В бутылке находилась кислота, дихлорид ртути, она же сулема. Вещество достаточно сильное. Судя по проведенным опытам и произведенным расчетам, кислота должна разъесть алюминиевый стержень диаметром шесть дюймов за 25–30 минут.

Он видел лысую макушку Ларри Брукера. Тот расхаживал по залу и покрикивал на киношников. Кричал так громко, что пришлось уменьшить громкость на динамике. Члены съемочной группы, выполняя распоряжения продюсера, бестолково сновали по всему помещению. Десяток статистов сидели за столом, накрытым для пиршества, пока оператор и его ассистенты заканчивали настройку освещения. К съемке готовился и звукооператор, расставлявший аппаратуру. Последние приготовления к важному эпизоду подходили к концу. Гея оставалась в трейлере. Ее гримируют и причесывают. Сейчас она, наверное, пробегает взглядом странички сценария.

Его странички. Его сценария.

Джадд Халперн тоже сидит в своем вагончике, тоже пялится в текст, занимаясь приготовлениями иного рода — накачиваясь бурбоном с колой. Ларри Брукер о чем-то разговаривал с молодым мужчиной, похожим на первого ассистента режиссера, который энергично кивал в ответ.

«Вы понимаете, почему все вы здесь находитесь? Из-за сценария „Королевской любовницы‟. Если бы я не написал его, никто не получил бы работу в этом фильме.

Вы благодарны мне?

Знаете ли вы вообще, кто я такой?

Ничего, скоро узнаете».

90

— 18.30, вторник, 14 июня. Это двадцатый инструктаж по операции «Икона», — сказал Рой Грейс, обращаясь к следственной группе. — У нас появилось кое-что новенькое. — С этими словами он выразительно посмотрел на Поттинга. — Норман, можете рассказать о доме Майлза Ройса?

— Я взял с собой детектива Николла, а также Лорну Деннисон-Уилкинс и фотографа Джеймса Гартрела для фиксирования хода осмотра. Мать Ройса нисколько не преувеличивала, когда заявила, что ее сын — большой поклонник Геи. Дом буквально набит

всяким барахлом — буквально ступить некуда. Честно говоря, никогда еще не видел ничего подобного. В каждой комнате картонные фотофигуры в полный рост, платья, записи, сувенирные программки и груды газетных и журнальных вырезок. Все валяется на полу, кое-что приклеено к стенам. По-моему, он был не просто фанатом, а настоящим маньяком, одержимым. Или, правильнее сказать, оригиналом-эксцентриком. В некоторые комнаты невозможно открыть дверь — завалена хламом. Если понадобится, Лорна завтра туда наведается, чтобы составить опись всего этого дерьма.

— Признаться, меня беспокоят такие люди, — признался Грейс. — Эти чокнутые фанаты, они действительно одержимые и непредсказуемые. Но больше всего меня сейчас беспокоит то, что фанат Геи мертв, а сама Гея находится в нашем городе. Это может быть чистой воды совпадением. Но может быть для нас и важным направлением расследования, если мы пытаемся выяснить, с кем из других фанатов Геи связан Ройс.

Он посмотрел в свои записи.

— В настоящее время, судя по тому, что рабочая группа из ОВТ нашла в компьютере Ройса, существует небольшая группа преданных поклонников Геи, которые обменивались информацией о ней и постоянно соревновались друг с другом на аукционах, где появлялись ее вещи. Похоже, одну особенно рьяную поклонницу Геи зовут Анна Галишия. Между ней и Ройсом велась настоящая война. Именно поэтому она и представляет для нас несомненный интерес. — Он снова заглянул в блокнот. — Конфликты разгорались нешуточные, и предметом споров обычно становились вещи Геи, которые она надевала во время концертов и которые так или иначе попадали на аукцион. Они пытались перехватить их друг у дружки, перебивая цены. Наши спецы продолжают копаться в ее электронной почте. Я попросил Аннализу Винир пробить Анну Галишию по нашей базе. Кое-что есть. — Он кивнул Аннализе.

— Вечером в минувшую среду, — начала Аннализа Винир, — полицейский отправился в Гранд-отель по звонку третьей степени опасности. Звонок поступил от женщины, пожаловавшейся на то, что ее избили два охранника Геи Лафайет. Она назвалась Анной Галишией. Руководствуясь полученной из ОВТ информацией о связи между ней и Ройсом, мы отправили двух полицейских в форме по указанному ею адресу. Там ее не оказалось. Она дала неправильный адрес.

Гленн Брэнсон нахмурился.

— Зачем называть неправильный адрес, если подаешь жалобу?

— Вот именно, — согласился Рой Грейс. — Судя по всему, она была сильно не в себе. Но зачем давать вымышленный адрес? — Он оглядел одного за другим своих подчиненных. — Есть соображения на этот счет?

— Мне это представляется бессмыслицей, — ответил Грэм Болдок.

— И мне, — сказал Гай Батчелор. — Если ты жалуешься, то жалуешься. Если тебе есть что скрывать, ты ни за что не станешь жаловаться. Непонятно. — Он пожал плечами.

— Что-то эта особа мне не нравится, — произнес Грейс. — Надо ее разыскать. И побыстрее.

91

— Как я могу снять фильм с многомиллионным бюджетом, когда ведущий мудак-актер занимается всякой херней, черт бы его побрал! — рявкнул на весь Банкетный зал Ларри Брукер, обращаясь к несчастному третьему ассистенту режиссера Адриа Гонсалесу.

— Хотите, чтобы я ответил на этот вопрос? — спросил Адриа, вскинув руки в жесте отчаяния.

Обязанности его сводились к тому, чтобы доставлять на съемочную площадку Гею, Джадда Халперна и других главных актеров и препровождать назад после завершения работы. Двадцативосьмилетний мужчина с румяным лицом и коротко стриженными

непокорными рыжими волосами, в синей футболке с надписью «Королевская любовница», шортах и кроссовках, он постоянно носил гарнитуру с наушниками и микрофоном, мобильный телефон и пейджер на ремне. Кроме того, Адриа никогда не выпускал из рук список телефонов. Сейчас он пожал плечами и выразительно посмотрел на Брукера. Обеих звезд отличало непомерное себялюбие, и их взаимная неприязнь день ото дня становилась все сильнее и сильнее.

Халперн уже дважды заставлял Гею ждать, и вот теперь она отказалась выходить из трейлера на съемку эпизода, в котором участвовали они оба, пока ей не сообщат, что партнер уже на съемочной площадке и готов сниматься.

Свидетелями последней вспышки гнева Ларри Брукера на этот раз были режиссер, группа операторов и остальные члены съемочной группы. Лысый загорелый продюсер в черной рубашке от Версаче, расстегнутой на груди и открывавшей взору золотой медальон, черных брюках и сапожках на высоких каблуках, надвинулся на Гонсалеса, как какой-нибудь марионеточный диктатор, и схватил за футболку.

— Какого хрена тут происходит? Мы уже полчаса ждем этого чертова засранца. У нас график, которого мы должны придерживаться. Два полных автобуса статистов ждут его!

Не выпуская футболки Гонсалеса, он повернулся к линейному продюсеру Барнаби Кацу, толстенькому коротышке сорока с небольшим лет, с проплешиной на макушке, предательски выглядывающей из зарослей буйных кудрей. Кац, судя по всему, пребывал на грани нервного срыва. Одет он был в бесформенную рубашку лесоруба, мешковатые джинсы и старые ботинки.

— Какого черта ты тут стоишь с пальцем в заднице? — заорал на него Брукер и выпустил футболку Гонсалеса, который на мгновение застыл на месте, не зная, как поступить дальше.

— Пойду поговорю с ним, — пообещал Кац.

Брукер постучал пальцем ему в грудь.

— Нет уж. Я пойду. Не возражаешь?

С этими словами он пулей вылетел из Банкетного зала, выскочил из здания и устремился через все поле к трейлерам. На улице, протянувшейся за лужайкой Павильона, кордоном охранников и рядом грузовиков, собралась толпа, жаждавшая хотя бы одним глазком увидеть звезд, главным образом Гею.

Ларри Брукер был не в себе.

Этот чертов Халперн. Господи, как же он ненавидит актеров. Еще до начала съемок агент Джадда сообщил, что его клиент не ездит общественным транспортом. Пришлось включить в бюджет 150 тысяч долларов, чтобы на частном самолете привезти в Лондон этого придурка, его помощника и девицу, которую он в настоящее время трахает. Затем, будучи актером *метода,* потребовал, чтобы на борту самолета было непастеризованное молоко, которое и пил король Георг и без которого ему, видите ли, не вжиться в образ.

Вот же засранец.

Брукер повернул к дому на колесах, в котором обитал Джадд Халперн, постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее и взлетел по ступенькам. Стойкий запах неожиданно вернул его в далекое прошлое, в дни студенческой юности. Сквозь завесу дыма он увидел Халперна, сидящего за туалетным столиком и глядящего пустыми глазами в ярко освещенное электрическими лампочками зеркало. Перед ним веером лежали страницы сегодняшней порции сценария, распечатанные на бумаге зеленоватого оттенка с пометками по всему тексту, что вызывало ассоциации с проверенным школьным сочинением. На столе бутылка бурбона. Рядом шариковая ручка со снятым колпачком.

Халперн был одет в белые широкие панталоны, бархатный с золотым позументом камзол с высоким воротником и белым рюшем, заколотым брошкой с бриллиантами. Прямо перед ним на туалетном столике лежал завитой черный парик. Над лицом Халперна работала гримерша. В пепельнице отдыхал дымящийся «косячок». Перед ними, загораживая вход, стоял тщедушный личный помощник Халперна. Позади них, навалившись на стол с бутылкой водки «Серый гусь», сидела с бокалом для коктейлей в руке девица, явно не достигшая совершеннолетия.

В своем относительно нежном возрасте сорока двух лет Джадд Халперн уже дважды пускал свою карьеру псу под хвост. В первый раз это случилось давно, когда он прославился ролью во всемирно известном американском сериале «Пасадина-Хайтс» и так возгордился, что с ним никто не хотел работать. Затем, когда юный талант избавился от этого недостатка в двадцать с небольшим лет, ему посчастливилось, благодаря своей едва ли не абсурдно привлекательной внешности, из-за которой его сравнивали с идолом немого кино Рудольфо Валентино, и бесспорному актерскому таланту, сыграть в двух успешных фильмах. Карьера, однако, основательно забуксовала после серии обвинений в употреблении наркотиков и суда, за которым последовало четырехлетнее тюремное заключение. Джадд Халперн снова стал парией в Голливуде.

Теперь, по словам его агента, он окончательно «завязал», раскаялся, подвел черту под печальным прошлым и отчаянно желал начать все с чистого листа. Он даже успел сняться вместе с Джорджем Клуни в фильме, который, однако, подвергся слишком резкой критике, чтобы всерьез рассчитывать на успешное возвращение.

Именно поэтому компания «Брукер-Броуди продакшнз» предложила ему гонорар, который был всего на сто тысяч долларов выше обычной ставки.

— Джадд, послушай! — произнес Брукер более мирным тоном, чем сам предполагал. — Послушай, мы все ждем тебя.

— Буду готов, когда ты будешь, Си Би, — ответил Халперн, разглядывая свое отражение в зеркале, и потянулся за «косяком», однако, прежде чем он успел коснуться самокрутки, Брукер схватил ее и потушил в пепельнице.

— Эй, да ты что! — запротестовал Джадд Халперн.

— У тебя проблема?

Халперн бросил на него негодующий взгляд:

— Да, у меня проблема.

— Неужели? Знаешь, у меня тоже проблема. Меня зовут не Си Би, а Эл Би. Ларри Брукер.

— Это была шутка! — проворчал Халперн. — Си Би это как Сесил Блаунт де Милль. Верно? «Буду готов, когда ты будешь, Си Би». Цитата. — Халперн нахмурился. — Ты что, не знаешь эту шутку?

— Если бы я хотел услышать шутку, то нанял какого-нибудь комика. — Брукер достал из кармана носовой платок и завернул в него раздавленный «косяк». — У меня тоже проблема. Предлагаю тебе взглянуть на твой контракт. Пункты, согласно которым ты можешь быть уволен. Употребление наркотиков стоит в числе первых.

Актер покачал головой:

— Я просто курил сигарету. Люблю свой табачок.

— Правда? А ты знаешь, кто я такой? Я — гребаный папа римский.

Актер и продюсер смерили друг друга в равной степени неприязненными взглядами. Брукер изо всех сил старался не дать волю гневу. Он должен снять фильм и не выбиться из бюджета, а это становилось с каждым днем все труднее.

— Хочешь рассказать мне о своей проблеме?

— Конечно, — ответил Халперн и взял со стола несколько листков со сценарием. — Вот! Я на это не подписывался!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я взялся за эту роль, потому что мне понравилась идея сыграть короля Георга Четвертого. Он был законодателем моды. У него был великий и трагический роман с Марией Фицхерберт. — Халперн сделал паузу.

Брукер терпеливо ждал, когда он заговорит снова, и отделался коротким вопросом:

— Ну и?..

— Меня заверили, что сценарий исторически точен.

— Верно, — согласился Брукер. — Георг трахал Марию несколько лет подряд, пока она ему не надоела, а потом избавился от нее. В чем *твоя* проблема?

— Ему было двадцать восемь, а мне сорок два.

— Так почему ты тогда взялся за эту роль?

— Потому что мне сказали, что Билл Николсон перерабатывает сценарий, вот поэтому я и согласился. Он человек надежный. — Актер ткнул пальцем в страницы: — Но ведь он не переписал его, верно?

Брукер пожал плечами:

— У нас в последнюю минуту возникла небольшая проблема.

— Ты хочешь сказать, что не захотел заплатить ему гонорар, верно? — Халперн вытащил из ящика стола пачку сигарет и закурил. — Комик, который написал эти страницы, похоже, не знал, что этот Павильон в те годы еще не был построен. Это другая проблема.

— Хочешь знать о моей проблеме? — спросил Брукер.

Халперн пожал плечами и посмотрел в зеркало.

— Нет, — ответил он после паузы и, округлив губы, безуспешно попытался выпустить кольцо дыма.

— Моя проблема — это актеры, — холодно ответил Брукер. — Просишь, например, актера пройти по улице, а он, понимаешь, разворачивается и говорит: «С какой стати я должен идти именно по этой улице?» И знаешь, что я отвечаю ему?

Халперн посмотрел на него, отчаянно пытаясь сфокусировать взгляд.

— Нет, не знаю. Что же ты говоришь ему?

— Я говорю ему: «Причина, по которой я прошу тебя пройти по улице, заключается в том, что я, мать твою, плачу тебе за то, чтобы ты прошелся по улице!»

Джадд Халперн неуклюже попытался улыбнуться.

— Так что выслушай меня, Мистер Актер Большая Шишка. Ты пытаешься заново начать карьеру в кино. Прекрасно, считаю я. Все оставшиеся съемочные дни, когда тебя позовут, ты будешь пулей вылетать из этого трейлера, и станешь приходить на площадку и играть роль так, что она станет самой звездной в твоей карьере. Знаешь, что произойдет, если этого не будет?

Халперн с глуповатой улыбкой посмотрел на него и ничего не сказал.

— Ты уйдешь в прошлое. Тебя забудут. В мире не будет ни одной киностудии, которая захочет работать с тобой, когда я закончу рассказывать им о том, кто ты такой. Обещаю тебе это. Ты меня понял?

— Понял, но сценарий все равно не точен.

— Тогда лучше задействуй твой актерский талант, чтобы превратить его в нечто волшебное.

— Думаешь, я смогу? — спросил Халперн, неожиданно сделавшись покорным.

— Уверен, что сможешь. Ты ведь величайший в мире актер! Ведь именно поэтому, черт побери, я и нанял тебя.

Халперн напрягся и сразу приободрился.

— Ты правда так думаешь?

— Я не думаю, Джадд. Я знаю, — ответил Брукер с улыбкой победителя.

— Заметано. Мы им покажем!

С этими словами Халперн потянулся за париком.

— На площадке через десять минут. Договорились? — спросил Брукер.

— Считай, что я уже там.

— А ты чертовски крутой парень, ты знаешь это?

Халперн улыбнулся и попытался скромно пожать плечами. Однако скромность была не самым сильным его качеством.

Брукер закрыл за собой дверь и направился обратно на съемочную площадку.

«Ты полный засранец», — сказал он себе.

92

— Вот это уже намного лучше! — воскликнула Гея. Одетая в шелковый халат, она сидела на стуле в своем трейлере, а ее парикмахерша Трейси Карри, стоявшая на убийственно высоких каблуках, заканчивала укладывать белокурые волосы актрисы. Гея одобрительно посмотрела в зеркало на новую прическу, которая теперь была еще короче, чем несколько дней назад.

— Вам будет намного удобнее носить парик, — заверила ее Трейси.

— Ты сокровище! — похвалила актриса и повернулась к своей ассистентке, Мартине Франклин: — Ну а что ты скажешь?

— Вам очень идет!

Гримерша Эли Марсден поспешила поддакнуть:

— Да, да, просто превосходно!

Гея повернулась к мальчугану, сидевшему на столе и смотревшему кино на айподе:

— Роан, дорогой, как тебе новая мамина прическа?

— Угу, — мрачно ответил мальчик — Мне тут все надоело. Можно я похожу по дворцу?

— Конечно, дорогой. Сходи погуляй. Я скоро тоже туда приду. Попроси кого-нибудь из охранников, чтобы тебя туда пустили.

Роан, одетый в мешковатую футболку с надписью «Королевская любовница», джинсы и кроссовки, соскочил со стола и выбежал из прохлады трейлера, где работал кондиционер, на теплый вечерний воздух. Решив обследовать дворец в одиночку, он прошел по лужайке Павильона и приблизился к входной двери. Стоявший там охранник внимательно посмотрел на него:

— Ты сын Геи, верно? Кажется, Слоан?

— Роан, — поправил его мальчик.

— Извини, Роан.

Мальчик пожал плечами:

— Все в порядке. Мама сказала, что я могу тут погулять.

Охранник показал, куда идти:

— Ступай прямо, Роан. Когда войдешь, сверни направо. Потом иди по коридору, и окажешься в Банкетном зале. Там твоя мама будет сегодня сниматься в кино.

— Хорошо.

— Отлично, уводите дублеров, пожалуйста! Массовка выходит на площадку! — Голос доносился из динамика вспомогательного монитора, то ясный и громкий, то искаженный и еле слышный. Скрючившись на верху деревянного каркаса купола, наблюдая и вслушиваясь, Дрейтон Уилер почувствовал, что дрожит от возбуждения. Вот! Вот! Нужно сделать это сейчас! Он знал, что не сможет заранее узнать, когда именно весь состав соберется вокруг стола. Он знал, что полагаться придется на точный расчет и удачу. Но сейчас, похоже, нужный момент настал. Лучшего шанса может и не быть.

Дрожащими руками он достал бутылку «Сан-Пеллегрино», боясь пролить на себя хотя бы каплю кислоты. Держа горлышко вытянутой рукой, он открутил металлический колпачок, и тот выскользнул из подрагивающих пальцев. Было слышно, как колпачок прокатился по деревянным доскам, а потом остановился, ударившись обо что-то железное.

Уилер затаил дыхание и прислушался. В динамике громко щелкнуло. И тут же раздался голос Ларри Брукера, разговаривавшего с режиссером:

— Нам нужно наверстать время. Мы целых два часа потеряли из-за этого ублюдка.

— Можем продолжить работу, Ларри. Задержим всех подольше, — произнес Джек Джордан.

У него был тихий и манерный голос, который Дрейтон Уилер находил особенно неприятным.

— Не ходи туда! — остановил его Брукер. Думает о бюджете и тарифах за сверхурочную, предположил Дрейтон Уилер. — Тебе придется кое-что урезать.

— Мой дорогой, это не та сцена, которую можно сокращать.

Уилер уловил раздражение в голосе режиссера. *Только не сейчас, черт возьми! Не спорь!*

В разговор вступил еще один голос:

— Сажаем за стол?

— Я хочу посмотреть, достаточно ли Джадд вменяем, чтобы начать съемку, прежде чем позову всех остальных, — ответил Джордан.

— Он в порядке, — бросил Брукер. — Я только что разговаривал с ним. Сегодня вечером будет как шелковый.

— Джадд выходит из трейлера, — сообщил один из ассистентов режиссера.

Дрейтон Уилер жадно вслушивался в слова киношников. Осторожно, затаив дыхание, он вылил содержимое бутылки на полотенце, обмотанное вокруг алюминиевого штыря, к которому крепилась люстра.

От полотенца тут же поднялся завиток дыма — кислота начала покрывать алюминиевый стержень бурыми и серыми пятнами. Он старался не дышать, отчасти из-за того, чтобы не вдыхать ядовитые испарения, отчасти из опасения, что кислота может капнуть на стол, и это заметят внизу.

В воздух поднялись новые завитки дыма. Уилер отошел чуть дальше и посмотрел на часы.

Четыре минуты восьмого. Если его расчеты верны, то в 7.35 кислота разъест стержень, и люстра обрушится.

Он слышал доносившийся через динамик разговор между Ларри Брукером и Джеком Джорданом.

— Уверяю тебя, мой дорогой, я не смогу снимать сегодня вечером, если он не в себе.

— Он в порядке. Господи, да я же только что с ним говорил.

— Ты и вчера вечером говорил, что в порядке. Он не способен запомнить несколько строк текста. Его хватает на десять секунд. Знаешь, на чем это отразится? Я так не работаю, Ларри. Я просто не могу найти с ним общий язык. Это ты хоть понимаешь?

— Он будет в полном порядке. Будет как шелковый.

— Он вчера мне пожаловался, что Гея наелась чеснока перед сценой с поцелуем. Думаю, с ним стоит поговорить прежде, чем сюда придут все остальные.

Черт, черт, черт! Тащите же сюда этого придурка! Его и всех остальных!

Джордан вышел из комнаты. К микрофону подошел один из ассистентов режиссера:

— Всем задержаться!

Нет! — молча умолял Уилер. — *Веди их сюда, собирай всех!*

Он вдруг увидел маленького мальчика с каштановыми волосами, в футболке и джинсах, который вошел в комнату, нырнул под канат ограждения и направился прямо к столу. Сын Геи, он уже видел его раньше.

Чертов мальчишка! Убирайся прочь! Убирайся, засранец!

Мальчишка, с любопытством глядя на стол, обошел его вокруг и остановился. Некоторое время он с удивлением разглядывал окорока, цыплят, ломти оленины, жареного поросенка, серебряные графины с элем и вином и вазы с фруктами. Затем подтащил к столу стул и уселся на него с царственным видом, явно воображая себя в далекой исторической эпохе.

Убирайся оттуда, парнишка!

Мальчик был так похож на его сына.

Неожиданно откуда-то сверху донесся странный звук. Какое-то резкое шипение. Уилер вскинул голову и с ужасом увидел, что все внутреннее пространство купола затянуто струящимся спиралью облачком ядовитого дыма.

Дым обжигал легкие, высушивал полость рта.

Его охватила паника.

Тишину нарушил пронзительный скрипучий звук.

Он быстро посмотрел вниз и заметил, что люстра дрожит.

Нет, нет, нет!

По его подсчетам это должно было произойти через полчаса. Что же пошло не так?

Люстра задрожала еще сильнее прежнего, и скрип сделался громче и неприятнее.

Проклятый мальчишка все так же сидел на прежнем месте и, взяв со стола серебряный кубок, делал вид, будто пьет из него. Уилер закашлялся. Смрадные пары вызвали резь и жжение в глазах, в глотке першило. Он уже почти ничего не видел, потому что слезы не переставая текли из глаз. Он снова закашлялся — глубоко, долго и надсадно. *Убирайся, мальчишка! Прочь!*

Расчеты оказались неверны. Неужели недооценил концентрацию кислоты? Неужели ошибся при замере диаметра алюминиевого стержня?

Прямо под ним раздался ужасный скрежет металла.

Он бросил взгляд вниз и увидел, что вся люстра как будто ожила и сместилась на несколько дюймов.

Скоро стержень лопнет.

Люстра, как он и рассчитывал, вот-вот упадет. Но упадет на Роана Лафайета.

Нет.

— Мальчик! — крикнул он. — Убегай! Беги! БЕГИ!

Его никто не слышал.

Мальчик продолжал играть с кубком.

Конечно, оттуда, снизу, он ничего не слышит.

Раздался еще один металлический щелчок.

Со своего наблюдательного поста Уилер видел, что люстра раскачивается и в любую секунду может сорваться. Пока этого еще никто не заметил. Она упадет и убьет ребенка, а это не входило в его планы.

Черт, черт, черт!

Все его планы летели к черту. Он бросился назад по деревянным доскам, сбив, а затем и раздавив динамик, протиснулся в узкий люк и быстро начал спускаться по лестнице.

И откуда только силы взялись. Голова работала ясно.

Я не стану убивать ребенка. Я не допущу, чтобы погиб ребенок.

Он побежал по узкому металлическому мостику, на этот раз не обращая внимания на поручни. Протиснулся через люк, ведущий в помещение под огромным куполом. Стрелой пролетел через главную комнату, мимо пыльных листов над люком, удерживаемым двумя болтами, и устремился по винтовой лестнице вниз, стараясь не касаться хлипких поручней. Влетев в дверь комнаты внизу, он стремительно ворвался в центральный коридор.

Два охранника у входа с изумлением посмотрели на него.

Не обращая на них внимания, Уилер помчался по коридору в Банкетный зал. Охранники бросились вслед за ним.

— Эй! Эй, вы! — крикнул один из них. — Покажите документы!

Вход в комнату закрывали три захвата с размотанного с барабана каната. Охранник догнал убегавшего в тот момент, когда тот пытался пробежать мимо них, и схватил его за плечо.

— Эй!

Дрейтон Уилер обернулся и ударил его кулаком в нос так сильно, что охранник отлетел назад. Уилер почувствовал, что выбил из сустава большой палец, но в горячке не обратил на это внимания.

Он вбежал в Банкетный зал и посмотрел на потолок.

Люстра раскачивалась, как будто висела на одном лишь тонком шнурке.

В любую секунду она грозила рухнуть вниз.

Глупый мальчишка, с головой ушедший в свой воображаемый мир, делал вид, будто ест с помощью ножа и вилки. Никого из съемочной группы возле стола не было.

Уилер торопливо перелез через канат ограждения.

— Эй! — крикнул второй охранник.

Уилер не обратил на него внимания. Его взгляд был прикован к мальчишке за столом и нависшей над ним зловещей тени. Он бросился через всю комнату и схватил мальчика, резко потянув его со стула. Нож и вилка со звоном полетели на пол.

— Эй! — крикнул возмущенный Роан, но Уилер, схватив его за плечо и джинсы, толкнул что было силы в сторону, и тот, прокатившись кубарем, заскользил по вощеному деревянному полу и протестующе вскрикнул, ударившись о латунный столбик, поддерживавший канат ограждения. В следующее мгновение, прежде чем Дрейтон Уилер успел увернуться, люстра рухнула прямо на него.

Он инстинктивно ощутил нависшую над ним огромную тень, летящую, накрывающую его слишком быстро. Он не успел даже вскрикнуть — громадная люстра ударила его по голове, швырнув на пол за мгновение до того, как всем своим весом сокрушить часть стола длиной в добрых восемь футов.

Пол содрогнулся от мощного удара, как будто в комнату упала бомба. Раздался оглушительный грохот. Сотни из пятнадцати тысяч подвесок разлетелись во все стороны. Ощущение было такое, будто в комнате запустили фейерверк. Свет моргнул и погас. Со стола со звоном, расплескивая содержимое, полетели на пол посуда и массивные кубки. Тарелки, соусники и подсвечники скатились вниз в груду цепей, позолоченного каркаса люстры и стекла. А затем раздался еле слышный, до нелепости неуместный в этом хаосе звон, как будто кто-то уронил стакан. Только этот звук, и больше ничего. И короткое мгновение абсолютной тишины.

Никто не шевелился.

И затем — потрясенный мужской голос:

— Нет, черт побери, нет!

— Там человек! — истерично взвизгнул женский голос. — О боже, там кто-то лежит!

И снова страшный миг тишины, который нарушил жуткий истерический вопль кого-то из съемочной группы. Выкатив от ужаса глаза, женщина указывала на лужу крови, вытекающую оттуда, где несколько секунд назад была центральная часть стола.

Одинокий луч сильного белого света скользнул по комнате. Вспышка.

Кто-то щелкнул фотоаппаратом.

94

Несколько зажженных софитов направили на упавшую люстру. В их ярком свете два парамедика в зеленых халатах, Фил Дэвидсон и Вики Донохью, прошли через рассыпь битого стекла и искореженного металла. Самое главное — найти голову жертвы и не дать обломкам еще сильнее надавить на незнакомца и тем самым усугубить его страдания. Кровь под ногами медленно растекалась все дальше и дальше. В воздухе стоял отвратительный запах, как при засорившейся канализации. Медики прекрасно понимали, что это значит. Живот пострадавшего раздавлен, и лопнувшие кишки вылезли наружу. В нескольких местах из-под груды обломков выглядывала одежда незнакомца. Вики Донохью раз за разом повторяла одно и то же:

— Сэр, вы слышите нас? Сейчас прибудет скорая. Вы слышите нас?

Ответа не было. Снаружи донеслось завывание сирен. Пожарные. Только бы привезли необходимое снаряжение. И тут она увидела плоть. Запястье.

Вики осторожно пошарила между зазубренными листьями стеклянной пальмы и подняла кисть, безвольную и вялую.

— Вы слышите меня, сэр? Попытайтесь пошевелить рукой, если не можете говорить! — попросила она и, пощупав запястье, нашла лучевую артерию.

— Есть пульс! — объявила девушка через несколько секунд и, понизив голос и повернувшись к коллеге, добавила: — Правда, очень слабый!

— Нужно снять с него эту штуку. Какой пульс?

Вики помолчала, считая.

— Двадцать пять, — ответила она и снова стала считать. — Снижается. Двадцать четыре.

Коллега вопросительно посмотрел на нее. Они уже давно работали вместе и понимали еле заметные намеки и сигналы друг друга. ОН ХУПЕЖ? Это была лишь им известная аббревиатура. «Оживить невозможно, хотя, увы, пока еще жив». Черный юмор работников скорой медицинской помощи, помогавший справляться с жуткими ситуациями вроде этой.

Вики утвердительно кивнула.

Джейсон Тингли, молодой мужчина с мальчишеским чубом, в белой рубашке с черными пуговицами и узким черным галстуком, образчик модника двадцать первого столетия, сидел за своим столом в отделе уголовных расследований на четвертом этаже полицейского участка на Джон-стрит. Подходила к концу его смена суточного телефонного дежурства. В данный момент его мысли крутились вокруг вчерашней угрозы, адресованной Гее по электронной почте.

Джейсон зевнул. День был трудный, в самом начале дежурства пришлось заниматься женщиной, заявившей, что после ссоры бойфренд изнасиловал ее и убрался в 6.45 утра. Кто, черт побери, закатывает вечеринки в понедельник вечером и заканчивает их без четверти семь утром следующего дня, вторника? Затем, в полдень, дорожная полиция остановила в городе машину, багажник которой был набит пакетиками марихуаны. После этого в три часа в центре города произошло вооруженное ограбление ювелирного магазина.

Сейчас Джейсон занимался документами и почти закончил работу с надеждой вернуться домой вовремя и увидеть двух своих детей прежде, чем они отправятся спать, поужинать и спокойно провести вечер перед телевизором вместе с Ники, своей женой. Но неожиданно зазвонил телефон.

— Джейсон Тингли слушает, — ответил он.

Звонил оперативный дежурный Энди Килл.

— Джейсон, происшествие в Королевском павильоне. Ставлю в известность тебя, старшего суперинтендента и Роя Грейса.

— А что случилось?

Лаконичный рассказ немало его обеспокоил. Очень странно, что люстра, почти два века спокойно провисевшая на одном месте, неожиданно свалилась именно на этой неделе. Может, в этом как-то виноваты члены съемочной группы?

— Энди, мы что-нибудь знаем о человеке, на которого упала люстра? — спросил он.

— Пока ничего не известно.

— Я хочу взглянуть, — сказал Джейсон. — Потом сообщу Рою Грейсу и Грэму Баррингтону. — Он положил трубку, встал и надел висевшую на спинке стула куртку. Выйдя на автостоянку, сел в служебный «форд-фокус» и, пристегнувшись ремнем безопасности, доложил о происшествии старшему суперинтенденту Брайтона и Хоува, который в этот день находился на курсах повышения квалификации. Однако дозвониться до Роя Грейса Джейсон не смог.

Через пять минут, свернув налево и въехав под арку на территорию Павильона, Тингли увидел три пожарные машины и пару машин скорой медицинской помощи, стоявших возле главного входа. Здесь же находились и два полицейских автомобиля.

Он проехал мимо трейлеров съемочной группы, остановился как можно ближе к главному входу и торопливо направился к зданию Павильона, где предъявил удостоверение двум охранникам. Те объяснили, что, войдя, нужно повернуть направо.

В последний раз Джейсон был здесь много лет назад, на школьном внеклассном занятии по истории. Внутри пахло точно так же, как и во всех музеях и картинных галереях, однако он уже успел позабыть, как величественно выглядит Павильон изнутри.

Войдя в Банкетный зал, Джейсон остановился — в открывшемся ему зрелище было что-то сюрреалистическое. Как будто кто-то нажал на кнопку «пауза», и группа людей в комнате застыла в живописных позах. Правда, относилось это не ко всем. И запах был другим. Неприятный, тошнотворный запах засорившейся канализации.

Члены съемочной группы, кое-как одетые, стояли неподвижно, будто приросли к полу. На лицах у всех застыло выражение ужаса. Женщина в мешковатых джинсах отвернулась и безудержно рыдала в объятиях рослого бородача, который держал в руках лампу-рефлектор.

Упавшая люстра напоминала гигантскую, украшенную бриллиантами медузу. Похожие на щупальца огромного спрута цепи лежали вокруг металлического стержня, торчавшего из груды обломком наподобие сломанного копья.

Посреди жуткого разгрома стояли два парамедика. Несколько пожарных расставляли по местам оборудование, еще два человека просовывали под обломки сине-желтую надувную подушку, присоединенную к баллону со сжатым воздухом. Третий пожарный стоял возле них, держа в руках стопку деревянных клиньев, которые следовало просунуть под обломки.

Молодая женщина в форме расплылась в улыбке, увидев Тингли, и торопливо направилась к нему, спеша передать ответственность старшему по званию.

Инспектор посмотрел на потолок. Он увидел там когти дракона, раскрашенные пальмовые листья и небольшую темную дыру в центре, где раньше находился стрежень, к которому крепилась люстра.

Джейсон повернулся к констеблю:

— Что известно на данный момент?

— Видите ли, сэр, я прибыла всего пару минут назад. Могу лишь сказать, что пострадал один человек. Мужчина. Личность пока не установлена. На него упала люстра.

— Другие жертвы могут быть?

— Нет, сэр. Я переговорила с несколькими свидетелями, которые утверждают, что пострадал только один человек.

— Как это произошло? Вы что-то знаете?

— Очень мало. Судя по всему, сын Геи сидел за столом и играл. Пострадавший, видимо, заметил, что люстра вот-вот упадет, бросился через комнату и буквально вытолкнул мальчика из-за стола.

— С ребенком все в порядке?

— Да, сейчас он в трейлере у своей матери.

— Кто пострадавший? Он из съемочной группы?

— Несколько мне известно, нет. Его никто не знает.

— Может быть, из обслуживающего персонала?

— Вполне может быть, сэр.

Тингли огляделся по сторонам.

— Вызывайте подкрепление. Действуем как на месте преступления. Надо поставить ограждение по периметру здания. Всех удалить, но прежде записать имена и адреса. Всех, включая охранников.

Констебль кивнула и тоже огляделась по сторонам.

— Начните с этой комнаты, — подсказал Тингли. — Натяните заградительную ленту. Никто не должен выйти, пока вы не запишете имя и адрес.

— Слушаюсь, сэр, — ответила констебль и, вызвав по рации подкрепление, торопливо вышла из зала.

Тингли прошел к разбитой люстре и только тут заметил парамедика, Фила Дэвидсона, с которым уже встречался в прошлом.

Дэвидсон мрачно кивнул.

— Такой же случай, как и в сериале «Только глупцы и лошади». Там тоже обрушилась люстра.

— Что известно о пострадавшем? — спросил Тингли, оставив без комментариев упомянутый телесериал.

— Как говорят свидетели, пострадал только один человек. Мужчина.

Чувствуя на себе взгляды присутствующих, Тингли подошел как можно ближе к упавшей люстре.

— Пятнадцать, — объявила женщина-медик.

— Похоже, фатальный исход неизбежен, — тихо произнес Дэвидсон и добавил: — Мы здесь бессильны.

Взволнованный мужской голос с американским акцентом заставил их оглянуться.

— Извините, чем могу быть полезен?

Джейсон Тингли обернулся и оказался перед низеньким мужчиной с загорелой лысой макушкой, в черной рубашке с серебряными пуговицами, расстегнутыми почти до пупа, черных джинсах и сапожках на высоких каблуках.

Детектив быстро показал служебное удостоверение.

— Инспектор Тингли, управление уголовных расследований Суссекса. Чем могу помочь вам? — спросил он.

— Приятно познакомиться, сэр. Ларри Брукер, продюсер фильма.

Тингли пожал протянутую руку. Ощущение было такое, будто он погладил голову ядовитой змеи с вырванным жалом.

— Я слышал, что вы приказали очистить все здание, — произнес Брукер. — Я не ослышался?

— Вы все правильно услышали.

— Послушайте, инспектор, дело в том, что у нас тут возникла проблема, как вы видите.

Детектив искоса посмотрел на него:

— Пожалуй, вы правы.

Краем глаза Тингли увидел молодую женщину в полицейской форме, торопливо приближавшуюся к нему с рулоном сине-белой заградительной ленты.

— Знаете, Гея, Джадд Халперн, Хью Бонневилль, Джозеф Финнс и Эмили Уотсон ждут в своих трейлерах. Нам нужно сегодня вечером снять кое-какие эпизоды, потому что мы сильно выбились из графика.

Инспектор изумленно посмотрел на Брукера. Затем указал на люстру и сотрудников аварийной службы:

— Вы знаете, что вон там лежит человек? Человеческое существо?

— Да, да, конечно. Я потрясен случившимся, как и все.

— Так в чем же тогда дело, сэр?

— Дело в том, что мы сильно выбились из графика. Это ужасно. Трагедия. Чертово британское техническое обслуживание, вы понимаете, что я имею в виду. Где еще в мире могло случиться подобное?

Похоже что Брукер не замечал холодного взгляда Тингли.

— Дело в том, что мы должны были снимать в этом помещении ряд эпизодов. Мне хотелось бы знать, скоро ли здесь уберут все это? Возможно ли начать съемку? Мы могли бы снимать в стороне от этой люстры, понимаете? Это не проблема.

Джейсон Тингли не мог поверить своим ушам.

— Мистер Брукер, послушайте меня. Здесь лежит пострадавший, человек, который, возможно, доживает последние минуты жизни. Мы с вами находимся на месте преступления.

— На каком месте преступления? Это несчастный случай, черт побери! Ужасный несчастный случай.

— При всем моем уважении к вам, сэр, в данный момент у меня нет никаких свидетельств того, что всего лишь несчастный случай. До тех пор пока я не получу их, это — место преступления. Место преступления, за которое я отвечаю. Вы понимаете это? Данной мне властью я удалю отсюда всех, и никто не будет проводить здесь никаких съемок сегодня вечером и, возможно, в самое ближайшее время. Приношу свои извинения за неудобства. Это вы хотя бы понимаете?

Брукер ответил ему недружелюбным взглядом и принялся вытянутым указательным пальцем резать воздух.

— Послушайте меня, и притом хорошенько послушайте, детектив Тинглс.

— Тингли.

— Что? В любом случае вам лучше внимательно выслушать меня, детектив. Вы лучше поймете меня. Я знаком с вашим директором департамента туризма, Адамом Бейтсом, и он в курсе происходящего. Это самый значительный художественный фильм из всех, что когда-либо снимались в вашем городе. Я не могу позволить себе перенести многомиллионную съемку из-за говенного технического обслуживания этого здания.

Джейсон Тингли упрямо стоял на своем.

— В данный момент моя главная задача состоит в том, — сказал он, — чтобы обеспечить безопасность всех, кто сейчас находится в этом здании, мистер *Рукер.* — С этими словами он указал на четыре другие, меньшего размера, люстры. — Я в любой момент могу вызвать сюда представителей департамента здравоохранения и потребовать от них провести здесь полную проверку. Одна люстра упала. Вы действительно готовы рисковать жизнью ваших кинозвезд, не проверив, насколько надежно закреплены остальные люстры?

Брукер бросил взгляд на часы. Массивное модерновое изделие, смотревшееся на его руке так, будто перекочевало на нее с инструментальной панели какого-нибудь космического шаттла.

— Знаете, детектив, при всем моем уважении, это не в вашей компетенции.

— Отлично. Тогда побеседуйте со старшим констеблем. Но до получения приказа, отменяющего мое распоряжение, это — место преступления. И предупреждаю, если вы попытаетесь препятствовать мне при исполнении моих законных обязанностей, то я вас арестую.

Брукер одарил его ненавидящим взглядом:

— Знаете, детектив, кто вы такой? Вы — что-то, черт бы вас побрал!

«И ты тоже», — подумал про себя Джейсон.

95

Рой Грейс выискивал место для парковки возле дома Клио, когда Джейсон Тингли доложил о происшествии в Павильоне.

Он внимательно выслушал, инстинктивно чувствуя, что произошел не несчастный случай, а преступление, и сказал, что едет.

До Павильона было несколько минут езды. Грейс еще не успел убрать телефон, как тот зазвонил снова. Ответив, он услышал чуть гнусавый, в стиле Джеймса Кэгни, голос Эндрю Галли, начальника охраны Геи:

— Детектив Грейс?

— Да, я. Как поживаете?

— Вы не хотите рассказать мне, что происходит, детектив Грейс?

— Я как раз еду, чтобы все самому выяснить.

— Насколько я понимаю, сын Геи чуть не погиб. Это неприемлемая ситуация.

— Как он?

— Жив. С ним все в порядке. Но Гея ужасно расстроилась.

— Если вы хотите встретиться со мной в Павильоне…

— Я уже там, — оборвал его Галли. — Мне нужно знать, что происходит. Ваше чертово здание рушится или же за этим происшествием что-то кроется? Мне нужно принять решение по обеспечению безопасности моей клиентки. Я понятно выразился?

— Встретимся у главного входа через пять минут.

— Договорились.

Грейс отключился и тут же перезвонил Клио, сообщив, что не знает, когда вернется домой.

Она ответила, что понимает. Сэнди такое говорила не очень часто. Телефон зазвонил снова. Главный констебль.

— Рой, у вас есть информация о случившемся в Павильоне?

— Я как раз еду туда, сэр.

— Что-то мне не нравится это дело.

— Мне тоже, сэр. Позвоню позже и сообщу то, что узнаю.

— Да уж, пожалуйста, перезвоните.

Через несколько минут Рой подъехал к Павильону, окна которого были ярко освещены. У периметра собралась толпа зевак. Постоянно сверкали вспышки фотоаппаратов. Двое полицейских растягивали заградительную ленту. Еще один контролировал вход к месту преступления. Примерно десяток сбитых с толку взволнованных людей, по всех видимости киношников, бродили по лужайке под темнеющим вечерним небом, обещавшим дождь. Некоторые разговаривали по телефону, другие курили. Полицейский мини-автобус, завывая сиреной, проехал под аркой, когда Грейс вылезал из машины.

Эндрю Галли нетерпеливо прохаживался возле охранника.

— Черт побери, этот тип меня не пускает! — сердито заявил он, увидев Грейса.

— Извините. Пока мы не установим точно, что произошло, все здание считается местом преступления. Я не могу позволить вам пройти туда. Мой вам совет — отправьте Гею и ее сына обратно в отель, там будет безопаснее.

Галли покачал головой:

— Режиссер попросил ее задержаться — хотят снять несколько эпизодов снаружи.

— В таком случае не сводите с нее глаз. Поставьте охранников возле ее трейлера.

— Это я уже сделал.

Грейс расписался в журнале, нырнул под ленту ограждения и торопливо зашагал к главному зданию. Охранник направил его в Банкетный зал, где распоряжался Джейсон Тингли. Несколько пожарных возились у упавшей люстры. Два парамедика лежали посреди груды обломков. Рядом с завыванием включился гидравлический резак.

Трое полицейских опрашивали находившихся в помещении людей.

— Что нового? — спросил Грейс.

— Пострадавший умер, — понизив голос, ответил Тингли.

— Черт! Что нам о нем известно? Он из съемочной группы?

— Насколько мне известно, нет. Два охранника сообщили, что он выскочил откуда-то из внутренней части здания, закрытой для публики. Был как будто не в себе. Они пытались задержать его в коридоре, так он ударил одного в лицо, потом вбежал в зал и вытолкнул мальчишку, сына Геи, из-за стола. Буквально за долю секунды до падения люстры.

— Мальчик что здесь делал?

— Играл, пока гримеры готовили его мать к съемке.

— С ним ничего не случилось? Он цел?

— Да. Сейчас он с ней.

— Этот человек… покажите, откуда он появился.

Тингли указал на коридор, по которому только что прошел Грейс.

Сзади раздался голос, заставивший обоих вздрогнуть от неожиданности:

— О боже! О боже. Поверить не могу!

Полицейские обернулись и увидели идущего по залу высокого мужчину лет пятидесяти в элегантном, в мелкую полоску костюме. На пепельно-сером лице застыло потрясенное выражение.

— Худший кошмар короля Георга! Не могу поверить, — произнес он и посмотрел на обоих полицейских. — Я — Дэвид Барри, куратор этого здания.

Грейс и Тингли представились. Барри посмотрел на потолок:

— Невероятно. Извините, это просто невероятно. Ох, господи! Она упала на кого-то. Что с этим несчастным?

— Парамедики сказали, что он мертв, — ответил Тингли.

— Это ужасно, ужасно. Невероятно. — Барри снова посмотрел на полицейских. — Вы должны понять, вы должны поверить мне, когда я говорю, что это невозможно!

Джейсон Тингли указал на обломки:

— В данный момент согласиться с вами довольно трудно, сэр.

Рой Грейс задумался. Незнакомец ударил охранника в коридоре, а затем бросился в зал. Увидеть люстру из коридора невозможно. Так откуда же этот человек — кем бы он ни был — мог знать, что люстра вот-вот упадет?

— Люстру регулярно проверяли? — спросил Грейс, обращаясь к Барри. — У вас есть человек, который отвечает за ее безопасность, осматривает?

Куратор со смущенным видом вскинул руки.

— Видите ли, целиком ее чистят каждые пять лет. В ней пятнадцать тысяч подвесок, и очистка занимает два месяца.

— Может быть, усталость металла? — спросил Джейсон Тингли.

— Мы здесь все регулярно проверяем, — ответил Барри. — Королева Виктория распорядилась установить вместо старого стержня алюминиевый. У нас не было никаких оснований менять его. Вы должны поверить мне — этого просто не могло случиться. Не могло!

Грейс попытался вспомнить, кто это сказал. В тот миг, когда погибнет мир, последний звук, который ты услышишь, будет голосом эксперта, объясняющего, почему этого не должно было случиться.

— Мне нужно как следует здесь осмотреться, — сказал он. — Можете отвести меня на самый верх?

— Да, да, конечно. Но до этого — чем я могу вам помочь?

— Ничем. Все работы здесь придется остановить до прибытия коронера, — сказал Тингли.

Грейс велел ему оставаться на месте, а сам последовал за куратором, который, выйдя из Банкетного зала, прошел по коридору мимо указателей и свернул в главный зал.

— Нам придется подняться по винтовой лестнице, — предупредил Дэвид Барри. — Попрошу не прикасаться к перилам, они очень ненадежные. По этой причине мы никого не пускаем наверх.

С этими словами он вытащил из кармана фонарик.

Грейс последовал за ним по крутой винтовой лестнице, показавшейся ему бесконечной. Пройдя примерно полпути, Грейс остановился и потрогал перила. Действительно, шаткие и крайне ненадежные. За ними лежала темнота. Он отступил от края и, поднимаясь дальше, старался держаться как можно ближе к стене. К высоте он всегда относился с опаской и переносил ее не лучшим образом.

Отдуваясь, они добрались наконец до самого верха и вошли в помещение, похожее на старинную спальню, где все было покрыто густым ковром пыли. Даже в угасающем свете июньского вечера Грейс разглядел старые обои с какими-то надписями и овальные окна с видом на Брайтон в свете угасающего дня. Дэвид Барри решил, что теперь они смогут все рассмотреть и без фонарика.

— В свое время здесь размещалась королевская старшая прислуга. Это было при правлении принца-регента. Не знаю, насколько хорошо вы знаете историю этого дворца, инспектор, но в годы Первой мировой войны здесь был устроен госпиталь для раненых индийских солдат, вот потому на стенах и появились эти рисунки. С тех пор помещением не пользовались, потому что перила на лестнице в плачевном состоянии. И прошу вас ходить с предельной осторожностью, поскольку тут немало сгнивших досок.

Грейс вдруг обнаружил, что стоит на круглом люке, который держится всего лишь на двух весьма ненадежных с виду ржавых болтах. Он торопливо шагнул в сторону, успев, однако, испытать какое-то неприятное ощущение.

— Люк открывается в кладовую прямо над буфетной на высоте сорок футов. Оттуда еда подавалась жильцам на кухонном лифте. — Барри указал вверх, на примитивные натяжные блоки, крепившиеся к потолку веревками. Грейс снова бросил взгляд под ноги и увидел надпись крупными буквами: «Опасно. На дверце не стоять!»

На полу, под свешивавшейся с кровати пыльной простыней, что-то мелькнуло. Грейс нагнулся и увидел обертку от шоколадки «кранчи».

— Во времена короля Георга такое уже было? — спросил он.

Куратор улыбнулся, и его улыбка в тени показалась Рою немного зловещей.

— Боюсь, в последнее время тут побывали неофициальные посетители. Было отмечено несколько случаев взлома. Обеспечить полную безопасность такого большого здания практически невозможно.

Куратор прошел через все помещение и остановился. Натянув тонкие перчатки из латекса, Грейс поднял с пола обертку и поднес к носу, ожидая уловить затхлый запах. К его удивлению, бумажка пахла свежестью, как будто ее развернули только вчера. Присмотревшись, он заметил крошечный след губной помады в том месте, где обертку отвернули, чтобы удобнее откусить.

Грейс осторожно положил обертку туда, где она лежала, чтобы эксперты смогли ее сфотографировать, и последовал за куратором на крышу, нырнув в небольшую дверь, что была чуть больше люка кухонного лифта. Небо сделалось зловеще темным, казалось, собирается дождь. Барри шагнул первым на узкую металлическую платформу, резко обрывавшуюся слева от него. Грейс вышел после него, держась за поручень и стараясь не смотреть вниз. Впереди и со всех сторон простирался ошеломляющий вид на крыши Павильона с похожими на луковицы куполами и минаретами. Снизу донеслись звуки сирен. Грейс разглядел огоньки проблесковых маячков новых машин, подъехавших к зданию.

— Вон там, впереди, купол Банкетного зала, — показал Барри.

Они поднялись по короткой металлической лестнице, прошли по еще одному узкому мостику и стали подниматься вверх по длинной крутой лестнице. Рой Грейс все время нервно цеплялся за поручни, тогда как куратор передвигался уверенно и легко, как горная козочка.

Грейс перебрался на узкую платформу и оказался почти рядом с величественно вздымающимся к небу куполом. Смотреть вниз он уже не отваживался.

И тут зазвонил телефон.

Брать или не брать? Поколебавшись, он все же ответил.

— Рой Грейс слушает.

Звонил Питер Ригг, и в голосе его звучала нескрываемая озабоченность.

— Рой, я не знаю, слышали ли вы об этом, но я только что узнал о происшествии в Королевском павильоне.

— Э-э-э… да, сэр, я слышал.

— Думаю, вам стоит незамедлительно туда отправиться.

Рой посмотрел на городские крыши.

— Вообще-то я уже там, сэр.

— Отлично! Превосходно! У вас есть о чем сообщить?

— Да, сэр. У меня здесь отличный вид.

— Вид?

Рой увидел, что Барри пролезает в какой-то крошечный люк.

— Сэр, могу я перезвонить вам через несколько минут?

— Да, конечно. Главный констебль сильно нервничает.

— Знаю, сэр. — Рой отключился и полез следом за Барри в люк, усилием воли заставляя себя спускаться вниз, в кромешную тьму, где пахло старой древесиной и чем-то едким и крайне неприятным.

— Это, если можно так сказать, вторая кожа здания, — пояснил куратор и провел вокруг себя лучом фонарика. — Снаружи вы видите похожую на бутылку скорлупу купола. Это деревянный каркас, который его поддерживает.

Они закашлялись почти одновременно. Заслезились глаза. Рой увидел деревянные доски, похожие на примитивную приставную лестницу и уходящие вверх.

Луч фонарика высветил поперечную деревянную балку с обрезанным металлическим стержнем примерно того же диаметра, что и стержень, торчавший над свалившейся люстрой. В следующее мгновение он заметил вокруг этого стержня витки легкого дыма или пара.

Грейс нахмурился и снова закашлялся. Посмотрев вниз, он увидел немалую часть Банкетного зала. В поле зрения попали два парамедика, все еще стоявшие на четвереньках возле упавшей люстры. Куратор посветил фонариком вниз, и в луче что-то сверкнуло. Это что-то походило на металлический колпачок от бутылки. Оглядевшись, Рой заметил разбитую бутылку «Сан-Пеллегрино». Рядом валялись обломки пластика.

— Вот же паршивцы! — пробормотал куратор и потянулся за бутылкой.

Грейс схватил его за руку:

— Не прикасайтесь, может быть, это вещественное доказательство и в нем, возможно, еще осталась кислота!

— Кислота?

Грейс повел его рукой с фонариком, и луч снова скользнул по обрубку металлического стержня:

— Как вы думаете, что это?

Барри удивленно посмотрел на него:

— Не знаю.

Они одновременно заметили засунутый между досок рюкзак. Рой взял у куратора фонарик, поднялся к рюкзаку и осветил содержимое: набор стандартного завтрака из нескольких сэндвичей, банки колы и бутылочки воды, электронная книга «киндл», потертый кожаный бумажник и нечто, похожее на монтировку.

Прижав фонарик подбородком к груди, детектив снова вытащил пару перчаток из кармана и натянул их. Затем извлек из рюкзака и открыл бумажник. В одном отделении обнаружилась фотография маленького мальчика в бейсболке, в другом — пластиковый электронный ключ из Гранд-отеля. Рой положил бумажник в пластиковый пакетик для сбора улик и сунул его в карман.

Он снова закашлялся и еле успел подхватить выпавший фонарик. Потом снова осветил металлический стержень. Его конец, от которого все еще исходили витки дыма, расплавился и принял грушеобразную форму и теперь напоминал шарик ртути из термометра.

— Что вы помните из химии? — спросил Рой куратора.

— Никогда особенно не интересовался химией. Она всегда была моим слабым местом, — признался Барри, удивленно разглядывая стержень.

— Я тоже, — ответил Рой Грейс. — Но я вам вот что скажу. Ваша люстра упала не случайно.

— Даже не знаю, радоваться мне этому известию или нет.

Грейс почти не слышал его. Он думал о сыне Геи, Роане, который сидел как раз под люстрой за несколько секунд до того, как она упала. Неужели мальчик был целью неизвестного злоумышленника? Нет, вряд ли. Рой сразу решил, что целью была Гея. Но что-то вмешалось в планы преступника.

Неверный расчет по времени? Появление Роана?

Кто же тот человек, на которого обрушилась люстра? Тот самый злоумышленник? Или невинная жертва, обычный человек, проходивший мимо и совершивший героический поступок? Последнее, скорее всего, можно исключить. Невинный человек не мог играть какую-либо роль в том, что случилось.

96

Рой Грейс и ошеломленный увиденным Дэвид Барри быстро вернулись в Банкетный зал. Киногруппа уже покинула помещение, у входа стояли двое полицейских. Пожарные с инструментами в руках ожидали распоряжения коронера или патологоанатома полиции, которым предстояло решить, что делать с погибшим — отправить в морг или же начальную часть вскрытия произвести на месте.

Уже приехал полицейский фотограф. Человек из службы коронера разговаривал с Джейсоном Тингли. Грейс надеялся, что в морге достаточно народу, и Клио вызывать не станут, а дадут спокойно отдохнуть.

Тингли повернулся к Грейсу:

— Шеф, наш патологоанатом сможет прибыть только утром. Вскрытие придется делать Надюшке. Я объяснил ситуацию, и она разрешила отвезти погибшего в морг.

— Отлично. Думаю, с киношниками нам нелегко придется. Судя по всему, кто-то специально испортил люстру. Я хочу, чтобы купол здания объявили местом преступления и закрыли туда доступ всем посторонним. Надо отправить экспертов для сбора вещественных доказательств. Да, предупреди, что там могут оказаться ядовитые вещества.

К Грейсу подошел один из полицейских, стоявших у двери:

— Сэр, тут какой-то джентльмен уверяет, что он кинопродюсер. Настаивает на разговоре с вами.

Подойдя к двери, Грейс увидел лысого коротышку в дорогой одежде. Вид у продюсера был крайне недовольный.

— Это вы здесь старший? — агрессивно начал Ларри Брукер.

— Я — детектив-суперинтендент Рой Грейс из уголовной полиции Суссекса.

— Ларри Брукер, продюсер этого фильма. — Брукер указал пальцем на Джейсона Тингли. — У меня проблема с вашим коллегой. Я снимаю здесь очень дорогой фильм с многомиллионным бюджетом, а он не пускает меня на съемочную площадку!

— Боюсь, мой коллега прав, — ответил Грейс. — Пока ведется расследование, сюда никого не пустят. Вас я тоже попрошу не заходить.

— Извините, но я этого так не оставлю! — произнес Брукер.

— При всем уважении, это не вам решать, — сказал Грейс.

Продюсер смерил его неприязненным взглядом.

— Так кому же тогда, черт возьми, это решать?

— Мне, — коротко ответил Грейс.

— Вам придется реально посмотреть на это дело, детектив. Вы представляете себе, насколько?..

— Мертвого тела, лежащего под упавшей люстрой, вам недостаточно? — оборвал его Грейс, чувствуя, что еле сдерживается.

— Сколько хотите?

Неужели этому говнюку на все наплевать? Грейс выразительно посмотрел на лысого коротышку, испытывая дикое искушение послать его подальше. Наверное, он так бы и сделал, но сдержался, напомнив себе, сколь важен фильм для всего города.

— Мистер Брукер, я отлично понимаю вашу ситуацию и постараюсь помочь. Ночью здесь будет работать следственная группа. Мы не собираемся затягивать работу. Боюсь, мне придется закрыть все здание, но последнее слово все-таки за местным департаментом здравоохранения. Постараюсь пустить вас сюда завтра днем. Устраивает?

— В какое время завтра? — прорычал Брукер.

— А какое вам лучше подходит?

— Мы планировали начать съемку после того, как закрывается доступ посетителям, в 5.45 вечера.

— Шеф! — подал голос Тингли.

— Отлично, — ответил Грейс, оставив без внимания протест Тингли. — Вы снова будете снимать здесь в названное вами время. Сможете проводить съемку снаружи или вообще в другом месте сегодня вечером?

— У нас был план, здесь находятся более сотни статистов. Это очень важная сцена, фактически ключевая сцена всего фильма. Но как мы можем снимать снаружи, если там полно полицейских машин?

— Мы уберем их, если вы скажете, какое место возле здания вы просите освободить.

С этими словами он повернулся к Джейсону Тингли и добавил:

— Моя машина стоит у входа. Встретимся там через пять минут.

Он вышел из здания и отправился на поиски Эндрю Галли, которого нигде поблизости видно не было. Пройдя через лужайку, Грейс зашагал к тому месту, где стояли трейлеры и машины съемочной группы. Возле передвижного дома Геи прохаживались четверо охранников. Грейс показал удостоверение и спросил, где мистер Галли.

— Отправился в отель. Решил проверить, как там дела с охраной, — ответил один из них таким тоном, будто набрал в рот кубиков льда.

Грейс постучал в дверь. Через пару секунд ему открыла ассистентка актрисы, которую он уже видел в номере Геи в Гранд-отеле. Волосы у нее были рыжие, модно и причудливо подстриженные. Одежда строгая — черная футболка и черные джинсы.

— Вы — Лори, я правильно запомнил?

Женщина смущенно улыбнулась.

— Инспектор Грейс, чем могу быть полезна? — спросила она с явно выраженным американским акцентом.

— Хотел узнать, как там Роан. С ним все в порядке?

— Да, да, с ним все в порядке. Спасибо.

— Он цел?

— Да, с ним ничего не случилось, даже не успел испугаться. Спасибо, что спросили. Скажите, а что там на самом деле произошло? Эндрю Галли сказал, что случилось что-то с люстрой, но подробностей не сообщил.

— Верно. Знаете, я как раз хотел все объяснить. Гея у себя?

Лори сделала шаг назад и крикнула:

— Пришел инспектор Грейс!

Через секунду она впустила его внутрь. Грейс поднялся по ступенькам и вошел в вагончик, похожий на пещеру, где приятно пахло духами и дымом только что выкуренной сигареты. По телевизору показывали мультфильмы. Роан сидел за столом перед игровой приставкой и со скучающим видом смотрел на экран. Когда это ему наскучило, он взялся за компьютерную игру.

— С тобой все в порядке? — спросил Грейс.

Мальчик пожал плечами и нажал на кнопку приставки.

В следующее мгновение через дверь перегородки вышла женщина, которую он не сразу узнал. На ней было белое шелковое платье. Светлые волосы коротко подстрижены. Лицо ее слегка опухло от слез, но голос прозвучал бодро и сексуально:

— Это вы, Мистер-с-Глазами-Пола-Ньюмена?

Грейс улыбнулся. Смена имиджа и стиля никак не отразилась на ее красоте и сексуальности.

— Скажите, что происходит? Это здание рухнуло или случилось что-то другое?

Он покачал головой:

— Мне очень жаль. Мы прилагаем все усилия, чтобы во всем разобраться и навести порядок.

Гея вдруг шагнула к нему, положила руки на плечи и крепко обняла.

— Это страшно, — призналась она.

— Обещаю вам, мы скоро во всем разберемся.

Гея вдруг поцеловала его в щеку и тут же — но не слишком быстро — отстранилась и заглянула ему в глаза. Ответив ей взглядом, Грейс в какой-то момент почувствовал, что между ними как будто проскочила искра.

— Я знаю, что вы справитесь. Спасибо за все, что делаете во время нашего пребывания в вашем городе, инспектор.

Ее дыхание приятно пахло мятой.

Грейс пожал плечами и покраснел.

— Боюсь, что с этим происшествием в Банкетном зале еще ничего не понятно.

— Выпьете что-нибудь? Что вам предложить?

Инспектор отрицательно покачал головой:

— Нет, спасибо. Мне пора идти. Просто хотел убедиться, что с Роаном все в порядке. Пока еще рано говорить о злом умысле, но мы закрыли Павильон на время расследования, так что съемок сегодня вечером, видимо, не будет.

— Вы считаете, что кто-то подстроил, чтобы люстра упала?

— Не хочу пугать вас, но такое нельзя исключать.

— Неужели кто-то выбрал жертвой моего сына? — спросила Гея, и ее глаза округлились от страха.

— Если то, что случилось, как-то связано с электронной почтой, которую вы получили вчера вечером, то я бы предположил, что целью были вы, но злоумышленник, скорее всего, не очень точно рассчитал время. Но я бы не хотел говорить ничего такого, что бы могло потревожить вас.

Она снова заглянула ему в глаза.

— Пока вы будете рядом, инспектор, я буду спокойна.

Грейсу вдруг показалось, что она собирается поцеловать его еще раз, и он сделал шаг назад, пытаясь, пусть и неуклюже, сохранить дистанцию.

— Спасибо. Спасибо вам за внимание.

— De nada! — сказала она и послала ему воздушный поцелуй.

97

Грейс торопливо прошел через всю лужайку перед Павильоном и повернул к своей машине. Несмотря на терзавшее его беспокойство, он ощущал приподнятость и как будто парил над землей. Кто бы мог подумать, что настанет день, и его поцелует та, которой он всегда восхищался!

— Чему улыбаетесь, шеф? — спросил Джейсон Тингли, стоявший возле машины. — У вас такой вид, будто вы выиграли главный приз в лотерее.

— Слава богу, с мальчиком Геи все в порядке. Я рад этому, только и всего.

— Уверены, что дело только в этом?

— Что ты хочешь этим сказать? — улыбнулся ему Грейс.

Тингли был опытным сыщиком, от внимания которого не ускользала никакая мелочь.

Тингли посмотрел на часы.

— Затянулись ваши пять минут, шеф. Вам что-то обломилось, верно?

— Это была чисто профессиональная встреча.

— Неужели?

Не обращая внимания на намек, Грейс забрался в машину и пристегнулся ремнем. Тингли занял место на пассажирском сиденье.

— Конечно, это не мое дело, — произнес он.

Неожиданно в окно со стороны Грейса кто-то постучал. Он опустил стекло и посмотрел на высокую блондинку с блокнотом, которые обычно носят с собой журналисты.

— Инспектор Грейс? — спросила она. — Простите за беспокойство. Я — Илона Спенсер из «Аргуса».

Черт, подумал Грейс и выругался про себя. Он должен был знать, что Спинелле вскоре найдут замену.

— Чем могу быть вам полезен?

— Можете рассказать, что случилось в Павильоне? Насколько мне известно, произошел несчастный случай со смертельным исходом.

— Утром состоится пресс-конференция, — вежливо ответил инспектор. — Судя по всему, кто-то из обслуживающего персонала получил травму и скончался.

— Кто-нибудь из съемочной группы пострадал?

— Нет, это я вам точно могу сказать. А теперь извините, мы очень спешим. Завтра вы получите более полную информацию.

— Спасибо, — поблагодарила журналистка.

Когда они отъехали, Тингли сказал:

— По крайней мере, выглядит она симпатичнее, чем Спинелла.

— Да и манеры получше, — отозвался Грейс и, переключив телефон на громкую связь, позвонил старшему констеблю.

Через пять минут Грейс подъехал к стоянке Гранд-отеля. Они с Тингли вошли в фойе и направились прямо к стойке портье. Грейс, конечно, понимал, что ему не подобает заниматься обычной полицейской работой, которую мог бы выполнить кто-то из подчиненных, констебль или сержант. Однако, возложив на себя ответственность за жизнь и безопасность Геи, он хотел и сам приложить руки к ее обеспечению. В равной степени он любил и настоящую, добрую, старую сыщицкую работу — находить улики и вставлять на нужные места недостающие фрагменты головоломки. Если отказаться от этого, работа навсегда привяжет его к столу, к кабинету, а этого ему никак не хотелось. Грейс показал свое удостоверение сидевшей за стойкой женщине и протянул пластиковый ключ, который вытащил из бумажника, лежавшего в рюкзаке под куполом Павильона.

— Нам нужно установить личность человека, погибшего в результате несчастного случая. В его вещах мы нашли вот это. Вы не могли бы сказать, от какого номера этот ключ?

Женщина вставила ключ в считывающее устройство компьютера и через несколько секунд сообщила:

— Комната номер 608. Мистер Джерри Бакстер. У меня есть его адрес в Нью-Йорке.

Она продиктовала адрес, и Тингли записал его.

— Вы разрешите нам осмотреть номер? — спросил Грейс.

— Я позвоню дежурному менеджеру… хотя и старший сейчас у себя. Минутку…

По мнению Грейса, Эндрю Мосли обладал всеми качествами, которые необходимы управляющему отелем. Приятная внешность, очаровательные манеры и аура успешного человека, отлично осознающего свою значимость. На нужный этаж поднялись на лифте. Он провел гостей по коридору и властно постучал в дверь с номером 608. Подождав несколько секунд, постучал снова. Когда Мосли окончательно убедился, что ему никто не отвечает, он вставил ключ и толкнул дверь.

— Есть кто-нибудь? — осторожно произнес управляющий и включил свет.

Детективы вошли в небольшую комнату со сдвоенной кроватью, креслом, круглым столиком, на котором лежали журнал «Суссекс лайф» и газета «Эбсолют Брайтон», прикроватным столиком и письменным столом, заваленным какими-то квитанциями и счетами. В номере было окно, выходившее во внутренний двор, и еще одна дверь, приоткрытая, которая вела в ванную. На полу лежал чемодан. На стопке уложенной в него одежды они увидели темно-синий паспорт гражданина США.

Грейс достал из кармана пару перчаток. Тингли последовал его примеру. Грейс взял паспорт, открыл его и быстро пролистал странички к главной.

С фотографии, не самого хорошего качества и сделанной, вероятно, в фотоавтомате, на Грейса смотрел мужчина с довольно враждебным выражением лица. У него были седеющие,

зачесанные вперед волосы. Имя: Дрейтон Роберт Уилер. Дата рождения: 22 марта 1956 года. Значит, владельцу паспорта пятьдесят пять лет. Место рождения: Нью-Йорк, США.

— Думаю, это наш человек, — произнес Тингли, глядя на магазинный чек.

— Из «Хэлфордса». Чек на автомобильный аккумулятор и монтировку. Вы, кажется, говорили, сэр, что в рюкзаке нашли монтировку, верно?

Грейс кивнул.

— Странная покупка для туриста.

— Не более странная, чем покупка шести термометров, жидкости для снятия краски и хлорки, — сказал Тингли, просматривавший остальные чеки. — Вы хорошо успевали в школе по химии?

— Не очень. А ты ведь проходил пару лет назад курс химических, радиологических, биологических и ядерных происшествий.

— Проходил, но мне придется войти в Интернет, чтобы уточнить, что можно сделать из этих веществ. Ртуть иногда используется для изготовления бомб.

Грейс повернулся к управляющему:

— А каковы ваши познания в химии?

Мосли покачал головой:

— Крайне примитивны. Моим пределом в школе было изготовление бомб-вонючек!

Посмотрев на еще один чек, Джейсон Тингли нахмурился:

— Система контроля за младенцем?

Грейс посмотрел на чек и понял, чем были обломки пластмассы, которые он заметил над люстрой. Неужели Дрейтон Уилер подслушивал сверху то, что происходило в Банкетном зале? Его мысли прервал Джейсон:

— Посмотрите вот на это, шеф!

Это был чек из интернет-кафе «Коннектид», датированный вчерашним днем, понедельником.

Грейс внимательно посмотрел на него. Оплата часа работы в Интернете, кофе, минеральная вода и морковный пирог. Десять фунтов.

— Ты знаешь это место?

— Знаю, — тут же отозвался Тингли. — На Трафальгар-стрит.

Мысли вихрем пронеслись в голове Грейса. Он подумал об электронном письме с угрозами, отправленном вчера вечером.

Они с Тингли многозначительно переглянулись.

— Послать туда кого-нибудь? — спросил Джейсон.

Грейс отрицательно покачал головой:

— Нет, мы с тобой поедем туда сами. Я хочу побыстрее все выяснить.

Тингли шагнул в ванную. На полочке над раковиной стояло несколько пластмассовых медицинских пузырьков. Грейс внимательно осмотрел их. Ровно шесть штук, на каждом ярлычок рецепта с нью-йоркским штампом. Он прочитал все до единого.

— Этот тип, похоже, был наркоманом, — прокомментировал Тингли.

Грейс отрицательно покачал головой:

— Нет, он был болен.

— Чем болен?

Грейс повнимательнее присмотрелся к одному пузырьку.

— Мне кажется, у него был рак. Я узнаю это лекарство. Мой отец умер от рака кишечника. И принимал точно такое же. — Он на мгновение задумался. — Этот грубиян, кинопродюсер. У тебя есть его телефонный номер?

Джейсон Тингли полистал записную книжку.

— Да, у меня есть номер его мобильного.

Грейс набрал продиктованный номер. Ему ответил механический оператор голосовой почты Ларри Брукера. Суперинтендент оставил сообщение с просьбой срочно перезвонить.

98

Ларри Брукер перезвонил ему в тот момент, когда они остановили машину перед кафе «Коннектид».

— Имя Дрейтон Уилер вам что-нибудь говорит, мистер Брукер? — спросил Грейс и тут же включил громкую связь.

— Дрейтон Уилер? — произнес американец. — Э-э-э… да, верно, говорит.

Грейс уловил беспокойство в голосе продюсера.

— Типичный засранец. Пытался выдвинуть против нас иск. Предъявлял права на наш сценарий. Подобное случается на съемках практически каждого высокобюджетного фильма. Всегда какой-нибудь гнус выползает из небытия и утверждает, что идею фильма украли именно у него.

— Он мог испытывать личную неприязнь к вам или вашей компании? — спросил Грейс, бросив взгляд на Джейсона Тингли.

— Конечно, он угрожал подать на нас в суд. Велика важность. Я предложил ему связаться с нашими адвокатами. — Секунду помолчав, Брукер с явным раздражением в голосе спросил: — Он связывался с вами? В чем там дело?

— Мы полагаем, что он — тот самый человек, который сейчас лежит под люстрой.

Возникла продолжительная пауза.

— Вы это серьезно?

— Я пока точно не знаю, потому что мы официально еще не установили его личность.

— Я могу сделать что-то с моей стороны?

— В данный момент — нет. Если мое предположение подтвердится, то нам придется завтра допросить вас.

— Конечно. Я готов.

— Вы сможете сегодня вечером проводить съемки за пределами Королевского павильона? Судя по всему, погода вряд ли испортится.

— Мы как раз снимаем. Ваши подчиненные очень любезно ведут себя. Мы закончим съемки примерно в полночь.

— Отлично.

Не теряя зря времени, Грейс позвонил Эндрю Галли и спросил, известно ли ему что-нибудь об угрозах в адрес Геи со стороны Дрейтона Уилера или Джерри Бакстера.

Галли уверенно заявил, что никогда не слышал этих имен.

Грейс закончил разговор, и они с Джейсоном зашли в кафе, которое в этот час было почти пустым. За стойкой они увидели молодую женщину лет двадцати с небольшим. Пирсинг, джинсы, мешковатая блуза. Она была занята автоматом для варки кофе эспрессо. Слева находилась зона отдыха. Позади бара располагалась арка, за которой было видно более просторное помещение. Справа тянулся ряд из десяти столиков с компьютером на каждом. Два были заняты. За одним сидел юноша с волосами, забранными сзади в хвост,

другой занимали две девушки-подростка. Одна стояла за плечом подружки. Обе глупо хихикали.

Грейс посмотрел на потолок и увидел камеру видеонаблюдения, объектив которой охватывал ряд компьютеров. Они подошли к бару. Барменша закончила готовить кофе. Бегло кивнула, признавая их присутствие, после чего отнесла кофе мужчине с хвостом.

Когда она вернулась за стойку, Грейс предъявил служебное удостоверение:

— Детектив суперинтендент Грейс из главного управления уголовных расследований Суссекса и инспектор Тингли из брайтонской полиции.

Барменша удивленно посмотрела на них:

— Да, да… чем могу быть полезна?

Грейс извлек из кармана пластиковый пакетик для сбора улик с паспортом Дрейтона Уилера, открытом на странице с фотографией:

— Узнаете этого человека?

Девушка несколько секунд внимательно рассматривала фотографию, затем отрицательно покачала головой:

— Извините, не помню такого.

— Он был здесь у вас?

— В мою смену его здесь не было. Это точно.

— Мы полагаем, что он мог быть здесь вчера вечером и заплатить за час входа в Интернет.

— Как раз вчера меня на работе не было.

— Кто работал?

— Хозяин кафе и его жена, но у них сегодня выходной.

— Можете связаться с ними?

Девушка посмотрела на часы.

— Они поехали в Лондон на концерт Джорджа Майкла. Вряд ли услышат телефонный звонок. Но завтра хозяева будут в кафе весь день. Я могу, конечно, попытаться. Позвонить сейчас?

— Не надо. Мы снова придем к вам завтра, — сказал Грейс.

Джейсон Тингли показал на камеру видеонаблюдения:

— Видеокамера работает?

— Думаю, да.

— Сколько времени хранятся записи видеосъемки?

— Точно не знаю, но мне кажется, что примерно неделю.

— Вы умеете воспроизводить сделанные ею записи? — спросил Грейс.

— Нет, я боюсь даже прикасаться к этой аппаратуре!

— Хорошо. В какое время вы открываетесь завтра?

— В десять.

— Замечательно. И еще один очень важный вопрос, — сказал Грейс. — Вы можете попросить хозяев — или оставить им записку с этой просьбой — обязательно сохранить вчерашнюю видеосъемку?

— Да, да, конечно, — пообещала девушка.

Грейс вручил ей свою визитную карточку, и они с Джейсоном вышли из кафе.

Когда садились в машину, Тингли сказал:

— Теперь у нас есть мотив. Чек из кафе «Коннектид» позволяет сделать вывод о том, что Дрейтон Уилер отправил это электронное письмо с угрозами вчера вечером. По-моему, мы можем выстроить кое-какое предположение.

— Ненавижу это слово, Джейсон, — ответил Грейс и криво улыбнулся. — Как я не раз говорил, исходя из моего опыта, «предположение» — отец и мать всех неприятностей. Предпочитаю употреблять слово «гипотеза».

Джейсон улыбнулся в ответ:

— Ну хорошо, гипотеза. Дрейтон Уилер считает, что его крепко надул Ларри Брукер или его компания. Поэтому он решает нанести ответный удар обидчикам, сорвав съемки? Убив исполнительницу главной роли?

— Но почему бы ему не обратиться в суд? — вопросом на вопрос ответил Грейс. — Ему разве не деньги были нужны?

Тингли постучал себя пальцем по виску.

— Неужели мы имеем дело с психом?

Грейс вспомнил о пузырьках с лекарствами в ванной комнате. Неужели это акт отчаяния смертельно больного человека? Но какую все-таки цель он преследовал?

— Ты когда-нибудь слышал такое выражение «чем дольше я делаю эту работу, тем меньше в ней понимаю»? — спросил он.

Тингли улыбнулся.

— Не слышал, но прекрасно понимаю смысл этого высказывания.

Грейс кивнул.

— Моли Бога, чтобы автором вчерашнего письма с угрозами был Дрейтон Уилер и что это он лежит в Банкетном зале под рухнувшей люстрой. Решение трагическое и не очень элегантное.

— Бойся предположений, разве вы не так сказали, шеф? — снова улыбнулся Джейсон.

Грейс не ответил. Он размышлял о том, что *именно* ему следует сделать для безопасности Геи и ее сына, независимо от того, сколько это будет стоить. Однако его не оставляли сомнения. Кое-что складывается удачно, но далеко не все. Чего-то явно не хватает.

99

Когда он вернулся домой, было уже поздно. Клио, полусонная, лежала в постели, а по телевизору шел детектив Агаты Кристи про мисс Марпл. «Убийство в доме викария». Грейс узнал фильм по нескольким кадрам.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он ее, целуя в лоб.

— Нормально. Вот только Пузырь, похоже, готовится к участию в Олимпийских играх! — Она прижала его руку к своему животу: казалось, их малыш внутри кувыркается на батуте. Он улыбнулся, гордый и любящий отец.

Какое ни с чем не сравнимое ощущение. Их ребенок. Его и ее. Живой и активный в животе у матери.

Несколько минут он лежал рядом с Клио, прижимая ее к себе и ощущая движения крошечных ручек и ножек.

— Боже, как я люблю тебя! — прошептал он, целуя ее.

— А я тебя, — ответила она. — Но ложиться в постель на пустой желудок нехорошо. Не хочу потом слушать всю ночь, как твои кишки будут играть марш. — Она поцеловала его. — В кухне на столе пирог с рыбой. Можешь разогреть в микроволновке. На упаковке написано, сколько минут. В кастрюле есть горошек — доведи до кипения и выключи.

— Ты меня балуешь!

— Ты того стоишь! Ну как, спас сегодня мир в очередной раз?

— Похоже на то.

— Вот за это я тебя и люблю, Ваша Скромность Суперинтендент Грейс.

Он снова поцеловал ее.

— Оно само собой так получается.

— Вот как? Кстати, Хамфри уперся и наотрез отказался выйти на прогулку. А свои дела ему справить надо, если, конечно, ты только не желаешь обнаружить утром на ковре кучку!

— Я выведу его. Кстати, может, все-таки выключить телик? Или ты смотришь?

— Если хочешь, можешь выключить. Если я сумею уговорить Пузыря утихомириться, то постараюсь уснуть. Кстати, не забудь документальный фильм про Гею, который я для тебя записала.

— Уже забыл. Спасибо, что напомнила.

Он спустился вниз, пристегнул к ошейнику пса поводок. Хамфри прыгал от радости, то и дело норовя лизнуть его в нос. Взяв из-под мойки пластиковый пакет, Грейс сунул его карман и направился с псом к входной двери.

Не успели они выйти на мощеный двор, как пес тотчас же присел на корточки.

— Погоди! — крикнул ему Грейс.

Но пес даже ухом не повел и демонстративно справил большую нужду прямо на виду у проезжавшего мимо на велосипеде соседа.

— Надеюсь, вы за ним уберете, — недовольно проворчал тот.

Грей собрал собачью кучку в пакет, хотя его так и подмывало сунуть ее в соседский почтовый ящик. Затем они вместе с Хамфри прогулялись по узеньким улочкам Брайтона. Грейс шагал в свою любимую часть города, к морю и приморскому променаду. Пакет с отходами собачьей жизнедеятельности он выбросил в предназначенный для этого ящик, довольный тем, что, поскольку пес справил нужду, его можно спокойно спустить с поводка и дать побегать.

Шагая, он продолжал прокручивать в голове мысли о службе. Например, ему не давало покоя электронное письмо. От кого оно? Неужели его прислал тот, кто сидел над люстрой? Грейс вновь и вновь перечитывал текст на экране смартфона.

«Не могу поверить, ты меня так прокинула. Мне-то думалось, ты и приехала в Англию, только чтобы увидеться со мной. Знаю, ты любишь меня, да, любишь. И ты еще пожалеешь о том, что сделала. Очень пожалеешь. Ты выставила меня на смех. Люди потешались надо мной. Я дам тебе шанс извиниться. Ты расскажешь всему миру, как сильно меня любишь. А нет — убью».

Вроде бы все понятно, и все же что-то здесь не так. «Мне-то думалось, ты и приехала в Англию, только чтобы увидеться со мной». Нет, эта строчка никак не вписывается в контекст. «Ты выставила меня на смех. Люди потешались надо мной. Я дам тебе шанс извиниться. Ты расскажешь всему миру, как сильно меня любишь. А нет — убью».

Действия Дрейтона Уилера плохо вязались с этими словами. Это не были слова человека, который полагал, что на его истории или его сценарии кто-то хорошо нагрел руки. Если только он не совершенный безумец. Более того, будучи американцем, он наверняка бы следовал в письме нормам американского правописания.

Чего он добивался, спасая жизнь ее ребенка? Надеялся тем самым вновь снискать ее любовь?

Ночь была темной, но дождь, слава богу, так и не пошел. На улицах ему постоянно встречались люди. Грейс шагал в направлении гигантской тени Королевского пирса, погруженный в свои мысли, и даже не вспомнил о том, что именно здесь, двадцать лет назад,

они с Сэнди поцеловались в первый раз. Он подозвал к себе Хамфри, вновь взял его на поводок и, все так же задумавшись, зашагал в сторону дома.

100

Спустя двадцать минут Грейс поставил в микроволновку пирог с рыбой, установил время разогрева и взгромоздил сверху кастрюлю с горошком. После чего достал из портфеля блокнот и присел на диван, чтобы внести обновления. Хамфри тем временем затеял на полу битву не на жизнь, а на смерть с пищащим мягким слоником.

Половина первого ночи, а сна ни в одном глазу. Грейс взял пульт дистанционного управления и пощелкал каналы, пока не нашел то, что искал.

— Пи-пи-пи, — жалобно попискивал слоник на полу.

— Гр-р-р! — вторил ему басок пса.

Грейс выложил ужин в тарелку, тарелку поставил на поднос, взял салфетку и нож с вилкой, достал из холодильника стакан испанского вина и снова сел на диван. В течение последующих двадцати минут он, стараясь не обращать внимания на возню на полу, смотрел фильм про Гею. Он начинался с кадров скромного домика в Брайтоне, в котором прошло ее детство. Потом ее первый успех на конкурсе талантов в возрасте пятнадцати лет, последующий переезд в Лос-Анджелес, где она подрабатывала официанткой. Далее рассказывалось о романе с продюсером, который познакомился с ней в китайском ресторанчике на бульваре Сансет и дал ей шанс выпустить первый сингл, причем с тем же составом музыкантов, которые в свое время аккомпанировали Мадонне и Уитни Хьюстон.

Время от времени показывали ее лицо крупным планом. В этих кадрах Гея говорила, как важно уважать родную планету.

— Я люблю вас. Вы должны любить меня. — Это была, пожалуй, ее самая любимая фраза.

За этим следовали кадры концертов по всему миру. Грейс улыбнулся, когда показывали ее выступление в Мюнхене. Она была в национальном костюме, с аккордеоном, потягивала из огромной кружки пиво. Следующий концерт был во Фрайбурге, столице Шварцвальда. Здесь она расхаживала в кожаных штанах. Затем, сменив их на твидовый костюм, она, окутанная дымом сухого льда, на глазах у восторженной публики выбежала на сцену с охотничьим ружьем в руках и принялась прыгать туда-сюда. В твидовом костюме в кричащую желтую клетку. Грейс схватился за пульт, чтобы остановить кадр. При этом он задел поднос, и тот с грохотом полетел на пол. Но он проигнорировал перевернутую вверх дном тарелку и пролитое вино. Взгляд его был в буквальном смысле прикован к экрану. Немного отмотав запись назад, он вновь включил воспроизведение, а потом снова нажал на стоп-кадр.

Это была та самая ткань, которую нашли на птицеферме. Та самая ткань, которую нашли у озера. Он был уверен в этом на все сто процентов.

Если не на сто десять.

Гея была в костюме из этой ткани — сейчас, у него на глазах, во время своего концертного турне по Германии прошлой осенью.

Он снова остановил кадр, потянулся за телефоном и набрал номер Эндрю Галли.

— Инспектор Грейс? — спросил тот. — Чем могу вам помочь?

— Извините, что звоню так поздно, но боюсь, что у меня к вам важное дело.

— Без проблем, инспектор, и все же в чем дело?

— Боюсь, моя просьба покажется вам странной, — произнес Грейс. — Если не ошибаюсь, Гея часто продает свои концертные костюмы с аукциона, а вырученные деньги пускает на цели охраны окружающей среды. Верно я говорю?

— Да, она активистка зеленого движения.

— Я хотел бы узнать про желтый твидовый костюм, в котором она прошлой осенью выступала в Баварии.

— Надеюсь, инспектор, вы не собираетесь играть со мной в дурака? — пошутил Галли слегка язвительным тоном.

— Нет, не собираюсь, я совершенно серьезно. Мне нужно срочно узнать про тот костюм. Это может быть крайне важно для ее безопасности. Вы, случайно, не помните, выставляла она его на аукцион или нет?

— Может, для начала вы его мне опишете?

Грейс выполнил его просьбу.

— Ответ сообщу утром.

— Нет, мне он нужен прямо сейчас. Если для этого вам необходимо ее разбудить, извинитесь перед ней от моего имени. Дело действительно безотлагательное.

— Ладно, инспектор, как-нибудь справлюсь.

Грейс продолжал прокручивать и останавливать все те же кадры. Взгляд его был прикован к костюму. Затем он все-таки заставил себя убрать с пола ужин и как раз наливал себе очередной стаканчик, когда ему позвонил Галли.

— Инспектор Грейс, послушайте. Я только что разговаривал с Геей. Так вот, насколько она помнит, этот костюм был продан с аукциона прошлой осенью, не то в октябре, не то в ноябре. По ее мнению, за него тогда удалось выручить приличную сумму — больше, чем обычно.

— Спасибо. Весьма вам признателен, — поблагодарил его Грейс.

— Вам сегодня еще нужна какая-то помощь? Вы уже раскопали что-нибудь о люстре?

— Нет, но у меня этим занимается целая команда криминалистов.

— Спасибо, что увеличили число полицейских вокруг гостиницы, — добавил Галли. — Тем не менее я склоняюсь к тому, что завтра утром Гее есть смысл вернуться в Лос-Анджелес. Я уже просмотрел список авиарейсов.

— А это никак не помешает графику съемок?

— Может, и помешает, но для меня куда важнее безопасность ее и ребенка.

— Тем не менее я просил бы вас подождать до утра, пока мы не сделаем хотя бы предварительные выводы.

— Мне совершенно не нравится эта ситуация, — отрезал Галли.

Впрочем, он всегда был чем-то недоволен. Грейс не стал говорить ему об этом. Вместо этого он сказал:

— В таком случае моя задача состоит в том, чтобы ее исправить.

— Я остаюсь при своем мнении.

Грейс положил трубку, однако сразу же перезвонил Гленну Брэнсону, чтобы сообщить свои соображения насчет ткани. Напоследок он еще один раз включил видео.

Через полчаса, когда повествование дошло до первой роли Геи в кино, он уснул прямо на диване.

101

Съемки закончились в первом часу ночи. Насколько могла судить Анна Галишия, глядя на поредевшую толпу зевак с Нью-Роуд, частично проблема состояла в том, что съемка происходила под открытом небом и на съемочную площадку то и дело приезжали то полиция, то пожарные, то автобусы с криминалистами.

Эпизод, который они снимали, заключался в следующем: Гея, вернее, Мария Фицхерберт, растерянная и в слезах, выбегает из парадного входа в Королевский павильон, после того как ее бросил венценосный любовник.

Хотя зеваки стояли довольно далеко и не могли слышать разговоров на съемочной площадке, за исключением последнего объявления, что на сегодня съемки закончены, было понятно, что Гея заставила себя ждать и вообще весь вечер пребывала в дурном настроении.

Ничего удивительного. Чертова стерва.

Анна Галишия проследила взглядом, как звезда вернулась в свой «караван».

Наконец, в двадцать минут второго, появилась стройная женская фигура в джинсах и свободной куртке. Анна не сразу даже поняла, что это Гея, только с коротко стриженными волосами. Ее сопровождала ассистентка и группа телохранителей. До этого Анна видела, как мальчик уехал в сопровождении еще одной ассистентки и двух телохранителей. По всей видимости, в отель. В толпе постоянно перешептывались о том, что, когда обрушилась люстра, он лишь чудом избежал гибели. А жаль, подумала Анна Галишия. С каким удовольствием она бы посмотрела на Гею страдающую. Впрочем, тогда бы все ее планы пошли наперекосяк.

Кавалькада из пяти черных «ренджроверов» выехала со съемочной площадки. Вслед за этим начался всплеск бурной деятельности. Гасились софиты, убиралась съемочная техника — ее переносили в грузовики, припаркованные рядом с площадкой. В полицейском кордоне возникли бреши. В течение десяти минут прибыли несколько белых полицейских микроавтобусов, чтобы развезти усталых констеблей по домам. Анна пару секунд пристально следила за ними, затем направилась прочь, в надежде на то, что удача улыбнется ей.

И та улыбнулась, даже раньше, чем она рассчитывала. Когда она дошла до входа на автостоянку позади концертного зала, то увидела, что трое из полицейского оцепления уходят домой. Два человека закрывали фургон-буфет и еще четверо были заняты тем, что убирали съемочные рельсы.

Никто не заметил, как она проскользнула между грузовиками, после чего подошла к трейлерам-гримерным. Пару минут она постояла в тени между «караванами» Джадда Халперна и Геи, оглядываясь по сторонам. Ни в том ни в другом света не было. Неподалеку, правда, стоял охранник. Он курил сигарету и разговаривал с кем-то не то по телефону, не то по рации. В ее сторону он не смотрел, а это самое главное.

Ну, давай же!

Сжимая в руке ключи, которые она забрала сегодня днем из служебного офиса в Сент-Олбанс, Анна подошла к двери трейлера Геи и, вставив ключ в замочную скважину, повернула.

102

Рой Грейс проснулся в два часа ночи, перед телевизором. С экрана на него смотрел Джек Николсон. В каске на голове, он стоял на плоской, твердой равнине, а за его спиной нефтяная вышка. Грейс зевнул и нажал кнопку «выкл.». Рядом с ним на диване устроился Хамфри. Пес мирно посапывал носом после того, как наполовину распотрошил мягкого слоненка, служившего ему в данный момент чем-то вроде подушки. Грейс заставил себя подняться наверх, почистил зубы и рухнул в постель.

Увы, как он ни пытался, уснуть не удалось. В голове, подобно видеокадрам, постоянно крутились тревожные мысли. И во всех без исключения присутствовала Гея, а также старший констебль Том Мартинсон, который отчитывал его за то, что он упустил какую-то важную зацепку.

К пяти часам утра Грейс окончательно проснулся, выскользнул из постели, чтобы не разбудить Клио, босыми пятками прошлепал в ванную и закрыл за собой дверь. Там он

принял душ, побрился, почистил зубы, затем оделся и спустился вниз. Хамфри все еще спал, свернувшись калачиком на диване. Грейс взял кейс и вышел во двор.

Уже почти рассвело. Накрапывал легкий дождик. Спустя пятнадцать минут Грейс миновал дежурного на входе в управление полиции, поднялся по лестнице и вошел к себе в кабинет. Здесь он поставил кейс, а сам направился в кухню, чтобы сварить кружку крепкого кофе, которую потом забрал с собой в кабинет.

Вернувшись к себе, Грейс подключился к Интернету и ввел в поисковик слова «Гея» и «аукционы». Компьютер тотчас выдал ему тысячи возможных результатов. Впрочем, у него ушло не так уж много времени на то, чтобы сузить поиск — для этого понадобилось лишь вбить дополнительные критерии. Пара кликов, и он получил то, что искал. Аукцион, на котором выставлялся твидовый костюм в желтую клетку, состоялся в ноябре предыдущего года. Наряд звезды ушел с молотка за 27 тысяч фунтов.

Грейс плохо разбирался в подобных вещах, однако сумма его поразила — при условии, что костюм действительно принадлежал Гее. Нет, чтобы выложить такие сумасшедшие деньги, нужно быть или слишком богатым, или безумцем.

Или и тем и другим.

103

К белой пластиковой доске в конференц-зале полицейского управления была пришпилена увеличенная фотография с паспорта Дрейтона Уилера.

— Время восемь тридцать утра, суббота, пятнадцатое июня. Это двадцать первый инструктаж по операции «Икона», — произнес Рой Грейс, обращаясь к своей команде, которая в это утро включала в себя инспектора Тингли, Гайдна Келли и Рея Пакэма из отдела высоких технологий. — У нас есть новости, заставляющие меня полагать, что операция «Икона», возможно, имеет связь с реальной иконой, которая в данный момент находится в Брайтоне на съемках фильма. Это Гея.

От него не ускользнуло то, как члены его команды тотчас напряглись, сделавшись все как один воплощением предельного внимания. Грейс кратко изложил события предыдущего вечера: как он до середины ночи смотрел фильм про Гею, как утром искал и нашел информацию в Интернете. Грейс посмотрел на констебля Ривз.

— Эмма, я выяснил сумму, за которую был продан костюм на сайте интернет-аукциона, но компьютер отказался выдать мне подробности, касающиеся личности его участников. А нам непременно нужно узнать, кто они такие, причем срочно. Даю тебе задание связаться с интернет-аукционом и выяснить имена всех до единого людей, участвовавших в тех торгах. Как только у тебя на руках будут имена, будь добра, пробей их всех по нашей базе данных. В особенности обрати внимание на того, кому не достался костюм.

— Хорошо, — ответила Ривз.

Грейс повернулся к Рею Пэкему. Вот уж кто являл собой ходячее воплощение повернутого на компах айтишника. Впрочем, таланты искупали его несуразную внешность, а это самое главное.

— Рей, ты смотрел сам и тоже ничего не нашел?

— Нет, шеф, но на eBay информацию должны выдать быстро.

— Отлично. И у тебя есть для нас результаты по электронному письму, отправленному в понедельник вечером?

— Есть, — с гордостью ответил Рей. — Мы проверили его IP-адрес. И у меня хорошие новости. Это постоянный адрес, зарегистрированный в интернет-кафе «Коннектид» на Трафальгар-Роуд. Письмо было отправлено в 8.46 вечера в понедельник.

— Ты гений.

— Сам знаю, — ответил Пэкем с хитрющей ухмылкой.

Грейс указал на фото Дрейтона Уилера на пластиковой доске.

— Тело этого человека еще формально не опознано, но мы знаем, что он тот, кого накануне вечером насмерть придавило рухнувшей люстрой. — После этих вводных слов Грейс перечислил квитанции, найденные в его гостиничном номере. — Квитанция из интернет-кафе «Коннектид» дает основания полагать, что Уилер побывал в этом кафе в понедельник, то есть в тот день, когда было отправлено письмо. Остается только выяснить, в котором часу он там был. Норман, отправляйся туда к открытию. Заведение открывается в десять утра.

Поттинг согласно кивнул:

— Слушаюсь, шеф.

— Если мы сумеем установить, что Уилер был там в понедельник в 8.46, то считайте, что нам повезло. Если же нет, придется выяснить, кто же это был. Надеюсь, ты получишь результаты их внутренней видеосъемки?

— Я все сделаю сам.

Грейс посмотрел на свои записи.

— Наш криминалист, который трудился всю ночь напролет, только что доложил результаты. Хлорид ртути — это кислота, которую несложно синтезировать из ртути, взятой, например, из термометра, серной кислоты из аккумуляторов и гидрохлорида, который присутствует в растворителях. Чеки на приобретение всех этих вещей были обнаружены в номере Уилера в Гранд-отеле. Наш химик сказал мне, что особенно хорошо хлорид ртути растворяет алюминий, а это именно тот материал, из которого была сделана консоль, крепившая люстру к потолку.

— Шеф, — подал голос Гай Батчелор. — Признаюсь честно, что-то я никак не уловлю связи между лоскутами ткани и люстрой.

— Вступай в клуб, — ответил Грейс. — Эта связь — Гея, хотя я пока не могу ее гарантировать. Но я рассматриваю это как возможную версию. Ну как, понял?

Батчелор кивнул.

— Задача номер один для нас сейчас — установить, отправлял ли Уилер это письмо или нет, — продолжал Грейс. — Хотелось бы надеяться, что это все-таки он. Потому что если это кто-то другой, то перед нами серьезная проблема.

104

Нет, не таким представлял себе Норман Поттинг это кафе. Скорее это был пример того, как стремительно меняется этот мир — причем не в лучшую сторону. Стильные кожаные диваны вперемешку с компьютерами. Господи, неужели теперь нельзя даже чашку чая выпить, не будучи подключенным к Интернету? Нет, это выше его понимания. Лично он предпочел бы обыкновенную забегаловку с пластиковыми столами, пластиковыми стульями, запахом жареной картошки, меню, нацарапанным мелом на черной доске.

«Ну куда, — мысленно вопрошал он, глядя на меню, напечатанное каким-то замысловатым шрифтом, который было невозможно прочитать, — куда подевались обыкновенные кафешки, где можно было выпить обыкновенный кофе? Почему теперь непременно нужно давать простым вещам какие-то новомодные названия, которые затем печатать новомодным шрифтом?»

Тем не менее он с вожделением посмотрел на шеренгу кофейных чашек.

— Чем могу вам помочь? — обратилась к нему из-за прилавка дебелая девица-гот в голубом джинсовом комбинезоне. Руки ее были сплошь в татуировках, в ноздрях с полдесятка колечек. «Интересно, а как она вообще дышит или сморкается», — подумал Поттинг про себя. Кстати, заметил он пирсинг и в языке. Но самыми отвратительными ему

показались те, что на лбу. Глядя на них, он даже поморщился. Если не считать их двоих — его самого и девицу за стойкой, то сейчас, в десять утра, кафешка была пуста.

Поттинг сунул под нос барменше служебное удостоверение.

— Ах да, Зоя сказала, что вы придете.

Затем он показал копию чека, найденного в гостиничном номере Дрейтона Уилера.

— Нам необходимо установить, в какое время в понедельник этот человек заходил к вам в кафе. — С этими словами он положил на барную стойку увеличенное фото с паспорта Уилера. — Скажите, он вам запомнился?

Барменша с полминуты разглядывала фотографию.

— Да-да, помню, такой заходил. Американец, причем ужасно грубый. Очень неприятный тип.

— А вы не помните, во сколько именно он здесь был? Утром, днем или ближе к вечеру?

Девица за стойкой вновь уставилась на фотоснимок.

— Нет, если не ошибаюсь, днем, в обеденное время. Помнится, был наплыв посетителей, и меня жутко достало, что у нас стали возникать проблемы с выходом в Интернет, потому что, как оказалось, полетел сервер. И этот американец разорался на одну из моих коллег. Мой муж вернул ему деньги и велел выметаться отсюда.

— Вы уверены?

— На все сто процентов.

— У вас тут есть система видеонаблюдения?

Девица указала на камеру под потолком:

— Да, мы установили ее после того, как нам раскурочили пару терминалов.

— Неужели. А мне казалось, что к вам ходит исключительно приличная публика.

— Ну, вы скажете!

— Не могли бы вы показать мне запись видеонаблюдения за понедельник, с половины девятого утра и до девяти вечера?

— Надо спросить у мужа. Он знает, как эта штука устроена.

С этими словами она повернулась и крикнула в арочный проем:

— Крейг! Нужна твоя помощь!

Спустя пару секунд из арки показался невысокий, тощий тип с бритой головой, весь в татуировках, как и жена, если даже не больше. Встретив такого ночью в темном переулке, от перепуга недолго наложить в штаны, подумал Поттинг. Однако при дневном свете татуированный скинхед смотрелся очень даже мирно и разговаривал вполне дружеским, даже слегка слащавым голосом.

Поттинг объяснил ему суть проблемы и спустя пять минут уже сидел с модной, хотя и довольно неуклюжей чашкой чая в скудно обставленном рабочем кабинете в задней части заведения и глядел в монитор. Правый верхний угол экрана высвечивал время. Качество картинки было средней паршивости, но для его целей и такого было достаточно. Пять из десяти терминалов оказались заняты. Трое, на вид студенты, четвертый посетитель — симпатичная девушка лет двадцати с небольшим, пятый — женщина средних лет в кожаной кепке-бейсболке, водолазке и куртке «пилот» с поднятым воротником.

К 8.35 четверо посетителей покинули заведение. Осталась лишь женщина в кожаной бейсболке. Вскоре после 8.46 она поднялась и подошла к барной стойке, после чего исчезла из кадра. Впрочем, через пару минут она возникла снова. На этот раз камера запечатлела, как она выходит на улицу.

— Она! — произнес Поттинг. — Вы ее помните?

— Как же, помню, — отозвался Крейг. — К нам сюда захаживает много разных чудаков, и она явно из их числа.

— В каком смысле?

— Ну, во-первых, по ней и так видно. А еще у нее странный хриплый голос. Прежде чем сесть за компьютер, спросила, какой у нас тариф, и я сказал ей, два фунта за полчаса, три — за час. Она сказала, что ей нужно снять немного денег, и спросила, нет ли поблизости банкомата. Помню, я сказал ей, что ближайший расположен на Куинс-Роуд.

— И она туда отправилась?

Крейг пожал плечами.

— Она вышла и вернулась минут через десять. Помню, она расплатилась новенькой десятифунтовой купюрой. Я тогда еще подумал, что эта бумажка наверняка только что из банкомата.

— Должен буду взять у вас на время диск, — сказал Поттинг. — Не возражаете?

Крейг заколебался.

— Если вы хотите, могу выдать вам официальный ордер.

Но Крейг покачал головой:

— Не надо. Как-нибудь обойдемся.

Поттинг взял диск, после чего поспешил к началу Трафальгар-стрит и прошел под аркой Брайтонского вокзала. Затем свернул на Куинс-Роуд. Здесь действительно располагался банк Эйч-эс-би-си и чуть левее от него два банкомата.

105

Гленн Брэнсон сидел у своего терминала в оперативном штабе, а перед ним лежало несколько карточек-указателей. На одной было написано «Торс на ферме Стоунри», на другой — «Руки и ноги, найденные в пруду Общества любителей рыбной ловли Западного Суссекса». На третьей — костюмная ткань на ферме Стоунри, Западный Суссекс, в том же пруду Общества любителей рыбной ловли и из немецкого турне Геи. Четвертая была озаглавлена: Майлз Ройс. Пятая: Дрейтон Уилер.

Он пользовался этим методом всякий раз, когда заходил в тупик. Каждая карточка относилась к той или иной фотографии, пришпиленной к белой пластиковой доске над рабочими столами, за которыми в молчаливой сосредоточенности трудилась команда следователей. Каждые несколько минут до него доносились раздраженные восклицания Поттинга. Тот имел привычку разговаривать громче остальных, особенно по телефону. Он едва ли не орал в трубку, как будто тот, кто находился на том конце линии, имел проблемы со слухом.

Затем мысли Брэнсона прервал женский голос:

— Сэр?

Он поднял глаза. Перед ним стояла констебль Ривз — в ярко-красном платье, светлые волосы распущены по плечам, глаза горят.

— Я кое-что откопала на интернет-аукционе eBay.

— Что именно?

— Там мне здорово помогли. Я разжилась полной историей аукциона, на котором был продан костюм Геи, включая имена всех участников. В конце концов их осталось лишь двое, и именно их стараниями цена взлетела от первоначальных семисот фунтов до двадцати семи тысяч.

— Да это просто поединок какой-то, а не аукцион!

— Это точно. И победителем из него вышел не кто иной, как наш человек-головоломка Майлз Ройс.

— Ройс? — переспросил Брэнсон и нахмурился. — Мне казалось, что у него уже есть такой костюм, потому что он просто его купил.

— Да-да, — поспешила поддакнуть Эмма Ривз. — Но *этот* ему не принадлежал. Личный костюм Геи, который она надевала во время концерта. Именно это делает его ценным в глазах коллекционера.

— Все понятно, но, черт, как можно выложить такие бешеные бабки за какую-то тряпку?

— Судя по всему, Гея все деньги отдает на благотворительные нужды, — предположила Ривз. — А для коллекционера это неплохое вложение средств.

Брэнсон пожал плечами:

— Но даже так вам нужно ну очень хотеть приобрести эту вещь.

— Так оно обычно и бывает с коллекционерами, сэр. Как бы там ни было, я отдала все имена Аннализе Винир, чтобы она их проверила. Помните инцидент в Гранд-отеле на прошлой неделе, когда фанатку Геи, слишком бурно выражавшую свои чувства, сбил с ног охранник? Фанатка тогда вызвала полицию, та ее выслушала. Правда, в конце концов выяснилось, что девица дала фальшивый адрес.

— Верно, — поддакнул Брэнсон. — Помнится, ее звали Анна Гарли, Гэлисси или что-то типа того.

— Одну секундочку! Галишия — она была второй, проигравшей участницей аукциона, на котором был продан желтый костюм.

Брэнсону понадобилось пара секунд, чтобы переварить эту новость. В голове его тотчас родилась еще одна версия. Мотив? Вдруг они проглядели что-то действительное очень важное? Могла ли злость по поводу костюма спровоцировать убийство? Как попали лоскутки ткани туда, где они были найдены? Неужели они были подброшены туда нарочно, в отместку?

Норман Поттинг наконец закончил телефонный разговор и поднял глаза.

— Вы говорите о какой-то фанатке Геи?

Брэнсон хмуро посмотрел в его сторону:

— Возможно.

— Я тут недавно вернулся из этого интернет-кафе, которое «Коннектид». — С этими словами он поднял диск. — Это запись с внутренней системы видеонаблюдения. И на ней хорошо виден тот, кто был в кафе примерно в 8.46 вечера в понедельник, когда Гея получила письмо с угрозами.

Как актер, играющий на публику, Поттинг умело выдержал паузу.

— Это женщина.

Услышав его заявление, кто-то нахмурился. Пару секунд царило молчание.

— Женщина? — переспросил Гай Батчелор.

— Угу.

— Там видно, как она входит в кафе? — уточнил Гайдн Келли, садясь на стул напротив.

— Вроде бы да, — ответил Поттинг.

— Дай взглянуть.

Поттинг протянул ему диск, и Келли вставил его в компьютер.

— Эта особа, кто бы она ни была, примерно в 8.30 ходила к банкомату Эйч-би-эс-си на Куинс-Роуд, чтобы снять немного наличности, — пояснил Поттинг. — Там есть два банкомата, один рядом с другим. Я только что был в банке, попросил сообщить нам информацию по всем лицам, что в тот день снимали деньги в этих банкоматах в промежутке между 8.15 и девятью

часами вечера. Я специально взял время с запасом на тот случай, что часы в банкомате идут неточно. Эту информацию мне сообщат чуть позже.

Гленн Брэнсон встал рядом с Гайдном Келли и, перегнувшись ему через плечо, попробовал рассмотреть не совсем резкое цветное изображение.

— Можно перемотать немного вперед, до того места, как все остальные выходят из кафе, — посоветовал Поттинг.

Келли так и поступил, затем, когда на часах замигали цифры 8.44, вновь поставил запись в режим медленного просмотра. Теперь в кадре была лишь женщина в кожаной бейсболке. Судя по ее телодвижениям, можно было сделать вывод, что примерно в 8.46 она приняла какое-то важное для себя решение. После этого она, похоже, вышла из системы, поднялась, подошла к барной стойке и исчезла из вида.

— Сейчас она снова появится, — прокомментировал Поттинг.

Спустя пару минут женщина вновь появилась в кадре, после чего направилась к выходу.

— Черт! — воскликнул Гайдн Келли.

— Что такое? — спросил его Брэнсон.

— Я, конечно, могу ошибаться… Нужно бы посмотреть чуть больше.

— Это ты о чем?

— О походке.

— И что она тебе говорит?

— Пока ничего. Мне нужно посмотреть другие кадры с ней.

— По идее она должна была попасть в камеру полицейского участка на Джон-стрит, — ответил Гай Батчелор. — Там хорошо просматривается вся Куинс-Роуд.

Брэнсон повернулся к Нику Николлу:

— Ник, живо отвези туда Гайдна.

Николл поднялся с места.

— Никто не знает, как сделать на основе видеокадров фото? — спросил Гленн Брэнсон.

— Созвонись с Мартином Блумфилдом из отдела фотоматериалов. Он наверняка сумеет.

Спустя тридцать минут Брэнсон вышел на улицу, имея при себе две сделанные крупным планом фотографии женщины в кожаной бейсболке. Одна — в полный рост, другая — только лицо. Сел в служебный автомобиль без опознавательных знаков и, выехав за ворота управления, покатил в направлении приморского бульвара к Гранд-отелю.

106

На тротуаре перед Гранд-отелем собралась толпа поклонников, вооруженных фотокамерами мобильников, и папарацци с телеобъективами — все как один в надежде увидеть предмет своего повышенного интереса.

Швейцар стоял спиной к парадному входу, как будто вознамерился защищать его грудью, а сам тем временем разглядывал фотографию, которую сунул ему под нос Гленн Брэнсон.

— Да, — произнес он. — Это точно она.

— Уверены? Никаких сомнений? — уточнил Гленн.

— Сэр, моя работа частично заключается в том, чтобы запоминать лица, — пояснил Колин Бернер. — Я делаю это уже давно. Постоянные клиенты обижаются, если я их не узнаю. Так что вынужден запоминать лица. Если вам нужно подтверждение моих слов, мы можем просмотреть запись камер видеонаблюдения. Она наверняка там окажется.

— Неплохо бы, — ответил Брэнсон. — Не потому, что я вам не доверяю, а просто хотелось бы взглянуть своими глазами.

— Я поговорю с начальником охраны, сэр. Отлучусь всего на пару минут. — С этими словами швейцар юркнул внутрь.

Гленн посмотрел на часы. 11.23. Гея сейчас у себя в номере. Одна из величайших звезд мира, но Эри не позволила своим детям играть с ее сыном. С чего бы это? Гленн поднял глаза: интересно, где ее окна? Наверняка они фасадные, с видом на море. Кстати, он пообещал Сэмми и Реми, что, пока она здесь, в Брайтоне, он обязательно возьмет для них у нее автограф.

Он посмотрел на поток машин, ползущих с черепашьей скоростью, на людей, прогуливающихся по променаду. Время от времени кто-нибудь из них испуганно отпрыгивал в сторону, когда какой-нибудь раздраженный велосипедист громким звонком требовал уступить дорогу. Начало июня, но, похоже, большинство из них — отдыхающие.

Отпуск, не без зависти подумал он. Последний раз он проводил отпуск в Корнуолле с Эри — почти два года назад. И как назло тогда почти все две недели лил дождь, что ничуть не пошло на пользу их давшим трещину отношениям.

— Я получил добро, сэр, они сейчас готовят для вас видеозапись.

Это вернулся швейцар. Гленн обернулся:

— Отлично. Спасибо.

— Не за что, сэр, всегда рад помочь.

Рой Грейс только что вернулся с двух не слишком удачных встреч. Первая — с заместителем главного констебля Питером Риггом, который хотел знать, каким образом, несмотря на повышенные меры безопасности, о которых попросил его Грейс, кто-то сумел спрятаться прямо над тем местом, где проходила съемка, и едва не убил сына Геи. Мальчик лишь чудом остался жив.

Вторая — с главным констеблем. У этого он нашел чуть больше понимания, но лишь чуть-чуть.

Правда, Ригг даже не пытался скрывать, что зол на него. Сидя перед ним, Рой Грейс чувствовал себя словно перед своим бывшим боссом, Элисон Воспер, которая только и делала, что при первой же возможности срывала на нем свое раздражение. Когда же Грейс попытался изложить свои трудности — мол, обеспечить стопроцентную безопасность многолюдного места, доступного любому желающему, практически невозможно, зам главного констебля лишь презрительно фыркнул.

— Мой дорогой друг, — напыщенно произнес он. — На вас возложена общая ответственность за безопасность Геи, пока она — гость нашего города. Вы же, насколько я могу судить, пока практически ничего для этого не сделали. Знали, что ее жизни угрожает опасность, но вам даже в голову не пришло проверить крышу. А ведь это же так просто!

— Неправда, сэр, я проверил. Полиция в самом начале досконально прочесала все здание, после чего за его безопасность отвечали штатные охранники Павильона. Кстати, я следователь по расследованию убийств, а отнюдь не специалист по мерам безопасности.

— И слава богу. Я бы не хотел оказаться в ситуации, в которой моя жизнь или безопасность моей семьи зависела бы от разработанного вами плана по их охране. Что с вами, дружище? Вы ведь просто спите на ходу! А ведь случившееся уже стало достоянием прессы. Неужели вы еще не видели первую страницу «Аргуса»?

От смерти сына Геи отделяли считаные дюймы.

Наезд со стороны зама главного констебля был несправедлив. Грейс это точно знал. Будь у них резиновый бюджет, то никто бы не пробрался на эту чертову крышу. Правда же заключалась в том, что, пока он с великим трудом выбивал средства на обеспечение

безопасности Геи, вполне могли иметь место разного рода проколы. С другой стороны, Павильон вполне мог взять на себя львиную долю работы по охране здания.

Так что Ригг явно наезжал на него зря. Впрочем, Грейс не собирался ему этого говорить. Полиция — система иерархичная. Почти как армия. Начальство полагалось уважать и неукоснительно слушаться, независимо от того, что вы сами думаете по этому поводу.

— Согласен. В обеспечении безопасности Павильона имелись слабые места, которых по идее не должно было быть, — признал свою неправоту Грейс. — Похоже что нам крупно повезло.

— Мне нравится слово «повезло», — заметил зам главного констебля.

«Можно подумать, альтернатива лучше», — подумал Грейс. Впрочем, вслух он этого не сказал.

107

Вскоре после четырех часов дня все семнадцать человек, сгрудившихся вокруг трех огромных столов в оперативном штабе 1 как по команде повернули головы, услышав громкое ругательство Нормана Поттинга. Впрочем, мерный стук клавиш возобновился почти сразу же. Затем мелодией «Зеленые рукава» возвестил о себе мобильник, и Ник Николл ответил на звонок.

Белла с хрустом раскусила леденец. Ей было дано задание связаться со всеми участниками аукционов, — как этого, так и предыдущих, — на которых выставлялись личные вещи Геи, в надежде, что кто-нибудь из них знал Анну Галишию лично. Тем временем команда отдела высоких технологий в лице Рея Пэкема продиралась запутанными путями электронной почты. Если поначалу они надеялись быстро выйти на нее, проследив ее путь от пейпала, то, похоже, им придется набраться терпения. На это явно уйдет несколько дней, если не недель. Если у них вообще что-то из этого выйдет. Поттинг снова выругался, однако затем воскликнул:

— Вот это да! Черт, даже не верится!

— Чему не верится, Норман? — спросил Гленн Брэнсон, в душе довольный тем, что Поттинг столкнулся с трудностями. Как ни мечтал он как можно быстрее распутать это дело, не хотелось бы, чтобы все лавры достались Поттингу.

Поттинг повернулся к нему:

— Есть все основания полагать, что в понедельник, в 8.30 вечера Анна Галишия отправилась к одному из банкоматов Эйч-эс-би-си на Куинс-Роуд. Видеокамера запечатлела, как примерно в это время она подошла к банкомату и затем отошла. В банке мне сказали, что в тот вечер в промежутке между 8.15 и 9.00 в тех банкоматах деньги снимали семь раз — причем все семь счетов были зарегистрированы на мужское имя.

— Может, ее карточка просто не сработала в этих банкоматах? — предположил Брэнсон. — Такое случается сплошь и рядом. Разве у них там нет непосредственного видеонаблюдения? Во многих банках есть камеры, которые следят за тем, что происходит снаружи: на записи можно увидеть лица всех, кто пользуется банкоматом.

— Я у них про это спрашивал, — ответил Поттинг. — Им понадобится примерно час. Как только будут готовы кадры, они тотчас пришлют их мне по электронной почте, вместе с именами и адресами тех, кто пользовался банкоматами. И мы увидим, снимала она там деньги или нет.

— А ты проверил, есть ли поблизости от тех двух другие банкоматы? — спросила Белла.

Гленн посмотрел на ее лицо. Всякий раз глядя на нее, он находил ее все более хорошенькой, и ему было чертовски обидно, что она обращает больше внимания на Поттинга, чем на него. Впечатление было такое, будто свои слова она отрепетировала заранее.

— Проверил, — ответил Поттинг, улыбаясь от уха до уха. — От трех банков — «Сантандер», «Барклайз» и «Галифакс». Я жду информацию от всех них.

В следующую минуту вошел Рой Грейс. Он обвел взглядом присутствующих, после чего обернулся к Гленну:

— И как дела?

— Если не считать того, что швейцар в Гранд-отеле удостоверил личность Анны Галишии, похоже, что тот, кого мы ищем, тот самый человек, которого на прошлой неделе задержали телохранители Геи. Так что никаких новостей, шеф. А как движутся дела в Павильоне?

— Люстру убрали и временно отвезли на хранение в полицию, — ответил Грейс, — к великому неудовольствию куратора. Под столом банкетного зала следственная группа обнаружила крошечный передатчик марки Mothercare, что в принципе совпадает с квитанцией, найденной в номере Уилера, а также с поломанным приемником на крыше над люстрой. Я дал разрешение продюсерам войти в здание и заново отснять сегодня вечером Банкетный зал. Они хотели бы провести съемку в закрытом помещении даже без люстры. По словам одного из них, они добавят ее в кадры позже, при помощи компьютерной графики.

Грейс посмотрел на часы и нахмурился.

— То есть пока мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что электронное письмо не было отправлено Уилером, хотя в целом это маловероятно. Я правильно понял?

— Судя по времени его отправки, это не Уилер, — ответил Брэнсон.

Кстати, время занимало сейчас в мыслях Грейса весьма важное место. В ближайшие четыре часа Гея покинет свой гостиничный номер и отправится в Павильон. По его совету она провела в номере весь день, а ее сын останется там и вечером. Грейс договорился со своей крестницей Джей Сомерс, что та придет поиграть к нему на пару часов. Грейс знал: пока Гея в гостинице, ее жизни ничего не угрожает, а вот за ее безопасность в стенах Павильона он не ручается. Кстати, Ригг чересчур на него наехал или же в словах зама была доля истины? Если бы это, скажем, был визит кого-нибудь из членов королевской фамилии или крупной политической фигуры, они бы наверняка прочесали все знание от чердака до подвалов, перекрыли бы все выходы на крышу и в подвал — то есть в те места, где возможный злоумышленник может либо спрятаться на час, либо заложить взрывное устройство и уйти. Но поскольку кинокомпании нужен неограниченный ежедневный доступ и Павильон оставался открыт для публики, обеспечение безопасности превращалось в проблему. Неужели он утратил бдительность?

Нет, сегодня вечером трагедия не повторится! В последние два часа здание обыскали с той тщательностью, как если бы в нем проводилась важная политическая конференция. Но даже так гарантировать полную защиту от фанатика-одиночки было невозможно. Грейс до сих пор вспоминал жуткие слова, сказанные участниками ИРА, когда в 1984 году террористы взорвали бомбу в Гранд-отеле, планируя ликвидировать тогдашнего премьера, Маргарет Тэтчер. Тогда они прислали следующее сообщение: «Сегодня нам не повезло, но помните: с нас хватит, чтобы нам повезло лишь однажды. Вам же должно везти постоянно».

Нет, он не допустит, чтобы Гее просто везло. Везение — совсем не то, что ему нужно. Ему нужна качественная работа полиции. И он довел это до сведения каждого.

108

Почти вся центральная часть города была охвачена камерами видеонаблюдения, причем такими, что могли снимать как крупным планом, так и на расстоянии в несколько сотен ярдов.

Средоточием, нервным узлом операции, куда тянулись все ее нити, был центр видеонаблюдения на пятом этаже полицейского управления Брайтона на Джон-стрит. Это было просторное помещение. На полу — голубой ковер, стулья, обтянутые синей обивкой. Здесь располагались три отдельных рабочих стола — и каждый являл собой небольшой комплекс мониторов, клавиатур, системных блоков и телефонов.

За двумя столами сидели техники в штатском. Один из них, в наушниках, был задействован в полицейской операции, зорко следя за передвижениями какого-то наркоторговца. Другой, Джон Памфри, моложавого вида мужчина, хотя ему уже шло к сорока, с аккуратно причесанными каштановыми волосами и в черном пиджаке, был занят тем, что помогал Гайдну Келли пробираться сквозь систему в поисках кадров с участием Анны Галишии.

Судмедэксперт держал в руке стаканчик с остывшим кофе и морщился, чувствуя, что отсидел правую ногу. Он проторчал за консолью почти с двенадцати часов дня и за все это время сумел перехватить лишь бутерброд и выпить стаканчик кофе. А сейчас на часах уже почти пять.

На экранах мониторов то и дело сменялся калейдоскоп видов Брайтона и соседних с ним городков — куда-то спешили пешеходы, катили автобусы. И неожиданно крупным планом лицо мужчины рядом с тележкой.

Что касается понедельника, Келли заметил Анну Галишию на шести разных видеокамерах. На записи, сделанной первой, она шагала в сторону интернет-кафе. На записи второй — направлялась в сторону банкоматов на Куинс-Роуд.

В кадрах с третьей, четвертой и пятой — она обходила Павильон, прокладывая себе путь в толпе зевак. В кадрах с шестой камеры она в 11.24 вечера шла в направлении «Олд-Стайн». И хотя тот район был неплохо охвачен видеонаблюдением, она больше нигде так и не появилась. Джон Памфри сказал Келли, что ее исчезновение из кадра может объясняться тем, что она села в автобус или в такси и уехала на ночь домой.

И вот теперь они просматривали вчерашние кадры, сделанные несколькими камерами на прилежащих к Павильону улицах, поочередно прокручивая весь отснятый накануне видеоматериал, в надежде, что увидят ее снова. Келли посмотрел на часы, помня о том, что в 6.30 ему нужно быть в управлении полиции Суссекса на совещании. Сейчас уже почти пять. В принципе он уже увидел то, что хотел, и теперь сгорал от нетерпения отчитаться о проделанной работе.

Как вдруг что-то привлекло его внимание, и он нахмурился.

— Джон, прокрути-ка на пару секунд назад!

Памфри выполнил его просьбу, и кадры поехали в обратном направлении.

— Стоп! — скомандовал Келли. На этот раз на экране высветились цифры 1.00 дня, вторник, то есть вчера.

Картинка застыла.

— Это что за улица? — спросил Келли.

— Нью-Роуд.

— Хорошо, а теперь дай мне крупным планом вот того типа.

Экран заполнило собой изображение лысеющего мужчины в деловом костюме. Он вышел из парадных дверей какого-то офисного здания и протянул ладонью вверх руку, как будто проверял, не идет ли дождь.

— А теперь то же самое, только медленно.

Чувствуя, как его охватывает волнение, Келли впился глазами в экран монитора. Мужчина в деловом костюме тем временем исчез из кадра.

— Можешь перемотать вперед. Думаю, что он появится снова, — предположил он.

И оказался прав.

Спустя десять минут мужчина вновь появился в кадре, на этот раз с небольшим бумажным свертком в руках. Бросив взгляд на прикованный к фонарному столбу велосипед, он прошмыгнул в офис.

— Сделай мне копию этой записи, — попросил Келли техника.

Через пару минут, получив от Памфри нужные ему кадры, он загрузил их себе в ноутбук и запустил разработанную им самим программу опознавания походок. Произведя необходимый анализ, сделав необходимые измерения и расчеты, он сравнил их с данными, полученными по Анне Галишии.

Теперь от волнения он едва мог усидеть на месте.

109

Норман Поттинг сидел за рабочим столом ОШ-1 и хмурил брови. Наконец у него имелись кадры со всех банкоматов, расположенных в непосредственной близости от интернет-кафе. Все банки — Эйч-эс-би-си, «Барклайз», «Галифакс» и «Сантандер» — оперативно отреагировали на его просьбу. И вот теперь он был занят тем, что поочередно прокручивал видеоряд, глядя на четыре женских лица и шестнадцать мужских. Что-то не давало ему покоя. Что-то явно было не так. Все двадцать в понедельник вечером в промежутке между 8.15 и 9.00 сняли в одном из этих банкоматов деньги. Несмотря на низкое качество изображения, одна женщина в принципе имела сходство с Анной Галишией. Судя по всему, в 8.31 она безуспешно пыталась снять деньги в банкомате Эйч-эс-би-си, на Куинс-Роуд. Однако снятие денежных средств по карточке с таким именем не подтвердилось. В банке ему сказали, что, скорее всего, это случилось потому, что автомат отказался принять ее карточку. Впрочем, они так и не смогли объяснить, почему сам факт попытки воспользоваться банкоматом не был зафиксирован. Другое возможное объяснение заключалось в том, что она попыталась снять деньги с помощью украденной карты, о пропаже которой еще никто не заявил, потому что минутой спустя, в 8.32, в банкомате имела место выдача наличности по карточке, зарегистрированной на мужское имя.

Поттинг уже решил, что эта конкретная линия расследования завела его в тупик, когда обычая рабочая тишина кабинета вот уже второй раз за день была нарушена — на этот раз восторженным восклицанием Гайдна Келли. Келли ворвался в кабинет, словно ураган, с такой силой хлопнув при этом дверью, что все как по команде вздрогнули и оглянулись в его сторону.

— Все, я это дело расколол! — крикнул он едва ли не с порога Рою Грейсу. При этом он, словно ребенок, получивший вожделенную игрушку, сиял улыбкой от уха до уха и потрясал двумя дисками.

— Что именно ты расколол? Анну Галишию? — уточнил Грейс.

Келли отодвинул клавиатуру его компьютера и, поставив на стол свой ноутбук, открыл его и пробежал пальцами по клавишам. Спустя несколько секунд Грейс уже смотрел на поделенный надвое вертикальной чертой экран. Слева пошли кадры, отснятые камерой видеонаблюдения. На них он узнал женщину, которую уже видел на других видеоматериалах, — Анну Галишию. Она шла по какой-то улице в Брайтоне. Справа был виден лысеющий мужчина в деловом костюме. По верху экрана, постоянно сменяя друг друга, бежали какие-то цифры и алгебраические символы — судя по всему, означающие параметры той или иной походки.

Гайдн Келли указал на левую часть экрана.

— Видите нашу таинственную Анну Галишию?

Грейс кивнул.

— Думаю, имеется веская причина, почему ее никто не может найти.

— Это какая же?

Келли указал на правую половинку экрана, на лысеющего мужчину в деловом костюме:

— Потому что это она.

Грейс вопросительно посмотрел на коллегу — вдруг тот шутит? Но Келли, похоже, был серьезен, как никогда.

— С чего ты это взял?

— Анализ походки. Видишь эти цифры и уравнения? В принципе я могу произвести анализ и визуально, причем с высокой степенью точности, потому что делал это уже не раз, а на экране ты видишь алгоритм, который я разработал для верности. Есть, конечно, небольшие отклонения, потому что женщина на высоких каблуках, а на мужчине — обычные мужские ботинки. Но это один и тот же человек. В этом нет никаких сомнений.

— Так уж никаких?

— Готов спорить на что угодно.

110

Рой Грейс уставился на экран, глядя то на женщину, то снова на мужчину. Внезапно где-то внизу живота шевельнулось неприятное предчувствие.

— Гленн, — сказал он. — Ну-ка, взгляни.

Брэнсон подошел, чтобы посмотреть на экран, и тотчас воскликнул:

— Да ведь это же наш приятель Эрик Уитли!

— Уитли? — переспросил Грейс. Имя показалось ему знакомым, вот только где он мог его слышать?

— Он самый, безумный бухгалтер, с которым мы беседовали с Беллой. А это вход в его офис.

Норман Поттинг поднял глаза.

— У меня есть кое-что интересное по Эрику Уитли, если это он самый.

— И что же, если не секрет?

— Возможно, это лишь странное совпадение. Но в электронном письме, которое я только что получил из банка, значится Эрик Уитли, — ответил Поттинг. — У меня теперь есть список всех, кто в воскресенье вечером снимал деньги в банкоматах в районе кафе «Коннектид». Так вот, по информации банка, в 8.32 он снял в одном из банкоматов на Куинс-Роуд пятьдесят фунтов.

— А у них есть его фото?

— В том-то вся и загвоздка, что его у них нет! — Поттинг указал на экран своего компьютера. — Деньги в банкомате сняла она — Анна Галишия. В банке считают, что она, по всей видимости, украла его карточку.

Гленн Брэнсон покачал головой:

— Нет, она не крала карточки Эрика Уитли. Потому что она и есть Эрик Уитли!

Грейс посмотрел на часы. 5.20. Он связался с диспетчерским пунктом и попросил соединить его с дежурным. Через пару секунд он уже разговаривал с инспектором Энди Киллом, компетентным работником, с которым было приятно иметь дело. Грейс в общих чертах обрисовал ситуацию и попросил, чтобы в офис Уитли отправили полицейских, как в форме, так и в штатском, пояснив, что Уитли желательно поймать до конца дня и арестовать. Он также попросил Килла предупредить участников группы захвата, что Уитли может оказать вооруженное сопротивление.

Завершив звонок, он дал задание Гаю Батчелору и Эмме Ривз сесть в машину, доехать до дома Уитли и ждать там на тот случай, если он вдруг появится. Затем он поручил Нику Николлу получить у судьи ордер на обыск как дома Уитли, так и его офиса, и как только ордер будет готов, поторопиться к дому подозреваемого.

Затем он снова побеседовал с дежурным и попросил прислать группу волонтеров из общества содействия полиции, причем в полной боевой экипировке, включая шлемы с забралом. Их расставят вокруг дома Уитли, но на небольшом расстоянии. Участники этой группы будут ждать, пока с ордером не появится Николл, после чего в сопровождении инспекторов Батчелора и Ривз направятся в дом. И вновь Грейс предупредил, что подозреваемый может оказать вооруженное сопротивление.

Менее чем через пять минут Энди Килл связался по радио с Роем Грейсом с известиями, полученными от офицеров группы наблюдения, дежуривших возле офиса. По их словам, Эрик Уитли сегодня на работу не вышел. Его коллеги были не в курсе, что с ним. На их звонки он не отвечал.

«Черт, — подумал Рой Грейс. — Вот дерьмо!» Неприятное ощущение внутри живота переросло в самую настоящую панику. Вон они, невинные агнцы. Как часто именно жалкие тихони на поверку оказывались самыми жуткими монстрами! Самый страшный серийный убийца за все историю страны — врач Гарольд Шипман, с бородкой, в очках, этакий душка, что не мешало ему убивать собственных пациентов. А убил он их как минимум двести восемнадцать человек, если не больше.

Грейс уставился на изображение Уитли на экране компьютера. Одно он знал точно: убивший один раз не остановится перед новыми убийствами. Будет убивать снова и снова. В его голове вертелась фраза «Уитли сегодня не вышел на работу». Грейс повернулся к Гленну Брэнсону:

— Гленн, если не ошибаюсь, ты несколько дней назад беседовал с боссом Эрика Уитли.

— Верно, шеф.

— Если мне не изменяет память, он тогда сказал, что его подчиненный — личность с большими странностями, но работник ответственный.

— Верно. По его словам, Уитли — одиночка, дружбы ни с кем не водит, но зато очень ответственный.

— Так что это не в его духе не явиться на работу, не предупредив об этом начальство, или же назначить кому-то постороннему встречу в рабочее время?

— Я бы сказал, что да, хотя нам известно, что в рабочее время он иногда отлучается, чтобы поработать в офисе того или иного клиента.

Грейс решил, что ситуация нравится ему все меньше и меньше. Возможно, Уитли болен, лежит в постели. Впрочем, внутренний голос подсказывал, что вряд ли. Грей позвонил Гаю Батчелору.

— Как там ваши дела?

В ответ он услышал целый поток проклятий.

— Чертовы автобусы! Извини, Рой, но мы сидим в пробке. Такое впечатление, что она растянулась на весь город. Конца ей точно не видно!

— Понял. Сообщите, когда прибудете на место. — Грейс тотчас связался с диспетчерской. — Энди, у тебя, случайно, не найдется дежурного наряда в том районе?

— Сейчас проверю.

— Отправь своих ребят прямиком к дому Уитли. Нужно проверить, дома ли он. На данный момент это задача номер один.

— Будет сделано.

Грейс почувствовал, что ему страшно хочется закурить. Но сигарет он с собой не носил, да и стрельнуть тоже было не у кого и некогда. Как не было времени на то, чтобы выйти перекурить на улицу.

Господи, сделай так, чтобы Уитли оказался дома.

А если все-таки нет?

Он думал о Гее, о том, какая она нежная, какая хрупкая за маской кинодивы. Она ему нравилась, и он поклялся, что сделает все для того, чтобы оградить ее и сына от любых посягательств.

После случая с люстрой о последствиях такого рода происшествий не стоило даже думать. Ни с моральной точки зрения, ни с точки зрения дальнейшей карьеры.

Он посмотрел на сводки — перечень всего, что произошло в Суссексе, который постоянно обновлялся. Пока что день, можно сказать, выдался тихий, без происшествий. Что хорошо, ибо это означало, что в случае чего ему не придется искать дежурных полицейских. Он уже думал вперед. Судя по всему, Эндрю Галли не сумел убедить Гею уехать из города, поскольку график съемок, который он запросил и который теперь лежал перед ним, требовал, чтобы в четыре часа она была в гримерной, а в шесть вышла на съемочную площадку.

Раздался звонок. Звонил Энди Килл.

— Рой, я отправил к дому Уитли дежурную машину. Пока никаких результатов. На звонок и стук в дверь никто не ответил. Внутри дома тоже все тихо, никаких признаков, что там кто-то есть.

Грейса так и подмывало сказать: «Ломайте дверь». Вдруг Уитли лежит без сознания или мертвый. Ведь это меняет весь расклад. Увы, то, что человек не пришел на работу, еще не повод, чтобы вламываться к нему в дом.

Им нужен ордер.

Спустя двадцать минут, показавшихся Грейсу вечностью, ему позвонил Ник Николл, чтобы доложить, что ордер получен. Свою подпись на нем поставил судья, проживавший в том же районе, что и Уитли. Так что теперь сам он несет вахту на соседней улице вместе с Гаем Батчелором, инспектором Эммой Ривз и шестью членами местной команды поддержки. Бригада из четырех спецов по проведению обысков и группа поддержки общественного порядка прибудут с минуты на минуту.

— Отправьте в дом команду поддержки, — крикнул в трубку Грейс. — Живо!

111

Дом Эрика Уитли, номер 117 по Тейт-авеню, стоял почти на вершине холма, посреди лабиринта улиц, застроенных послевоенными домами и бунгало, построенными почти вплотную друг к другу. Тихий район, с променадом по верху морского утеса, примерно в миле к югу, и широкими лугами и холмистыми пастбищами всего через две улицы к северу.

Дом номер 117 смотрелся довольно печально, подумал Гай Батчелор. Это был скромный, застройки пятидесятых годов двухэтажный кирпичный домишко со встроенным гаражом и небольшим пятачком палисадника перед входом, правда довольно унылым. Объявление над въездом в гараж, выполненное огромными красными буквами на белом фоне, гласило «Даже не думайте парковаться здесь».

Он ждал на тротуаре вместе с Николлом и Ривз, когда к дому подъедет местная группа поддержки. Из машины выскочили двое из шести прибывших и бросились по боковому проулку, мимо мусорных баков, чтобы занять позицию позади дома. Все шестеро были в синих комбинезонах, в «латах» и военного образца шлемах с опущенным забралом.

Один тащил цилиндрической формы таран. Двое других — гидравлический домкрат и аккумулятор к нему, — с помощью этого устройства открывались железные двери, которыми все чаще и чаще обзаводились наркоторговцы с тем, чтобы во время облавы полиция не могла быстро проникнуть к ним в дом. Четвертый участник, сержант, он же командир, сжимал в руке ордер на обыск.

С криками «Откройте, полиция!» первый офицер принялся колотить кулаками в дверь, звонить в звонок, а затем снова стучать кулаками.

Подождав пару секунд, он обернулся к сержанту в ожидании сигнала. Тот кивнул. Тогда первый офицер ударил по двери тараном и со второй попытки выбил дверь. Вслед за ним с криками «Полиция!» внутрь устремились еще трое. Сержант остался стоять снаружи, на тот случай, если хозяин дома попробует спастись бегством через гаражную дверь.

Гай Батчелор, Эмма Ривз и Ник Николл оставались снаружи до тех пор, пока ситуация не прояснилась. Когда все помещения в доме были проверены и стало понятно, что угрозы нет, они вошли внутрь. И тотчас замерли в немом изумлении.

Ничто во внешности дома не намекало на то, что ждало их внутри. Мраморный пол под их ногами скорее подошел бы итальянскому палаццо, а не скромному домику в пригороде Брайтона. Зеркальные стены от пола до потолка, украшенные ацтекским орнаментом и плакатами с портретами Геи. Батчелор уставился на черно-белый плакат, на котором она была изображена в черном неглиже — пожалуй, самый знаменитый из ее образов. Кстати, с автографом. Он был весь исполосован ножом. Отдельные полоски бумаги оторвались от стены и свисали вниз. Через весь плакат жирными красными буквами было написано: «Сука».

Он вопросительно посмотрел на Эмму Ривз. Та указала влево, поверх белого кожаного кресла. Там висел еще один постер, взятый в рамку. На нем Гея была в топике и кожаных джинсах. Поверху надпись «Турне Откровений». Через весь постер, теми же красными буквами, пролегли другие слова: «Люби меня или умри, сука».

Над камином, на самом видном и почетном месте, висело увеличенное изображение губ, носа и глаз — в зеленой гамме. Подпись гласила: «Лицом к лицу с Геей». Этот плакат тоже украшал автограф. И, как и первый, этот тоже был исполосован ножом. Жирными красными буквами на нем было выведено слово «Дура».

Батчелор смотрел на эти плакаты, на свисающие полоски бумаги, на красную краску, и ему с каждым мгновением становилось все тревожней на душе. Он выглянул в окно: за стеклом был унылый, серый день. На соседском дворе перед гаражом на веревке болталось белье. Где-то внутри шевельнулось дурное предчувствие. За время работы в полиции он бывал в самых разных ситуациях, но в данный момент это было нечто новое. Он едва ли не кожей ощущал присутствие зла. И это страшило его.

Рядом метнулась какая-то тень, и он отпрыгнул в сторону. Тень оказалась бирманской кошкой, которая подозрительно разглядывала его, выгнув спину.

— Вы только взгляните, что здесь! — крикнул им сверху второй офицер, производивший обыск.

Батчелор, а вслед за ним Эмма Ривз и Ник Николл тотчас бросились наверх, в направлении комнаты, на которую он указывал. Едва переступив порог, они оказались в чем-то вроде музея или святилища. Впрочем, здесь тоже недавно кто-то дал выход своему гневу.

На полу валялись манекены, какие обычно выставляют в витринах, завернутые в прозрачный пластик и перемазанные красной краской. Постеры с автографами на стенах порваны и испещрены надписями. Диски, билеты на концерты Геи, бутылки ее фирменной минеральной воды, разбитый стакан из-под мартини и сломанная пополам удочка — все это в числе прочего мусора валялось на полу, на котором, словно кровь, растеклась красная краска.

Кое-какие вещи оставались в стеклянных витринах, хотя и их было почти невозможно рассмотреть из-за намалеванных красной краской по стеклу ругательств: «Сука, дура, умри, люби меня, я тебя проучу, стерва гребаная».

Эмма Ривз обвела изумленным взглядом комнату.

— Ну и коллекция! Даже не верится.

— Ты тоже фанатка Геи? — спросил ее Ник Николл.

Эмма энергично кивнула.

— Сэр!

Все трое как по команде обернулись. Их позвал Бретт Уоллес, один из участников обыска. Лицо его было пепельно-серым. Эти офицеры видели всякое, так что испугать их чем-то практически невозможно. Но этот явно был чем-то напуган.

— Этот дом только что стал местом преступления, — сказал он. — Мы обязаны его закрыть, опечатать и ничего здесь не трогать.

— Что вы нашли? — спросил Батчелор.

— Сейчас покажу, — ответил Уоллес.

Они спустились вниз и проследовали за ним в кухню, идеально чистую, но с устаревшей мебелью и домашней техникой. Там стояли два других офицера, причем вид у обоих был явно растерянный. Уоллес указал на открытую дверь, и Батчелор, а за ним и эти двое подошли к ней ближе. За дверью была крошечная кладовка, которую почти полностью занимал морозильный ларь. Крышка его была поднята. На полу лежало несколько готовых замороженных блюд из супермаркета, пара пакетов замороженных сосисок и три куска льда в ванночках, какие обычно берут на пикник.

— Загляните внутрь, — сказал Уоллес и поманил, мол, подойдите ближе.

Гай Батчелор осторожно сделал пару шагов вперед и заглянул в ларь. И тотчас в ужасе отшатнулся.

— О господи! — прошептал он.

112

— Черт возьми, где ее носит? — рявкнул Ларри Брукер на Барнаби Каца, отвечавшего за актерский состав. Они стояли рядом с дверным проемом в Банкетном зале Павильона. Тридцать актеров, включая всех остальных звезд — а это Джадд Халперн, Хью Бонневилль, Джозеф Финнс и Эмили Уотсон, — сидели вокруг стола, томясь ожиданием и исходя потом в старинных многослойных костюмах и париках. Все софиты были включены, придавая сидевшим некое загадочное свечение, а заодно грозя поджарить их до румяной корочки.

Стол на время сколотили заново. А над ним, в потолке зияла пусть небольшая, но дыра — в том месте, где еще двадцать четыре часа назад висела люстра.

Кац беспомощно вскинул руки и пожал плечами. За последние несколько дней постоянной нервотрепки, казалось, его залысины сделались еще заметнее.

— Я двадцать минут назад постучал ей в трейлер, и чей-то голос крикнул мне, что она выйдет через пару минут. — С этими словами Кац оправил наушники и спросил: — Джо, ну как там, случайно, не видно Гею?

Брукер посмотрел на часы.

— Не двадцать минут назад, Барнаби, а тридцать. Ох уж мне эти примадонны! Убить их мало! Чертовы актриски! Это надо же, заставлять нас ждать целых полчаса! — И он повернулся к режиссеру, Джеку Джордану: — Джек, ты представляешь, во сколько нам обходятся эти тридцать минут?

Джордан философски пожал плечами. Он уже давно привык иметь дело с гордецами и себялюбцами по обе стороны объектива, и потому воспринимал такие вещи с непробиваемым

спокойствием. С гривой выбивающихся из-под бейсболки седых волос этот ветеран съемочной площадки был похож на древнего прорицателя и ясновидящего и, верный этому образу, оставался невозмутим. Потому что без этого никак. Им предстояло снять самый важный эпизод фильма, а поскольку в нем были задействованы все до единой их звезды, то и самый дорогой. Можно сказать, на вес золота.

Брукер стукнул кулаком о кулак.

— Но это же курам на смех! Она что, сегодня на кого-то дуется или как? — Он со злостью посмотрел на Джордана. — Признавайся, не иначе как вы в очередной раз повздорили с ней из-за реплик.

— Милейший, я не видел ее со вчерашнего дня. Когда мы с ней разговаривали в последний раз, она была как шелковая. Гея должна понимать, что косметики на ней будут тонны, плюс парик, который щекочет ей лицо. Бедняжка. Но что поделать, придется потерпеть.

Бедняжка, цинично подумал Брукер. За семь недель съемок эта бедняжка положит себе в карман пятнадцать миллионов баксов. За такие бабки он сам бы с удовольствием согласился, чтобы парик в течение семи недель щекотал ему лицо.

— К черту этот дурацкий парик, — сказал Брукер. — Из-за него почти не видно ее лица. В нем она похожа на овцу в корсете. Я плачу сумасшедшие деньги за то, чтобы снимать Гею, а ведь мы с тем же успехом могли бы засунуть в этот костюм кого угодно.

Он снова посмотрел на часы.

— Пять минут. Если через пять минут ее не будет на площадке, я… я…

Брукер не договорил. Не хотелось бы выставить себя дураком и заодно обидеть звезду. А все потому, что, когда снимаешь скромный, независимый фильм с участием актрисы такого масштаба, как Гея, нужно быть предельно осмотрительным. Стоит погладить ее против шерстки, как она в отместку начнет тянуть резину, срывая всякий график. И тогда съемки растянутся еще на несколько дней, если не недель, и тогда жди неприятностей.

Уже и без того дважды за последнюю неделю Гея взбрыкивала, показывая характер, и Брукер понял, хотя и оставил свою догадку при себе, что ей отлично известно, что существует лишь одна-единственная причина, почему он сумел протолкнуть идею этого фильма. Что все они участвовали в этих съемках по этой одной-единственной причине.

Потому что она, Гея, сказала «да».

113

Гаю Батчелору потребовалось какое-то время, чтобы набраться мужества и подойти ближе, а затем заглянуть в холодильник. От дохнувшего на него морозного воздуха ему показалось, будто в его жилах застыла кровь.

На дне холодильника, между пакетами замороженного горошка и капусты брокколи лежала лицом вверх человеческая голова. Плоть посерела и покрылась пятнами изморози, так же как и волосы. Глаза зримо уменьшились и напоминали два мраморных шарика.

Несмотря на то что цвет головы изменился, он мгновенно узнал лицо по фотографии, которую видел раньше: Майлз Ройс, победитель аукциона, на котором продавался желтый твидовый костюм Геи. Батчелор отвернулся и быстро вышел из кухни.

— Это та самая недостающая часть «неизвестного мужчины из Берика»? — спросил Бретт Уоллес.

— Она самая, — ответил Гай Батчелор.

Полицейский, который фонариком подсвечивал низ раковины, поднял голову:

— Мамочка Бретта рассказывала, что ее сынок в детстве хорошо складывал мозаику.

Уоллес улыбнулся и, достав телефон, позвонил начальству.

Грейс внимательно выслушал сообщение Гая Батчелора, стараясь мыслить ясно, несмотря на охватывающую его панику, пытаясь принять какие-нибудь быстрые решения. Старшего констебля и его заместителя необходимо известить прежде, чем они окажутся в щекотливой ситуации, узнав о находке головы Ройса из новостей. Но прежде чем сделать это, Грейс должен кое в чем убедиться.

Он позвонил по мобильному начальнику службы безопасности Геи Эндрю Галли.

— Эндрю Галли слушает, — ответил тот почти мгновенно, как будто ожидал звонка.

— Это Рой Грейс.

— Инспектор Грейс… э-э-э… — Голос в манере актера Джеймса Кэгни прозвучал чуть встревоженно.

— У нас возникла экстренная ситуация, мистер Галли. Я получил распечатку графика киносъемок и увидел, что ваша клиентка снимается сегодня вечером в Павильоне. Я очень беспокоюсь за ее безопасность. У меня имеются серьезные основания полагать, что некий злоумышленник намерен причинить ей вред. Он уже убил по меньшей мере одного человека. Мы знаем, как он выглядит и как может загримироваться. Я считаю, что у нас есть возможность быстро его поймать, но не желаю рисковать жизнью вашей клиентки. Поэтому я хочу с вашей помощью удалить ее со съемочной площадки и проследить, чтобы она с сыном оставалась в ближайшие сутки в гостиничном номере под охраной. Это возможно?

— Послушайте, инспектор, мы с вами все одинаково понимаем. Но я ничем не могу помочь вам. Меня сегодня утром уволили.

— Уволили?

— Да. Завтра я вылетаю в Лос-Анджелес.

— Кто уволил? Гея? Гея уволила вас? В такой сложной ситуации?

— Да. Дело в том, что я заявил своей клиентке, что настаиваю на том, чтобы она немедленно покинула Англию, прямо сегодня, и вернулась обратно в Штаты, наплевав на все, расторгнув контракт. Она не послушалась. Поэтому мы и оказались в безвыходном положении. Гея сказала мне, что если я не изменю своего мнения, то она уволит меня. Я сказал ей: «Мисс Лафайет, я не хочу рисковать вашей жизнью и жизнью вашего сына. Вы что, сошли с ума? Наплюйте на контракт».

Возникла короткая пауза, затем Галли продолжил:

— Скажу вам честно, инспектор, она получает сущие гроши, участвуя в этом фильме, по сравнению с тем, что зарабатывает концертами. Так что посылайте их подальше, сказал я ей, пусть судятся с вами, если хотят. Лучше заплатить неустойку по суду, чем быть мертвой. Она и слушать меня не захотела. Я заявил, что не выпущу ее на съемочную площадку. Поэтому она уволила меня.

— Хотите, я попробую поговорить с ней?

— Гея Лафайет делает то, что хочет Гея Лафайет, инспектор. Она никого не станет слушать.

— Я прямо сейчас ей позвоню, — пообещал Грейс.

— Удачи вам. Удача вам еще пригодится.

Он закончил разговор с Галли и сразу же позвонил Энди Киллу, обрадовавшись тому, что тот еще находится на дежурстве.

— Мы нашли голову Майлза Ройса, — сообщил он ему. — И нашли подозреваемого, который может причинить вред Гее. Я приказал раздать всем патрульным отпечатки со снимками Эрика Уитли и Анны Галишии. Нужно немедленно отправить всех незанятых полицейских к Павильону, который следует взять в плотное кольцо. Чтобы туда даже комар не пролетел.

— Могу отправить туда нескольких спецназовцев, — пообещал Килл.

— Всех, кого сможешь, — ответил Грейс. — Нужно взять этого мерзавца в коробочку.

— Присваиваю операции индекс «критического происшествия», — сказал Килл. — Дежурству Грэма Баррингтона даю «золото», а Нику Слоуну — «серебро».

Грейс поблагодарил его и посмотрел на часы. Пятнадцать минут седьмого. Согласно графику съемок Гее в четыре часа дня нужно было находиться в трейлере и приступить к гриму и работе с костюмером — за два часа до появления на съемочной площадке.

— Гайдн, я хочу, чтобы вы отправились в комнату видеонаблюдения, — попросил он криминалиста-ортопеда. — Мне нужна помощь всех, кто сейчас свободен. Проследите, пожалуйста, за камерами видеонаблюдения вокруг Павильона. Если заметите Эрика Уитли или Анну Галишию, то немедленно сообщи мне. Договорились? Мы будем искать его. — Он огляделся по сторонам. — Белла, я хочу, чтобы ты поискала его там, а потом дождалась меня у входа в Павильон. Все, давай, в путь!

Белла Мой и Гайдн Келли встали и торопливо направились к двери. Грейс повернулся к присутствующим:

— Мы все знаем, как Уитли выглядит в обоих обличьях. Хочу, чтобы вы все внимательно выглядывали его в толпе. Я не уверен, что он попадется нам на глаза, но удивлюсь, если мы его не увидим. Помните, мы не имеем права упустить его.

Он пробежал глазами список звонков и нашел время звонков Ларри Брукера, которые тот сделал прошлым вечером, и снова позвонил ему.

— Мистер Брукер, это суперинтендент Грейс.

— Вы позвонили в неудачный момент, — ответил продюсер. — Мы приступаем к съемкам главного эпизода. Могу я перезвонить вам позднее?

— Нет! — возбужденно произнес Грейс. — Гея сейчас на площадке?

— Нет, черт побери, ее еще нет! Мы как раз ждем ее!

— Мистер Брукер, окажите мне великую любезность. Мы полагаем, что в данный момент возникла серьезная угроза ее жизни. Я хочу, чтобы полицейские проводили ее в гостиничный номер и охраняли там до тех пор, пока угроза не минует. Вы сегодня можете снимать какие-нибудь эпизоды без ее участия?

— Детектив Грейс, она нас и так изрядно задержала. Будьте реалистом. Звезды регулярно получают угрозы от всяких психов. У нее, черт побери, есть собственная охрана, и еще там присутствует охрана Павильона и охранники съемочной группы. Да и полиции тут рядом с нами хватает. Это место охраняют почище Форт-Нокса. Сюда мышь не проскочит без пропуска. Сейчас это самое безопасное место во всем Брайтоне.

— В таком случае почему же вчера в Банкетном зале свалилась люстра, мистер Брукер?

— После этого здесь навели чуть ли не армейский порядок. Мы заколотили все люки. Обыскали все уголки Павильона. На площадке Гея будет в полной безопасности. Если мы, конечно, сможем дождаться, черт возьми, когда она соизволит выйти из трейлера.

Грейс сердито отключился.

— Что случилось, шеф? — спросил Гленн Брэнсон.

— Извини, я думал, тебе уже рассказали. Нашли голову Майлза Ройса.

Гленн удивленно посмотрел на Грейса:

— Нашли? Где?

— В холодильнике Эрика Уитли.

— Вот черт!

— Да, да. И у меня предчувствие, что его следующая цель — Гея. Судя по состоянию его жилища, он ума лишился. В клочья разорвал все сувениры, изрисовал все стены мерзкими надписями с угрозами в адрес Геи и исчез.

— Как ты думаешь, где он может быть? — спросил Брэнсон.

— Я сегодня разговаривал с психологом, доктором Тарой Лестер. Она занимается изучением тех одержимых фанатов, что охотятся за знаменитостями и нередко воображают себе, будто общаются с ними. Им кажется, что та или иная знаменитость только и ждет того момента, когда может проявить взаимность. То есть, по мнению такого фаната, знаменитость тоже влюблена в него. Когда знаменитость отвергает его, он может не на шутку взбеситься. Похоже, что мы имеем дело как раз с таким случаем. Я думаю, что он непременно появится возле нее — либо в отеле, либо в Павильоне.

Брэнсон кивнул.

— Вечернее совещание отменяется. Нам с тобой надо срочно найти Гею.

114

— Гея вышла из трейлера, сейчас будет, — доложил Ларри Брукеру и Джеку Джордану Барнаби Кац и, услышав голос сопровождавшего звезду третьего помощника режиссера, добавил:

— С ней Джо и двое полицейских. Передадут с рук на руки.

— Скажи им, чтобы включили сирену и пошевеливались, — нетерпеливо бросил Брукер.

Триста ярдов, отделявшие стоянку от Павильона, черный «ренджровер» прошел в сопровождении полицейской машины. Полицейские торопливо выскочили и замерли в сторонке. Один из телохранителей распахнул дверцу, и знаменитость, нагнув голову, чтобы не зацепиться за что-нибудь париком, платьем или высоким воротником, медленно, осторожно сошла на землю.

Собравшаяся за стеной, на Нью-Роуд, внушительная толпа зевак приветствовала ее восторженными, хотя и разрозненными криками. В серой хмари наступающего вечера замелькали вспышки. Неторопливо, как будто неуверенно, Гея проследовала по дорожке, вошла, по-прежнему в сопровождении третьего помощника, в здание, повернула вправо и направилась по коридору в Банкетный зал.

Прямо в море лиц.

Вздох облегчения прошелестел по залу. Сидевшие за банкетным столом актеры повернулись к ней. Художник по гриму побежала между стульями, промокая блестящие от пота носы и лбы; одна из парикмахерш поправила парик на голове Хью Бонневилля. Сами собой вдруг грянули аплодисменты.

Дело дрянь, подумал Брукер. Дрянь дело. Ей это точно не понравится.

Ни теплым приветствием коллег, ни знаком восхищения эти аплодисменты не были, а были они язвительной демонстрацией недовольства тридцати раздраженных и уставших от ожидания собратьев по профессии.

И тут, к полнейшему изумлению Брукера, Гея улыбнулась и присела в реверансе перед собравшимися за столом. Потом отвесила поклон оператору и его команде. Звукорежиссеру и его группе. Монтажнице. Режиссеру и продюсеру. Всем остальным. Поклонилась так, словно от этого жеста зависела вся ее карьера.

Горделиво, с достоинством улыбаясь, она как будто не понимала, что случилось, она наслаждалась вниманием, чувствуя себя объектом поклонения и восхищения, которых здесь не было и в помине.

Брукер нахмурился. Гея никогда не вела себя так, это было не в ее характере. И вообще с ней творилось что-то странное.

115

Рой Грейс задумался, почему Гленн Брэнсон всякий раз, как только садится за руль, гонит машину на такой скорости, словно угнал ее и пытается оторваться от погони. Правда, на этот раз у него была на то веская причина. Гленн на всех парах прорывался через рассасывающуюся понемногу дорожную пробку. Большую часть пути Грейс опасался за собственную жизнь и жизни тех, кто мог случайно попасть им под колеса. Чтобы отвлечься от этих мыслей, он сделал пару звонков и сообщил свежую информацию сначала старшему констеблю через дежурного офицера, а потом Риггу.

В 6.30 вечера, всего через семь минут после того, как они вышли из Суссекс-Хаус, их машина на бешеной скорости въехала на территорию Павильона и затормозила позади черного «ренджровера». Грейс с облегчением заметил, что присутствие полиции здесь заметно возросло по сравнению со вчерашним днем.

Когда они поднялись по ступенькам к парадной двери, путь им преградила пара охранников с наушниками радиопередатчика.

— Простите, господа, — сказал один из них. — Сюда приказано никого не пускать, сейчас вот-вот начнут съемки.

Грейс вытащил из кармана удостоверение и показал его охранникам.

Тот же охранник снова покачал головой:

— Сэр, боюсь, вы меня не поняли. Сейчас начнется съемка. Я не могу впустить вас до того, как они закончат снимать эту сцену.

— Мы будем вести себя предельно тихо, — ответил Грейс. — У нас срочное дело.

— Они сегодня и так потеряли целый час. Мадам пребывала в крайне непростом настроении, если вы понимаете, о чем я, — сказал охранник. У него были желтоватые от никотина усы, кряжистая фигура с прямой осанкой и не допускающий юмора тон, выдававший в нем армейского старшину в отставке.

«Ей чертовски повезло, что она еще жива, если вы понимаете, о чем я», — едва не ответил ему Грейс.

— Извините, но нам действительно необходимо срочно попасть в здание, — вслух произнес он.

— Телефоны выключены?

— Нет. Мы не можем отключить ни телефоны, ни рации.

— В таком случае боюсь, что я не смогу пропустить вас до окончания съемок сцены, господа.

— А когда она закончится?

— Зависит от того, через сколько дублей мадам удастся запомнить свои реплики, — с сарказмом в голосе ответили оба охранника.

Грейс решил не упорствовать, повернулся и отошел в сторону в сопровождении Брэнсона.

— Что за чертовщина! — воскликнул Гленн Брэнсон. — Я бы с удовольствием посмотрел на съемки.

— А я бы с большим удовольствием посмотрел на готовый результат, зная, что нам удалось защитить Гею, — хмуро ответил Грейс.

Неподалеку столпилось примерно две сотни зевак. Грейс заметил, что Гленн устало вглядывается в их лица. Присутствует ли среди них Эрик Уитли? Человек, готовый заплатить более двадцати семи тысяч фунтов за костюм, один раз надетый его идолом. Одинокий человек, с абсолютно пустой жизнью, единственным смыслом которой было обреченное на безвестность и неразделенное, безответное поклонение светской звезде. Одинокий человек, которого Гея унизительно отшила у входа в Гранд-отель.

Настолько ли он безумен, чтобы, фанатично гоняясь за любой вещью, принадлежащей его божеству, убить и расчленить своего конкурента с аукциона?

Каким был новый план Уитли после уничтожения коллекции, посвященной Гее?

Уничтожение самого идола? Что, само собой, сделает его не менее знаменитым.

116

Ларри Брукер и еще несколько участников съемочной группы неловко разглядывали Гею. Джек Джордан ухмыльнулся, гадая о том, не подсела ли звезда на наркотики. Ему казалось, что этим вечером она выглядит как-то очень странно. Волосы почти полностью закрывали лицо, макияж был более ярким, чем обычно, да и голос звучал как-то непривычно. Все это создавало впечатление, будто за ночь она успела состариться. Более того, она совершенно ничего не помнила с прошлых репетиций. Быть может, на нее так повлияло то, что вчера едва не погиб ее сын? Может быть, стоило дать ей пару дней выходных, чтобы она пришла в себя? Впрочем, делать это уже слишком поздно.

Он терпеливо повторил ей ее реплику так, как хотел бы ее услышать.

— Это вопиюще *неподобающее* отношение к *королеве,* мой дорогой принц. *Никогда* в жизни я не была так унижена.

Он сделал паузу.

— Вот так. Поняла? Говори с большим выражением. На последних дублях ты почти что бормочешь. Ты должна сказать это громко, обращаясь к публике — друзьям и советникам короля. Ты пытаешься до них что-то *донести.* То, как ты сейчас играла, было скорее похоже на попытку публично унизить его.

Гея кивнула.

Он обернулся в сторону банкетного стола и обратился к «королю Георгу»:

— А ты, Джадд, должен тут же прервать ее, сказав: «Ты *никогда* не была королевой. Ты просто *дорогая шлюха».* — Он снова обернулся к Гее: — А ты в этот момент должна расплакаться и, рыдая, выбежать из комнаты. Все всё поняли?

Джадд Халперн и Гея по очереди кивнули. Первый помощник режиссера надел наушники, занял свое место и прокричал:

— Так, все по местам, начинаем!

— Снимаем! — возвестил оператор.

Выскочил ассистент и щелкнул электронной хлопушкой перед видеокамерой.

— Сцена сто тридцать четыре, дубль три! — Послышался щелчок, и он исчез из поля обзора оператора.

— Мотор! — воскликнул Джек Джордан.

— Гея! — сказала она, обращаясь сначала к королю, затем ко всем присутствующим за столом, прежде чем драматично повернуться и посмотреть на Джека Джордана. — Ты никогда не была королевой. Ты всегда была лишь дорогой шлюхой. Позершей! Ты заставляла людей думать, что любишь их, исключительно ради собственного «я», не так ли? Что я могу сказать? Никакая ты не особенная. Смотри — любой может делать то, что делаешь ты. Посмотри на каждого в этой комнате!

У всех на лицах застыло недоумение. Кто-то был удивлен, а кто-то откровенно шокирован.

Джек Джордан сделал шаг в ее сторону.

— Гея, дорогая, ты не хочешь сделать перерыв на пару минут?

— Вот видите? — Ее голос срывался, она почти перешла на визг. — Вы даже не можете отличить! Реально не можете отличить! Так что вы в ней уже не нуждаетесь, кто угодно сойдет!

Она повернулась и, спотыкаясь, выбежала из комнаты.

Джордан в недоумении посмотрел на Ларри Брукера, затем на ответственного за актерский состав.

— Это… это не она! — воскликнул Барнаби Кац. — Это не Гея!

Брукер задумчиво качал головой:

— Она что, совсем свихнулась?

— Это же не она… не она это была! — снова сказал Кац. — Черт! Да говорю же тебе — это была не Гея! — Он рванулся к двери в коридор и побежал по нему в направлении холла к общественному туалету.

Брукер и Джек Джордан, не отставая, бежали следом.

— Не Гея? — переспросил Брукер на бегу.

— Нет!

— Тогда кто, черт побери, это был? — удивленно воскликнул он. — Думаешь, это она так решила пошутить?

— Куда она подевалась? — Кац открыл дверь и заглянул в женский туалет, затем в мужской. Не найдя там никого, он поспешил к парадному входу и обратился к стоявшим снаружи охранникам: — Ребята, вы не видели, чтобы отсюда кто-нибудь выходил? Примерно пару минут назад?

Оба охранника покачали головами:

— Согласно вашим инструкциям, сэр, за последние пятнадцать минут никто ни входил, ни выходил из этой двери.

— Вы не видели Гею? Или кого-то на нее похожего?

— Нет. Вообще никого, — уверенно ответили они.

Кац протиснулся мимо них, за ним последовали Брукер с Джорданом. Он заметил стоящего неподалеку Роя Грейса в сопровождении высокого чернокожего мужчины в модном костюме.

— Никто из вас не видел Гею несколько минут назад? — осведомился у них он.

— Гею? — переспросил Грейс. Он явно был удивлен их странным поведением и недоумением, застывшим на лицах всей троицы.

— Ну, или кого-то похожего на нее? — уточнил Кац.

— Она выбежала из Банкетного зала и исчезла, как будто испарилась, — ввел их в курс дела Брукер.

— С тех пор как мы сюда пришли, никто не выходил через эту дверь.

— По крайней мере, в последние семь-восемь минут, — уточнил Гленн Брэнсон.

Рой Грейс уставился на Брукера:

— Не могли бы вы объяснить нам, что происходит? Что вы имеете в виду, говоря, что не можете найти Гею?

— Я бы с радостью объяснил вам, что происходит, вот только я сам ни черта не понимаю.

— Гея пришла на съемочную площадку в каком-то необычном состоянии. Выглядела странно, вела себя странно, — начал Джек Джордан. — Потом вообще вышла из роли, стала нести какую-то чепуху и выбежала из помещения.

— Это была не она, — возразил ответственный за актерский состав. — Я в этом полностью уверен.

— Здание находится под контролем, — сказал один из охранников. — Все ключи были убраны из замков, мы приняли эту меру по совету ваших коллег. Это было сделано, как только публика ушла. Если Гея была в здании пять минут назад, значит, она до сих пор там, уверяю вас.

— Если вы говорите, что это была не Гея, — обратился Грейс к Кацу, — то где же тогда она сама?

Тот пожал плечами:

— Понятия не имею. Может, все еще сидит в своем трейлере?

Грейс почувствовал, как его снова начинает охватывать паника, проникая в сознание, мешая думать. Все еще в своем трейлере?

Джордан и Кац вернулись внутрь.

— Хотите, я пойду и проверю? — спросил Кац Грейса.

— Нет, спасибо. Я пойду сам, — ответил тот и повернулся к Брэнсону: — Гленн, распорядись, чтобы здание было окружено, поставь людей у каждого выхода. Никто не должен выйти, понятно? Пока я не разрешу, не выпускать никого, даже долбаного куратора. Близлежащую территорию тоже никто не покидает. Немедленно перекрыть все выходы.

— Будет сделано, шеф.

Грейс побежал по дорожке, свернул на лужайку и остановился рядом с двумя офицерами полиции, стоявшими на страже у входа в трейлер кинозвезды. Еще двое личных охранников Геи стояли неподалеку и разговаривали. Один из них курил сигарету.

— Кто-нибудь выходил или входил в трейлер, пока вы тут стояли? — спросил он у полицейских.

Оба отрицательно покачали головами.

— С тех пор как Гея ушла на съемочную площадку, никто здесь не появлялся, сэр, — ответил один из них.

Грейс подошел к двери и громко постучал. Он подождал ответа, затем постучал снова. Не дождавшись отклика, он открыл дверь:

— Привет! Привет? Есть тут кто-нибудь?

Тишина была ему ответом.

Он поднялся по ступенькам и вошел внутрь. И в следующее мгновение почувствовал себя как рыба, которая вдруг попалась на крючок, и поплавок яростно задергался.

На мгновение ему показалось, будто интерьер трейлера закрутился перед его глазами, стены сжались, а затем снова приняли свое нормальное положение. От увиденного по его спине побежали мурашки.

— О господи! — пробормотал он. — О, ужас!

117

— Быстрее сюда! — прокричал Грейс офицерам, стоявшим снаружи перед входом в трейлер.

Он бросился к трем телам, лежащим на полу связанными по рукам и ногам с кляпами во рту, рот каждого из них был заклеен серой изолентой. Глаза всех троих моргали и двигались. Слава богу, они были живы.

В одном из них он узнал ассистента Геи, но самой ее здесь не было.

— Я — офицер полиции. С вами все в порядке? — спросил он каждого из них по очереди. Все они ответили испуганными, но согласными кивками. Аккуратно отклеив изоленту и вытащив кляпы, Грейс признал в связанных парикмахера и визажиста.

— Вызовите три машины скорой помощи, — обратился он к двум офицерам, стоявшим у него за спиной. — Затем развяжите их, только аккуратно — изолента чертовски больно отдирается.

Он отодвинул в сторону штору и шагнул в глубь трейлера, заглядывая во все возможные места. Душевая кабинка и туалет тоже были пусты. Грейс прошел в помещение, судя по всему служившее спальней. Там витал запах духов Геи, но самой ее там не было. На застеленной кровати лежала одежда. Он тщательно осмотрел все вокруг, открывая каждую дверцу и отодвигая каждый ящик. Он даже опустился на колени и на всякий случай заглянул под кровать, но все было тщетно.

В этом трейлере Геи не было.

По рации Грейс связался с оперативной группой, и его тут же соединили с инспектором Энди Килли, которого он сразу ввел в курс дела.

— Получается, нам неизвестно точное время, когда ее похитили, Рой? — сделал вывод Килли.

— Где-то в промежутке от четырех часов пополудни до двух минут назад.

— Больше трех часов. Она может быть где угодно. Думаю, перекрывать дороги уже бессмысленно — велика вероятность, что они уже далеко отсюда.

— Думаю, преступник находится вместе с ней в Павильоне, — выдвинул предположение Грейс. — Но я согласен, дороги перекрывать нет смысла. «Отель-900» или «Оскар Сьерра-99» свободны?

«Отель-900» и «Оскар Сьерра-99» были позывными сигналами двух вертолетов Юго-Восточного отдела воздушной поддержки.

— Да, свободны.

— Поднимайте один из них над Павильоном — на случай, если он вдруг решил подняться на крышу. Там много мест, где можно спрятаться. Они сразу заметят, если он попытается сбежать.

Мысленно Грейс молился, чтобы Гея была жива. Его мозг судорожно работал, пытаясь найти какую-нибудь зацепку. Ему доводилось вести дела о похищении детей и взятии людей в заложники, и он умел успешно вести переговоры с преступниками. Однако из своего опыта он знал, что шансы жертвы выйти из подобной ситуации целой и невредимой были крайне невысоки. Согласно статистике похищений детей, сорок четыре процента жертв умирали в течение первого часа. Семьдесят три процента смерть настигала в течение трех часов. И лишь один процент жил дольше одних суток. Сорок процентов жертв умирали еще до того, как в полицию обращались с заявлением об их пропаже.

Эти цифры касались исключительно детей. Но если доктор Лестер был прав, после того как Гея перестала быть возлюбленной Эрика Уитли, тот вполне мог воспринимать ее как ребенка, которому стоит преподать урок.

Поэтому сейчас каждая секунда была на счету.

— На всякий случай нам надо сделать объявление в СМИ, Энди.

— Нам известна машина Уитли?

— У него «ниссан-микра», но он стоит в гараже. Возможно, Уитли взял в прокате что-то более просторное — в «микре» не так-то легко спрятать человека.

Грейс посмотрел на небольшую табличку, висящую рядом с задним окном. «Аварийный выход».

Ему пришлось обойти кровать, чтобы приблизиться к ней. Только тогда он заметил, что дверная ручка находится в открытом положении, как будто дверь недавно открыли и неплотно закрыли снаружи.

Он завершил разговор с Килли, открыл дверь и выглянул наружу с задней стороны трейлера. Прямо за ним было припарковано еще два дома на колесах, скрывавших из вида этот запасной выход. Его можно было разглядеть, только находясь не более чем в нескольких шагах. Ни одно окно не выходило на эту сторону. Это была самая удобная для Уитли позиция, чтобы похитить Гею. Однако им наверняка все равно пришлось бы выйти на открытое пространство через несколько десятков ярдов.

Он перевел взгляд на лужайку и обратил внимание на тонкий темный прямоугольник, словно выщипанный в траве.

Грейс нагнулся и наступил на него, прямоугольник слегка пошевелился. Он вернулся в трейлер, убедился, что полицейские уже освободили жертв, и отправился на кухню, где достал из ящика большой разделочный нож и металлическую лопатку.

Выйдя наружу, он встал на колени возле трейлера и, используя свои инструменты в качестве рычага, откинул старую тяжелую металлическую крышку, покрытую сверху дерном. Крутые каменные ступеньки уходили вниз, в темноту.

Ему неоднократно приходилось слышать легенды о тайных подземных ходах, прорытых под Павильоном. Интересно, неужели это один из них?

Грейс снова вернулся в трейлер и попросил у полицейских фонарик. Один из них достал из кармана небольшой, но надежный фонарь и протянул его Грейсу. Тот включил его, снова вышел наружу и начал спускаться вниз по ступенькам, вдыхая сырой воздух подземелья. Пройдя примерно десяток ярдов, он оказался в тоннеле высотой ровно в его рост. Стены и кирпичный пол были покрыты потемневшей от времени штукатуркой. Сам тоннель тянулся вдаль, в сторону главного здания Павильона. Обмотанные войлоком трубы, медные трубки непонятного назначения и оголенные провода тянулись вдаль под самым потолком по обе стороны коридора. Через каждые несколько ярдов на стенах висели незажженные фонари.

Грейс двинулся вперед, стараясь идти как можно быстрее, при этом не спотыкаясь о неровности пола. В свете его фонаря впереди перед ним метались тени, в такт им отплясывали и его нервы. Он прошел мимо старой деревянной двери, снятой с петель и прислоненной к стене. Затем его взгляду предстала большая, покрытая пылью оконная рама, а чуть дальше — сломанное плетеное кресло.

Два красных огонька появились где-то впереди, замерли и тут же исчезли. Крыса. Дальше его путь лежал мимо бело-оранжевого автодорожного конуса, некстати поставленного прямо у него на пути. Наконец он очутился перед грязной белой дверью с блестящей, явно новой хромированной ручкой. Грейс на мгновение задумался и достал из кармана мобильник. Дисплей показывал полное отсутствие сигнала. Значит, в случае необходимости подмогу вызвать не удастся. Если он столкнется с Уитли, то будет вынужден рассчитывать только на свои собственные силы.

Он взялся за ручку и на всякий случай погасил фонарь, чтобы нечаянно не стать мишенью. Затем быстро открыл дверь и снова включил его.

Луч фонаря выхватил из темноты висевший на кирпичной стене пожарный рукав. Грейс сделал шаг вперед и посветил в следующий коридор, который был гораздо выше и шире предыдущего. Он вел немного правее и был освещен тусклым светом настенных ламп. В этом отсеке подземного хода трубы и проводка пролегали рядом друг с другом посередине потолка. Кирпичный пол был неровным и некрашеным, в местах мелкого ремонта щеголяя пятнами цемента. Грейс прошел мимо стоявших рядком пластиковых барабанов и с левой

стороны увидел еле держащуюся на петлях обветшалую зеленую дверь с черно-желтой табличкой «Опасно! Высокое напряжение!». Свисавшая неровными клочьями паутина в левом верхнем углу явно свидетельствовала о том, что дверь недавно открывали. Набравшись смелости, он взялся за ручку и потянул, тут же сделав шаг в сторону. Петли заскрипели, низ двери громко проскрежетал по кирпичному полу. Грейс посветил фонариком в дверной проем. Луч света выхватил из темноты вентили, рычаги, переключатели и заделанные асбестом трубы. В остальном стена была пуста.

Он двинулся дальше и увидел впереди свет. Затем услышал голоса и мгновенно застыл на месте.

Голоса доносились откуда-то сверху. Затем к ним добавился звук шагов. Кто-то спускался по ступенькам. Нервы Грейса были на пределе. Он сделал несколько глубоких вдохов, покрепче сжал фонарик, служивший ему единственным оружием, и пошел вперед, стараясь как можно плотнее прижиматься к стене. В его поле зрения показалась какая-то тень. В считаные секунды она выросла прямо на глазах. А потом перед ним внезапно появился сержант-майор в отставке, полчаса назад стоявший на посту у главного входа. Увидев Грейса, старый солдат вздрогнул от неожиданности, что-то прокричал и уронил свой фонарик. С громким стуком он ударился об пол и выключился.

— Черт побери! Вы изрядно напугали меня, сэр!

— Я бы сказал, это было взаимно, — ответил Грейс. — Что происходит? Здесь что-то нашли?

С явным трудом охранник нагнулся и подобрал фонарик.

— Нет, сэр, пока ничего. Но территория обыска чертовски огромна. Вот и приходится пользоваться короткими путями, чтобы быстрее передвигаться. Здесь неимоверно большое количество коридоров — их специально придумали, чтобы слуги передвигались по нижним этажам, не заходя в главные помещения без лишней на то необходимости. Я работаю здесь уже семь лет и все равно не перестаю находить новые места. Для того, кто хорошо знает эти лабиринты, оставаться незаметным и не попасться никому на глаза довольно легко.

— А что находится там? — Грейс жестом указал на ступеньки, по которым его собеседник только что спустился.

— Это вход в главный холл, который располагается сразу за дверью главного входа. Там же находятся туалеты.

— Тот, кто похитил Гею, наверняка спрятал ее где-то здесь несколько часов назад, я в этом уверен. Но куда он мог ее увести отсюда?

— Дальше этого коридора он не мог ее увести. Если посветите туда фонариком, то поймете почему. — Он указал на продолжение тоннеля, которое чуть дальше было заложено кирпичом.

— Ему пришлось либо вернуться с ней обратно туда, откуда они пришли, либо подняться вверх по этим ступенькам.

Внезапно Грейс вспомнил свежий запах шоколада. Оставленная обертка от печенья со следами помады на ней.

Помада Анны Галишии?

— Пойдете со мной? — предложил Грейс и быстро взбежал вверх по ступенькам, через полуоткрытую дверь и бросился к едва заметной двери в другом конце холла, куда заходил вчера вместе с куратором Павильона.

Он рывком открыл ее и как можно скорее начал взбираться вверх по винтовой лестнице. За спиной слышалось пыхтение пожилого охранника.

— Не прикасайтесь к перилам, сэр! Они очень шаткие!

Грейс одолел лестницу и оказался в старом заброшенном помещении, расположенном под самым куполом. Воздух все так же был затхлым и отдавал плесенью, пыль по-прежнему покрывала все плотным слоем. Но он даже не обратил внимания ни на запах, ни на пыль, ни на обертку от шоколадки, все еще валявшуюся на полу.

Он с ужасом уставился на открывшуюся взору безумную и страшную картину. Со стороны могло показаться, будто два актера репетируют сцену спектакля. Но ни один из них ничего не играл. Оба стояли на опасном прогнившем люке. На шею женщины была накинута петля.

118

Одетая в джинсы и потемневшую от пота белую футболку, Гея стояла на носочках. Вокруг ее шеи была затянута петля из проволоки, перекинутой через систему блоков высоко над люком. От страха на ее лице выступили капли пота. Там, где куски проволоки врезались в кожу, на шее выступили пятнышки крови. Небольшой кусок изоленты лежал комком на полу. Кожа вокруг ее рта покраснела, судя по всему, от только что оторванной клейкой полоски. При виде этой картины Грейс испытал одновременно и гнев, и облегчение оттого, что Гея все еще жива.

Руки Геи были связаны за спиной. Рядом с ее блестящими кроссовками к доске была прибита табличка «Осторожно! На люке не стоять!».

Ее глаза, полные ужаса, в упор смотрели на Грейса. Он старался взглядом излучать поддержку и решительность. Она выглядела настолько беспомощной и уязвимой, что его охватила острая жалость.

Рядом с ней застыло некое несуразное подобие женщины с тонной макияжа и триумфальной улыбкой на лице, облаченное в женский костюм эпохи Регентства и растрепанный, съехавший набок огромный парик. Уитли положил руки на оба ржавых болта-засова, препятствующих люку открыться вниз и увлечь их обоих в падении сквозь проем на десяток ярдов вниз, чтобы приземлиться на дно кладовой, расположенной прямо над кухнями. Рядом с ним на полу лежал угрожающего вида раскрытый охотничий нож и мобильный телефон.

Внезапно раздался похожий на выстрел резкий хруст. Гея испуганно вскрикнула. Взгляд ее двойника немедленно метнулся вниз.

В следующее мгновение Грейс понял, что это был за звук. Люк был готов в любую секунду провалиться вниз. Его мозг лихорадочно заработал, пытаясь срочно найти выход. Эти двое были всего в каких-то трех шагах от него.

Три широких шага, прикинул он. Засовы могут быть отодвинуты еще до того, как он сдвинется с места. Он не мог рисковать, по крайней мере не сейчас. Снова послышался хруст. На этот раз люк заметно просел, проволока натянулась еще сильнее. Конструкция была готова обрушиться в любой момент.

— Детектив суперинтендент Рой Грейс! — поприветствовало его женоподобное создание широкой белозубой улыбкой и кокетливым, пародирующим Гею голосом. — Узнаю вас по фотографии в «Аргусе». Как мило с вашей стороны присоединиться к нашей маленькой приватной вечеринке!

Гея взглядом умоляла Грейса сделать что-нибудь.

Его сердце колотилось так сильно, что он слышал шумные толчки пульса в ушах.

— Эрик Уитли? — спросил он. — Или я должен называть вас Анна Галишия?

За его спиной раздались тяжелые шаги и пыхтение.

— Избавься от своего жирного приятеля, дорогой, он такой уродливый, — продолжило разнаряженное существо голосом Геи. — С тобой я буду разговаривать, а вот со всякими отморозками-охранниками — нет.

Грейс застыл в нерешительности.

Двойник Геи на полдюйма отодвинул засовы. Паника в глазах Геи превратилась в настоящий ужас. Под ними появилась еще одна небольшая трещина. Злоумышленника слегка пошатнуло, но, похоже, ему все равно.

— Избавься от своего жирного дружка, или мы с этой сучкой умрем. У тебя есть пять секунд, детектив суперинтендент! — произнес Уитли, и его руки сильнее сжали засовы.

Грейс повернулся и обратился к охраннику:

— Делайте, что она велела!

Охранник недоуменно посмотрел на Грейса, словно сомневаясь, в уме ли он.

— УБИРАЙСЯ ОТСЮДА! ПОШЕЛ ВОН! — рявкнул на него Грейс.

Это произвело ожидаемый эффект. Охранник повернулся и в ошарашенном состоянии выскочил из комнаты. Грейс повернулся к трансвеститу, судорожно гадая, что делать дальше. Он пытался вспомнить все, что ему говорила Аннализа Винир, работавшая в команде исследователей, старавшихся как можно глубже раскопать прошлое Уитли. Ему также не помешало бы вспомнить информацию, полученную от психолога, доктора Тары Лестер. Но первым делом, конечно, надо наладить диалог, завоевать доверие Уитли. И параллельно разработать план «Б».

— Скажи, как ты хочешь, чтобы я тебя называл? — спросил он. — Анной Галишией или Эриком Уитли? — На долю секунды он кинул взгляд на проволоку, тянувшуюся вверх от петли на шее Геи.

— Очень смешно! — огрызнулся Уитли мужским голосом. — Я без всякого страха прикончу ее.

— Тебе ведь уже доводилось убивать раньше. Не так ли, Анна? Ведь имя Анна пойдет?

— Анне это будет приятно. — Трансвестит снова перешел на голос, пародирующий Гею.

По спине Грейса пробежал холодок. Все происходило так, словно он общался с двумя разными людьми в одном и том же теле.

— А как насчет Эрика? Ему это будет приятно?

— Эрик будет делать то, что прикажет ему Анна, — сказал Уитли голосом Анны.

— Ты убила Майлза Ройса. Так ведь? Зачем ты это сделала?

— Потому что он был богаче меня. Он всегда выигрывал у меня те вещи, которые я очень хотела. Я не могла позволить этому продолжаться. Я пригласила его, чтобы показать мою коллекцию, а потом убила его. Он стал частью моей коллекции. Весьма неплохим трофеем. Эрик одобрил!

Краем глаза Грейс видел, что Гея умоляюще смотрит на него, но сейчас он не мог прерывать визуальный контакт с Уитли.

Он должен найти какую-нибудь общую тему, какой-то способ сблизиться с ним. Но времени оставалось очень мало. Возможно, лишь считаные секунды.

Снова послышался треск.

— Вам стоит поторопиться, детектив суперинтендент, нам пора вниз! — сказал Уитли с кокетливой интонацией Геи.

Он был весьма догадлив. Несколькими широкими петлями проволока была намотана на барабан. Прямо над головой Геи она была согнута несколько раз, вынуждая ее стоять на мысках. В запасе оставалось около двух ярдов проволоки. Если люк упадет, Гея пролетит как раз эти самые два ярда. Даже если она не свернет себе шею или острая проволока не отрежет ей голову, добраться до нее будет невозможно, равно как и подтянуть наверх, используя только этот кусок проволоки.

До слуха Грейса неожиданно донесся гул вращающихся лопастей вертолета, раздававшийся прямо у них над головами. Он заметил, как взгляд Уитли метнулся к одному из пыльных овальных окон, и к своему удивлению понял, что только что окончательно упустил шанс сбить злоумышленника с ног, пока тот на мгновение отвлекся.

Звук вертолета постепенно затих где-то вдалеке.

— Не думаю, что вертолет вам здесь чем-нибудь поможет, детектив суперинтендент Грейс, согласны? — спросила Анна и посмотрела на Гею. — Не раскатывай губу, ты понимаешь, о чем я? Не надейся, что кто-то придет и спасет тебя. Этому не бывать. — Он поднял правую руку, сложил вместе большой, средний и безымянный пальцы, а остальные поднял повыше. — Лисичка-подружка! — произнес трансвестит и подмигнул актрисе.

Гея смотрела на него с отвращением и страхом одновременно.

Неожиданно зазвонил мобильник Грейса, но он не торопился брать трубку.

— Эрик разрешает тебе ответить на звонок, — великодушно разрешила Анна.

Телефон продолжал звонить.

— Эрик разрешает тебе ответить на звонок, — повторила Анна.

Грейс так и не брал трубку. Он хотел, чтобы обе его руки оставались свободными. Наконец гудки прекратились.

— Это мог быть важный звонок, — сказала Анна Галишия. — Ты ведь важная персона, не правда ли?

— А разве ты не важная, Анна? — ответил он.

— Эрик так считает, да.

Грейс снова украдкой бросил взгляд на Гею. Она продолжала неотрывно смотреть на него. Тем временем он гадал, что же предпримет выгнанный им отсюда охранник. Помимо идеи посадить на крышу снайпера, чтобы тот попробовал подстрелить Уитли через окно, — а для этого было уже слишком поздно, — ничего больше в голову ему не шло. Снизу донесся вой сирен, затем кто-то посигналил, потом снова прозвучали сирены. Похоже что едет пожарная служба. Но это мало чем сейчас могло помочь. Времени вызвать подкрепление не осталось. За спиной Уитли в окне промелькнула тень летящей чайки и тут же исчезла.

Уитли посмотрел на былой предмет своего обожания.

— Как ты там, Гея? Хорошо быть рядом со своим фанатом номер один, верно? Круто, когда тебя обожают? А?

Она попыталась что-то ответить, но смогла выдавить из себя только нечленораздельный хрип.

— Ты когда-нибудь думала, кем бы ты была, если бы не было меня и остальных? А?

— Может, расслабишь петлю или вообще ее снимешь, чтобы она могла тебе ответить? — спокойно предложил Грейс.

— Ха-ха-ха! Очень смешно, детектив суперинтендент! — ответила Анна.

— Чего ты хочешь от Геи, Анна?

Грейс напрягся, словно сжатая пружина, вслушиваясь, ожидая очередного треска. Он не был уверен, что его план поможет спасти ее, но на данный момент у него не было иного выбора, кроме как вести переговоры. Кто знает, сколько у него еще осталось времени. Минуты, а может, вообще секунды.

После нескольких мгновений тишины Уитли ответил, глядя ему прямо в глаза:

— Я хочу, чтобы она извинилась.

Грейс почувствовал, что в него вселилась надежда.

— Извинилась за что, Анна?

Уитли посмотрел на Гею.

— Ты же сама прекрасно знаешь за что. Не правда ли, Гея? — Он снова перевел взгляд на Грейса.

— Тогда сними с нее петлю, — сказал Грейс уверенно, но дружелюбно. — Пусть она поговорит с тобой.

Внезапно, на этот раз абсолютно нормальным мужским голосом, Уитли рявкнул на него, оскалив зубы в злобной дикой гримасе:

— Анна не будет снимать петлю. Хватит командовать ею!

Грейс посмотрел на него.

— Командовать, говоришь?

Уитли снова окинул взглядом Гею. На этот раз заговорила Анна:

— Тебе всего-то и надо было в фойе Гранд-отеля лишь улыбнуться и сказать «Привет!». Но вместо этого ты унизила меня. Прилюдно втоптала меня в грязь. Сделала из меня идиота. Сделала из меня ЧМО. Ты делала вид, что любишь всех, но ты всего лишь жадная зазнайка. Не так ли, Гея? И как тебе теперь? Готова поспорить, сейчас ты жалеешь, что не была учтивее со мной в Гранд-отеле. Так ведь?

— Дай ей шанс поговорить с тобой, Анна!

Уитли резко обернулся и уставился на Грейса.

— Анна разговаривает не с тобой, — сказал он голосом Эрика Уитли.

Он повернулся к Гее, и снова зазвучал голос Анны:

— Видишь ли, Гея, ты вовсе не такая особенная, как тебе кажется. Кто угодно может стать тобой, стоит лишь соответствующим образом накраситься. Они все подумали, что я — это ты! Я бы мог доиграть твою роль в фильме вместо тебя, и никто бы и вовек не догадался! На самом деле ты вообще нисколько не особенная. Ты просто везучая, очень жестокая и очень неблагодарная тварь!

Грейс снова посмотрел на проволоку и попытался глазами дать Гее знак. Он указал ей на люк под ее ногами, прибитую к нему табличку, а затем перевел взгляд правее. Гея проследила за ним осторожным, недоуменным взглядом, прежде чем он снова уставился на Уитли.

— Ты же знаешь, как говорят, не правда ли? — вопрошал ее голос Анны Галишии. — Хорошо относись к людям по пути наверх, потому что никогда не знаешь, чья помощь тебе понадобится на пути вниз. — Уитли оторвал руку от засова и указал на люк. — На пути вниз! Понимаешь? — Внезапно Анну разобрал смех. — Понимаешь? — повторила она Гее. — Каково тебе будет в последние несколько секунд жизни? Умереть бок о бок со своим фанатом номер один! Но мы ведь никому об этом не расскажем, правда? — Он снова поднял руку и сложил из пальцев знакомую фигуру. — Лисичка-подружка!

— Анна, — сказал Грейс. — У меня есть идея. Если ты дашь Гее свой мобильник, она может позвонить, кому ты хочешь, и сказать им то, что ты ей прикажешь. Она может извиниться и сказать в газетах, по радио, на телевидении, в своем Твиттере, на Фейсбуке — да где угодно! — она может сообщить миру, что ты действительно ее фанат номер один. Что она просто таким образом проверяла тебя. Потому что в толпе ее поклонников куча самозванцев, которые считают, что именно они ее фанаты номер один. Она просто хотела удостовериться, что ты действительно главнее всех. Никто из них не захотел бы умереть рядом с ней. Это настоящая любовь, Анна, и теперь она это знает. Ты можешь заснять ее речь на видео и выложить потом на YouTube.

Внезапно Грейс заметил, как что-то изменилось в глазах Уитли. Словно облако, внезапно открывшее солнце. Глаза загорелись, и он улыбнулся, как ребенок, которому только что дали новую игрушку.

Но лишь на мгновение.

Грейс снова поймал взгляд Геи и покосился направо. Женщина в недоумении смотрела на него. Она явно не понимала его плана.

Лицо Уитли снова исказилось недовольством.

— Ты лжешь, детектив суперинтендент. Все это чушь собачья. Ты лжешь!

— Попроси ее, — сказал Грейс. — Давай!

— Хватит командовать мной!

Снова послышался треск. Уитли напрягся.

Это был нужный момент.

Грейс специально повысил голос, добавив в него нотки возмущения:

— Я вовсе не собираюсь тобой командовать! Ты ведь не уродливая, не скучная и не никчемная — так ведь тебя дразнили в школе, ЧМО?

На мгновение Уитли замер. На его лице застыла паника. Голосом Анны он сказал:

— Так… так они обзывали Эрика. Откуда тебе это известно? Как ты узнал?

— Случайно узнал. Кое-кто рассказал мне. Дай Гее телефон. Пусть она начнет говорить миру, что все, что про тебя говорили, — глупость. Она расскажет своим поклонникам, что ты — ее фанат номер один. Ты станешь героем! По-моему, быть живым фанатом номер один гораздо лучше, чем мертвым. Что скажешь на это?

— Анна так не думает, я только что спросил ее, — ответил Уитли мужским голосом.

— Мобильник. — Грейс показал на него пальцем. — Дай ей мобильник!

Рык Уитли сменился жалобным нытьем.

— Ты командуешь мной.

— ДАЙ ЕЙ ЧЕРТОВ МОБИЛЬНИК! — проорал Грейс так громко, как только был способен.

На мгновение этот крик выбил Уитли из колеи. Он повернулся, словно робот, нагнулся и поднял телефон. Затем он снова застыл в недоумении, слегка согнув руку, и в этот момент Грейс рванулся вперед. Сначала он сделал один шаг, затем, используя правую ногу как толчковую, совершил длинный прыжок и приземлился на обе ноги именно там, где и рассчитывал, — прямо посередине люка, в непосредственной близости от Геи. Послышался громкий треск, и он тут же почувствовал, как деревянная доска ломается под ним, а ноги начали проваливаться вниз. На удивленный возглас Уитли он едва ли обратил внимание. Оно было полностью сосредоточено на том, чтобы ухватиться руками за края образовавшейся дыры непосредственно рядом с Геей, чтобы она могла перенести свой вес на его плечи.

На мгновение он почувствовал, как чьи-то руки хватают его за правую ногу, съезжают по ней вниз и чей-то вес тянет его за собой вниз, а ноги Геи давят ему на плечи. Он судорожно пытался покрепче ухватиться пальцами за края пола, не обращая внимания на впивающиеся в пальцы и под ногти занозы, в эти секунды стараясь думать только о том, чтобы не провалиться самому и, что было не менее важно, чтобы Гея не последовала за ним. Тем временем под грузом навалившейся на него ноши его плечи едва не выворачивались из суставов.

Теперь Грейс еще более отчетливо ощущал, как тяжело ее ноги давят ему на плечи. Она продавливала его вниз. Он опускался все ниже и ниже. Руки словно жгло огнем, но он изо всех сил старался удержаться. Его тянули вниз за правую ногу, руки скользили по деревянному полу. Снизу послышался крик Уитли. Его вес все сильнее увлекал Грейса вниз, держаться становилось все сложнее. Неожиданно он почувствовал, как хватка на его правой ноге ослабевает и руки Уитли соскальзывают с его лодыжки. Снова раздался его крик о помощи. Внезапно, словно рыба, сорвавшаяся с крючка, ботинок соскользнул с его ноги и вес, тянувший его вниз, мгновенно исчез.

Грейс замахал ногами, но они цеплялись лишь за воздух. Он болтался над страшной пропастью, с ужасом понимая, что его держат лишь руки, угрожающе скользящие по деревянным доскам пола к краю отверстия. Вес Геи, упиравшейся ногами в его плечи, продавливал его вниз. Он снова взмахнул ногами, судорожно пытаясь найти хоть какую-нибудь опору, на тот случай, если каким-то чудом под ним окажется лестница. Тем временем Гея продолжала давить на его плечи, тоже, в свою очередь, пытаясь найти в них опору. Ее вес сильнее давил на него сверху. Руки Грейса скользили, сползали все дальше, ноги беспомощно болтались в пустоте.

Его пальцы и плечи пронзала боль. Грейс судорожно попытался подтянуться повыше, но чем больше он подтягивался наверх, тем сильнее Гея давила на него всем своим весом. Его силы были уже на пределе, и он гадал, сколько еще сможет так продержаться.

Только не упади. Только не упади. Только не упади. Эти слова, словно мантра, звучали в его голове. *Только не упади. Только не упади. Только не упади.*

Внезапно он подумал о Клио. Об их еще неродившемся ребенке. О той прекрасной новой жизни, которая ждала его. Он не должен умереть. Не должен.

— Гея! — закричал он. — Так ты убьешь нас обоих! Слезь с меня, встань на пол, у тебя есть достаточный запас проволоки, поверь мне!

Его пальцы соскользнули еще на дюйм.

И еще.

Гея еще сильнее надавила ему на плечи. Она явно пребывала в паническом страхе и не слышала, что он ей говорит.

Грейс проваливался вниз. У него больше не было сил держаться. Пальцы соскользнули к самому краю досок.

И тут давление ее веса на его плечи ослабло, а потом и вовсе исчезло.

Но он все равно был уже не в силах подтянуть собственное тело наверх. Пальцы все так же скользили. Все дальше и дальше. В них больше не осталось сил держаться дольше. Ему требовалось всего лишь подтянуться и вылезти наверх сквозь отверстие, но он не мог этого сделать. Его руки окончательно ослабли.

У него не осталось сил. На мгновение ему показалось, что проще всего будет упасть. Просто разжать пальцы.

Тогда перед мысленным взором Грейса снова предстало лицо Клио. Ее живот. Их ребенок. Их жизнь.

Однако пальцы его продолжали соскальзывать. Его тело висело на них подобно тяжелому свинцовому грузу. Он почувствовал угол доски прямо под подушечками пальцев. Они были готовы разжаться. Словно велосипедист, он крутил в воздухе ногами в последней попытке найти каким-то чудом оказавшуюся там опору, которая спасет ему жизнь.

Пальцы скользили.

Черт, нет, нет, нет! Это безумие! Он не может умереть вот так. Грейс снова решил бороться, призывая на помощь последние капли оставшихся сил.

Но он продолжал соскальзывать.

Неожиданно чьи-то руки железной хваткой сомкнулись на обоих его запястьях. В следующее мгновение он болтался в пустоте, удерживаемый лишь этими руками.

Его тут же медленно и аккуратно вытащили наверх. Он почувствовал дыхание заядлого курильщика, поднял голову и увидел потемневшие от никотина усы и услышал знакомый голос охранника:

— Не волнуйтесь, сэр! Я крепко вас держу!

Мгновение спустя Грейс почувствовал, как еще одна пара рук подхватила его под мышки. Рядом истерически рыдала женщина.

119

Спустя несколько секунд ноги Роя коснулись пола, причем в отдалении от люка. Он даже не заметил, как потерял один ботинок. Ладони были натерты и кровоточили. Под ногти, причиняя ему адскую боль, забились занозы, но он ничего этого не замечал. В данный момент самым главным для него была жизнь Геи.

Она стояла на коленях. С обеих сторон ее поддерживали два полицейских, мужчина и женщина, которые аккуратно снимали с ее шеи петлю. Ее тело сотрясалось от рыданий.

— Сэр, может, вы присядете? — участливо спросил усатый охранник. Второй тем временем поддержал Грейса за руку.

— Ничего, со мной все в порядке. Скажите лучше, как там Гея? — спросил он. — Она жива?

— Да, — ответила женщина-полицейский. — Но у нее шок. Я уже вызвала скорую.

— Может, и вам тоже вызвать? — спросил у Роя охранник.

Грейс покачал головой, пытаясь отдышаться. Лишь тогда он обратил внимание, во что превратились его руки.

— Мне нужен пинцет, — рассеянно произнес он, снова глядя на Гею, как будто до него только сейчас начал доходить смысл происходящего. Затем он перевел взгляд на зияющее прямоугольное отверстие упавшего люка, еще секунды назад прикрытое крышкой.

— Вы сильно поранили лицо.

Рой дотронулся до щеки, после чего посмотрел на пальцы. Те были в крови.

— Да, ребята, вы вовремя успели. Спасибо, что вытащили меня оттуда.

— Когда-то в армии я занимался тяжелой атлетикой, сэр. По сравнению со штангой вы пушинка.

— Все равно большое спасибо!

— Считайте, что это комплимент в ваш адрес, сэр.

Грейс криво улыбнулся, затем подошел к Гее. Их взгляды встретились, и на какой-то миг ее рыдания стихли.

— С вами все в порядке? — спросил он.

Несмотря на слезы, она вымучила улыбку:

— Да, просто я немного перенервничала.

Грейс улыбнулся. Спустя пару секунд послышались шаги, и в комнату влетел Гленн Брэнсон. Впрочем, он тотчас же, открыв рот, замер на месте, растерянно глядя то на Грейса, то на Гею.

— Что случилось? С вами все в порядке? Шеф, я спрашиваю, с вами все в порядке?

Где-то над головой застрекотал вертолет. Вопрос потонул в грохоте мотора и гуле вращающихся лопастей, которые эхом отлетали от голых стен и пола.

— С нами все в порядке, — ответил Грейс.

Брэнсон водил безумным взглядом по сторонам.

— А где Уитли? Мне сказали, что он здесь наверху.

Грейс опустился на колени и подполз к краю люка.

— Осторожно, сэр! — рявкнул охранник.

Грейс подполз к самому к краю и заглянул вниз, затем так же осторожно отполз назад и повернулся к Брэнсону:

— Он в кухне.

— В кухне?

— Что… как… кто там с ним? Что он там делает?

— Могу точно сказать, чего он там не делает. Он точно не готовит обед.

Не обращая внимания на кровоточащую рану на лице и горящие адским огнем ладони, Грейс бросился по винтовой лестнице вниз. Брэнсон устремился за ним следом. Наконец оказавшись внизу, они бросились по коридору в Банкетный зал, где собралась пестрая толпа участников съемочной группы — кто-то в элегантных нарядах эпохи Регентства, кто-то в кроссовках, джинсах и футболках.

— Детектив Грейс, вы можете сказать нам?..

Но Грейс проигнорировал вопрос. Вместо этого он толкнул дверь и бросился в первое из кухонных помещений. Это была небольшая голая комната, с бежевыми стенами. На полу коричневый линолеум. Посреди комнаты стояла стальная тележка на колесиках, чем-то похожая на тележку в морге. Грей посмотрел вверх — никакого люка, лишь низкий потолок.

Тогда он распахнул грязного цвета дверь и вместе с Брэнсоном нырнул в следующую комнату, точно такую же, только меньших размеров. В ней чувствовался слабый запах человеческих фекалий. Пробежав ее, он распахнул другую дверь, в противоположной стене, которая была слегка приоткрыта.

При виде представшей глазам картины оба машинально отпрянули.

— О господи! — ахнул Брэнсон.

Запах человеческого дерьма так и бил в нос. Грейс посмотрел прямо перед собой — на того, кто только что едва не лишил жизни Гею, а также самого себя. Затем он посмотрел вверх, на дыру в потолке, в которую провалился Уитли. До нее было футов пятнадцать, а еще выше, на высоте сорока футов в нее с любопытством заглядывала усатая физиономия охранника. Затем, набрав полную грудь воздуха и задержав дыхание, он вновь посмотрел перед собой, на жутковатую картину в центре комнаты.

Парик слетел с головы Уитли и теперь валялся на полу. Из элегантного платья эпохи Регентства торчала лысеющая голова с всклокоченными седыми патлами. Судя по всему, Уитли сначала ударился об пол, после чего спиной налетел на раковину из нержавейки, которая сейчас поддерживала его спину, отчего могло показаться, будто он просто решил посидеть на полу. Вокруг его ног веером распростерся подол ярко-красного платья, как будто нарочно аккуратно разложил его по полу, чтобы тот не помялся.

Из дыр в платье, чуть ниже талии торчали две светлые палки, чем-то напоминавшие лыжные, длиной примерно восемнадцать дюймов каждая. Правда, они были в крови, и к ним прилипли клочья сухожилий и кожи. Грейс с ужасом понял, что это такое. Берцовые кости, которые от удара выскочили из коленных суставов.

Запах фекалий был омерзителен. Стараясь не дышать, Грейс подошел к Уитли и посмотрел на его покрытое толстым слоем пудры и грима лицо. Уитли беспрестанно моргал, как будто внутри его защемило какой-то нерв. С его губ то и дело срывался слабый стон, отчего казалось, что он ловит ртом воздух, словно вытащенная из воды рыба. Грейс взял его руку и нащупал пульс. Он не стал считать количество ударов, и без того было понятно, что сердце едва бьется.

— Он еще жив. Пока еще жив. Вызывай скорую.

В ужасе посмотрев на изуродованное человеческое тело, Брэнсон вытащил телефон.

120

— Скажи, а она бы сделала то же самое ради тебя? — спросила Клио.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Моя работа состояла в том, чтобы охранять ее.

— Рой, ты ведь специалист по работе с заложниками и самоубийцами. Ты сам как-то раз сказал мне, что тебя учили не рисковать собственной жизнью, а ты в очередной раз рисковал. Разве не так?

Была пятница. Стоял теплый летний вечер. Чтобы отпраздновать последний рабочий день Клио перед декретным отпуском, они заказали столик в своем любимом загородном ресторанчике под названием «Рыжий лис». Клио любила напомнить ему, что, поскольку пополнение в их семье уже не за горами, тихий ужин вдвоем может стать их последним на несколько ближайших лет. Впрочем, Роя долго уговаривать не пришлось. Если он что и обожал в этой жизни, так это посидеть вместе с Клио за хорошей едой и бокалом доброго вина.

Он включил душ, с трудом стянул галстук — давали о себе знать саднившие ладони, в которых все еще оставалось несколько заноз. Затем снял пиджак и брюки и сел на край кровати, чтобы стащить носки. Тело было горячим и потным. Сам он валился с ног от усталости, как будто за спиной у него была долгая-предолгая неделя. Особенно после последних двух дней.

Два брифинга за последние двадцать четыре часа, обращение в независимую службу надзора за действиями полиции, потому что он был непосредственно причастен к серьезным травмам подозреваемого. Объяснения по поводу утечки информации, которую получал Кевин Спинелла. Плюс бумажная работа, связанная с проведением операции «Икона». Ну и в качестве глазури на этом малоприятном пирожном пришлось решать вопрос о том, на каком поле в новом сезоне будет играть их команда регбистов, которая также находилась под его началом.

В довершение ко всему сегодня его вызвали в Лондон, в качестве свидетеля по делу Карла Веннера. Мало того что ему пришлось проторчать целый день в стенах Олд-Бейли, выяснилось, что сегодня он не нужен и ему придется приехать еще раз в следующий вторник.

Принять душ, а затем, откинув верх «Ауди ТТ», с ветерком прокатиться за город, выпить холодного пива, пропустить несколько стаканчиков вина — и ему тотчас станет лучше. Возможно, он даже позволит себе побаловаться сигаретой. Оно даже к лучшему, что Клио беременна — по крайней мере, она точно не выпьет и глотка, а значит, им не придется спорить о том, кто сядет за руль по дороге домой.

— Дело не в том, чему меня учили, — ответил он. — Несколько лет назад случился один скандал, когда два полицейских в одной стране не стали прыгать в озеро, чтобы спасти утопающего мальчишку, потому что их якобы учили не рисковать своей жизнью. Но это редкая вещь. Не думаю, что во всем Суссексе найдется хоть один полицейский, который бы отказался прыгать в воду. Мало ли чему меня учили, на моем месте так поступил бы любой. Как можно стоять и спокойно смотреть, как гибнет другой человек?

Клио поцеловала его.

— Знаешь, я всегда старалась не слишком заморачиваться, — усмехнулась она, — пока не встретила тебя.

— Может, все дело в беременности? Мы с тобой вон сколько книжек прочитали и знаем, что беременность делает с гормонами. Беспокойство — нормальная составляющая материнского инстинкта. Но обо мне тебе беспокоиться не нужно.

— Ребенок здесь ни при чем, Рой. Все дело в тебе. Каждый раз, когда ты уходишь на работу, я думаю, вернешься ли ты назад. Или вместо тебя в дверь постучит парочка твоих коллег.

— Клио, дорогая, прекрати!

— Скажи, Сэнди тоже со всем этим мирилась? Ее мучили те же страхи?

Имя Сэнди, произнесенное вслух, больно укололо его. Его упоминание всякий раз наполняло сердце Роя болью и ощущением утраты — даже несмотря на бодрое состояние духа, в котором он пребывал. Грейс пожал плечами:

— Она никогда ничего не говорила — по крайней мере, про опасность. Если ее что-то и раздражало, так это мой непредсказуемый график работы.

— Извини, но я переживаю, и ничего не могу с собой поделать. Я люблю тебя. Но ты сам посмотри на безрассудные поступки, которые ты совершил за последний год. Ты был в горящем здании, в машине свалился с утеса…

— Не совсем.

— Рой, машина сорвалась с утеса.

— Согласен. Но меня в ней не было.

— Ты был в ней за десять секунд до того, как она сорвалась вниз.

Грейс улыбнулся:

— Верно.

Он встал и снял трусы.

— Ты нырнул в Шорэмскую гавань прямо перед кораблем.

«Как странно», — подумал Грейс. Он не ощущал абсолютно никакого дискомфорта, стоя голым перед Клио. А вот у Сэнди были почти пуританские представления о наготе. В постели эти представления покидали ее, и она могла быть по-настоящему дикой. Но в остальные моменты она всегда чем-нибудь прикрывалась и настаивала, чтобы он что-нибудь надел даже для того, чтобы дойти от спальни до ванной. Еще у нее был навязчивый пунктик насчет туалета. Как-то раз, много лет назад, он пошутил в диалоге с другом, что за все те годы, что они с Сэнди прожили в браке, она ни разу на его памяти не сходила в туалет.

— В случае с Геей у меня не было выбора, — сказал он. — Если бы я не сделал этого, она была бы мертва или осталась бы калекой. Моя карьера пошла бы прахом. Но я поступил так вовсе не по этой причине.

— Служба в полиции — не единственная карьерная стезя, Рой. Если тебя понизят в звании или вообще отправят в отставку, я не буду любить тебя от этого меньше.

— А если кто-то умрет, потому что я струсил?

Вопрос повис в воздухе.

— История полна именами мертвых героев, Рой. Я не готова, чтобы ты ушел в историю.

Грейс послал ей воздушный поцелуй и пошел в ванную. Он смотрел в зеркало и тщательно изучал свое отражение. Рана на левой щеке была зашита тремя стежками, но, кажется, уже заживала. Едва он включил воду, как из спальни раздался сигнал лежавшего на кровати мобильника. Два раза пропищал сигнал полученных сообщений.

— Посмотри, что мне прислали. Вдруг что-нибудь важное, — сквозь звук льющейся воды прокричал он Клио.

Она взяла телефон и зашла в меню сообщений. Первое было от Джейсона Тингли.

«Я нужен тебе завтра или я могу поехать играть в гольф?»

Второе пришло с незнакомого номера. Она открыла его.

«Привет Мистер-с-Глазами-Пола-Ньюмана! Я бы хотела как-нибудь отблагодарить вас должным образом за то, что вы спасли мне жизнь!»

Рой Грейс настроил нужную температуру воды и, прежде чем зайти в душ, спросил:

— Что-нибудь важное?

— Джейсон Тингли хочет завтра поиграть в гольф. А Гея хочет заняться с тобой сексом.

Он улыбнулся и задернул шторку душа.

Пять минут спустя он вернулся в спальню, облаченный в обернутое вокруг бедер полотенце. Клио примеряла новое просторное платье цвета морской волны. Она выглядела сногсшибательно.

— Что ты думаешь? Это или вон то, черное? Или то бежевое, которое тебе нравится?

Он не мог вспомнить ни черное, ни бежевое.

— Это выглядит просто потрясающе.

— А какие туфли?

— А тебе какие нравятся?

— Ну, каблуки я сейчас носить не могу. Так что с Геей мне сложно тягаться, так ведь? — В ее голосе сквозило непривычно много сарказма.

— Эй, да ладно тебе! — Он взял телефон, прочитал сообщение и с гордостью улыбнулся. Не каждому копу выпадает удача получить эсэмэску от звезды мирового масштаба. Да еще с поцелуйными смайликами в придачу.

— Ну, так что ты? — спросила она.

— А что я?

— Ты бы переспал с ней, если бы выдалась такая возможность? — Она как-то странно смотрела на него.

— Да не придумывай ты! Конечно же нет! Перестань, давай не будем об этом.

Он взял в руки брошюру об «альфа-ромео», лежавшую на прикроватном столике, и начал листать ее, лишь бы не встречаться с Клио взглядом. Он остановился на странице с «Джульеттой» и с тоской уставился на машину.

Клио заглянула ему через плечо.

— Делай то, что велит тебе сердце, — сказала она. — Тебе же нравится эта машина?

Он пожал плечами.

— Да.

— Ты едва не умер черт знает сколько раз за свою карьеру, а она еще далеко не закончена. До старости ты вряд ли доживешь, так что давай, сделай себе подарок, пока можешь. Наслаждайся!

— Идея, конечно, соблазнительная…

— Она пойдет тебе. Да и, Мистер-с-Глазами-Пола-Ньюмана, Гея подумает, какой ты крутой.

121

В течение следующей недели, к вящему облегчению Роя Грейса, тема спасения Геи плавно перекочевала с обложек газет и журналов на последние страницы, а потом и затихла вовсе, хотя подколки со стороны его друзей и коллег не прекращались. Постепенно он уменьшил состав группы операция «Икона» до того, что утром следующей пятницы на собрании присутствовали только он сам, Гленн Брэнсон, Норман Поттинг, Белла Мой, Ник Николл и еще пара человек.

Им предстояло проделать еще кучу работы. Собирать показания, подготовить заключения о смерти Дрейтона Уилера и Майлза Ройса. Тем временем они ежедневно получали сведения о состоянии Эрика Уитли, находившегося в отделении реанимации Королевской окружной больницы Суссекса под охраной полиции.

Грейс не удержался и показал сообщение от Геи своим коллегам, что сделало его мишенью для едких, но все же беззлобных шуток по этому поводу.

— Как там поживает ваша новоиспеченная возлюбленная, шеф? — поинтересовался Норман Поттинг.

— Насколько мне известно, она уже неделю как на съемочной площадке. Спасибо, что спросил, Норман. Она молодец.

— Не сомневаюсь! — ответил Норман, ехидно ухмыляясь.

— Да оставь ты уже, Норман! — перебил его Гленн Брэнсон. В последнее время Грейс заметил какое-то странное напряжение между этими двумя. Но его друг упорно отказывался говорить об этом всякий раз, когда Грейс пытался поднять эту тему, распивая с ним пинту-другую пива после работы. Еще он пару раз замечал, что Поттинг и Белла порой как-то хитро переглядываются.

Не может же между ними что-то быть? На его взгляд, Поттинг был самым физически непривлекательным мужчиной, с которым ему когда-либо доводилось сталкиваться. Белла ведь может найти кого-нибудь в сто раз краше.

С другой стороны, ему было в равной степени непонятно, что могла найти одна из величайших и сексуальнейших рок- и кинозвезд в простом полицейском из Брайтона. Тем не менее он продолжал получать все более кокетливые сообщения от Геи. Нейтральный и сдержанный тон его ответов, казалось, не имел для нее никакого значения. Двусмысленность ее реплик нарастала день ото дня.

Само собой, ему это льстило. Сообщения Геи слишком возвышали его в собственных глазах, чтобы у него поднялась рука удалить их. Но они никоим образом не могли повлиять на его любовь к Клио. Он несколько раз размышлял о том вопросе, который она задала ему на прошлой неделе в их спальне. Переспал бы он с Геей, будь у него такая возможность?

Его ответ на этот вопрос был отрицательным. Твердое нет.

Следующим утром он поехал в свой дом, чтобы проверить, в каком состоянии он находится. Иногда его ставший перманентным жилец Гленн Брэнсон держал его в чистоте и уюте, а порой дом выглядел так, словно по нему прошлась стая гиен. Еще он не слишком полагался на своего друга в надежде, что тот не забудет кормить его любимую рыбку Марлона.

Он припарковался перед домом около десяти утра, кивнул Норин Гринстед, своей соседке напротив, местной семидесятилетней остроглазой сплетнице, вечно торчавшей снаружи своего дома, якобы прибираясь в саду. На этот раз она надраивала до блеска свой и без того идеально чистый «ниссан».

Грейсу очень не хотелось завязывать с ней беседу о последних событиях, и уж тем более обсуждать жизнь соседей по улице, что частенько случалось, стоило ему с ней заговорить. Он съехал отсюда, из этого дома, в который Сэнди просто влюбилась много лет назад. Сейчас они с Клио искали новый дом и в эти выходные решили воспользоваться возможностью, чтобы посмотреть дома в городе и в пригородах.

Грейс прошел по тропинке и зашел внутрь через парадную дверь.

— Здорово, приятель! — громко поздоровался он, словно предупреждая Брэнсона о своем присутствии на случай, если он сейчас занят, ублажая какую-нибудь красотку. По

крайней мере, Грейс всякий раз на это надеялся, потому что переживал за Гленна, страдающего от своего ужасного брака.

Тишина была ему ответом. Грейс знал, что по выходным Гленн любит подольше поспать, а потом пойти в «качалку» или после обеда покататься на велосипеде, который он недавно для себя открыл.

Он нагнулся и поднял с коврика стопку корреспонденции, проглядывая ее по пути на кухню. В свое время Сэнди очень модно отделала ее в стиле хайтек, но сейчас кухня выглядела несколько старомодно.

— Здравствуй, Марлон! Как поживаешь? — поприветствовал Грейс своего питомца, заглядывая в аквариум и с удовлетворением замечая, что в кормушке полно еды.

Рыбка, как и следовало ожидать, не обратила на него никакого внимания, медленно подплыла к поверхности и проглотила очередной комочек корма.

— Похоже, ты сегодня не в самом разговорчивом настроении? Как это не похоже на тебя.

Марлон сделал круг по аквариуму, и на мгновение их взгляды встретились. Затем рыбка снова подплыла к поверхности за новой порцией еды.

— Ничего страшного, дружище. Я на тебя не в обиде. У меня есть гораздо более сексуальный обожатель, чем ты. Ты будешь ревновать, если я скажу тебе, кто это?

В глазах рыбки не было ни малейшего намека на ревность. Грейс отвернулся и отложил в сторону рассылку от пиццерии, торгующей навынос, меню китайского ресторана и листовку от местного члена парламента от партии консерваторов Майка Уэзерли. Затем он принялся изучать письма. В коричневом конверте прислали уведомление о необходимости уплаты коммунального налога. Еще одно письмо было от Майшона МакКея, агента по недвижимости, чья табличка стояла на лужайке перед домом.

Грейс распечатал конверт и извлек из него письменный отчет о последних результатах. Стоило ему начать читать, как вдруг зазвонил мобильный телефон.

— Рой Грейс слушает, — ответил он.

— Мистер Грейс? Это Дэрран Уиллмор, от Майшона МакКея.

— Здравствуйте, — поздоровался он. — Я как раз читаю ваше письмо.

— Отлично, тогда… У меня есть кое-какие последние сведения, о которых я хочу вам сообщить.

— Слушаю.

— Ваш дом недавно смотрели потенциальные покупатели. Мать с сыном. Нам показалось, что она им заинтересовалась. Сейчас они живут на континенте, но хотят переехать в Брайтон. Кажется, у нее тут остались какие-то связи из прошлого.

— Отлично. Звучит интригующе.

— Да, кажется, все идет неплохо. Она хочет посмотреть дом еще раз.

«Отличные новости», — подумал Грейс, ломая голову, как рассказать это Гленну.

— Я подумала, вы будете рады это услышать.

— Так оно и есть, — заверил свою собеседницу Рой Грейс. — И момент самый подходящий.

122

Грейс был доволен тем, как продвигается дело Карла Веннера. Омерзительный жирный король триллеров и педофил, любитель часов марки «брайтлинг», похоже, получит по заслугам. Впервые за долгое время, к своему облегчению, Грейс провел целую неделю на посту дежурного старшего инспектора без единого серьезного преступления в Брайтоне и

Хоуве. Это значило, что в любое время дня и ночи он имел возможность отвезти Клио в больницу, когда у нее начнутся схватки.

Съемки «Королевской любовницы» должны были закончиться в окрестностях Брайтона через неделю и перенестись в студию «Пайнвуд». Удивительно, но они всего лишь на четыре дня отставали от графика. Сообщения от Геи прекратились, и Грейс почувствовал облегчение, хотя и не без примеси разочарования. Тем не менее он пару раз посещал съемочную площадку, и всякий раз Гея приветствовала его несколько более тепло, чем нового лучшего друга.

Эрик Уитли еще находился в реанимации под охраной полицейских, по мнению Грейса, тративших там впустую свое время, вместо того чтобы заниматься более важными делами.

Стоял полдень понедельника в конце июня, он как раз собирался домой, когда зазвонил мобильник. В трубке послышался голос с американским акцентом.

— Детектив Грейс? Вас беспокоит детектив Маймен из Лос-Анджелесского отдела по надзору за действиями полиции. Нам хотелось бы расставить все точки над «i» относительно Геи Лафайет и, в частности, покойного Дрейтона Уилера.

— Спасибо, что позвонили, конечно. Но я как раз над этим работаю.

— Процесс пошел бы гораздо быстрее, если бы вы могли отправить к нам кого-нибудь из своей команды. Тут дел всего на пару дней.

— К сожалению, наш бюджет сейчас несколько стеснен, — ответил Грейс.

— Нет проблем. Отделение полиции Лос-Анджелеса с радостью примет на себя расходы по перелету и позаботится о том, кто к нам приедет. Кто из вашей команды, по вашему мнению, лучше всего справится с этим? Быть может, вы сами?

Грейс задумался. Из-за опасений акушерки Клио придется лечь в родильное отделение Королевской окружной больницы Суссекса в следующий понедельник, чтобы ей сделали кесарево сечение. Принимая во внимание возможность того, что ей придется отправиться в больницу раньше, он никак не мог поехать в командировку лично. А вот Гленну смена обстановки вовсе не помешает, учитывая, что сейчас он выглядит особенно несчастным.

Грейс попрощался с Майменом, обещая перезвонить ему чуть позже. Как только он нажал на кнопку отбоя, телефон возвестил его о принятии нового сообщения.

«Привет, Мистер-с-Глазами-Пола-Ньюмана! В четверг вечером я свободна. На выходных я уезжаю из города. Могу я пригласить Вас в мой номер на прощальный коктейль?»

По четвергам он играл в покер с друзьями. Это было многолетней традицией, и он старался не пропускать эти встречи, когда тому не мешала работа. Возможно, он успеет быстро пропустить с ней по стаканчику перед тем, как присоединиться к друзьям. Сначала выпьет, а потом сядет поиграть.

123

В пятницу ночью, несмотря на усталость из-за событий последних недель и дела Карла Веннера, Рой почти не спал. Когда он бодрствовал, ворочаясь и взбивая подушку, не спала и Клио. Ребенок будто решил устроить вечеринку в ее животе.

Тем не менее к семи утра ему чудом удалось провалиться в глубокий сон и проспать до десяти утра субботы. Несмотря на заплетающиеся спросонья ноги, он натянул шорты, футболку и кроссовки и отправился на пробежку по любимому маршруту: к берегу моря, по Дворцовой набережной, затем к обществу любителей рыбной ловли возле Шорэмской гавани и обратно. Крюк протяженностью почти в пять миль.

Вернувшись домой, он разделся и, довольный, отправился в душ. Среди многих вещей, которые он любил в Клио, было умение правильно настроить душ. Дождевой режим, льющийся сверху на голову, струя, направленная на лицо, боковые струи. Грейс наслаждался

водным массажем, когда дверь в ванную распахнулась так неожиданно и резко, что ему показалось, будто она вот-вот сорвется с петель.

В дверном проеме стояла Клио, одетая в длинную футболку, сжимая в руках номер «Аргуса». Лицо ее было искажено гневом.

Грейс выключил воду и вышел из кабинки. Вода стекала с него прямо на пол.

— Так в покер ты поиграл удачно в четверг, верно?

Она размахивала газетой так, будто это было оружие.

— Ну, у нас скорее была ничья. Я же сказал тебе.

— Похоже, кое-что ты все-таки решил пропустить, Рой.

— И что же?

— Что же? Да вот, кое-что. Взгляни-ка на это! Возможно, это освежит твою память!

При виде главной первой страницы его душа ушла в пятки.

«ГЛАВНЫЙ КОП И ГЕЯ: НЕУЖЕЛИ ЭТО ЛЮБОВЬ?»

Под заголовком была фотография, явно снятая с помощью объектива-телевика, на которой были изображены Рой и Гея, стоящие бок о бок, выглядывая из окна ее номера в Гранд-отеле.

— Я могу все объяснить.

— И как же? — спросила она.

Ни разу за годы совместной жизни Рой не видел Клио такой разгневанной. Она выбежала из ванной. Рой взял полотенце и только принялся вытираться, когда она вернулась с развернутым свежим номером «Миррор». На главной странице красовался заголовок:

«ТАЙНЫЕ СВИДАНИЯ ГЕИ И БРАЙТОНСКОГО КОПА!»

Внизу была помещена снятая с дальнего расстояния фотография, похожая на ту, что была напечатана в «Аргусе», только на этой была запечатлена Гея, целующая Грейса в щеку.

Он прочитал первый абзац статьи:

«Чтобы отблагодарить лучшего копа Брайтона, детектива суперинтендента Роя Грейса, за предотвращение покушения на ее жизнь, приехавшая в Брайтон для съемок фильма „Королевская любовница" рок-легенда Гея приглашает его на тайные свидания в своем номере. Пара изображена в предвкушении романтического ужина при свечах».

— Это невероятно!

— Ты прав, — согласилась Клио. — Так оно и есть. Я даже подумать не могла, что ты способен на такое, Рой.

— Дорогая, послушай! Это все ерунда! Самый настоящий бред собачий! Я все могу объяснить!

— Отлично. Я вся внимание. Объясняй!

Внезапно она схватилась за живот и, резко побледнев, закричала от пронзившей ее боли.

— Рой! О господи! О господи!

124

Траурное объявление в «Аргусе» гласило:

«2 июля трагически скончался сразу после рождения Грейс Ной Джек.
Любимый сын Роя и Клио.
Частные похороны.
Приглашаются только близкие».

125

Грейс со слезами умиления на глазах наблюдал за тем, как Клио, сидя на кровати в родильном отделении Королевской больницы Западного Суссекса, качает на руках их сына. Розовое личико малыша сморщилось, глаза были закрыты, губки были похожи на крошечный бутон розы. Ко лбу прилипли кудрявые светлые волосики. Он был одет в светло-голубой комбинезон, украшенный изображением мышонка в полосатых шортиках.

Невероятно, думал он, не в силах оторвать взгляд от младенца. Его сын. Их ребенок. Рой Грейс вдохнул сладковатый аромат свежевымытой детской кожи и талька. Затем посмотрел на Клио. Ее волосы свободно разметались по плечам, а лицо было наполнено светлой материнской любовью и заботой.

Неожиданно зазвонил телефон. Ответив на звонок, Грейс отошел от кровати и выскользнул в коридор. Это был Гленн Брэнсон.

— Извини, старина, мы все ужасно расстроены.

— Расстроены? А что случилось?

— Знаешь, я подумал, что с малышом все в порядке, но потом увидел это в «Аргусе» сегодня утром. Как Клио?

— Подожди секунду, что ты увидел в «Аргусе»?

На мгновение повисло неловкое молчание.

— Как что? Некролог.

— Некролог?

— Ну да.

— Чей? Кто умер?

Возникала новая пауза.

— Твой ребенок. Ной Джек Грейс.

— Что?! Ты серьезно?

— Газета лежит на столе передо мной. Тут у нас все в слезах.

— Гленн, это ошибка! У нас, конечно, было несколько кошмарных дней. Ной родился с затрудненным дыханием, синдром влажных легких, как назвали это врачи. Они сомневались, что он выкарабкается. Но сейчас говорят, что дело идет на поправку. Сначала его интубировали и положили в кювез и ни мне, ни Клио не позволяли даже притрагиваться к нему. Сейчас с ним все в порядке, Клио держит его на руках. Надеемся, что скоро сможем забрать его домой.

— Так какой же поганец состряпал этот некролог? — спросил Гленн.

— Понятия не имею. Но это точно напечатали?

— Я же тебе сказал, газета лежит передо мной. Черным по белому напечатано.

— Черт! Сейчас выйду и в киоске куплю газету. Не думаю, что такое возможно. В некрологах таких ошибок не допускают, — мрачно произнес Грейс, чувствуя, как его начинает трясти.

126

Для Эмиса Смолбоуна свобода, среди прочих вещей, означала возможность наслаждаться маленькими земными радостями. Одна из них — сидеть за столом под аркадой на набережной, рядом с берегом, глазеть на море, Дворцовый пирс и проходящих мимо «телочек».

По ночам это место позволяет недурно наживаться сети наркоторговцев, которых он некогда контролировал, однако прекрасным летним утром здесь прогуливались лишь беспечные туристы, любующиеся великолепным пейзажем, побережьем, барами, кафе, магазинчиками и прочими приморскими достопримечательностями.

Было не так много вещей, которые доставляли ему такую радость, как первая чашка кофе со свежим номером газеты «Аргус». Особенно когда рядом на уровне глаз проходят туда и обратно нескончаемые вереницы полуодетых девушек. Сжимая в зубах сигарету, от которой вьется дымок, он перелистывал страницы газеты, понимая, что еще несколько лет этот город не отпустит его от себя. Он нашел интервью со старшим констеблем, в котором тот признался в урезании расходов на полицию, которые ему пришлось осуществить. Это интервью Эмис прочитал с особым удовольствием. Встретилась ему и статья о новой больнице. Далее в газете была заметка о рейде полиции, подготавливаемом десять месяцев, в результате которого было арестовано несколько наркоторговцев. Парочку из них Эмис знал лично.

Его глаза удивленно расширились, когда он внимательно прочитал эту заметку. Неужели здесь открывается новая коммерческая возможность? Затем он добрался до страницы, которая всегда интересовала его больше всего. Раздел «объявления». Он стал просматривать некрологи. Эту колонку Эмис никогда не пропускал, потому что хотел знать, кого пережил и о ком ему больше не стоит беспокоиться. Но сегодня в ней напечатано нечто особенное.

Ей нравился аэропорт Гатуик. Он был более удобен для Брайтона, чем Хитроу, и здесь имелись прямые рейсы авиакомпании easyJet в Мюнхен. Пройдя паспортный контроль и держа за руку десятилетнего сына, она отправилась в зону беспошлинной торговли. Мальчик сразу потащил ее в магазин «Диксонс», где она купила новую программу для игровой приставки, доставив ему тем самым огромную радость.

Единственным удачным событием последнего десятилетия было успешное вложение денег, неожиданно доставшихся ей в наследство от тетки. Это позволило избавиться от контроля безумного Ганса-Юргена. Сейчас она состоятельная женщина. Правда, богатство — вещь относительная. Однако у нее оказалось достаточно средств для покупки дома и любых вещей для сына, не считаясь при этом с расходами.

Выйдя из «Диксонс», она направилась к киоску, торговавшему книгами и газетами.

— Хочу купить газет на тот случай, если в самолете их не дают.

Затем она по-немецки спросила сына, не желает ли он что-нибудь почитать по пути в Мюнхен:

— Möchste Du etwas zum lesen?[15]

Тот равнодушно пожал плечами, увлеченно рассматривая инструкцию к компьютерной программе.

Она взяла с полки номер «Аргуса», открыла его и принялась с интересом просматривать страницы.

127

В среду утром Грейс отвез Клио и Ноя домой. Клио сидела на заднем сиденье «форда-фокуса». Малыш был пристегнут ремнем к детскому креслу, специально установленному в автомобиле. Грейс не часто в своей жизни испытывал такую радость от полноты и богатства человеческой жизни, как сейчас. Он почувствовал комок в горле. На глаза предательски навернулись слезы, когда он проехал мимо Королевского павильона. Теперь, когда машины съемочной группы разъехались, он казался необычно пустынным и тихим. Казалось, что вспышка ревности Клио осталась в далеком прошлом. Она поняла, что это была всего лишь невинная встреча Роя с кинозвездой.

Грейс посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел, что она улыбается ему. Клио послала ему воздушный поцелуй. Он ответил ей улыбкой.

Некролог в «Аргусе» до сих пор оставался загадкой. По всей видимости, объявление было отправлено с таксистом, которого так и не удалось найти. В конверте оказался текст, отпечатанный на бланке местной похоронной конторы. Как выяснилось впоследствии, это была фальшивка. Конечно, у Грейса имелся главный подозреваемый, да вот только поверить в это означало признать, что Эмис Смолбоун либо невероятно глуп, либо невероятно дерзок.

Ной пискнул, как будто тоже выражал радость от своего первого в жизни возвращения домой. Этот звук заставил Грейса подумать о сложности великой задачи, ожидающей его. Ему предстоит воспитывать ребенка и защищать его от бед и тревог окружающего мира, который так же темен и опасен, как и раньше. Возможно, он таким всегда и останется.

Рой вспомнил слова, которые ему много лет назад сказал тогдашний главный констебль, пригласивший его на беседу через несколько ужасных недель после того, как исчезла Сэнди. Его начальник оказался на удивление высокодуховной личностью. Он сказал то, что Рой никогда не забудет.

В тяжелые минуты эти слова неизменно помогали Грейсу, придавали ему силы.

Свет может сиять только во тьме.

Благодарности

Как всегда, хочу выразить благодарность людям, которые любезно и терпеливо отвечали на мои бесконечные вопросы и щедро дарили мне свое свободное время. Более всего я обязан полиции Суссекса. Моя первая благодарность главному констеблю Мартину Ричардсу за его неоценимую помощь и огромный вклад в дело написания этой книги.

Ушедший в отставку старший детектив суперинтендент Дэвид Гейлор, вдохновивший меня на создание образа Роя Грейса, постоянно помогает мне понять образ мыслей полицейского, служащего в уголовной полиции, подсказывает правильные описания действий Роя Грейса. Благодаря ему я и пишу книги этой серии.

Старший суперинтендент Грэм Бартлет, начальник полиции Брайтона и Хоува, также во многом помог мне в создании данной книги. Старший инспектор Тингли был главной звездой и помог мне как в творческом, так и процедурном плане раскрыть многие аспекты этой истории. То же самое я могу сказать и об инспекторах Нике Слоуне, Треворе Боулсе и Энди Килле.

Я в неоплатном долгу перед детективом суперинтендентом Энди Гриффитом, полицейским территориальной группы поддержки городской полиции Мартином Лайтом, инспектором Уильямом Уорнером, сержантом Филом Тейлором и Реем Пэкемом, инспектором Джеймсом Бриггсом, полицейскими Тони Омотосо и Саймоном Бейтсом, сержантом, ушедшим в отставку, экспертом-криминалистом Лорной Деннисон-Уилкинс, инспектором Эммой Брайс, сержантом Малькольмом Бекингемом и служащим учебного центра Джоном Шериданом, Крисом Хивером, Мартином Блумфилдом, Сью Херд из отдела по связям с общественностью, Нейлом Холлом и Джоном Викерстаффом.

Большое спасибо офицеру пожарной инспекции Тиму Иди, Кэти Берк из пожарной службы Западного Суссекса, Дейву Филипсу и Вики Сил из службы скорой медицинской помощи юго-восточного побережья.

Особая благодарность полиции Нью-Йорка, детективу Патрику Лэнигану, детективу Джеффу Данну и помощнику начальника полиции Лос-Анджелеса Майклу Муру. Спасибо Роберту Дарвеллу и Филиппу Филибосиану из Шепперд-Маллин.

Как всегда, выражаю признательность Шону Дидкотту из морга Брайтона и Хоува, а также патологоанатому Хоува доктору Марку Ховарду, доктору Найджелу Киркэму, консультанту-патологоанатому из Ньюкасла, старшему дактилоскописту Дейву Чарльтону, криминалисту Джеймсу Гартрелу, Трейси Стокер, врачу-ортопеду Гайдну Келли, археологу-криминалисту Люси Сибан и судебному патологоанатому доктору Бенджамину Свифту,

служащему коронера Тони Белдаму, Алану Сеттерингтону из полиции Льюса. Спасибо главному редактору брайтонского «Аргуса» Майклу Бирду, моим превосходным психологам-исследователям Таре Лестер и Никки Митчелл, акушерке-консультанту Дес Холден, Робу Кемпсону, Питеру Уингейт-Солу, Розалинде Бриджес, Анне Мамби и Сери Гленн за их советы по жизни фанатов различных селебрити, Клер Хорн из «Тревел Каунселлорс», Хилари Уилтшир, эксперту-пиротехнику Майку Сэнсому, Валери Пирс, главе городских служб муниципалитета Брайтона и Хоува, Эндрю Мосли из Гранд-отеля, Кейту Уинтеру из фермы Стоунри, Эндрю Кею.

Я очень благодарен доктору Лоррейн Белл за разрешение процитировать отрывки из ее информативной книги «Управление главными эмоциями и преодоление саморазрушительных привычек», опубликованной в 2003 году издательством «Браннер-Ратледж», Хоув, Восточный Суссекс.

Группа сотрудников Королевского павильона вряд ли могла бы быть более дружелюбной и готовой прийти на помощь. Я чрезвычайно благодарен Дэвиду Биверсу, хранителю Королевского павильона, Луизе Браун, управляющей вспомогательными службами, Александре Лоске, гиду Королевского павильона, и Роберту Йетсу, главе фонда по сбору денежных средств, за неоценимую помощь и доступ в это удивительное здание.

Мне также хотелось бы отметить, что во время работы над этим романом я допустил некоторый художественный вымысел в описании отдельных элементов внешнего вида и интерьера, украшений, правил безопасности и общего состояния здания, а также в отношении определенных исторических фактов. То же самое касается в известной степени и описания фермы Стоунри.

Если вам, как и мне, нравится Королевский павильон, и вы можете оказать ему финансовую помощь, прошу вас зайти в Интернет по следующему адресу: www.pavilionfoundation.org

Как всегда, не могу не поблагодарить Криса Уэбба из «Мак-Сервис», который никогда не подводил меня, даже если временами и зависал в отдельных далеких уголках земного шара…

Выражаю также благодарность Анне-Лизе Линдеблад, которая в очередной раз стала моим неутомимым, прекрасным «неофициальным» редактором и комментатором всей серии книг о Рое Грейсе; Сью Энселл, которая вычитывала все написанные мной книги и помогала мне при их написании; Мартину и Джейн Диплок, Джой Дела Крус.

В лице Кэрол Блейк я заполучил превосходного агента и великого друга. Кроме того, я счастлив, что у меня есть команда мечты в лице Тони Малликен, Софи Рэнсом и Клер Ричмен из агентства «Мидас». Здесь просто нет места, чтобы высказать надлежащую благодарность всем сотрудникам издательства «Макмиллан», но должен особо выделить из них моего великолепного директора Уэйна Брукса, необычайно терпеливую Сьюзан Опи и моего литературного редактора Джона Инглиша, а также моего великого американского редактора Марка Резника. Огромная, бесконечная благодарность моей блистательной помощнице Линде Бакли.

Хелен, как всегда, была чрезвычайно любезна и терпелива, мудра и критична. Она также неизменно старалась ободрить меня. Мои три собаки, Феба, Оскар и Коко, всегда лежали рядом со мной и ждали, когда я выведу их на прогулку сразу после того, как встану из-за письменного стола…

Должен выразить благодарность и всем вам, мои дорогие читатели. Вы всегда поддерживали меня. Для меня огромная радость писать для вас. Не забывайте заглядывать в электронную почту, Твиттер, Фейсбук и блоги по этим адресам:

scary@pavilion.co.uk

www.peterjames.com

www.facebook.com/peterjames.roygrace

www.twitter.com/peterjames.uk

Питер Джеймс
Суссекс, Англия

Примечания

1

Дик Шит *(сленг)* — человек, у которого ничего нет, в более грубом значении — крайне неприятное событие. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

2

Букв, курица с вином *(фр.).*

3

Принни — уменьшительное от «принц».

4

Смолбоун — так пренебрежительно называют мужской половой орган скромного размера. *Букв,* маленькая косточка *(англ.).*

5

Mr. Pleasant, Mr. Unpleasant — *букв.* Мистер Приятный и Мистер Неприятный *(англ.).*

6

Красивая золотая рыбка *(нем.).*

7

Настоящее сокровище *(нем.).*

8

Почему ты называешь ее Марлоном, мама? *(нем.)*

9

Милый *(нем.).*

10

Манки — 500 фунтов.

11

Почему эта тетя такая толстая? *(нем.)*

12

Мама, мне скучно *(нем.).*

13

Дорогой, мы в Англии. Говори по-английски! *(нем.)*

14

Очень хорошо! *(нем.)*

15

Хочешь что-нибудь почитать? *(нем.)*